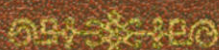

Б. Н. Флоря

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПРОГРАММА
А. Л. Ордина-Нащокина
и попытки
ее осуществления**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Б. Н. Флоря

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПРОГРАММА
А. Л. Ордина-Нащокина
И ПОПЫТКИ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ**

МОСКВА «ИНДРИК» 2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Ф 73

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 13-01-16025д)*

Флоря Б.Н.
**Внешиполитическая программа А.Л. Ордина-
Нащокина и попытки ее осуществления.** —
М.: «Индрик», 2013. — 448 с.

ISBN 978-5-91674-267-1

Книга посвящена исследованию внешней политики России в 60-е годы XVII в. В это время выдающийся государственный деятель допетровской России А.Л. Ордин-Нащокин выдвинул свою программу решения стоявших перед Русским государством внешнеполитических проблем. В работе дан анализ этой программы, показаны усилия А.Л. Ордина-Нащокина, направленные на получение одобрения программы царем и его советниками и претворение ее в жизнь, а также установлены причины, по которым А.Л. Ордину-Нащокину не удалось осуществить свои обширные планы. В монографии использованы документальные материалы из разных фондов русского ведомства иностранных дел — Посольского приказа и фрагменты личного архива А.Л. Ордина-Нащокина.

© Текст, Флоря Б.Н., 2013

© Оформление,

Издательство «Индрик», 2013

ISBN 978-5-91674-267-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1 ЛЬВОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО А.Л. Ордина-Нащокина	12
ГЛАВА 2 «О МИРУ ВЕЛИКОЙ РОССИИ С ПОЛШЕЮ»	40
ГЛАВА 3 СЪЕЗД В ДУРОВИЧАХ	56
ГЛАВА 4 ПОСРЕДНИКИ	84
ГЛАВА 5 НА ПУТЯХ К АНДРУСОВУ	104
ГЛАВА 6 АНДРУСОВО	142
ГЛАВА 7 ПОСОЛЬСТВА В ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ И В ИРАН ..	196
ГЛАВА 8 РОССИЯ, РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И ИХ ЮЖНЫЕ СОСЕДИ В 1667 Г. МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР	218
ГЛАВА 9 УКРАИНСКОЕ ВОССТАНИЕ	292
ГЛАВА 10 «БЕСКОРОЛЕВЬЕ» В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И РОССИЯ	376
ГЛАВА 11 НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СЪЕЗД	418
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	430
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	441

ВВЕДЕНИЕ

В истории внешней политики допетровской России 60-е годы XVII в. занимают особое место. К началу 60-х гг. Русское государство столкнулось с серьезными трудностями при попытках решения главных проблем, стоявших перед ним на западном, а отчасти и на южном направлении. Актуальным становился вопрос о поисках новых путей решения этих проблем. Ответ на возникшие вопросы дал в 60-е гг. XVII в. выдающийся государственный деятель допетровской России А.Л. Ордин-Нащокин, который разработал и предложил царю Алексею Михайловичу свою программу русской внешней политики по ее основным направлениям, предусматривавшую как раз новые подходы к решению традиционных проблем. Эта программа стала на некоторое время внешнеполитической программой Русского государства, а А.Л. Ордин-Нащокин — руководителем русской внешней политики.

О существовании у А.Л. Ордина-Нащокина особой внешнеполитической программы, о его спорах со сторонниками иных точек зрения писали уже в XIX в. С.М. Соловьев, В.С. Иконников, В.О. Ключевский¹. Документ, содержащий главные положения этого плана, записку, поданную царю в конце 1663 или начале 1664 г., опубликовал уже во второй

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 6. С. 162–170, 173–185 и др.; Иконников В.С. Ближний боярин А.Л. Ордин-Нащокин // Русская старина. Т. XL. 1883; Ключевский В.О. Сочинения. Т. III // Курс русской истории. Ч. III. М., 1988. Лекция LVII. С. 320 и сл.

половине XX в. саратовский исследователь И.В. Галактионов². В нескольких статьях и небольшой книге³ исследователь попытался дать характеристику внешнеполитической программы А.Л. Ордина-Нащокина, очертить ход его борьбы с противниками его взглядов во время долгих мирных переговоров с представителями Польско-Литовского государства; проанализировал он и некоторые важные аспекты деятельности А.Л. Ордина-Нащокина, когда после заключения Андрусовского перемирия он стал главой Посольского приказа — русского ведомства иностранных дел⁴.

И.В. Галактионов всю жизнь собирал источники о дипломатической деятельности А.Л. Ордина-Нащокина, но из-за скромных возможностей издательского центра в Саратове смог ввести в научный оборот далеко не весь известный ему материал, не всегда мог подкрепить свои заключения детальным разбором документов, вышедших из-под пера А.Л. Ордина-Нащокина. Ценность его работ снижает также убеждение автора, что в происходивших спорах А.Л. Ордин-Нащокин постоянно был прав, а его оппоненты, как правило, ошибались. Кроме того, ряд важных аспектов деятельности А.Л. Ордина-Нащокина как руководителя Посольского приказа остался за пределами внимания И.В. Галактионова. Наконец, саратовский исследователь не предложил своего объяснения того, почему А.Л. Ордину-Нащокину не удалось осуществить так тщательно обдуманнные им планы.

² *Галактионов И.В.* К истории Андрусовского перемирия 1667 г. // Исторический архив. 1959. № 6. С. 85–89.

³ *Галактионов И.В.* Из истории русско-польского сближения в 50–60 годах XVII века (Андрусовское перемирие 1667 г.). Саратов, 1960. См. также: Россия и Польша накануне переговоров в Андрусове // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 18. М., 1959; Россия и Речь Посполитая на заключительном этапе русско-польской войны третьей четверти XVII века // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993.

⁴ *Галактионов И.В.* Украина в дипломатических планах России, Польши, Крыма, Турции в конце 60-х годов XVII века // Славянский сборник. Вып. 3. Саратов, 1985.

Всё это делает оправданным повторное обращение к данной теме. Ее исследование может показать, как русская политическая мысль усиленно размышляла над решением ряда кардинальных проблем русской внешней политики в условиях сложной международной и внутривнутриполитической ситуации и когда Русское государство всё более активно вовлекалось в европейскую международную жизнь.

В различных фондах Российского государственного архива древних актов содержатся многочисленные адресованные царю записки А.Л. Ордина-Нащокина, в которых дипломат не только выдвигал определенные предложения, но и обосновывал их обширной и разнообразной аргументацией. Особо следует отметить наличие в распоряжении исследователей фрагментов личного архива А.Л. Ордина-Нащокина. Часть таких материалов была доставлена в Москву после его смерти во Пскове. Один сборник сохранился в составе Погодинского собрания в РНБ. Наряду с текстами записок царю, некоторые из которых в официальной документации не сохранились, они содержат заметки, которые дипломат делал для себя, — оценки событий, соображения о том, что следует сделать. Следует отметить, что ни для одного государственного деятеля допетровской России мы подобными материалами не располагаем. Эти записки и заметки дают надежное основание для того, чтобы реконструировать его систему взглядов и проследить, как она менялась во времени. Обширная официальная документация позволяет судить о том, как планы и предложения А.Л. Ордина-Нащокина претворялись в его конкретной дипломатической деятельности, какие препятствия при этом приходилось преодолевать. Ряд важных материалов для освещения и дипломатической деятельности А.Л. Ордина-Нащокина, и русской внешней политики 60-х гг. XVII в., не привлечших пока к себе внимания исследователей, содержится также в архивных делах русского военного ведомства — Разрядного приказа.

Хотя основные положения внешнеполитической программы А.Л. Ордина-Нащокина в том виде, как они были предложены царю в конце 1663 — начале 1664 г., общеизвестны, до сих пор отсутствует критический анализ всей той

обширной аргументации, которой дипломат обосновывал эти положения не только в изданной записке, но и в ряде документов, отложившихся в разных фондах Посольского приказа и в личной канцелярии царя — Приказе Тайных дел. Этот конкретный анализ может показать слабые и сильные стороны тех расчетов, на которых эти планы строились, и дать объективную оценку их реальности. Эта группа документов дает также возможность ответить на вопрос, как представлял себе А.Л. Ордин-Нащокин место России в системе европейских международных отношений — вопрос, которому в научной литературе пока не уделялось серьезного внимания.

Важной задачей для научного исследования (несмотря на наличие специально посвященных этой теме работ И.В. Галактионова) является объективная оценка роли этого государственного деятеля на продолжавшихся несколько лет русско-польских переговорах, которые привели к заключению Андрусовского перемирия 1667 г. и существенному изменению характера отношений между Россией и ее в то время главным западным соседом — Польско-Литовским государством. До сих пор остается не вполне ясным, какие цели ставил А.Л. Ордин-Нащокин на переговорах и в какой мере ему их удалось достичь, кто оказался более правым в спорах, происходивших в эти годы в русских правящих кругах, — А.Л. Ордин-Нащокин или его оппоненты в Боярской думе и Посольском приказе. Нет четкого ответа и на вопрос, что именно в инициативах А.Л. Ордина-Нащокина привлекло к себе внимание царя и побудило его сделать псковского дворянина руководителем русской внешней политики.

Если дипломатическая деятельность А.Л. Ордина-Нащокина в 1660–1667 гг. еще в определенной степени изучалась, то его деятельность на посту руководителя русской внешней политики в 1667–1668 гг., когда он пытался осуществить на практике свою внешнеполитическую программу, остается недостаточно освещенной.

Так, общеизвестно, что после заключения Андрусовского перемирия в целый ряд европейских государств, Османскую империю и Иран были почти одновременно

направлены русские посольства. Некоторым из этих посольств (как, например, посольству П.И. Потемкина во Францию и Испанию) были даже посвящены специальные исследования, но до сих пор нет характеристики задуманной беспрецедентной в русской дипломатической практике акции в целом, не раскрыта ее связь с внешнеполитической программой руководителя Посольского приказа.

До сих пор в сознании исследователей русской истории XVII в. сохраняется представление, что А.Л. Ордин-Нащокин был сторонником борьбы со Швецией за выход к Балтийскому морю и считал, что можно отказаться от Украины ради мира и союза с Речью Посполитой. Между тем еще В.О. Эйнгорн в конце XIX в.⁵ показал, что главные усилия А.Л. Ордина-Нащокина после заключения Андрусовского перемирия были направлены на благоприятное для России решение украинской проблемы, и именно неудача, постигшая его на этом направлении, стала причиной его ухода из политической жизни. В.О. Эйнгорну остался неизвестным ряд материалов из фонда «Сношения России с Польшей», которые позволяют с достаточной полнотой судить о планах решения украинской проблемы, выдвинутых А.Л. Ординым-Нащокиным в 1667–1668 гг. Исследование исходивших от него документации и заметок, оставленных им для себя, показывает, на каких расчетах эти планы основывались. Уже В.О. Эйнгорн поднял важный вопрос об ошибках, допущенных А.Л. Ординым-Нащокиным в его политике по отношению к Левобережной Украине. Изучение материалов, характеризующих политику западных и южных соседей России, а также настроения разных сил в украинском обществе, позволит дать ответ на вопрос, в чем эти расчеты оказались ошибочными и почему планы не могли быть реализованы.

На время, когда А.Л. Ордин-Нащокин стоял во главе Посольского приказа, пришлось такое важное событие, как

⁵ *Эйнгорн В.О.* Отставка А.Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1897. Ноябрь.

«бескоролевье» в Речи Посполитой, наступившее в 1668 г. после отречения короля Яна Казимира. От того, кто будет избран его преемником, в немалой мере зависела будущая внешнеполитическая ориентация Польско-Литовского государства. В научной литературе получила распространение точка зрения, основанная, впрочем, на собственных высказываниях А.Л. Ордина-Нащокина, что глава Посольского приказа выступал против выдвижения на выборах русского кандидата. Однако польский исследователь З. Вуйцик, основываясь на материалах польских источников, привел ряд свидетельств, рисующих роль русского канцлера в ином свете⁶. Вопрос о русской внешнеполитической линии во время «бескоролевья» и о роли А.Л. Ордина-Нащокина в ее осуществлении заслуживает также специального исследования, как и то, как исход «бескоролевья» повлиял на положение главы русской внешней политики.

Изучение комплекса материалов, связанных с изучением выработки внешнеполитической программы А.Л. Ордина-Нащокина и попыток ее осуществления, дает важный материал для постановки вопроса о том, как правящая элита допетровской России (в лице ее выдающегося представителя) представляла себе главные внешнеполитические проблемы, стоявшие перед ней, и способы их решения, как эти представления были связаны с общим уровнем знаний о европейских государствах, Османской империи, Иране и их политике.

⁶ Wójcik Z. Między traktatem andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968. S. 126 i n.

ЛЬВОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО
А. Л. ОРДИНА-НАЩОКИНА

Начало 60-х гг. XVII в. стало тяжелым временем для Русского государства. Долгая, продолжавшаяся уже шестой год, война с Речью Посполитой стала принимать неблагоприятный оборот, когда Польско-Литовскому государству удалось в мае 1660 г. заключить мир с другим своим противником — Швецией. В развернувшихся летом-осенью 1660 г. военных действиях русские войска потерпели крупные неудачи в Белоруссии и на Украине. Были утрачены территории Велико-го княжества Литовского на запад от Березины и Правобережная Украина. Для пополнения понесшей значительные потери армии в 1660 г. был проведен набор «даточных людей», но нужно было время для того, чтобы вчерашние крестьяне могли стать полноценной военной силой. Продолжение войны ставило перед необходимостью увеличения налогового бремени. В 1662 г. было принято решение о сборе нового чрезвычайного налога — «пятины». Такая политика вела к усилению народного недовольства, ярким проявлением которого стал разразившийся в Москве 25 июля 1662 г. «медный бунт». Правда, в этой тяжелой ситуации было одно облегчающее обстоятельство. Войско Речи Посполитой перестало повиноваться власти и отказалось вести войну, пока ему не выплатят не выданное жалованье за предшествующие годы. Однако такое положение дел должно было закончиться, когда правительству Речи Посполитой удастся найти со своим войском общий язык.

В таких неблагоприятных условиях ближайшей конкретной задачей для русских политиков стало добиться для себя хотя бы кратковременной передышки, прекраще-

ния военных действий со стороны Речи Посполитой. Уже в декабре 1660 г. в Москве было принято решение отправить в Речь Посполитую посланников, чтобы заключить перемирие — «самое малое на год»¹. Посланники, Замятня Леонтьев и Лукьян Голосов, выехали в Речь Посполитую в начале 1661 г.² На переговорах в Вильно русские посланники выступили с предложением о заключении трехлетнего перемирия, действие которого распространялось бы и на союзников Речи Посполитой — татар³. Во время этого перемирия предлагалось провести переговоры о заключении «вечного мира» между государствами. В декабре 1661 г. с аналогичными предложениями в Варшаву был направлен новый посланник А.И. Нестеров⁴.

Понимая намерения русской стороны, польско-литовские политики отказались заключить перемирие⁵. Вместе с тем они дали согласие начать переговоры об условиях «вечного» мира, и сеймом 1661 г. были назначены комиссары — представители Речи Посполитой, которым было поручено вести такие переговоры⁶. В сентябре 1661 г. Ян Казимир предложил Алексею Михайловичу выслать своих представителей для участия в таких переговорах⁷, но в Варшаве не намерены были заключать перемирие на время переговоров⁸. В ответ на предложения Яна Казимира Алексей Михайлович назначил своих представителей во главе с кн. Н.И. Одоевским⁹, но предварительным условием для ведения мирных

¹ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1661 г. № 9. Л. 4–6.

² Там же. Л. 11–12.

³ *Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 93.*

⁴ РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 18. Л. 1.

⁵ *Галактионов И.В. Россия и Польша накануне переговоров в Андрусове // Ученые записки Института славяноведения. Т. 18. М., 1959. С. 215–216; Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 97, 116.*

⁶ *Ibid. S. 101–102.*

⁷ *Ibid. S. 108.*

⁸ Как заявляли сенаторы на переговорах с А.И. Нестеровым, «мочно и в малом времени договор учинить о вечном покое и без перемирья» (РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 18. Л. 56, 96–97).

⁹ *Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 108.*

переговоров в Москве считали заключение перемирия¹⁰. Тем самым переговоры между сторонами зашли в тупик. В таком положении в Москве было принято решение о посылке А.Л. Ордина-Нащокина в Речь Посполитую.

Когда было принято решение отправить в Речь Посполитую А.Л. Ордина-Нащокина с особо важной миссией, установил И.В. Галактионов¹¹. При отпуске находившегося в русском плену гетмана В. Госевского из Москвы в марте 1662 г. на приеме у царя ему в присутствии всей думы было заявлено, что Алексей Михайлович намерен отправить в Речь Посполитую А.Л. Ордина-Нащокина «для великих и тайных дел» и просит, чтобы ему верили, «как власным словам... царского величества»¹². Уже эти формулировки говорят о том, что имелась в виду особенно важная и ответственная миссия. Однако если такое решение и было принято, то было неизвестно, как отнесутся к этому предложению власти Речи Посполитой. К тому же еще до получения ответа из Варшавы на пути будущего посольства возникло одно препятствие. Земли, через которые должно было ехать посольство, контролировало фактически не подчинявшееся властям Речи Посполитой литовское войско. Гетман В. Госевский, ознакомившись с положением дел на землях, занятых войском, писал А.Л. Ордину-Нащокину, что тому не следует отправляться в дорогу, «покамест на тои границе инои прииманья послов, посланников и гонцов порядок не постановится»¹³.

Положение прояснилось лишь к началу августа 1662 г., когда королевский гонец Стефан Медекша, один из приближенных гетмана В. Госевского, привез грамоту Яна Казимира, в которой говорилось, что А.Л. Ордину-Нащокину не только будет обеспечен свободный проезд, но и ему ока-

¹⁰ См. соответствующие заявления А.И. Нестерова (РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 18. Л. 54–55, 63, 94–95).

¹¹ *Галактионов И.В.* Россия и Польша... С. 217.

¹² РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 25. Л. 34–35 (текст грамоты Яна Казимира Алексею Михайловичу, составленный на основании сообщений гетмана).

¹³ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 7. Л. 203.

жут «великую честь, как годно великому послу»¹⁴. Кроме того, гонец привез и проезжую грамоту для А.Л. Ордина-Нащокина от 18 июня 1662 г. и аналогичный документ от Казимира Жеромского — «маршалка» — выборного главы литовского войска от 18 июля того же года¹⁵. Кроме того, С. Медекша привез письмо К. Жеромского Ф.М. Ртищеву, в котором выражалась надежда, что теперь «речи все до успокоенья пойдут лутче»¹⁶.

Теперь можно было приступить к подготовке инструкций для будущего «великого посла». В деле об отправке А.Л. Ордина-Нащокина сохранился ряд документов, показывающих, как шла работа по подготовке его миссии. На важность этих документов для изучения русского внешнеполитического курса в начале 60-х гг. XVII в. справедливо указал И.В. Галактионов, который и подверг их анализу¹⁷, но не со всеми наблюдениями и выводами саратовского исследователя можно согласиться.

Наиболее ранним из этих документов следует признать записку, помещенную на л. 9–13 дела. Никаких прямых указаний на авторство в этом тексте нет¹⁸, но анализ содержания позволяет с достаточно высокой степенью достоверности установить ее автора. Так, обращает на себя внимание помещенный в тексте записки выпад против неумелого «кормчего», который, «не зная по ветром стран, может ли повеления государя своего исполнити»¹⁹. Такой стиль весьма характерен для высказываний Афанасия Лаврентьевича о его постоянных оппонентах — дьяках Посольского приказа. В той же записке упоминается о том, что говорил ее автору о «обрании» Алексея Михайловича на польский трон гетман Голосевский, «едучи с Москвы, в Смоленске видевся»²⁰. 26 марта 1662 г. в Смоленске гетман встречался с русскими «великими

¹⁴ Там же. № 25. Л. 35 (перевод королевской грамоты).

¹⁵ Там же. Д. 78–82, 84–85 (переводы этих документов).

¹⁶ Там же. Л. 120–121.

¹⁷ *Галактионов И.В.* Россия и Польша... С. 218–220.

¹⁸ Галактионов не установил, кому она принадлежит.

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 9.

послами» Н.И. Одоевским и И.С. Прозоровским, но на этой встрече вопрос о «обращии» царя никак не затрагивался. Вечером в тот же день гетман встречался с А.Л. Ординым-Нащокиным, а на следующий день покинул Смоленск²¹. Все это позволяет достаточно определенно утверждать, что авторство данной записки принадлежит этому думному дворянину — советнику царя. Упоминание в тексте записки о приезде С. Медекши говорит о том, что записка была написана не ранее конца июля — начала августа 1662 г.²²

Записка началась с констатации того, что польско-литовская сторона хочет вести переговоры о заключении «вечного мира», «не откладывая на перемирье». Именно в связи с тем, что речь на переговорах должна была пойти именно о заключении «вечного мира», А.Л. Ордин-Нащокин привел высказывания гетмана Госевского, что «прекратить, де, та война обиранием, а иным приводить к миру тяжело»²³.

Как видно из последующего изложения, А.Л. Ордин-Нащокин признал справедливость соображений гетмана и исходил из того, что одним из главных пунктов договора должно было стать «обращение» одного из членов династии Романовых на польский трон. Именно поэтому он рекомендовал вести переговоры без «посредников» — французских или австрийских дипломатов, которые станут мешать заключению мирного договора на таких условиях. Из «записки» видно, что далеко не все разделяли такие взгляды. Так, неискusstный «кормчий», по словам Афанасия Лаврентьевича, о «обращии» «и слышать не хочет»²⁴. Думный дворянин, напротив, доказывал, что это единственный путь к тому, как заключить мир и «великих убытков отбыть». Иначе польско-литовская сторона не пойдет на уступки и будет требовать большой компенсации, «вменяючи воины свои разоренья», чтобы «хану... и войску своему платить»²⁵.

²¹ Там же. № 7. Л. 150–160.

²² С. Медекша прибыл в Смоленск 22 июля, принят царем — 7 августа (там же. № 25. Л. 1, 30).

²³ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 9.

²⁴ Там же. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 12–13.

Доказывая, чем такое соглашение может быть выгодно для русской стороны, Афанасий Лаврентьевич совсем не уделил внимания вопросу, чем такое соглашение может быть привлекательным для Польско-Литовского государства. Все же некоторые косвенные указания на этот счет в тексте «записки» можно обнаружить. Так, в ней указывалось, что посол должен был ехать к Яну Казимиру «ко утверждению вечного союзу»²⁶. Такой союз, очевидно, должен был стать надежной защитой для Речи Посполитой от ее неприятелей, прежде всего от турок и татар. Неслучайно в «записке» указывалось, что в случае «избрания» царя или царевича хан «войны на себя будет опасен, что путь к нему русские люди познали», а также отмечалось, что после заключения мира следует «турка и хана с обеих сторон замиривать»²⁷. А.Л. Ордин-Нащокин также полагал, что жалованье коронному и литовскому войску можно было бы выплатить еще «при живом короле»²⁸. Все сказанное позволяет сделать вывод, что уже в этой записке нашла свое первое выражение такая черта взглядов А.Л. Нащокина, как его убеждение, что конец войне может быть положен лишь тогда, когда между Россией и Речью Посполитой будет заключен не только мир, но и союз, который оказался бы для Речи Посполитой более выгоден, чем ее союз с Крымским ханством. «Обращение» царя на польский трон должно было, очевидно, быть гарантией прочности этого союза.

Вместе с тем одно из мест «записки» указывает на то, что А.Л. Ордин-Нащокин обдумывал и другие возможности, как добиться заключения мира. Так, мы встречаем здесь предложение, что «надобно иметь союз с французом, спомогать ему тайным советом о Королевстве Польском, а чаять ево к тому делу в совет быть охотна»²⁹. Очевидно, А.Л. Ордин-Нащокин предполагал обещать поддержку французскому кандидату на польский трон и тем побудить влиятельных деятелей профранцузской партии в Речи Посполитой

²⁶ Там же. Л. 12.

²⁷ Там же. Л. 13.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

добиваться заключения мира с Россией на приемлемых для русской стороны условиях. Сопоставление с последующими документами покажет, в какой мере все эти советы были приняты во внимание царем и его советниками.

Следующий документ, отражающий процесс подготовки посольства, помещен на л. 22–40 дела под заголовком: «Статьи, что писать в наказ думному дворянину Афанасью Лаврентьевичю Ордину Нащокину, как быть ему у польско-го Яна Казимера короля».

Именно в этом документе были сформулированы основные условия мира, которые следовало предложить королю и сенаторам. Главное — это были предложения по вопросу о границах. Их краткую характеристику дал уже И.В. Галактионов³⁰. А.Л. Ордин-Нащокин должен был предлагать, «чтоб граница учинить по Днепру и Двину. У великого государя в стороне быть по Двину Витебску и Полоцку, а по Днепру от Смоленска вниз по Быхов, а от Быхова до Киева, а от Киева до Запорогов»³¹. Это было очень существенное отступление от тех условий, которые русское правительство выдвигало на мирных переговорах 1660 г., и означало, что царь и его советники проявили готовность считаться с реальным, неблагоприятным для Русского государства положением дел. Предложенные границы означали согласие русской стороны заключить мир на тех условиях, что за каждым из государств сохранялись бы территории, реально находившиеся под их властью (*uti possidetis*). Это показывало, что русская власть стремится положить конец затянувшейся войне.

Этим, однако, русские предложения по вопросу о границах не ограничивались. В подготовленном для А.Л. Ордина-Нащокина тексте предусматривалось, что если польско-литовская сторона не согласится на такие условия мира, то следовало «по последней мере и Двины з городами уступить, а говорить о старых городех, о Смоленске с товарищи да черкас бы поделить для успокоенья»³². Из этого текста сле-

³⁰ Галактионов И.В. Россия и Польша... С. 219.

³¹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 23.

³² Там же. Л. 24.

дует, что в Москве были готовы уступить Речи Посполитой еще находившуюся под русской властью территорию Восточной Белоруссии, удовлетворившись возвращением лишь земель Смоленщины, утраченных Русским государством в годы Смуты. Вместе с тем на Украине каждое из государств должно было удержать за собой соответственно восточную и западную часть территории, заселенной «черкасами». Дополнительные условия, касающиеся положения на Украине, помещенные в наказе, показывают, что в Москве размышляли над тем, как покончить с постоянной смутой и противоборством «партий» на Украине, противоборством, которое создавало условия для постоянного вмешательства татар. Сам по себе раздел территории «черкас» между Россией и Речью Посполитой «по Днепр» этих проблем не решал. Именно в этой связи в инструкциях А.Л. Ордину-Нащокину подчеркивалось, что следует добиваться, чтобы «черкасы содержаны были по всякой крепости, а хану б крымскому прилучены не были», иначе «обоим государствам будет тягость большая»³³. Однако при этом никак не объяснялось, какими средствами этого добиться и что следует на этот счет записать в мирном договоре.

Рассмотрение этих положений инструкций позволяет утверждать, что русское правительство стремилось добиться прекращения войны, сделав противнику серьезные уступки на территории Белоруссии. О заключении одновременно с мирным договором «вечного союза» между государствами в инструкциях вообще не упоминалось (даже там, где речь шла об общей заинтересованности государств в борьбе с крымскими татарами). Если А.Л. Ордин-Нащокин советовал предложить Речи Посполитой союз, чтобы избежать уступок, то составители инструкций предпочли пойти по другому пути. Однако некоторые советы А.Л. Ордина-Нащокина были приняты во внимание. Так, в инструкциях послу предписывалось ради заключения мира действовать «через королеву, угрожая ей, делать через француза»³⁴.

³³ Там же. Л. 25.

³⁴ Там же. Л. 34.

Были приняты во внимание и рекомендации Афанасия Лаврентьевича добиться прекращения войны благодаря «обранию» Алексея Михайловича на польский трон. Посол должен был выяснить у гетмана Госевского, есть ли реальные шансы на избрание царя преемником Яна Казимира. В случае благоприятного ответа следовало обещать, что царь гарантирует шляхте «права» и «вольности», даст «жалованье многое и от неприятелей оборона будет». Следовало также сообщить, что управление Речью Посполитой (по-видимому, в его отсутствие) царь готов передать 4 человекам, «которых они по волям своим изберут»³⁵. Это предложение было явно ответом на требование польско-литовской стороны, выдвигавшееся на переговорах под Вильно в 1656 г., не назначать на время его отсутствия наместника — «вице-короля»³⁶. Вместе с тем посол не получил никаких указаний по главному волновавшему обе стороны вопросу — каковы должны быть в этом случае границы между государствами. По-видимому, в Москве не очень верили в реальность «избрания» и А.Л. Ордин-Нащокин должен был лишь выяснить, есть ли для этого какая-либо реальная почва.

На этом работа над подготовкой инструкций для А.Л. Ордина-Нащокина не прекратилась.

Следующий этап работы отражает перечень адресованных царю вопросов, составленный, по-видимому, дьяками Посольского приказа при работе над текстом наказа. Появление ряда таких вопросов было связано с важными сообщениями, которые привез из Речи Посполитой А.И. Нестеров. Наряду с официальными переговорами, которые вел посланник с сенаторами (о них уже говорилось выше), у него состоялась встреча с литовским канцлером К. Пацем 10 марта «в ночи тайно»³⁷. По его словам, канцлер встретился с посланником, «чтоб... хотя малое начало положить к вечному покою». На этой встрече К. Пац обратился через

³⁵ Там же. Л. 36–37.

³⁶ Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. С. 174.

³⁷ РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 18. Л. 164.

А.И. Нестерова к царю с важным предложением. Выразив понимание, что на будущих переговорах царь будет «крепко стоять» за Смоленск и другие города Смоленщины (Дорогобуж, Белую), утраченные в годы Смуты, он предложил: пусть царь пришлет королю «тайно» 170 000 «червонных», «чтоб те червонные роздать шляхте, которая шляхта тех городов в уездах маетности имели»³⁸. В своем отчете А.И. Нестеров отметил, что «о тех делех канцлер говорил с Офонасьем не по один день, многими разы говорил»³⁹. Сведения эти стали известны в Москве, по-видимому, в начале августа⁴⁰. Прозвучавшее с польско-литовской стороны предложение выплатить денежную компенсацию за уступку территории не могло не привлечь к себе внимания русских политиков. Вопрос ставился перед царем как в общей форме (следует добиваться мира «уступкою ли городов всех завоеванных или казной перекупать») ⁴¹, так и более конкретно. Дьяки спрашивали, сколько денег платить за Смоленск «с прежними поступленными города» и «сколько давать» за Киев и «черкаские города»⁴².

Ряд других вопросов закономерно возникал в связи с неясностью положений наказа о политике по отношению к Украине и Крыму. Поскольку по условиям будущего мирного договора Правобережная Украина должна была остаться под властью Речи Посполитой, дьяки спрашивали царя, не следует ли при этом «для заступления» черкас добиваться от властей Речи Посполитой подтверждения Зборовского договора⁴³. Одновременно дьяки спрашивали: «хана крымского как замиривать? И в Украине Великой России и Королевству Польскому каким обычаем остереганье будет?» Наконец, в вопросах затрагивалась и тема «обранья» царя на польский трон. Дьяки также допускали возможность, что

³⁸ Там же. Л. 168–169.

³⁹ Там же. Л. 170.

⁴⁰ Отпущенный 13 июля из Варшавы, 18 июля А.И. Нестеров еще находился в дороге (там же. Л. 156).

⁴¹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 6.

⁴² Там же. Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 2.

жители Речи Посполитой, «хотя себе обороны от посторонних неприятель», пожелают избрать царя преемником Яна Казимира, но при этом ставили перед царем вопрос, следует ли к этому «приступить... правдою или отговором отбыть»⁴⁴. Уже сама формулировка вопроса показывает, что дьяки, как об этом и писал А.Л. Ордин-Нащокин, вовсе не были сторонниками даже переговоров по этому вопросу.

Текст окончательных решений, определивших текст инструкций А.Л. Ордину-Нащокину, сохранился в двух версиях. Копия посланного думному дворянину «тайного наказа» сохранялась на л. 42–72 дела об отправлении его в Речь Посполитую. Кроме того, сохранился дефектный черновик того же документа среди бумаг Приказа Тайных Дел⁴⁵. В этом черновике имеется преамбула, содержащая важные сведения о том, когда и кем были приняты эти важные окончательные решения.

Совещание Алексея Михайловича «з бояры в комнате» состоялось 1 октября 1662 г. В нем участвовали такие влиятельные советники царя, как князь Я.К. Черкасский и И.Д. Милославский, Б.М. Хитрово и Ф.М. Ртищев, а также А.Л. Ордин-Нащокин и «посольскои думнои дьяк Ларион Лопухин»⁴⁶.

В упоминавшемся выше «докладе» перед царем настойчиво ставился вопрос, как поступать, если поляки захотят «через войну своего достигнуть», что сделать, чтобы «вперед войны не продолжать», «чтоб без дела из Польши не поворотитца»⁴⁷. Сопоставление окончательного текста инструкций с первоначальным вариантом позволяет установить, что предполагали предпринять царь и его советники для решения этой задачи.

Формально условия мира, предложенные Речи Посполитой, оставались прежними, но ряд внесенных в инструкции дополнительных статей показывает, что ради дости-

⁴⁴ Там же. Л. 3.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 27 (Приказ Тайных Дел). № 128. Л. 2–26.

⁴⁶ Там же. Л. 2–3.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 5.

жения мира в Москве готовы были пойти на новые уступки Речи Посполитой. А.Л. Ордину-Нащокину в ст. 8 окончательных инструкций предлагалось предложить Речи Посполитой до 500 тыс. золотых червонных «за все города, которые в росписи», приложенной к инструкциям⁴⁸. Знакомство с «росписью»⁴⁹ показывает, что она включает в себя перечень 14 городов, расположенных в Смоленщине и в Северной земле (Стародуб, Новгород Северский, Чернигов), утраченных Русским государством в годы Смуты («они от Московского государства в литовскую сторону прилучены по большой неволе»). В случае согласия польско-литовской стороны на эти условия А.Л. Ордин-Нащокин получил полномочия подписать мирный договор (ст. 9 инструкций)⁵⁰. Таким образом, ради достижения мира царь и его советники готовы были удовлетвориться возвращением этих земель, уступив Речи Посполитой не только Восточную Белоруссию, но и значительную часть Левобережной Украины⁵¹. Это показывает, как сильно в Москве были заинтересованы в заключении мира. Однако этим возможные уступки не ограничивались.

В ст. 6–7 инструкций послу предписывалось «по самой крайней мере» добиваться уступки Смоленска, Дорогобужа и Белой за 170 тыс. золотых⁵², т. е. принять предложение канцлера Паца. Однако в этом случае послу предписывалось, достигнув договоренности, «верою и руками меж себя в том не крепитца»⁵³. Это показывает, что такого крайнего решения в Москве надеялись все же избежать.

Вместе с тем царь и его советники отдавали себе отчет в том, что в сложившейся ситуации, когда население Левобережной Украины не желало подчиняться польской власти, а на Правобережной Украине польская власть была

⁴⁸ Там же. Л. 47–48.

⁴⁹ Ее текст см.: там же. Л. 73.

⁵⁰ Там же. Л. 48–49.

⁵¹ Это важное положение инструкций И.В. Галактионовым не отмечено.

⁵² Там же. Л. 45–46.

⁵³ Там же. Л. 49.

в значительной мере фиктивной и усиливалось влияние Крымского ханства, русский «уход» из Украины мог создать не только для Русского государства, но и для Речи Посполитой новые опасные осложнения. А.Л. Ордину-Нащокину поручалось откровенно разъяснять властям Речи Посполитой, что если царь согласится теперь уступить Киев и города «Малые Росии... которые по сю сторону Днепра», то «черкасы» этих городов присоединятся к крымскому хану. Королю следует, — должен был он объяснять сенаторам, — «ныне взять у черкас заднепрскую сторону и одержать за собою накрепко, чтобы хан крымской и черкасы замыслами своими по прежнему не соединились». Царь согласится вывести свои войска из городов Левобережной Украины лишь тогда, когда «королевское величество изволит послать на заднепрскую сторону гетмана, а с ним ратных людей, кем той стороны черкас овладеть»⁵⁴.

При оценке этих предложений следует иметь в виду, что в момент отправки посольства это предложение было явно невыполнимо, так как коронное войско упорно отказывалось идти на службу, пока не получит жалованья. Кроме того, следует учитывать последствия, к которым привела бы посылка коронного войска на Правобережную Украину, — резкое обострение отношений властей Речи Посполитой и с местным казачеством, и с Крымским ханством. Тем самым создавалась бы новая ситуация, в которой на мирных переговорах русская сторона могла бы гораздо успешнее отстаивать свои позиции. Вместе с тем этот, посвященный украинской проблематике, раздел инструкций завершался следующим предписанием: «Будет они того не похотят, и им говорить с клятвою, что им и другая сторона будет отдана на посольстве, как будет съезд у государевых великих послов с королевскими комиссарами»⁵⁵, когда будут выработаны окончательные условия мирного соглашения. Однако на такое решение в

⁵⁴ Там же. Л. 52–55. Эти важные предложения, адресованные властям Речи Посполитой, также не отмечены в исследовании И.В. Галактионова.

⁵⁵ Там же. Л. 56.

Москве также могли пойти лишь «по самой конечной мере». Неслучайно А.Л. Ордину-Нащокину предписывалось в этом случае «писмом о черкасах не крепитца»⁵⁶.

Следует отметить еще одну особенность окончательной редакции инструкции. Если в первоначальном варианте еще имелись некоторые выражения, которые могли бы указывать на возможное сотрудничество обоих государств, то в окончательной редакции подобных указаний уже не было. В 12-й статье инструкции в ответ на возможный вопрос сенаторов, как оба государства будут оберегать свои государства от набегов крымских татар, если Ян Казимир «от крымского хана отлучитца», послу предписывалось отвечать, что каждое из государств должно защищать свою территорию своими собственными силами⁵⁷. Показательна с этой точки зрения и небольшая вставка в текст первоначального варианта, где содержалось обещание «жалованья» шляхте в случае избрания Алексея Михайловича на царский трон. К этим словам было добавлено: «ратных людей в помощь им не сулить»⁵⁸. Таким образом, предложения А.Л. Ордина-Нащокина добиться приемлемых условий мира, заключив одновременно с «вечным миром» «вечный союз» между Россией и Речью Посполитой, не были приняты.

Русский чрезвычайный посол оказался перед решением трудной и неблагодарной задачи. Он должен был добиваться мира с Речью Посполитой ценою новых уступок вплоть до принятия таких условий, которые он не получил полномочий закреплять «на письме», так как в Москве надеялись, что в конечном итоге их удастся избежать. Особую трудность составляло то, что в обмен на приемлемые для русской стороны условия мира он имел возможность предлагать польско-литовской стороне только денежную компенсацию.

После решений совещания 1 октября 1662 г. события стали развиваться быстро. 5 октября датирована верительная грамота А.Л. Ордина-Нащокина, направленного в

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л. 51.

⁵⁸ Там же. Л. 66.

Варшаву для переговоров о заключении «вечного мира»⁵⁹. 19 октября А.Л. Ордин-Нащокину, уже отправившемуся в дорогу, был выслан текст «тайного наказа»⁶⁰. Путь его шел из Москвы во Псков, а затем в Борисоглебов (Динабург), крепость на Западной Двине. Отсюда, по-видимому, А.Л. Ордин-Нащокин намерен был направиться в Варшаву через земли, контролировавшиеся литовским войском.

Когда 5 декабря 1662 г. А.Л. Ордин-Нащокин прибыл в Борисоглебов, он узнал о событиях, которые могли неблагоприятно сказаться на результатах его миссии. В Москве рассчитывали (и это мнение разделял, по-видимому, и сам А.Л. Ордин-Нащокин), что посол при выполнении своей задачи может рассчитывать на содействие гетмана В. Госевского. При своем освобождении из русского плена в марте 1662 г. гетман обещал «о покое хрестьянском... радеть всею душою»⁶¹. Аналогичное обещание содержалось в письме, которое В. Госевский послал царю при своем отъезде из Смоленска⁶². Еще раз он повторил свое обещание в грамоте от 23 июня н. ст., которую привез в Москву С. Медекша⁶³. Поэтому уже в первоначальном варианте инструкций послу предписывалось с гетманом «видатца, как мочно, и о тех делех с ним говорить»⁶⁴. У В. Госевского следовало также добиваться «прямой ведомости», есть ли у царя какие-либо шансы стать преемником Яна Казимира⁶⁵. После возвращения А.И. Нестерова посол получил указания «ссылатца» также с литовским канцлером К. Пацем⁶⁶. И вот в начале декабря 1662 г. А.Л. Ордин-Нащокин узнал, что после волнений, охвативших литовское войско, гетмана В. Госевского расстреляли, близкого к нему выборного главу литовского войска Казимира Жеромского, который выдал проезжую

⁵⁹ Там же. Л. 74–78.

⁶⁰ Там же. Л. 40.

⁶¹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 7. Л. 9.

⁶² Там же. Л. 91–94.

⁶³ Там же. № 25. Л. 37–39.

⁶⁴ Там же. № 27. Л. 23.

⁶⁵ Там же. Л. 37.

⁶⁶ Там же. Л. 43.

грамоту А.Л. Ордину-Нащокину, «розсекли», а чтобы схватить и судить К. Паца, войско отправило в Варшаву «тысечю человек»⁶⁷. Это означало, что шансы на содействие литовских политиков, заинтересованных в заключении мира с Россией, теперь сильно уменьшились. Ближайшим следствием этих событий стала необходимость для посла просить проезжей грамоты у нового выборного главы литовского войска — полковника Неверовского⁶⁸.

По-видимому, с получением такой грамоты возникли трудности⁶⁹ и пришлось искать другое решение. Как сообщал в Москву смоленский воевода Б.А. Репнин, еще до Рождества 1662 г. А.Л. Ордин-Нащокин и его товарищ по посольству дьяк Григорий Богданов выехали в Курляндию, чтобы попасть в Речь Посполитую через территорию герцогства⁷⁰. Из Курляндии русским послам предстояло совершить длительное путешествие во Львов, где находились король Ян Казимир и его ближайшие советники, уговаривавшие коронное войско вернуться на службу. Во Львов послы прибыли в начале марта 1663 г.⁷¹ Отсутствие «статейного списка» — отчета о поездке не позволяет составить представление о том, что происходило во время этого достаточно долгого путешествия. Не обнаружил каких-либо сведений на этот счет и З. Вуйцик, собиравший сведения о посольстве в польских архивах. В какой-то мере этот пробел могут заполнить припоминания о львовском посольстве в более поздних записках А.Л. Ордина-Нащокина. В так называемом «Ведомстве желательным людям», одной из поздних записок дипломата, сохранился его рассказ о встрече на пути с коронным войском, стоявшим лагерем под Люблином⁷².

⁶⁷ Там же. Л. 87.

⁶⁸ Там же. Л. 88.

⁶⁹ В Литве, как известно, возражали против переговоров с А.Л. Ординым-Нащокиным (*Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 119–120*).

⁷⁰ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 91.

⁷¹ *Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 121*.

⁷² *Копреева Т.Н.* «Ведомство желательным людям» (Из автобиографических материалов А.Л. Ордина-Нащокина) // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 348.

По представлениям посла, собравшиеся в лагере военные хотели «побить» сенаторов «по ссоре хана крымского», и в лагере у них находился посол хана. Дело, по-видимому, обстояло по-иному. Хан, заинтересованный в развертывании военных действий против Русского государства, как он это делал и ранее, пытался убедить войско вернуться на службу⁷³. Важно, однако, что предпринял дипломат, когда у него сложилось такое представление о происходящем. Как вспоминал А.Л. Ордин-Нащокин, когда собравшаяся в военном лагере шляхта просила посла сообщить о целях его посольства, он говорил им о заключении мира между Россией и Речью Посполитой (по его словам, они выслушали у него «обнадеживание к миру»). После этого, по его словам, когда послы шляхты вернулись в лагерь, они тут же отослали прочь ханского посла, заявив ему, что «у обоих государей великих будет нерозерванный союз, а хан бы в соседстве держал с обоими государями дружбу». Вероятно, успех своих речей А.Л. Ордин-Нащокин преувеличил. Однако ясно, что он говорил послам коронного войска, что мир между Россией и Речью Посполитой будет сопровождаться заключением «вечного союза» между этими государствами и что этот союз станет надежной защитой от татарских набегов. Таким образом, еще не прибыв на место назначения, А.Л. Ордин-Нащокин стал излагать не то, что ему было поручено в посольском наказе, а свои взгляды на характер будущих отношений между Россией и Речью Посполитой.

Как показал в своем исследовании З. Вуйцик, король и его советники, находившиеся во Львове, не придавали ожидавшимся переговорам серьезного значения⁷⁴. В королевской резиденции носились с планами организации большого похода на Россию, который привел бы к разгрому главных сил русской армии и маршу победоносного войска на Москву, под стенами которой победитель должен был продиктовать свои условия мира⁷⁵. Красноречивым сви-

⁷³ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 120, 132.

⁷⁴ *Ibid.* S. 114–115.

⁷⁵ *Kersten A.* Stefan Czarniecki. Warszawa, 1963. S. 497.

детельством ожиданий, которые связывались с этим походом, может служить брошюра, появившаяся, уже когда этот поход стал фактом. Ее неизвестный автор давал советы не пытаться брать Москву штурмом, а блокировать город, не допуская подвоза в него продовольствия. Тогда голодающее население русской столицы, еще недавно бунтовавшее против царя, снова поднимет восстание⁷⁶.

Серьезным препятствием на пути к осуществлению этих планов был отказ войска вернуться на службу, не получив жалованья за прошлые годы. Король и его советники выехали во Львов именно для того, чтобы устранить это препятствие. Этому удалось добиться еще во время пребывания А.Л. Ордина-Нащокина во Львове. Уже к 19 апреля было достигнуто предварительное соглашение с коронным войском о том, что оно не только вернется на службу, но и сразу выступит в поход, получив лишь сравнительно небольшую часть того, что оно требовало. В конце апреля во Львов пришли известия о возвращении на службу литовского войска⁷⁷. Вернув войско на службу и обеспечив поддержку Крыма, политики Речи Посполитой не были намерены идти на какие-либо уступки противной стороне. Таким образом, для решения задач, поставленных перед А.Л. Ординым-Нащокиным, сложилась крайне неблагоприятная ситуация.

З. Вуйцик собрал и внимательно проанализировал сообщения источников, отложившихся в польских архивах, о ходе переговоров во Львове в апреле–мае 1663 г. Его работа дает хорошее представление о линии поведения, которую избрал русский посол на переговорах. Однако З. Вуйцик не был знаком с данными дипломату инструкциями и не мог ответить на вопрос, насколько избранная им линия поведения соответствовала этим инструкциям. Не поднял этого вопроса и И.В. Галактионов, хотя он был знаком и с данными дипломату инструкциями, и с книгой З. Вуйцика.

⁷⁶ Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy. T. II (1661–1664) / Zedr. i opr. Stefania Ochmann-Staniszevska. Wrocław; Warszawa, 1990. S. 210.

⁷⁷ Kersten A. Stefan Czarniecki... S. 485, 488.

Когда после вступительной, формальной части на заседании 4 апреля н. ст. дело дошло до обсуждения условий мира, русская сторона заявила, что главным условием мира должно стать возвращение России земель, утраченных ею в годы Смуты, — Смоленщины и Северной земли «с городами всеми и уездами»⁷⁸. Такой вариант решения территориальных споров между государствами действительно содержался в инструкциях, данных А.Л. Ордину-Нащокину. Вместе с тем, однако, в тот же день он предпринял и другой шаг, обратившись с письмом к литовскому канцлеру К. Пацу. К. Пац был главой польско-литовской делегации на переговорах, но, как представляется, обращение к нему было связано с тем, что после его «тайных разговоров» с А.И. Нестеровым у А.Л. Ордина-Нащокина были основания видеть в нем политика, который заинтересован в заключении мира с Россией. В этом письме, призывая к заключению мира, А.Л. Ордин-Нащокин указывал на существование общей опасности, угрожающей обоим государствам со стороны Османской империи и Крыма⁷⁹. Такой шаг тоже не выходил за рамки инструкций, но уже обозначил линию поведения, избранную послом, — не столько предлагать новые уступки, сколько указывать на выгоды, которые принесет мир с Россией.

Письмо это передал К. Пацу посетивший послов известный польский дипломат Ян Шумовский. Сохранилась запись имевшей при этом место его беседы с А.Л. Ординым-Нащокиным. В этой беседе А.Л. Ордин-Нащокин поднял вопрос о заключении между Россией и Речью Посполитой союза против всех неприятелей. Речь шла при этом, в частности, о том, что оба государства могли бы оказать помощь императору в его войне с османами. Для этой цели царь мог бы предоставить Речи Посполитой значительные денежные субсидии. Союз должен был принести Речи Посполитой и целый ряд других важных выгод. «И Рига ваша, не вынимая сабли, будет, — передавал Шумовский речь своего собесед-

⁷⁸ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 124.

⁷⁹ *Ibid.* S. 126.

ника, — и казаки в большом повиновении будут; ваш мир со шведами непрочен, а когда будем в согласии, то вместе против них будем воевать»⁸⁰. Никаких подобных предложений инструкции А.Л. Ордина-Нащокина не содержали. Напротив, данные послу указания прямо говорили о нежелательности военного сотрудничества обоих государств. Невзирая на это, А.Л. Ордин-Нащокин выдвинул программу военно-политического союза двух государств, явно предусматривавшую их совместные действия против Швеции в Прибалтике и против Османской империи и Крыма на юге. Одним из результатов этого союза, по смыслу сказанного, должно было стать укрепление позиций Речи Посполитой на Правобережной Украине. Перспектива приобретения таких выгод, по мысли дипломата, должна была побудить польско-литовских политиков согласиться на русские условия мира.

9 апреля последовал ответ польско-литовской стороны на русские предложения. Они были резко отвергнуты. Предложенные сенаторами условия мира предусматривали возвращение к довоенным границам и выплату русской стороной, как виновницей войны, контрибуции в размере 10–12 млн. золотых⁸¹. Такая жесткая позиция польско-литовских политиков явно лишала какого-либо смысла вопрос об избрании царя (или его сына) на трон Речи Посполитой, и на последующих переговорах об этом речи не было. Инструкции А.Л. Ордину-Нащокину предусматривали возможность того, что Речь Посполитая не согласится на русские условия мира. В этом случае он должен был предлагать новые, более значительные уступки, избегая, однако, фиксировать в окончательной форме достигнутые договоренности. Но А.Л. Ордин-Нащокин пошел другим путем.

Он добился встречи наедине, «тайным обычаем», с К. Пацем и на этой встрече более подробно, в развернутой форме изложил свои соображения о возможных условиях союза между Россией и Речью Посполитой. Польский перевод этих предложений А.Л. Ордина-Нащокина был им передан

⁸⁰ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 126.

⁸¹ *Ibid.* S. 126.

литовскому канцлеру⁸². Подробная характеристика содержания этого документа дана в работе И.В. Галактионова⁸³. Это был шаг еще более рискованный, чем разговоры с Я. Шумовским. На этот раз собеседником посла был один из высших сановников Речи Посполитой, и дело не ограничилось устными высказываниями. Между тем никаких полномочий для переговоров о союзе между Россией и Речью Посполитой А.Л. Ордин-Нащокин в Москве не получил.

Во вступительной части этой записки А.Л. Ордин-Нащокин настаивал на справедливости предложенных условий мира: «Смоленск со всеми Северскими городами по-прежнему вечным миром к Московскому государству утвердить, что в разоренье Московское через войну к Польскому государству было прилучено»⁸⁴. Таким образом, речь шла о возвращении Русскому государству земель, утраченных им в годы Смуты. В заключительной части записки А.Л. Ордин-Нащокин доказывал, что такой мир был бы выгоден обеим сторонам. Россия получила бы удовлетворение за прежние «обиды», «что наша сторона в обиде ставилась за невольным миром», а Речь Посполитая без войны получила бы другие земли, занятые русскими войсками⁸⁵. Это в целом соответствовало инструкциям, но к сказанному А.Л. Ордин-Нащокин добавил еще одно важное обещание. Никто в Речи Посполитой, — писал он, — не будет выступать против заключения такого мира, так как «тех поступных городов к Великой Росии служилые люди... при маютностех своих вечно будут... и отдален от своей отчизны никто не будет»⁸⁶. Давать обещание, что шляхтичи — граждане Речи Посполитой сохранят под русской властью свои владения, посла никто не уполномочивал.

⁸² Русский текст, сохранившийся в архиве Посольского приказа, опубликован И.В. Галактионовым (*Галактионов И.В. К истории Андрусовского перемирия 1667 г. // Исторический архив. 1959. № 6. С. 83–85*). Польский перевод использован в исследовании З. Вуйцика (*Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 127–128*).

⁸³ *Галактионов И.В. Россия и Польша... С. 221–223.*

⁸⁴ *Галактионов И.В. К истории... С. 83.*

⁸⁵ Там же. С. 85.

⁸⁶ Там же.

Важно отметить и другое — уже в этой части своих предложений русский дипломат подчеркивал, что на такие уступки русская сторона готова пойти «для союзу нерозерваного», «для союзу вечного миру», т. е. чтобы заключение мира сопровождалось заключением договора о союзе между государствами. Очевидно, что это резко расходилось с инструкциями, составители которых всячески избегали какой-либо постановки вопроса о совместных действиях обоих государств. Между тем в предложениях А.Л. Ордина-Нащокина, как справедливо отмечали и И.В. Галактионов, и З. Вуйцик, главное место занимало подробное перечисление тех выгод, которые принесет такой союз обоим государствам. «А не учинив соединения, — подчеркивал он в своей записке, — от сторонних прибытков овладеть друг без друга невозможно»⁸⁷.

Как справедливо отметил И.В. Галактионов, на первое место в этой внешнеполитической программе А.Л. Ордина-Нащокина были поставлены совместные действия обоих государств по отношению к Швеции⁸⁸. Вопрос об отношениях со Швецией затрагивался уже в проекте, а затем и в окончательном тексте инструкций А.Л. Ордину-Нащокину. Послу поручалось выяснить, не согласится ли Ян Казимир принять на мирных переговорах посредничество шведского короля⁸⁹. Такая постановка вопроса ясно говорит о том, что составители инструкций рассматривали Швецию как государство, дружественное по отношению и к России, и к Речи Посполитой. В предложениях А.Л. Ордина-Нащокина, напротив, Швеция выступала как государство, враждебное и России, и Речи Посполитой, которое своими действиями старается разжигать конфликт между ними. Эти действия, — указывал он далее, — являются достаточным основанием для России и Речи Посполитой потребовать возмещения

⁸⁷ Там же. С. 83.

⁸⁸ Галактионов И.В. Россия и Польша... С. 221–222. В изложении З. Вуйцика антишведская направленность взглядов А.Л. Ордина-Нащокина смазана (*Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 127–128).

⁸⁹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 34–35, 60–61.

за нанесенные им «шкоды». Он выражал уверенность, что действуя так, каждое из государств получит возможность «посольским правом и рассудком христианским свое без меча отыскать». Эта уверенность основывалась на том, что Швеция находится в изоляции. Австрия, Дания, Голландия, Бранденбург «всегда над шведом отмщения ради», и возможный арбитраж правителей этих государств будет в пользу будущих союзников («посторонние государи присудят без шкоды свое взять») ⁹⁰. Именно в связи с планами антишведской политики А.Л. Ордин-Нащокин выдвигал предложение уступить России «Полуденные Лифлянты» с Динабургом, а за это царь Речь Посполитую «на жалованье ратных людей казною ссудит и споможет», что будет способствовать общему «успокоению» в этом государстве. Это предложение, как и другие, не предусматривалось инструкциями, в них предусматривалась посылка в Речь Посполитую «жалованья» лишь в случае выбора царя на польский трон.

Выдвижение А.Л. Ордин-Нащокиным на первый план вопроса о совместном выступлении обоих государств против Швеции было, несомненно, связано с его общим представлением о приоритетах русской внешней политики, в которой важное место должна была занять борьба за выход России к Балтийскому морю. Следует, однако, учитывать и опыт контактов русского политика в 1657–1658 гг. с гетманом В. Госевским, опыт, свидетельствующий о серьезной заинтересованности литовских политиков в укреплении позиций Речи Посполитой в Ливонии за счет Швеции при возможном сотрудничестве с Россией ⁹¹. Канцлер К. Пац, к которому обращался посол, был близким сотрудником убитого гетмана, о чем А.Л. Ордину-Нащокину было хорошо известно.

Когда содержание этих «тайных разговоров» стало известно в Москве после возвращения А.Л. Ордина-Нащокина

⁹⁰ Галактионов И.В. К истории... С. 83–84.

⁹¹ Об антишведских планах, формировавшихся при участии В. Госевского, см.: Флоря Б.Н. Русско-шведские мирные переговоры в Валиесаре и Речь Посполитая // Славяноведение. 2005. № 2. С. 48–49.

в столицу, эти его высказывания стали предметом острой критики. Сообщения на этот счет содержатся в его записке «О миру Великой Росии с Полшею»⁹², написанной в конце 1663 г. или в начале 1664 г.⁹³ Из этой записки узнаем, что Афанасий был в Москве «много истязан против статейного списка тайных разговоров» и речь шла при этом не только о том, что посол явно превысил свои полномочия. Оправдываясь, А.Л. Ордин-Нащокин писал царю, что он обличал «свейские явные преступления... на вечную оборону Великой Росии, а не нарушая sweйского миру, ни войны всчиная»⁹⁴. Из этих высказываний ясно, что дипломата обвиняли в том, что его антишведские высказывания (изложенные к тому же в письменной форме), если бы они стали известны шведским правящим кругам, могли бы привести к обострению отношений со Швецией, а то и к войне с ней в невыгодных для Русского государства условиях. Формально А.Л. Ордин-Нащокин был прав, утверждая, что он не призывал польско-литовских политиков к войне со Швецией, предлагая добиваться уступок мирным путем, но и у его оппонентов — скорее всего, руководителей Посольского приказа — были основания для опасений, что его высказывания могут иметь нежелательные последствия. Ведь еще в 1664 г. в Варшаве обсуждался вопрос о заключении между Швецией и Речью Посполитой союза, направленного против Русского государства.

Другую важную часть предложений А.Л. Ордина-Нащокина составляли его соображения о возможной общей политике обоих государств на юге⁹⁵. Во-первых, он подчеркивал, что после заключения союза крымский хан «отставит свои великие запросы, а рад будет без шкоды дружбу держать» и «военные погрозы от турка минуютца». Но этим, по его представлениям, дело далеко не ограничивалось. Он указывал,

⁹² Опубликована И.В. Галактионовым: *Галактионов И.В.* К истории... С. 85–89.

⁹³ Время написания установил И.В. Галактионов: там же. С. 90.

⁹⁴ *Галактионов И.В.* К истории... С. 89.

⁹⁵ *Галактионов И.В.* Россия и Польша... С. 222–223; *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 127–128.

что Речь Посполитая приобретет «прибыли великие в своих краях от волошан и от мунтян и от Семиградцкой земли». О каких «прибылях» идет речь, позволяют выяснить следующие слова, где говорится, что султан «будет уступен тех краев в своем владенье». Очевидно, султан откажется от верховной власти над Дунайскими княжествами и Трансильванией в пользу Речи Посполитой.

Последующие разделы, как представляется, дают ответ на вопрос, как может быть достигнута такая цель. А.Л. Ордин-Нащокин предполагал, что после заключения мира и союза с Россией Речь Посполитая сможет оказать помощь Австрии, ведущей войну с Османской империей, а в дальнейшем будет заключен союз между этими тремя государствами и император на присоединение к ним «иных государей подвигнет»⁹⁶. Есть основания полагать, что определенные мысли на этот счет у А.Л. Ордина-Нащокина появились уже в то время, когда началась подготовка инструкций для посольства. В его записке того времени, адресованной царю, он уже писал, что султан будет мешать переговорам о мире между Россией и Речью Посполитой, так как боится «отложения» Дунайских княжеств⁹⁷. К апрелю 1663 г. он уже смог предложить литовскому собеседнику целую программу на этот счет. В записке «О миру Великой России» не содержится каких-либо указаний на критику этих высказываний А.Л. Ордина-Нащокина. Из данных дипломату инструкций видно, как сильно беспокоило русских политиков усиление татарского присутствия на Украине. Предложенное дипломатом решение проблемы могло оказаться вполне приемлемым.

Сказанное позволяет сделать вполне определенный вывод. А.Л. Ордин-Нащокин излагал литовскому канцлеру не то, что ему было поручено в Москве, а свой собственный план урегулирования русско-польского конфликта. Такое поведение нельзя признать обычным не только для практики, при-

⁹⁶ Галактионов И.В. К истории... С. 84–85.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 10. См. также: Галактионов И.В. Россия и Польша... С. 218, 221.

нятой в допетровской России, но и для практики дипломатической службы более позднего времени. Неудивительно, что он был «истязан» в Москве по поводу своих действий. Очевидно, в связи с этим статейный список посольства был передан в Тайный приказ — личную канцелярию царя⁹⁸, где он и погиб впоследствии вместе с частью хранившихся там бумаг. Вероятно, лишь личное заступничество царя избавило посла от весьма нежелательных последствий. Надо также при этом иметь в виду, что посол не отступил от инструкций по главному волновавшему русское правительство вопросу о границах.

Предложения А.Л. Ордина-Нащокина не оказали влияния на позицию его партнеров на переговорах. Польско-литовская сторона продолжала настаивать на прежних условиях, лишь снизив сумму контрибуции до 6 млн. золотых⁹⁹. Об обстановке, в которой проходили переговоры, сохранилось интересное свидетельство в записке «О миру Великой Росии с Полшею». Представители польско-литовской стороны показали русским послам печатные «куранты», свидетельствовавшие о том, что «безсилье в Великой Росии и внутрь своево государства разорение и война»¹⁰⁰. 12 мая н. ст. состоялся официальный «отпуск» послов¹⁰¹. В грамоте Яна Казимира подчеркивалось, что мир возможен лишь на условии возвращения к довоенным границам¹⁰². Единственным позитивным результатом миссии была договоренность сторон продолжать мирные переговоры¹⁰³.

Хотя посольство, по существу, оказалось безрезультатным, А.Л. Ордин-Нащокин в одной из своих поздних записок писал: «С того посольства все крепости в договорах пошли и

⁹⁸ О местонахождении статейного списка см.: РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 101.

⁹⁹ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 128.

¹⁰⁰ *Галактионов И.В. К истории...* С. 88.

¹⁰¹ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 129.

¹⁰² *Ibid.* S. 129; см. также перевод грамоты Яна Казимира (РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 93–100).

¹⁰³ См. отписку А.Л. Ордина-Нащокина об итогах переговоров (там же. Л. 92).

утверждены преславно»¹⁰⁴. В какой мере эти утверждения А.Л. Ордина-Нащокина соответствовали действительности? В какой мере его доводы могли повлиять на сознание правящих кругов Речи Посполитой?

Следует отметить, что призыв Ордина-Нащокина к активной политике по отношению к Швеции никакого внимания к себе в эти годы не привлек. Если литовских политиков и могли бы заинтересовать планы возвращения Риги в состав Речи Посполитой, то следует учитывать, что их взгляды при определении внешнеполитической ориентации государства не имели решающего значения, а магнаты и шляхта Королевства Польского были удовлетворены условиями Оливского мира со Швецией, вернувшего Речи Посполитой прусские порты.

Существенно иначе обстояло дело с иной поднятой А.Л. Ординым-Нащокиным темой — вопросом о необходимости совместных действий для отпора экспансии Крыма и Османской империи на земли Восточной Европы. Как показал в своем исследовании З. Вуйцик, усиление татарского присутствия на Украине уже в 1660–1661 гг. стало вызывать серьезные опасения целого ряда политиков Речи Посполитой. Тогда же появились и опасения, что за крымскими могут последовать и османские войска¹⁰⁵. Более того, уже в это время зародилось представление о том, что в борьбе с экспансией Османской империи и Крыма следует искать союза с Россией. В инструкции комиссарам, назначенным для переговоров с русскими представителями сеймом 1661 г., предусматривалось, что при враждебном выступлении против Речи Посполитой татар и казаков следует выяснить у представителей московской стороны, на каких условиях Россия согласилась бы заключить союз (*ligę*) с Речью Посполитой¹⁰⁶. В такой обстановке было важно, что и с русской стороны была выдвинута аналогичная инициатива, и эти высказывания А.Л. Ордина-Нащокина не могли не оставить след в сознании его политических партнеров — польско-литовских политиков.

¹⁰⁴ *Konpreeva T.H.* «Ведомство желательным людям»... С. 347.

¹⁰⁵ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 64, 66, 77–79.

¹⁰⁶ *Ibid.* S. 106.

Разумеется, во взглядах сторон на условия такого союза были существенные различия. Для представителей Речи Посполитой главным предварительным условием такого союза было возвращение Русского государства к довоенным границам и его отказ от какого-либо вмешательства в украинские дела. Неудивительно поэтому, что если Ордин-Нащокин предлагал планы активной политики обоих государств по отношению к Османской империи и Крыму, то польско-литовским комиссарам предписывалось заключить соглашение лишь «об оборонительной, но не наступательной» войне (*belli defensivi non offensivi*): соглашение с Россией не должно было способствовать увеличению русского влияния на спорных территориях. С усилением опасности для Речи Посполитой со стороны Османской империи и Крыма эти различия стали утрачивать свое значение, и тогда аргументы Ордина-Нащокина смогли оказать воздействие на его собеседников. И в этом отношении высказывания А.Л. Ордина-Нащокина были справедливы — в определенной мере его переговоры во Львове подготовили почву для русско-польских договоров 1667 г. — Андрусовского и Московского.

Отказавшись принять предложения А.Л. Ордина-Нащокина, король и его советники, как показал последующий ход событий, совершили ошибку. Когда планы победоносного похода на Москву оказались нереальными (армия Речи Посполитой смогла дойти только до Севска), пришлось заключать мир на условиях, гораздо менее благоприятных для Польско-Литовского государства, чем те условия, которые русское правительство было готово предложить, чтобы закончить войну в 1662 г.

«О МИРУ Великой России
с ПОЛШЕЮ»

В августе 1663 г. начался поход войск Речи Посполитой на восток. Победа в этом походе должна была заставить русское правительство согласиться на продиктованный польско-литовскими политиками мир. В середине ноября польская армия во главе с самим королем Яном Казимиром перешла Днепр, и началась новая военная кампания. Начало военных действий не привело к прекращению дипломатических переговоров между сторонами. Король и сенаторы рассчитывали, что переговоры о мире будут начаты уже во время похода, когда, желая избежать грозящей опасности, русские должны будут согласиться на невыгодный для них мир. Предложение организовать встречу представителей сторон в Белеве или в Калуге показывает, какие планы похода вынашивались в Королевской ставке зимой 1663–1664 гг. Однако переговоры о времени и месте съезда затянулись, и лишь в начале апреля 1664 г. была достигнута договоренность о проведении мирных переговоров в мае 1664 г. в районе Смоленска ¹. Предварительно в этот район должны были выехать А.Л. Ордин-Нащокин и дьяк Федор Михайлов, чтобы окончательно договориться с комиссарами Речи Посполитой о времени и месте их переговоров с русскими великими послами. Во второй половине апреля в деревне Шейново имела место их встреча с комиссарами Киприаном Павлом Бжостовским и Стефаном Ледоховским ².

¹ О переговорах между государствами на рубеже 1663–1664 гг. см.: *Wójcik Z.* Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 151–157.

² *Ibid.* S. 157–158; *Галактионов И.В.* Россия и Польша накануне

К этому времени положение дел существенно изменилось. Королевская армия заняла первоначально довольно обширные территории на Левобережной Украине и даже дошла до русской территории в районе Севска. Однако, постепенно сталкиваясь со все более сильным сопротивлением, она понесла серьезные потери и вынуждена была отойти за Днепр, даже не пытаясь закрепить за собой первоначально занятые территории. Кроме того, в начале 1664 г. на Правобережной Украине началось восстание против польских властей и польского ставленника гетмана Павла Тетери³.

В этих условиях можно было рассчитывать, что на мирных переговорах Речь Посполитая пойдет на уступки. Для таких расчетов были и более конкретные основания. При отступлении польской армии попал в плен один из офицеров, полковник Кристиан Людвиг Калькштейн⁴. Его сообщения дали русским политикам важные сведения и о внутреннем положении в Речи Посполитой, и об отношении отдельных группировок и политиков к заключению мира с Россией. Калькштейн утверждал, что король и королева не хотят мира и назначили комиссарами таких людей, как Е. Глебович, К.П. Бжостовский, А.Я. Храповицкий, которые будут срывать переговоры «по велению королевскому и королевину». Храповицкому и Бжостовскому король даже дал земли под Гродно вместо их смоленских «маетностей», «чтобы они к миру не допустили»⁵.

Вместе с тем в других местах своих показаний Калькштейн утверждал, что Литва «гораздо миру хотели». По его словам, за мир с Россией выступают такие видные литовские политики, как гетман Павел Сапега и близкий к нему военачальник Александр Полубенский. И этими лицами круг сторонников мира не ограничивался. По словам Калькштейна,

переговоров в Андрусове // Ученые записки Института славяноведения. Т. XVIII. М., 1959. С. 246.

³ См. об этом: *Галактионов И.В.* Россия и Речь Посполитая на заключительном этапе русско-польской войны третьей четверти XVII века // *Славянский сборник*. Вып. 5. Саратов, 1993.

⁴ *Галактионов И.В.* Россия и Польша... С. 233.

⁵ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1662 г. № 30. Л. 5, 9–10.

сам архиепископ гнезненский А. Лещинский предлагал Яну Казимиру прервать поход, а «если он не поворотитца назад, и они, де, на королевство Польское и Литовское оберут инова». Не прошли мимо внимания русских политиков и сообщения Калькштейна о существовании в Речи Посполитой сильной оппозиции попыткам короля проводить абсолютистскую политику. Король, — рассказывал полковник, — добивается продолжения войны с Россией, так как, если будет заключен мир, сенаторы и шляхта «учнут спрашивать для чего он вольности их поломал»⁶. Из этого следовало, что такие враждебные королевской политике силы должны были стремиться к заключению мира с Россией. Нужно только, чтобы обществу Речи Посполитой стало известно, какие условия мира предлагает царь. Калькштейн указывал, что Речь Посполитая не хочет мира, так как комиссары вводят в заблуждение шляхту, утверждая, что царь хочет стать польским королем. Ее настроение изменится, когда она узнает истинное положение дел⁷. С учетом этих сведений заключение мира с Россией также не выглядело делом безнадежным.

Поездка А.Л. Ордина-Нащокина в Шейново стала важной хронологической гранью и в истории русской внешней политики, и в истории русско-польских отношений. Или перед своим переездом в Шейново, или уже из этого места он направил царю обширную записку «О миру Великои России с Полшею». Текст записки был издан И.В. Галактионовым⁸ по рукописи, сохранившейся в сборнике материалов Андрусовских переговоров⁹. Другая рукопись с текстом записки сохранилась в сборнике материалов русско-польских переговоров 1664 г. в Дуровичах¹⁰. Сопоставление показало, что помимо мелких расхождений между текстами можно отметить два существенных различия: в тексте, опублико-

⁶ Там же. Л. 5, 8–9.

⁷ Там же. Л. 11.

⁸ Галактионов И.В. К истории Андрусовского перемирия 1667 г. // Исторический архив. 1959. № 6. С. 85–89.

⁹ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 12. Л. 34–45об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 414–430.

ванном И.В. Галактионовым, отсутствует заключительный фрагмент ст. 26, отражающий резкую реакцию А.Л. Ордина-Нащокина на действия шведских дипломатов в Москве, и заключительная, 33 статья документа. Так как эта 33 статья упоминается в ответе царя на записку (об этом ответе речь пойдет ниже), очевидно, что именно текст, сохранившийся среди материалов съезда в Дуровичах, отражает первоначальный вид документа. В настоящей работе записка будет использована по публикации И.В. Галактионова с учетом разночтений и с привлечением неизданных текстов.

Записка неоднократно кратко излагалась и в синтетическом труде С.М. Соловьева, и в работе первого биографа Ордина-Нащокина В.С. Иконникова¹¹, но она до сих пор не подвергалась подробному анализу и не сопоставлялась с запиской, которую А.Л. Ордин-Нащокин подал литовскому канцлеру К. Пацу в апреле 1663 г.¹²

Записка представляла собой весьма своеобразный документ. Хотя А.Л. Ордин-Нащокин был послан, чтобы содействовать началу переговоров о мире, в его записке ничего не говорилось о возможных условиях мира. Она вся была посвящена доказательству того положения, что прекращение войны должно обязательно сопровождаться заключением союза между Россией и Польско-Литовским государством. В подтверждение правильности своего тезиса автор записки мобилизовал обильную и разнообразную аргументацию. Во вступительной части записки (ст. 1–6) он доказывал, что только заключение союза может способствовать установлению прочного мира и прекращению постоянных войн. Жители обоих государств будут пользоваться благами мира, а соседи, не имея возможности использовать в своих интересах раздоры между ними, «покорно дружбы учнут искать» с союзниками.

¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VI. М., 1961. С. 162–163; Иконников В.С. Ближний боярин А.Л. Ордин-Нащокин // Русская старина. 1883. X–XI. С. 45–46.

¹² Оpubл. по копии, сохранившейся в РГАДА, И.В. Галактионовым (К истории... С. 83–85).

Одновременно в записке намечались те конкретные внешнеполитические задачи, решению которых будет способствовать заключение союза. Если в записке, переданной Пацу, обращалось внимание на те выгоды, которые союз принесет Речи Посполитой, то в записке, адресованной царю, речь шла о выгодах, которые этот союз принесет России.

Большая часть записки (ст. 10, 18, 20–39) была посвящена доказательству того, что заключение союза поможет избежать серьезной опасности, угрожающей Русскому государству со стороны Швеции, и укрепит его позиции по отношению к этому государству. Выдвижение на первый план именно этой проблемы было связано с жизненными перипетиями А.Л. Ордина-Нащокина. Он тяжело переживал свое отстранение от участия в мирных переговорах по требованию шведской стороны, а заключение Кардиского договора считал досадной ошибкой, приведшей к тяжелым последствиям. Эти настроения получили яркое выражение в записке.

В записке А.Л. Ордин-Нащокин доказывал, что Шведское государство — упорный и последовательный враг России, о чем говорит, в частности, распространение через прессу клеветнических сведений о слабости и внутренней непрочности Русского государства, о народных волнениях и восстаниях отдельных народов (в частности, башкир). Распространяя такие сведения, шведские политики стремятся побудить Речь Посполитую продолжать войну с Россией (ст. 23–25). Он, А.Л. Ордин-Нащокин, на мирных переговорах «уличал» шведских послов в нарушениях условий перемирия, а о их враждебных планах «для ведома писал» и в Посольский приказ, и в Приказ тайных дел, но тщетно (ст. 27). Ему, как отмечал он в другом месте своей записки, «в свейском деле во время не поверено» (ст. 18). Неслучайно в тексте записки читалось предостережение, что следует опасаться, чтобы шведы не научили поляков требовать «переменять стороны царского величества послов», как это сделали шведы при заключении Кардиского мира (ст. 26). В заключительном разделе ст. 26, не вошедшем в публикацию И.В. Галактионова, он с возмущением писал о том, что «и ныне... камисар свейской в Посольском приказе извещал, на съезде бы царского

величества тот посол от дела отставлен был, который против их неправд встречно говорит». И далее автор записки с горькой иронией замечал: «Извыкли чево просят, то бы им и отдано было»¹³. Когда А.Л. Ордин-Нащокин был отстранен от участия в мирных переговорах, то, по его оценке, «шведам мир становить учало быть по их воле» (ст. 27). Теперь, «упустя из рук, ныне с великою трудностью» придется исправлять неблагоприятные последствия Кардисского договора с помощью союза с Речью Посполитой (ст. 18).

В высказываниях и оценках А.Л. Ордина-Нащокина большую роль играли личные мотивы, но и царь, и другие его советники к концу 1663 г. располагали бесспорными доказательствами недружественной политики Швеции по отношению к Русскому государству.

В начале 1660-х гг. членам государственного совета (риксрода), управлявшего Швецией в малолетство короля Карла XI, из разных источников поступала информация о тяжелом положении, в котором оказалось Русское государство после военных неудач 1660 г. Б. Горн, возглавлявший посольство, посетившее в начале 1662 г. Москву в связи с ратификацией Кардисского договора, сообщал в своем отчете, что в русской казне нет денег, армия находится в расстройстве и не в состоянии противостоять войскам Речи Посполитой и Крыма, сложившееся положение чревато «восстанием». Аналогичный во многом характер носили поступающие из Москвы донесения шведского резидента А. Эберса. Он сообщал о тогдашних волнениях и «медном бунте» в Москве, о неблагоприятном положении на фронтах¹⁴. Шведский резидент в Гданьске сообщал о планах правящих кругов Речи Посполитой в возможно более скором времени начать поход против России¹⁵. В этих условиях у шведских правящих кругов стало проявляться стремление пересмотреть в свою

¹³ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 424об.

¹⁴ *Fahlborg B. Sveriges jttre politik. 1660–1664. Stockholm, 1932. 298–299, 302, 312; Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // Журнал Министерства народного просвещения. 1898, май. С. 94–96.*

¹⁵ *Fahlborg B. Op. cit. S. 313.*

пользу ряд условий только что заключенного мирного договора. Речь шла, в частности, о создании более благоприятных условий для торговли шведских купцов на территории Русского государства¹⁶, но дело этим не ограничивалось. Уже при переговорах о заключении Кардисского мира шведские представители требовали «компенсации» за ущерб, нанесенный Шведскому государству в годы русско-шведской войны. Тогда это требование было отклонено, и русская сторона не взяла на себя таких обязательств. Теперь шведские государственные деятели решили вернуться к этому вопросу.

Сначала речь шла о возмещении убытков, понесенных шведской стороной из-за нарушения русскими условий Кардисского мира. Убытки эти были оценены суммой в 600 тыс., в крайнем случае — 300 тыс. руб., которая могла быть выплачена деньгами или товарами (например, пенькой), но лучше было требовать в качестве компенсации уступки Швеции Приладожья, земель до Онеги и Свири, карельских земель до Белого моря¹⁷. Позднее было решено требовать возмещения и за ущерб, понесенный Швецией в годы русско-шведской войны. Этот общий ущерб был уже оценен суммой в 1 млн. 250 тыс. руб. Такое требование было выдвинуто шведской стороной во время переговоров на р. Плюсе 30 октября 1663 г.¹⁸ В Москву сообщения о таком требовании пришли 17 ноября¹⁹. И после этого царь и его советники, как представляется, должны были отнестись с серьезным вниманием к предостережениям А.Л. Ордина-Нащокина.

Опасность, по мнению А.Л. Ордина-Нащокина, угрожавшая России со стороны Швеции, была связана с попытками шведских правителей, начиная с Карла Густава, заключить союз с Крымом. С точки зрения автора, шведы заключили такой союз уже давно. Когда они «учали дружбу иметь

¹⁶ Подробную характеристику шведского проекта торгового соглашения см.: *Шаскольский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1998. С. 228.

¹⁷ *Fahlborg B.* Op. cit. S. 310–311.

¹⁸ *Fahlborg B.* Op. cit. S. 326; *Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 228.

¹⁹ *Форстен Г.В.* Сношения... С. 317.

с Хмельницким», то они «путь ему указали к хану и ввели хана» в Польшу. Позднее они организовали нападение крымских войск на земли бранденбургского курфюрста, когда тот стал союзником польского короля против шведов. Они «хана привели в Прусскую землю». По его мнению, шведская дипломатия пользовалась большим вниманием и в Стамбуле. Начало очередной войны между Османской империей и Габсбургами, предположительно, было вызвано интригами шведского посла в Стамбуле Бенгта Шютте (в публикации ошибочное чтение — Кубах), который «турка поднял войною на цесаря». Теперь свой союз с Крымом шведы хотят направить против России. Если шведским политикам удастся осуществить свои планы, то России придется «с обеих сторон боронитца данью, откупом» (ст. 20–21).

Невозможно установить, как в сознании А.Л. Ордина-Нащокина могла сложиться такая картина развития шведско-крымских отношений, совсем не соответствовавшая историческим фактам. Никаких контактов с Крымом у шведского правительства в середине XVII в. не было, и никакой роли в заключении союза между Хмельницким и крымским ханом в 1648 г. шведская дипломатия не играла. Во время «потопа» Карл Густав пытался вступить в сношения с Крымом при содействии Хмельницкого, но это не удалось²⁰. В развернувшейся войне крымские татары поддерживали не Швецию, а Речь Посполитую. Нападение крымских войск на земли Восточной Пруссии было предпринято, когда курфюрст был союзником шведов²¹. В 1657 г. шведский король действительно отправил в Стамбул посла Б. Шютте, чтобы побудить султана к войне с его противниками — Россией, Речью Посполитой и Австрией. Его перехваченные письма австрийцы передали на переговорах русским представителям²². (Возможно, так

²⁰ Грушевський М.С. Історія України — Руси. Т. IX/2. Київ, 1931. С. 1281.

²¹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 44.

²² Об этих письмах см. подробнее: Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. I. М., 1946. С. 37, 40. О передаче писем см.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 3. СПб., 1854. Стб. 839 и сл.

о них узнал А.Л. Ордин-Нащокин). Попытка эта, однако, также оказалась безрезультатной и осталась в шведской политике эпизодом, не имевшим последствий.

Опасения А.Л. Ордина-Нащокина не были полностью беспочвенными. Так, известно, что на одном из заседаний риксрода осенью 1663 г. уже упоминавшийся выше Б. Шютте предлагал побудить Османскую империю напасть на Россию²³, но предложение его не было принято, и в дальнейшем к нему не возвращались.

А.Л. Ордин-Нащокин указывал и на другую опасность, угрожавшую России со стороны Швеции. Он обращал внимание на возможность заключения союза между Швецией и Речью Посполитой. Говоря о шведских политиках, он утверждал, что «промысл их о том давно», и «ныне шведам время то делать с поляки» (ст. 30). В отличие от планов шведско-крымского союза такая опасность в 1664 г., как увидим далее, была вполне реальной, и этот довод, несомненно, должен был привлечь к себе серьезное внимание царя и его советников.

Союз с Речью Посполитой, по мнению автора записки, должен был помочь не только избежать этих опасностей, но и «исправить» невыгодные для России последствия Кардиского мира. В записке, переданной К. Пацу, А.Л. Ордин-Нащокин выдвигал план созыва международного съезда, на котором при содействии дружественных посредников Россия и Речь Посполитая смогут добиться возмещения за нанесенные им «шкоды»²⁴. В записке царю он выражался на этот счет гораздо более неопределенно (возможно, потому, что царь был знаком уже с его запиской, переданной Пацу), но и в этом документе он подчеркивал, что положение удастся исправить «промыслом, для своих прибылей мирных, а не через меч» (ст. 18). На чем основывалось убеждение политика, что такой упорный, последовательный враг Русского государства, каким ему представлялась Швеция, согласится без войны, мирным путем пойти на необходимые для Русского государства уступки, установить не удастся.

²³ *Fahlborg B.* Op. cit. S. 329.

²⁴ *Галактионов И.В.* К истории... С. 83–84.

Выше уже отмечалось то место в рассуждениях А.Л. Ордина-Нащокина, где он говорил о Хмельницком как о политике, с самого начала своей деятельности связанном со Швецией. Это не было случайное замечание. В другом месте записки можно прочесть, что «Богдан Хмельницкой по дружбе им, шведом, большое попеченье имел, заступая их, шведов, от войны Московского государства» (ст. 21). Можно понять, как сложились у автора записки такие взгляды на характер внешней политики гетманства. В конце 40-х — начале 50-х гг. XVII в. А.Л. Ордин-Нащокин к украинским делам никакого отношения не имел. В круг его внимания они вошли в 1657 г., когда он пересылал в Посольский приказ сведения о контактах Богдана Хмельницкого с Карлом Густавом и Ракоци. Повидимому, тогда у него стало формироваться представление о политике гетманства как политике, преследующей особые цели, не соответствующие русским интересам. События, связанные с переходом на сторону Речи Посполитой сначала Ивана Выговского, а затем — Юрия Хмельницкого, могли только утвердить в нем это убеждение.

Другая внешнеполитическая проблема, решение которой должно было способствовать заключению союза с Речью Посполитой, была проблема отношений Русского государства с его южными соседями — Крымским ханством и Османской империей. В записке, переданной К. Пацу, А.Л. Ордин-Нащокин говорил, что, заключив такой союз, Россия и Польско-Литовское государство смогут не опасаться угроз со стороны Османской империи и Крыма. Более того, он высказывался в том смысле, что активные наступательные действия обоих государств (возможно, в составе антиосманской коалиции) смогут привести к установлению протектората Речи Посполитой над Дунайскими княжествами и Трансильванией²⁵. В записке, адресованной царю, А.Л. Ордин-Нащокин обозначил совсем иной подход к проблеме, указывая Алексею Михайловичу на то, какие выгоды именно России может принести такая политика. Говоря о Дунайских княжествах, он отмечал, что они «по самой

²⁵ *Галактионов И.В.* К истории... С. 84–85.

великой неволе под оборону турецкую поддались», так как между Россией и Польшей шли постоянные войны и они не могли оказать помощи этим государствам. Когда с заключением союза положение изменится, «и те волохи скоро пристанут к тем обоим союзным государствам, а от турка отлучатца». Вместе с тем он обращал внимание на то, что жители этих княжеств живут «в крепком благочестии греческого закона», отсюда он делал вывод, что они «по вере желанием своим блиски к Великой России и никогда бы отступны не были» (ст. 13). Таким образом, по его мнению, такая политика должна была привести к утверждению в Дунайских княжествах не польского, а русского влияния.

Такая констатация давала возможность Ордину-Нащокину еще дальше заглянуть в будущее, оценить перспективы, к которым приведет соединение всех православных от Дуная и до России в рамках союзных государств. Это, по видимому, должно было создать условия для последующего триумфа православия над католичеством. Такого прямого вывода в тексте записки нет, но в ней читается выражение надежды, что «нашей вере противные католици не познают того обхождения около их», т. е. не поймут, к каким последствиям для них приведет такая политика. Только данный вывод может объяснить и появление в тексте записки слов, что «каталицкую веру и сами оне за пространства имеют быть, а не за спасение, и держать по начале своем», т. е. поляки не привязаны по-настоящему к своей вере, держатся ее скорее по традиции (ст. 14). Разумеется, следует учитывать, что эти доводы адресовались благочестивому монарху, убежденному в том, что Бог возложил на него историческую миссию объединения православных и их освобождения от иноверной власти. Представляется, однако, что они вполне соответствовали и взглядам самого А.Л. Ордина-Нащокина. Свое убеждение в приверженности «волохов» православию он, вероятно, вынес из своей поездки в Молдавию в середине 40-х гг. XVII в.

Изложенный в записке взгляд на будущие перспективы отношений между Россией и Речью Посполитой не исключал совсем иных подходов к решению проблем, возникав-

ших в данной конкретной ситуации. Неслучайно в записке говорилось, что следует «ныне... того времени не испустить в нужное их безвремяе» (ст. 15), т. е. использовать в своих интересах то неблагоприятное положение, в котором оказалась Речь Посполитая после неудачи похода на Левобережную Украину. Более конкретные советы содержатся в отписках, которые А.Л. Ордин-Нащокин посылал царю в апреле 1664 г. В одной из этих отписок, сообщая о тяжелом положении литовской армии после неудачного похода, он призывал «того бы над польским и литовским войском нужного времени не спустить»²⁶. Получив от царя указ договариваться с комиссарами о «задержании войны», он доказывал, что этого делать не нужно. Напротив, следует направить И.А. Хованского с войском в Браславский и Вилькомирский поветы, и «литовские люди, увидя себе утеснение и учнуть к миру приходите скорее». Если против Хованского вышлют войска, им в тыл может ударить армия Я.К. Черкасского²⁷. Таким образом, убеждение в необходимости мира и союза с Речью Посполитой совсем не исключало активных боевых действий, чтобы побудить Речь Посполитую к принятию нужных для русской стороны решений.

Хотя условия мира в целом в записке не обсуждались, всё же ряд вопросов двусторонних отношений в ней был затронут. Столь же большое место, как и основные сюжеты, занял в записке вопрос о судьбе «полона», оказавшегося на русской территории после удачных для Русского государства военных кампаний 1654–1655 гг. (ст. 7–9, 33)²⁸. А.Л. Ордин-Нащокин указывал, что «во всех краех Великие России и в Сибири полону в службе много», «а в украинных местех без служивого доброго строю от хана крымского и от калмыков быть не мошно». В этой связи он полагал, что при заключении союза между государствами можно добиться того, чтобы весь этот «полон» остался в России, тем более что многие здесь «поженились и замуж вышли». В этих рассуждениях

²⁶ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 11. Л. 5а.

²⁷ Там же. Л. 11–13.

²⁸ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 429.

отразилось понимание нехватки в Русском государстве населения для освоения и защиты столь обширной территории, когда приток дополнительных людских ресурсов всегда был желанным и нужным.

Учитывая охарактеризованные выше обширные планы, связанные с укреплением позиций православия на огромных территориях на север от Дуная, не может вызвать никакого удивления утверждение автора записки, что заключение союза позволит предотвратить переход православного населения Речи Посполитой под давлением католических властей в унию и благочестие могло бы «ис пелену запустения на свет выти», тогда «разоренные святые места поправить мощно и милостивым наданьем оживить» (ст. 11–12). Очевидно, договор о мире и союзе, по мысли А.Л. Ордина-Нащокина, должен был дать Алексею Михайловичу возможность оказывать покровительство и помощь православным в Польско-Литовском государстве. Это, конечно, способствовало бы превращению России в ведущего партнера в проектируемом союзе.

Наконец, в записке был затронут вопрос о «обрании» Алексея Михайловича на польский трон. Договоренность об избрании Алексея Михайловича преемником короля Яна Казимира была достигнута на переговорах под Вильно в 1656 г. В 1658 г. соответствующее решение принял сейм, определив те условия, на которых Алексей Михайлович был бы признан «обраным» польским королем. Следовало решить, надо ли на мирных переговорах добиваться осуществления этой договоренности. А.Л. Ордин-Нащокин полагал, что вопрос для польско-литовской стороны продолжает оставаться актуальным: «поляки и ныне для мира и лучшего себе в рубежах одержания того обрания не отлагают». Смысл этого замечания станет понятным, если учесть, что условия, принятые сеймом в 1658 г., предусматривали возвращение Речи Посполитой всех земель, входивших в ее состав по Поляновскому миру. Автор записки полагал, что на такое соглашение идти не стоит: земли будут отданы, а избрание царя на польский трон никакой договор не гарантирует. Заключив нужный им мир, поляки постараются «того

обращения противными статьями отбыть» (ст. 30). Как представляется, А.Л. Ордин-Нащокин не исключал возможность такого решения, но лишь после того, как союз между Россией и Речью Посполитой будет заключен и покажет свою эффективность. На это указывают читающиеся в записке слова: «мимо своего союзника безвестно иного государя не обируют» (ст. 32).

Огромное место в отношениях между Россией и Речью Посполитой занимал вопрос о судьбе Украины. Этой темы автор записки коснулся лишь в 33-й заключительной статье. Здесь читаем: «А о черкасах малороссийских, не учинив союзу во всякой помочи в тех обоих государствах, как их отступитца, и опричь всея Польши и Литвы те черкасы по прежнему совету с ханом и с шведом взочнут на Великую Россию злую войну»²⁹. Эти высказывания уже исследователи XIX в. поняли как готовность политика отказаться от Украины ради заключения союза с Речью Посполитой. Так понял эти высказывания, как увидим далее, и царь Алексей Михайлович. Однако текст записки не дает основания для такого решительного вывода. Ни планы активной политики на юге, ни планы соединения воедино многих православных народов нельзя было бы осуществить, если бы Россия не имела никаких владений на Украине. Представляется, что речь здесь шла о необходимости «отступитца» от тех «черкас», которые жили на территории Правобережной Украины. Несомненно, однако, что в этом фрагменте записки, как и в некоторых других местах, отразилось представление А.Л. Ордина-Нащокина о казачестве как силе, исторически связанной с такими противниками Русского государства, как Крым и Швеция, способной начать против России «злую войну», чему может помешать союз с Речью Посполитой.

В записке был затронут один сюжет, не имевший прямого отношения к русской внешней политике, но важный для характеристики общественного сознания русских людей середины XVII в. 17-я ст. записки открывалась словами: «А что слышитца от некоторых людей, не захотят, де, того

²⁹ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 429.

соединения... московские народы». Из этих слов ясно следует, что люди, знакомые со взглядами политика, говорили ему, что союза с Речью Посполитой не захочет русское общество. Этот аргумент А.Л. Ордин-Нащокин отменил утверждением, что «каково от великих людей объявление в народ учинитца, так и разсуждать учнут», а вопрос о союзе с Речью Посполитой будут решать, как сказано в следующей, 17-й статье записки, «царского величества ближние бояре и думные люди». Однако само появление такого аргумента и необходимость отвечать на него заслуживают внимания.

20 марта 1664 г. доверенное лицо царя подьячий Приказа тайных дел Ю. Никифоров повез ответ царя на записку А.Л. Ордина-Нащокина³⁰. В научной литературе сложилось представление о негативном отношении царя к предложениям А.Л. Ордина-Нащокина. В подтверждение этого приводятся слова царя, что «собаке (т. е. иноверным, полякам. — Б. Ф.) не достойно есть и одного куска хлеба православного», что якобы говорит о намерениях царя продолжать войну, пока русская власть не установится на территории всей Украины³¹. Знакомство с письмом царя в целом показывает, что дело обстояло иначе. Слова о «хлебе» и «собаке» были произнесены царем в ходе его рассуждения по поводу слов о «черкасах» в 33-й статье записки. Текст статьи царь понял так, что его советник предлагает вообще отказаться от Украины. В этой связи царь отметил, что «о черкасском деле о здешне(и) стороне» на мирных переговорах не может быть и речи. Он напомнил, что на переговорах во Львове сам А.Л. Ордин-Нащокин не поднимал вопроса об уступке левобережной Украины, и поставил это ему в заслугу («и у нас, великого государя, твой извет про ту статью крепко памятен, и за то тебя милостиво похваляем»). Далее в письме царя читалось: «А собаке недостойно и одного уломка хлеба есть православного, толко то не от нас будет за грехи учинитца. А будет оба уломка хлеба достанутца собаке в вечность, ох! кто может в том ответ сотворить и какое

³⁰ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 11. Л. 5.

³¹ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 161.

оправдание примет от давшего святости и живыи хлеб собаке разве преисподняго ада и лютые муки»³². Перед нами мысли вслух благочестивого правителя, озабоченного тем, что Бог может призвать его к ответу за то, что он не смог освободить все православное население Украины от иноверной власти. Однако и из этих рассуждений видно, что царь находил себя вынужденным согласиться с тем, что половина «хлеба православного» — Правобережная Украина останется под властью Речи Посполитой.

Однако важно отметить, что критические замечания царя касались только заключительной статьи записки, о которой он написал: «33 статью отложили и велели вынять»³³. Очевидно, поэтому ее не оказалось в тексте, опубликованном И.В. Галактионовым. Что же касается всех других предложений А.Л. Ордина-Нащокина, то о них царь в своем письме писал: «Статьи прочтены и зело благополучны и угодны Богу на небесах»³⁴. О главной мысли этих статей — необходимости заключить с Речью Посполитой не только мир, но и союз — царь написал: «Союз — превеликое богоугодное дело и всего света любовь и радость»³⁵. Содержание царского письма не позволяет согласиться с мнением З. Вуйцика, что записка навлекла на А.Л. Ордина-Нащокина немилость царя, и он был отстранен от участия в переговорах³⁶.

Разумеется, было важно, последуют ли за одобрением предложений советника соответствующие конкретные шаги. В своем письме царь обещал: «с твердым рассуждением и с великим подкреплением, наказав, великих и полномочных послов отпустим по времени»³⁷. Ход событий должен был показать, будет ли, и как и когда, это обещание выполнено.

³² РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 11. Л. 4.

³³ Там же. Л. 2.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 3.

³⁶ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 161–162.

³⁷ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 11. Л. 3.

ГЛАВА 3

СЪЕЗД В ДУРОВИЧАХ

Предполагалось, что А.Л. Ордин-Нащокин может вступить с уже приехавшими комиссарами в переговоры о мире еще до приезда главных представителей русской стороны, но комиссары на это не согласились¹. Всё же определенные беседы с комиссарами у русского представителя состоялись. На беседе, имевшей место 16 апреля, комиссары затронули два вопроса, имевших серьезное значение для русской стороны. Комиссары выражали желание «роздирание бы между Восточные церкви и Западные утишить и умирить». Они подчеркивали, что «каталицкая вера ближ всех вер к греческому закону», и более того, ожидали в случае соединения церквей «обнадеживания и помочи с вашей стороны», чтобы в Речи Посполитой «ариан, люторов и калвинов не было»². Хотя А.Л. Ордин-Нащокин дипломатично ответил, что после заключения между государствами вечного мира «можно всякое благоустройство творить»³, ясно, что при изложенных выше взглядах Алексея Михайловича на отношения между католическим и православным вероисповеданиями трудно было бы ожидать от него благосклонного отношения к идее соединения церквей.

Существенно иначе обстояло дело с другим затронутым в беседе вопросом. Комиссары, говоря о войне между Османской империей и Габсбургами и о том, что христианские государи уже «ратми» помогают «цесарю против тур-

¹ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 11. Л. 14; № 13. Л. 30.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 17.

ка», выражали надежду, что после заключения мира государи «всеми силами пойдут... против Турка». По их мнению, к союзникам тогда присоединится и крымский хан, «чтоб ему от Турка быть свободну». «А имеем, — говорили комиссары, — крепкую надежду, что нашим государством даст Бог от бусурман прибыли бес крови и без меча»⁴, т. е., оказавшись перед лицом объединившихся христианских государств, султан будет вынужден без войны пойти на уступки. Очевидна близость этих высказываний к тому, что писал на эту тему А.Л. Ордин-Нащокин в своих записках. И такие высказывания были не единичны. Даже во время похода Яна Казимира в феврале 1664 г. литовский канцлер К. Пац говорил русскому гонцу Кириллу Шубину: «Как великие государи наши христианские склоняются к покою, и те, де, все мечи оборотим на бусурман»⁵. Все это свидетельствовало, что определенная почва для переговоров о союзе имеется, и, вероятно, вызвало надежды на благоприятный исход переговоров.

Главные представители русской стороны, ближайшие советники царя бояре кн. Н.И. Одоевский и кн. Ю.А. Долгорукий, приехали в Смоленск в конце мая 1664 г.⁶, и в июне начались переговоры русской и польско-литовской делегаций. Ход переговоров, происходивших в селе Дуровичи, обстоятельно рассмотрен в книге З. Вуйцика, посвященной предыстории заключения Андрусовского договора. Исследователь использовал и польские, и русские записи переговоров, а также письма комиссаров различным лицам и их переписку с Яном Казимиром и коронным канцлером М. Пражмовским, однако переписка великих послов с царем и военачальниками была ему известна лишь в пересказе С.М. Соловьева, который ввиду обобщающего характера своего труда использовал в нем лишь некоторые наиболее важные с его точки зрения документы. Между тем только

⁴ Там же. Л. 17–18.

⁵ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 9. Л. 58.

⁶ *Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza.* Warszawa, 1969. S. 163.

полное использование этих материалов дает возможность установить, как, под воздействием каких факторов вырабатывалась, а затем изменялась позиция русской стороны на переговорах.

Как показано в книге З. Вуйцика, комиссары Речи Посполитой приступали к переговорам, не имея инструкций. Лишь 26 мая н. ст. Ян Казимир и канцлер М. Пражмовский направили комиссарам указания затягивать переговоры до получения инструкций и занять на них твердую, неуступчивую позицию⁷. В лучшем положении в этом отношении находились великие послы. 24 мая к ним со стряпчим Иваном Петровым был отправлен тайный наказ⁸. Вместе с наказом к ним были отправлены «из вестовых отписок и ропросных речей статьи»⁹. В сопроводительной грамоте царя указывалось, что «много нового дела показалось от вестовых писем»¹⁰. Письма сообщали информацию прежде всего о положении на Правобережной Украине, где продолжалось восстание. Участники военных действий сообщали, что восстание охватило территорию Уманского, Браславского и Чигиринского полков, казаки которых присоединились к запорожцам во главе с Иваном Серко. К ним присоединились и «забожские черкасы». Польского ставленника Павла Тетерю «держатся толко Чигирин да Белоцерковскои полк», что связано было с тем, что в Чигирине находился польский гарнизон, а у Белой Церкви стоял с коронным войском С. Чарнецкий¹¹. Из Чернигова сообщали о выступлении против польской власти «черкас» из Чернобыля, Брагина и Мозыря¹². Все информаторы сообщали, что участники восстания хотят перейти под русскую власть. Ездивший к гетману Левобережной Украины дьяк Евстрат Фролов сообщал, что Брюховецкий перешел Днепр и намерен поставить

⁷ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 167.

⁸ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 13. Л. 58.

⁹ Там же. Л. 67.

¹⁰ Там же. Л. 72.

¹¹ Там же. Л. 73–74, 97–99.

¹² Там же. Л. 86.

гарнизоны в Черкассах и Каневе¹³. Участвовавший в походе Брюховецкого Вас. Кикин сообщал, что его войска идут к Чигирину¹⁴.

Ряд сообщений говорил о том, что на Украине татар нет и их появления не ожидают. Хан боится покинуть Крым, опасаясь нападения калмыков, а его сын с Белгородской ордой отослан для участия в войне с императором¹⁵. В отправленной великим послам подборке была и отписка воевод Царицына, что калмыки 14 апреля выступили в поход на крымские улусы¹⁶.

Подборка включала также ряд сообщений о состоянии литовской армии. Армия понесла серьезные потери во время похода Яна Казимира, «а иные, де, за скудостью многие из поляков разъехались», «помирают з голоду для того, что сенатори зборные хлебные запасы розвезли все по себе», и те, кто остались, если не получают жалованья, «из войска хотят разъехатца»¹⁷. К отпущенному «полонянику» Евсею Лаврову гетман М. Пац при его отъезде обратился со словами: «Бейте челом великому государю, чтоб Бог дал мир, а они, де, всем войском королевскому величеству били челом, чтоб он с великим государем мирился, как мочно»¹⁸. Наконец, к послам был отправлен еще один документ — грамота царя с предписанием затягивать переговоры до подхода к Смоленску войск во главе с кн. Я.К. Черкасским, которые 14 мая начали движение из Брянска¹⁹. В присланных послам бумагах ничего не говорилось о каких-либо масштабных военных акциях на Украине в поддержку развернувшегося там восстания. Как увидим далее, это не было случайностью.

¹³ Там же. Л. 99.

¹⁴ Подробнее о восстании на Правобережной Украине весной 1664 г. см.: Яковлева Т. Руїна гетьманщини. Від переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ, 2003. С. 423–425.

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 13. Л. 74, 81, 93–94, 99.

¹⁶ Там же. Л. 82–84.

¹⁷ Там же. Л. 91–92, 109.

¹⁸ Там же. Л. 110.

¹⁹ Там же. Л. 69–70.

Присланный послам наказ был весь посвящен вопросу об Украине. Послы должны были добиваться того, чтобы «рубейж бы учинить по Днепр». В самом крайнем случае следовало добиваться возвращения земель, утраченных в годы Смуты («Смоленска с 14 городами против прежних наказов»). Далее, однако, предписывалось «здешней стороны Днепра о черкасских городах и о Запорожье полским комиссарам говорить всякими мерами и отказать им в том впрямь». Таким образом, следовало твердо добиваться, чтобы Левобережная Украина вошла в состав Русского государства. Что касается Правобережной Украины, то царь и его советники, несмотря на значительные успехи развернувшегося там восстания, готовы были от нее отказаться ради прекращения войны и установления прочного мира.

Вместе с тем царь и его советники понимали, что их отказ от Правобережья не приведет к установлению порядка на этой территории. Если еще в 1662 г. поднимался вопрос о том, что власти Речи Посполитой должны послать войско и установить порядок на землях, от которых Россия отказывается, то теперь под влиянием нового опыта было выработано новое решение украинского вопроса. «О черкасах с обеих сторон, — говорилось в наказе, — говорить и стоять всякими мерами накрепко, что они — люди вольные, и какая то прибыль обоим государствам будет, что их напрасно в Крым отогнать и разорение и война всегдашняя от них принимать»²⁰. Далее эти общие положения конкретизировались: в мирном договоре должно быть зафиксировано, что на Правобережье следует православных церквей «в костелы и в унею не превращать и черкас не винить ничем и дать воля»²¹. Таким образом, трезво оценивая возможности страны, уставшей от тяжелой, продолжавшейся уже 10 лет войны, и проявляя готовность отказаться от борьбы за Правобережье, царь и его советники стремились добиться стабильности в этом важном пограничном регионе с помощью предоставления определенных прав православ-

²⁰ Там же. Л. 60.

²¹ Там же. Л. 61.

ной церкви и казачеству, что должно было быть зафиксировано в мирном договоре²². Аналогичные обязательства в отношении казачества, по-видимому, готова была взять на себя и русская сторона. Великие послы должны были обратить внимание своих партнеров на то, что если этого не будет сделано, казачество, защищая свои права, обратится к крымским татарам. Это предупреждение оказалось пророческим.

Вместе с другими документами гонец Ив. Петров привез и письмо царя А.Л. Ордину-Нащокину с предложением написать ему свои соображения, как «то дело к совершению мира приводить»²³. В своем ответе А.Л. Ордин-Нащокин жаловался, что от «от великих бояр... обнадеживанья в тайных делах не слыхал», но главное, он обратил внимание царя на то, что в присланном наказе ничего не говорилось о возможности заключения союза между Россией и Речью Посполитой. «А не зачав, государь, союзом миру и промысл к делу не пристанет и в порубежных и черкасских договорах овладенья к Великой России никакова не учинить», т. е. без заключения союза осуществить предложенный в этом наказе план решения украинского вопроса — невозможно. Он напоминал царю про свою записку «в тритцати дву статьях докладных в Приказе Тайных дел»²⁴.

Обстановка на переговорах, как увидим далее, стала складываться так, что к предложениям младшего члена посольства пришлось отнестись с бóльшим вниманием, но произошло это не сразу.

Когда имели место уже первые встречи представителей сторон, великие послы получили еще одну грамоту с указанием «сверх тайного наказа» добиваться уступки Полоцка и Динабурга (Борисоглебова), «хотя денег дать немало»²⁵. Очевидно, опираясь на имевшиеся у него благоприятные

²² Этот важный аспект почти совсем пропал в изложении этого документа в книге З. Вуйцика (Traktat andruszowski... S. 165).

²³ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 13. Л. 130.

²⁴ Там же. Л. 138–139.

²⁵ Там же. Л. 158–159.

известия, царь полагал, что на переговорах представители Речи Посполитой пойдут на уступки и по мирному договору удастся получить не только Смоленщину и Левобережную Украину, но и города, лежащие на Западной Двине.

Однако уже само начало переговоров не оправдало эти надежды. Хотя первые встречи были посвящены, главным образом, формальным вопросам²⁶, делегаты Речи Посполитой, следуя королевским указаниям, заняли твердую, неуступчивую позицию, отказываясь, в частности, принять от послов верительные грамоты, так как в них в перечне царских титулов фигурируют земли, входящие в состав Речи Посполитой. Излагая свои впечатления от этих встреч, великие послы писали царю, что «польские комиссары перед прежним горды и стоят упорно». Они даже запрашивали царя, не следует ли прервать переговоры²⁷. Отвозивший эту отписку Ю. Никифоров повез к царю и письмо кн. Ю.А. Долгорукого. Князь также писал, что комиссары «безмерно горды», «а в разговорах начинают и кончают Поляновским договором». Положение могли бы изменить активные военные действия. Войску во главе с Я.К. Черкасским следовало бы, «не испуская лета, Днепр переить меж Могилева и Быхова... и тем литовское войско пожать, а комиссаров понизить». Действовать следовало быстро, чтобы нанести поражение литовской армии до того, как к ней придут на помощь польские войска и татары²⁸. Сходные советы давал в разговорах с Ю. Никифоровым А.Л. Ордин-Нащокин. Он предлагал развернуть военные действия «по Двине реке», «и Литве то страшно будет», так как «жены, и дома, и дети их около Двины»²⁹.

18 июня царь принял решение переговоров не прерывать, но одновременно начать активные военные действия³⁰.

²⁶ См. об этих заседаниях: *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 165–166.

²⁷ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 13. Л. 203–204.

²⁸ Там же. Л. 208–212.

²⁹ См. текст под заголовком «Думный дворянин Офонасей Лаврентьевич в разговорах говорил» (там же. Л. 216–217).

³⁰ См. его «милостивое слово» Ю.А. Долгорукому и грамоту послам (там же. Л. 241–248).

Одновременно он известил послов, что Я.К. Черкасскому послан приказ «идти к Орше» и «чинить промысл»³¹. В инструкциях, посланных главнокомандующему, ему предписывалось, чтобы он «на королевские люди наступал строем и обозом», так как «всегда за таким промыслом войне конец бывает». Он должен действовать, «не испустя нынешнего летнего времени», и начать военные действия против литовской армии во главе с М. Пацем, следуя указаниям великих послов. Одновременно к И.А. Хованскому в Полоцк будут посланы подкрепления. Он должен перейти Двину и «у гетмана Паца стоянье измешать», «литовскому и жмуцкому войску собратца не дать»³². Таким образом, царь принял советы и Ю.А. Долгорукого, и А.Л. Ордина-Нащокина.

По-видимому, первоначально, когда Я.К. Черкасский, один из виднейших представителей знати и близкий родственник царской семьи, был назначен командующим, речь шла о демонстрации силы, и важен был ранг командующего. Но дело стало обстоять иначе, когда от командующего потребовались активные военные действия. Неслучайно инструкции заканчивались настойчивым пожеланием, чтобы он действовал не так, «как было нынешнее зимы», когда «за непоспешеньем» он упустил отступавшую армию Яна Казимира³³. Тогда же царь отправил Ю.А. Долгорукому особое письмо, в котором сообщалось, что если командующий «впред учнет делать так ж», то Ю.А. Долгорукий будет назначен на его место³⁴.

Обстановка для ведения военных действий складывалась благоприятная. Попавший в плен в начале июня офицер литовской армии, француз, сообщил, что войск из Польши в Великом княжестве Литовском нет, с королем в Вильно находится только отряд «надворной пехоты». «А заплаты, де, желнырем никакой не дают, и за то, де, они, желныре,

³¹ Там же. Л. 249–251.

³² Там же. Л. 261–271.

³³ Там же. Л. 272.

³⁴ Там же. Л. 276. Это доверительное письмо, посланное тайно, сопровождалось пометой: «А думному дворянину Афанасью Лаврентьевичу про сю статью сказать ж».

приходили к королю с шумом большим»³⁵. Полученные от него сведения великие послы переслали Черкасскому³⁶. Тогда же важные сведения он получил от гетмана Брюховецкого. Гетман сообщал 9 июня из Канева, что Канев, Умань, Браслав, Кальник, а также Овруч, Чернобыль, Мозырь подчинились его власти. С. Чарнецкий, — писал он, — пытается подавить восстание на территории Корсунского полка³⁷. Из этого следовало, что в ближайшее время можно не опасаться прихода польских войск с Украины на помощь литовской армии. 18 июня в посольской канцелярии записали «речи» попа Варлама Дорофеева из Виленского Духова монастыря. Он сообщил, что в Великом княжестве Литовском войск мало «и те нужны и голодны» и «заплаты, де, никому не дают». В Литве узнали о движении войск Я.К. Черкасского, «и от тех, де, войск они страшатца»³⁸.

В целом эти сообщения отвечали действительности. На территории Великого княжества Литовского не было крупных военных соединений, кроме армии Паца, стоявшей в Шклове. Обеспокоенные комиссары срочно просили короля о помощи³⁹. Следуя указаниям царя, великие послы побуждали Я.К. Черкасского скорее начать военные действия, рекомендуя предпринять нападение «к Чаусам и под Мстиславль, и под Кричев, и к Быхову, и под Могилев»⁴⁰. К Черкасскому царь прислал в конце июня подьячего приказа Тайных дел Федора Казанца, чтобы побудить его к решительным действиям⁴¹. После приезда посланца 30 июня Я.К. Черкасский выступил в поход, но при этом, как сообщал Казанец, «говорил с опасеньем, чтоб, де, вступив в дальние места от Смоленска, от литовских людей упадок не учинился»⁴². Уже

³⁵ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 15. Л. 195–199.

³⁶ Там же. Л. 212.

³⁷ Там же. № 16. Л. 13–14.

³⁸ Там же. № 13. Л. 282–283.

³⁹ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 176–177.

⁴⁰ См. отписки послов Я.К. Черкасскому от 21 и 24 июня (РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 13. Л. 332–336).

⁴¹ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 70–71.

⁴² См. отписку Ф. Казанца царю (там же. Л. 81–82).

эти слова показывали, что опасения, высказанные царем в инструкциях главнокомандующему, были не беспочвенными. 5 июля он сообщил великим послам, что идти походом к Чаусам нет смысла, так как там все места запустели от войны «и воевать некого», а на те места, где он мог бы предпринять нападения, распространяется действие временного перемирия между делегациями ⁴³.

Пока великие послы и царь побуждали Черкасского к активным действиям, А.Л. Ордин-Нащокин пытался убедить царя в правильности своих взглядов. Одновременно он жаловался на руководителей посольства. «А твои, великий государь, послы, — писал он в Приказ тайных дел, — союзным миром и помощью общею мир становить с комиссары, чему бы они склонны были и поступны к миру, и слышать от меня, холопа твоего, не хотят» ⁴⁴. Иногда из этих слов делают вывод, что главы посольства были противниками внешнеполитического курса, предложенного дипломатом ⁴⁵. Однако из его последующих слов, что послы, не желая обсуждать его предложения, говорят, что «в дело то не поставлено», ясно следует, что великие послы отказывались обсуждать его предложения, так как о них ничего не говорилось в посольских наказах. Как будто одоблив предложения политика, царь не сделал ничего для их осуществления. Афанасий Лаврентьевич, однако, не сдавался и использовал приезд в посольскую резиденцию царского посланца Ю. Никифорова, чтобы передать ему новые соображения об условиях русско-польского соглашения.

Русские власти и в середине XVII в., и ранее жестко придерживались принципа, что владеть землями на русской территории могут только русские подданные. Ради достижения мира А.Л. Ордин-Нащокин готов был от этого принципа отступить. Уже в записке, поданной в 1663 г. канцлеру К. Пацу,

⁴³ См. об этом в отписке послов Я.К. Черкасскому (РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 16. Л. 28).

⁴⁴ Там же. № 13. Л. 206.

⁴⁵ *Галактионов И.В.* Из истории русско-польского сближения в 50–60-х годах XVII века (Андрусовское перемирие 1667 года). Саратов, 1960. С. 83.

он полагал, что при заключении мира и союза между Россией и Речью Посполитой магнатам и шляхте могли бы быть возвращены их владения на землях, отошедших к Русскому государству⁴⁶. В записке, поданной царю, об этом не говорилось, но в разговорах с Ю. Никифоровым он снова вернулся к этому вопросу. Он предлагал, чтобы достичь мира, обратиться к бежавшей от русского наступления в 1654–1655 гг. шляхте с обещанием вернуть им старые владения «и с судом и управою, как у них наперед сего бывало»⁴⁷. Правда, на такой шаг, по его мнению, можно пойти лишь в том случае, если между государствами будет заключен не только мир, но и союз. Иначе, — утверждал он, — «дела в конец, как себе надобно, не привесть». Следовало также обещать денежное жалованье литовскому войску и дать такое же жалованье одному из членов польско-литовской делегации, референдарю литовскому Киприану Павлу Бжостовскому, т. к. «Литва ему во всем верят и любят ево»⁴⁸.

Пока великие послы и царь побуждали Я.К. Черкасского к активности, на переговорах стороны перешли к обсуждению условий мира⁴⁹. Стремясь скорее заключить мир и положить конец войне, русская сторона, сталкиваясь с сильным сопротивлением представителей Речи Посполитой, проявила готовность пойти на серьезные уступки. Русские великие послы соглашались уступить Полоцк и Витебск, а также польскую Ливонию с Динабургом. Как верно отметил З. Вуйцик, это были те условия, на которых позднее было заключено перемирие в Андрусове⁵⁰. Однако польско-литовская сторона эти условия не приняла. К этому времени комиссары получили от короля инструкции, предписывавшие им совсем иную линию поведения. Инструкции эти, как показал З. Вуйцик, были составлены в Вильно при участии ближайших советников короля. Назначенные сеймом

⁴⁶ Галактионов И.В. Из истории... С. 85.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 13. Л. 215.

⁴⁸ Там же. Л. 215–216.

⁴⁹ Подробная характеристика этого этапа переговоров: *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 170 i n.

⁵⁰ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 174.

представители в выработке этого документа не участвовали⁵¹. Инструкция предписывала требовать возвращения Речи Посполитой всех земель, занятых русскими войсками в 1654–1655 гг., и Левобережной Украины. Кроме того, следует требовать возмещения в 10 млн. злотых за нанесенный Речи Посполитой ущерб. Никаких денежных выплат за уступку каких-либо территорий принимать не следовало. Комментируя эти условия мира, З. Вуйцик справедливо отметил, что «твердая и неуступчивая позиция польских представителей в Дуровичах не имела никакой опоры в реальной почве»⁵². Действительно, соотношение сил сторон было не таково, чтобы можно было бы рассчитывать заставить русскую сторону согласиться на такие условия мира. Почему же Ян Казимир и его советники их выдвинули?

В этой связи заслуживают внимания некоторые особенности документа. Так, в нем предписывалось, с использованием разных аргументов, чтобы комиссары ни в коем случае не заключали перемирия, а заканчивался он словами, что в случае безуспешного окончания переговоров король, собрав войска, снова сумеет взять верх над неприятелем⁵³. Эта специфика документа позволяет предположить, что королевский двор, от которого инструкция исходила, не был заинтересован в успешном завершении мирных переговоров и связывал свои планы на будущее с новой военной кампанией, которая позволила бы продиктовать побежденному свои условия. Эта победа повысила бы престиж королевской власти и позволила бы королевской паре осуществить свои планы, связанные с передачей польского трона французскому принцу. Такой кампании должна была предшествовать расправа с вождем оппозиции этим планам — великим маршалком и польским гетманом коронным Е. Любомирским, который вместе со своими сторонниками не принял участия в походе на Россию⁵⁴.

⁵¹ Ibid. S. 168.

⁵² Ibid. S. 196.

⁵³ Ibid. S. 169.

⁵⁴ Сообщение о конфликте королевской пары и Любомирского имеется в одной из отписок «великих послов». Здесь читаем, что Любомирский собрал войско и «кормил» его солдат в сво-

Каковы бы ни были истинные настроения комиссаров⁵⁵, на переговорах они строго следовали инструкциям, в резкой форме отвергнув все русские условия. Предложенные ими условия были совершенно неприемлемы для русской стороны. Тем самым мирные переговоры зашли в тупик.

Следует отметить, что какими-либо реальными средствами давления на русских представителей комиссары не располагали и пытались восполнить этот недостаток ссылками на опасности, угрожающие России в будущем, если мир не будет заключен. Так, на беседе, состоявшейся 20 июня, К.П. Бжостовский «доверительно» сообщил А.Л. Ордину-Нащокину, что восстание на Украине почти подавлено и С. Чарнецкий ждет хана с ордой, чтобы идти в поход на русские земли, а в Польше находится шведский посол, который призывает, чтобы поляки «посольство высоко держали и свое мстили», и предлагает «польские и литовские войска случить с свейскими войски». Если переговоры закончатся безрезультатно, — предостерегал он своего собеседника, — то придется «на нынешнем сейме крепость учинить с ханом и шведом»⁵⁶. На переговорах комиссары заявляли, что на Украине Серко и Брюховецкий потерпели поражение⁵⁷ и что Чарнецкого с Украины гетманы «в соединенье ждут вскоре»⁵⁸. Русскому гонцу П. Долгову, ездившему к комиссарам в начале июля, сообщили, что навстречу С. Чарнецкому, который идет на север через Полесье с коронным войском и ордой, послан «валентарского войска полковник

их «маетностях», чтобы, опираясь на это войско, помешать вступлению Конде на польский трон (РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 74).

⁵⁵ Один из них, Е. Глебович, говорил гонцу Афанасию Безлову, приезжавшему для обмена пленными, что «они с Московского государства народом в ближнем соседстве и чюдь не одной веры, а чтоб, де, Бог милостию своею случил их воедино, а от Коруни, де, Польские они отлучены и как будто не одново государства люди» (РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 16. Л. 70).

⁵⁶ Там же. № 13. Л. 291, 293.

⁵⁷ Там же. Л. 161–162.

⁵⁸ Там же. № 16. Л. 1.

Буганской»⁵⁹. Комиссары пытались использовать в своих интересах и сообщения «курантов». Так, они передали послам «куранты», в которых сообщалось, что король шведский потребовал со своих подданных «великих податей» и что здесь «против Москвы надеются новой войны»⁶⁰.

Сообщения о положении на Украине были по большей части обычной дезинформацией. Великие послы располагали своими источниками информации, рисовавшими положение дел в существенно ином виде⁶¹.

Хотя С. Чарнецкий добился определенных успехов, сумел остановить у Канева войска Брюховецкого и занять Корсунь, до подавления восстания было еще далеко. Коронная армия завязла под Ставищами, осада которых продолжалась несколько месяцев⁶².

Послам было также известно, что связанные с Любомирским солдаты и офицеры коронной армии «короля ни в чем не слушают и на помощь они и никто ис корунного войска нынешнего лета не будут»⁶³.

Однако что касается Швеции, то сообщения К.П. Бжостовского отвечали действительности. Весной 1664 г. в Польшу выехало шведское посольство во главе с Пальбицким для переговоров о союзе против России⁶⁴. В мае М. Пальбицкий прибыл в Варшаву, а в августе был подготовлен проект союзного договора, одно из условий которого предусматривало участие 20-тысячной шведской армии в войне с Россией⁶⁵.

⁵⁹ Там же. Л. 38.

⁶⁰ Там же. Л. 226.

⁶¹ Помимо тех источников, о которых речь уже шла в предшествующем изложении, следует отметить, что 22 июня к ним были присланы выписки из донесений воевод городов Левобережной Украины «о гетмане Иване Брюховецком и о кошевом о Иване Серке и Чернецком» (РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 13. Л. 328).

⁶² О положении на Правобережной Украине летом 1664 г. см.: Руїна гетьманщини... С. 427–429.

⁶³ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 74.

⁶⁴ *Fahlborg B.* Op. cit. S. 338.

⁶⁵ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 191; Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. T. IX. Berlin, 1877. S. 192.

Надежды на союз со Швецией были одним из факторов, побуждавших Яна Казимира и его окружение вести войну до победного конца. Вместе с тем эти сообщения ставили перед царем и его советниками новую важную задачу: какие шаги следует предпринять, чтобы не допустить заключения союза между Речью Посполитой и Швецией.

Когда переговоры, как уже отмечалось, зашли в тупик, стороны договорились прервать их на срок с 10 июня по 1 августа, чтобы послы и комиссары могли запросить у своих правительств новые инструкции⁶⁶. В указаниях, полученных комиссарами от Яна Казимира, не было ничего нового. Король только предлагал после неудачного окончания переговоров договориться о их возобновлении в будущем, когда королевское войско одержит победу над неприятелем⁶⁷. Иначе обстояло дело на русской стороне.

За новыми инструкциями в Москву был послан А.Л. Ордин-Нащокин. К 21 июля были подготовлены новые инструкции и ряд других важных документов. Дополнительные указания содержались в грамоте, отправленной послам 3 августа. В указаниях царя подчеркивалась его заинтересованность в заключении мира. В ст. 7 этого документа подчеркивалось, что «ближние наши бояре и окольные приговорили, чтоб вам (т. е. послам. — Б. Ф.)... к совершению мира привести всяким промыслом»⁶⁸. Эта заинтересованность, однако, не означала готовности царя идти на новые уступки. Наоборот, условия соглашения стали в какой-то мере более жесткими. Ради заключения мира царь теперь соглашался уступить только Полоцк и Витебск⁶⁹, а о Динабурге речи не было. В особой грамоте от 21 июля великим послам предписывалось «стоять накрепко, чтоб Динаборок с пригороды укрепить за нами и... сулить за тот город с пригороды казны сколько доведетца»⁷⁰. Очевидно, А.Л. Ордин-

⁶⁶ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 191.

⁶⁷ *Ibid.* S. 180.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 172.

⁶⁹ Там же. Л. 172–174.

⁷⁰ Там же. Л. 179.

Нащокин сумел убедить царя в том, как важно русской власти иметь в своих руках опорный пункт на торговом пути по Западной Двине. Что касается «черкасских городов», то идти здесь на какие-либо новые уступки царь совсем не собирался. В грамоте от 3 августа он специально сообщал послам, что под Ставищами армия Чарнецкого понесла серьезные потери «и Маховского Серко с калмыки побили». Чарнецкий начал отступать в Польшу, «а татар при нем никово нет», поэтому следует, чтобы послы «в поступке о черкасских городех тое стороны Днепра говорили с великим рассмотрением»⁷¹, т. е. царь и его советники не исключали того, что, может быть, удастся удержать под русской властью и какую-то часть Правобережной Украины. Как видно из разных документов, отправленных послам, наблюдая за благоприятно складывавшимся положением на Правобережье, русские политики предвидели возникновение перед ними новой проблемы. Они задумывались над вопросом, как избежать последствий острого недовольства украинского общества тем, что по заключенному соглашению часть украинских земель останется в составе Речи Посполитой. Неслучайно в грамоте от 3 августа послам предписывалось следить за тем, чтобы до проведения условий будущего мирного договора в жизнь «на Украину преже не дали вести, а на Украине над нашими... людьми черкасы какова дурна не учинили», чтобы «из-за Днепра ис тех городов наших ратных людей вывезть заранее»⁷².

Если по вопросу о границах русская позиция в определенной мере ужесточилась, то в других отношениях налицо были серьезные перемены. Так, в указаниях послам подчеркивалось, что они при решении вопроса о судьбе «черкасских городов» должны стремиться «к обороне от хана крымского и от ево войны к защите», чтобы «от хана крымского войны впредь было безстрашно и непорушимо»⁷³. Эти формулировки дают основание предполагать,

⁷¹ Там же. Л. 213.

⁷² Там же. Л. 215–216.

⁷³ Там же. Л. 172–174.

что мирный договор в представлении царя Алексея должен был сопровождаться соглашением о совместных действиях обоих государств против Крыма. Особо важно, что в этих указаниях специально упоминались «о союзе статьи», отправленные великим послам с А.Л. Ординым-Нащокиным⁷⁴. В этих статьях есть все основания видеть записку «О миру Великой России с Полшею», копия которой и сохранилась среди материалов переговоров в Дуровичах. Очевидно, и трудности, возникшие в ходе переговоров, и беседы с приехавшим в Москву советником побудили царя обратиться к практическому осуществлению предложенных им планов⁷⁵.

Царь не избегал и других способов достижения цели. В особой грамоте, адресованной А.Л. Ордину-Нащокину и думному дьяку Алмазу Иванову, он предписывал «корунных комиссаров скупать всячески, чтоб они к миру были склонны»⁷⁶. Одновременно с составлением инструкций великим послам 21 июля было принято и другое важное решение. Я.К. Черкасский был смещен с поста командующего⁷⁷. На его место был назначен Ю.А. Долгорукий, которого царь благодарил за то, что тот во время переговоров «стоял упорно свыше всех товарищев своих»⁷⁸. Одновременно он предписывал «одниконечно видетца» с А.Л. Ордин-Нащокиным для получения от царя указаний⁷⁹, касавшихся, как ясно из последующего, развертывания активных военных действий. Таким образом, по отношению к комиссарам Речи Посполитой следовало использовать и пряник (предложение союза), и кнут (военная угроза).

⁷⁴ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 172.

⁷⁵ Так правильно предполагал не знавший этих материалов З. Вуйцик.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 179.

⁷⁷ Там же. Л. 180.

⁷⁸ Об этом сообщил царю А.Л. Ордин-Нащокин, и это показывает, что, вопреки распространенному мнению, отношения этих двух государственных деятелей не были враждебными.

⁷⁹ Текст грамоты Ю.А. Долгорукому от 21 июля см.: РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 13. Л. 175.

Чтобы воздействовать на противника, русская сторона на этом этапе переговоров также прибегла, по-видимому, к дезинформации. Распространились слухи, которые зафиксировал в своем дневнике один из комиссаров, Я.А. Храповицкий, что Я.К. Черкасский поехал встречать в Смоленске царя, для которого в городе готовят двор, а Алексей Михайлович уже выступил из Москвы со всем своим войском⁸⁰.

В своей грамоте царь запрашивал послов, не следовало ли бы ему выехать из Москвы в Вязьму⁸¹, очевидно, чтобы придать этим слухам большее правдоподобие.

К осуществлению «мирной» части этого плана «великие послы» приступили, направив комиссарам записку с вопросом, какого они хотят мира: перемирия, обычного мирного соглашения или мирного соглашения и союза, чтобы «с соседями своими мир общей иметь, чтоб всякие избыточные вещи в государствах наших от всех сторон множились и вечно пожитки были»⁸². Так на повестку дня переговоров был вынесен вопрос о заключении между государствами не только мира, но и союза.

Более подробно положения русской стороны были изложены в записке, переданной комиссарам 13 августа⁸³. Записка предусматривала три возможных варианта мирного соглашения. В случае заключения перемирия на 20 лет за царем должны остаться все территории, реально находящиеся под его властью. В случае заключения просто «вечного мира» царь соглашался уступить Речи Посполитой Полоцк, Витебск и польскую Ливонию, а за ним оставалась Смоленщина и «казацкой Украины по Днепр все городы». В случае заключения не только мира, но и союза, предусматривавшего совместные военные действия против наступающих «посторонних войск», к России должны были отойти Смоленщина, Левобережная Украина и польская Ливония с Динабургом.

⁸⁰ *Chrapowicki J.A. Diariusz. Cz. 1 (lata 1656–1664) / Opr. T. Wasilewski. Warszawa, 1978. S. 510, 511.*

⁸¹ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 203.

⁸² Там же. Л. 242–244; *Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 182.*

⁸³ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 252–255; *Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 183–184.*

В записке подробно аргументировалась необходимость таких уступок со стороны Речи Посполитой, связанных именно с заключением союза. Так, отошедшая к России «казацкая Украина по Днепр» должна была служить «ко обороне... обоим союзным государствам от татар, к надежной заступе и помочи от войск московских». Таким образом, союз должен был быть соглашением о совместной защите украинских земель от набегов крымских татар (это показывает, что предложенное выше объяснение указаний царя великим послам является правильным).

Относительно Динабурга в записке указывалось, что «когда обоих союзных государств ратные люди будут в близости на Двине между собою в случении и тогда страшны будут посторонним соседям». В этих словах налицо очевидное указание на возможность совместных действий обоих государств по отношению к Швеции. Эти действия, — указывалось далее, — приведут к тому, что «прежние шкоды от обидных краев без войны... христианским правом взыщутца». Эти места в записке представляют дословное повторение соответствующих мест в записке, переданной А.Л. Ординым-Нащокиным канцлеру К. Пацу в 1663 г.⁸⁴ Тем самым налицо прямое свидетельство участия А.Л. Ордина-Нащокина в составлении этого документа⁸⁵.

Царь и А.Л. Ордин-Нащокин полагали, что те выгоды, которые принесет такой союз Речи Посполитой в ее отношениях с Крымом и Швецией, побудят польско-литовскую сторону согласиться на русские условия мира, предусматривавшие возвращение Польско-Литовскому государству Восточной Белоруссии.

Позиция, занятая королевским двором, сделала эти планы нереальными. На переговорах комиссары заявили, что Речь Посполитая не нуждается в союзе с Россией, так как у нее с ханом заключен союз, а с Швецией — вечный мир⁸⁶.

⁸⁴ Галактионов И.В. Из истории... С. 84.

⁸⁵ З. Вуйцик предполагал это, но не привел доказательств (*Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 183).

⁸⁶ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 184–185.

Позднее комиссары заявляли, что если их условия не будут приняты, то они «разъезжаютца и на сейме с шведом соединятца и с крымским ханом дружбу подтвердят»⁸⁷. Более того, в самом начале переговоров был поднят вопрос об удовлетворении одновременно с заключением мира «запросов» крымского хана. Некоторые из них и были названы: выплата «поминок» за прошедшие 8 лет, когда их выплата была прекращена, согласие русских властей на переселение башкир на земли Крымского ханства⁸⁸.

Польско-литовская сторона снова настаивала на возвращении к условиям Поляновского договора. Особенно жесткой оказалась позиция по украинскому вопросу. Комиссары заявляли, что «черкас уступить некоторыми мерами нелзе»⁸⁹, так как «на сейме... корунные за Украину станут и к миру не допустят»⁹⁰, «хотя все згинут, а черкас доступать учнут»⁹¹. Русские, — заявляли комиссары, — «пуще бусурман стали», так как «хлопов Речи Посполитой под оборону свою приняли»⁹².

Комиссаров ободрили известия с Украины о успехах Чарнецкого в борьбе с восставшими и войсками Брюховецкого и ожидаемом приходе на Украину орды⁹³. На переговорах они заявляли, что восстание на Правобережье подавлено, Брюховецкий ушел за Днепр, под его властью остались только «Киев да Канев и те в осаде... А зимою и все Северские города и черкасы будут за королевским величеством»⁹⁴. Когда на Левобережье придут польские войска и орда, то Брюховецкий «сам еще с казаками... допоможет вас воевать и пустошить»⁹⁵.

Успехи Чарнецкого были комиссарами явно преувеличены. 6 августа гетман И.М. Брюховецкий писал из Канева,

⁸⁷ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 320.

⁸⁸ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 181, 185.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 297.

⁹⁰ Там же. Л. 300.

⁹¹ Там же. Л. 324.

⁹² Там же. Л. 340.

⁹³ *Chrapowicki J.A. Diariusz. Cz. 1. S. 515, 522.*

⁹⁴ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 268.

⁹⁵ Там же. Л. 280.

что он сохраняет сильные позиции на Правобережье⁹⁶, но сообщения о приходе орды отвечали действительности. 15 августа Ю.А. Долгорукий получил «листы» из Чернигова о приходе орды во главе с ханом, с которой ведут войну по обеим сторонам Днепра⁹⁷.

В Москве с самого начала переговоров рассчитывали, что военные успехи могут заставить комиссаров принять русские условия мира. На Украине с приходом орды таких успехов ожидать не приходилось. Поэтому особую важность приобретал вопрос о развертывании военных действий на территории Великого княжества Литовского.

Подчиняясь настояниям царя, Я.К. Черкасский в конце 1664 г. начал военные действия, подступив к Шклову, где стоял с войском польный литовский гетман М. Пац. Когда русская артиллерия обстреляла лагерь, то «многих людей и лошадей побивало», пострадал и сам шатер гетмана. Армия М. Паца была невелика, много людей самовольно ушло со службы, у других срок службы истекал 10 августа. Избегая столкновения с превосходящими силами противника, М. Пац «боя не дал» и отступил к Могилеву⁹⁸. Так обстояло дело, когда командование принял Ю.А. Долгорукий: здесь в лагере под Шкловом состоялась его встреча с А.Л. Ординым-Нащокиным, который привез указ царя начать военные действия, чтобы на переговорах «доходило... к вечному миру»⁹⁹. У А.Л. Ордина-Нащокина была при этом и другая цель — изложить командующему свой план военных действий. Как и ранее, он считал нужным предпринять поход на земли на запад от Двины. В его записке, по-видимому, поданной царю во время пребывания в Москве, рекомендовалось послать войска из Динабурга (Борисоглебова) в Вилькомирский и Упитский поветы. При этом следовало добиться, чтобы курляндский герцог соблюдал нейтралитет, и вступить в сношения в

⁹⁶ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 16. Л. 241–242.

⁹⁷ Там же. Л. 174–178 (отписки черниговского воеводы и черниговского полковника).

⁹⁸ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 230; *Chrapowicki L.A. Diariusz. Cz. 1. S. 507–509; Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 179.*

⁹⁹ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 208.

Жемайтии с генеральным полковником Андреем Млецким и дать ему понять, что на Жемайтию русские войска не нападут¹⁰⁰. После беседы с Ю.А. Долгоруким он снова рекомендовал царю свой план. Таким походом скорее удастся добиться цели, «нежели задержанием под городами без войны»¹⁰¹.

Результаты беседы с Ю.А. Долгоруким не могли обрадовать ни царя, ни его советников. Ю.А. Долгорукий сообщил, что Шклов «людьми и запасы» хорошо снабжен (следовательно, его осада малоперспективна), но одновременно заявил, что отводить войска от Шклова он не решается, опасаясь прихода на помощь к Пацу «войск корунных»¹⁰². Позднее, однако, Ю.А. Долгорукий предпринял активные военные действия. 12 августа¹⁰³ его армия подошла к Копыси и некоторое время осаждала этот город и Шклов. В ходе военных действий выяснилось, как позднее докладывал командующий царю, что «в тех городех оставлены начальные верные люди немцы и поляки и сторожа учинена безмерна»¹⁰⁴. Поэтому через несколько дней осада была снята и армия отошла к Дубровне, где и стала лагерем¹⁰⁵. Но еще до отхода к Дубровне Ю.А. Долгорукий отправил Ю.Н. Барятинского со значительной частью армии «воевать от реки Днепра до реки Березы копоские и школовские, и могилевские, и быховские, и борисовские, и бобруйские места», т. е. объектом военных действий должны были стать обширные территории, лежавшие на границе с русскими владениями по течению Днепра и на запад от него. По свидетельству Храповицкого, Ю.Н. Барятинский выступил в поход с одной конницей, без пехоты и обозов¹⁰⁶. Это показывает, что целью похода

¹⁰⁰ Там же. Л. 168–169.

¹⁰¹ Там же. Л. 211.

¹⁰² Там же. Л. 209.

¹⁰³ О дате похода к Копыси см.: *Chrapowicki J.A. Diariusz. Cz. 1. S. 514.*

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 352.

¹⁰⁵ *Chrapowicki J.A. Diariusz. Cz. 1. S. 516;* РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 16. Л. 183.

¹⁰⁶ О походе Ю.Н. Барятинского см.: *Chrapowicki J.A. Diariusz. Cz. 1. S. 524–515;* отписка Ю.А. Долгорукова великим послам (РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 16. Л. 155).

было не занятие каких-то стратегически важных территорий, а опустошение вражеской земли, что должно было дать войску пропитание и добычу, а противника заставить пойти на заключение мира. 20 августа войска вернулись «из войны»¹⁰⁷, и 23–25 августа были предприняты новые походы с еще более широкими целями. К Могилеву против армии М. Паца «в могилевские, чауские, и кричевские места» был послан Ю.Н. Барятинский, к Шклову — отряд во главе с Г. Тарбеевым, а полковник И. Полуектов «через Череею к Лукомлю»¹⁰⁸, оттуда он должен был идти к Дзисне и Браславу, а затем — в Вилькомирский и Упитский поветы¹⁰⁹ по плану, предложенному А.Л. Ординым-Нашокиным. Отряды Ю.Н. Барятинского и Г. Тарбеева вернулись к 25 августа¹¹⁰, а отряд И. Полуектова в конце месяца еще находился в походе¹¹¹. 28 августа Ю.А. Долгорукий снова отправил войска «в Пинской и в Вилькомирской, и Глуботцкой, и в Браславской поветы воию»¹¹². О результатах военных действий Ю.А. Долгорукий сообщал царю, что «около Могилева и Шклова воиюю все пожжено и разорено и от Днепра до Березы, а в правую сторону близко Двины, а в левую по Толочин»¹¹³. В этих походах русские войска почти не сталкивались с сопротивлением армии М. Паца, стоявшей под Могилевым. Когда Ю.Н. Барятинский со своим отрядом подошел к Могилеву, Пац снова «бою не дал»¹¹⁴. Войско, по сведениям, поступившим к русскому командующему, не желало нести службу, не получая жалованья.

В самом конце августа особый посланец царя подъячий Приказа Тайных дел Ю. Никифоров прибыл к Ю.А. Долгорукому, чтобы побудить его к еще более активным действиям,

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 16. Л. 209.

¹⁰⁸ Там же. Л. 250.

¹⁰⁹ Там же. Л. 268–269.

¹¹⁰ Там же. Л. 252–253.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 353.

¹¹² См. об этом в отписке «великих послов» гетману И.М. Брюховецкому: РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 16. Л. 261.

¹¹³ Там же. № 14. Л. 352.

¹¹⁴ Там же. № 16. Л. 253.

«чтоб промыслом польским и литовским людем дать страх и тем их к миру привести»¹¹⁵. Командующий, однако, ответил, что «лучей, де, промысл издержан» и он не может предпринять крупных наступательных операций, так как общее положение стало меняться в неблагоприятную сторону. Уже в середине августа к нему поступали сообщения, что гетман Павел Сапега собирает «посполитое рушенье» «за Березою в Менском воеводстве»¹¹⁶. К концу месяца пришли известия, что его войска приближаются к театру военных действий и, соединившись с Пацем, хотят идти против армии Ю.А. Долгорукого¹¹⁷. В этих условиях трудно было ожидать, чтобы действия армии могли бы в дальнейшем способствовать успеху мирных переговоров.

В какой мере уже предпринятые военные операции содействовали достижению этой цели? После первых набегов пленные шляхтичи сообщали Долгорукому, что «в войске, де, Патцове шляхта тужат гораздо что от Днепра по Березу дома и маетности их выжжены»¹¹⁸. Пленные, взятые во время последующих набегов, сообщали, что если ранее шляхта возражала против уступки Смоленска и Северской земли, то теперь, видя бедствия войны, шляхта «на тот мир учинить позволили»¹¹⁹. Тем самым политическая цель похода была достигнута, но связанные с этим расчеты оказались нереальными, так как литовская шляхта не могла решающим образом влиять на ведущих переговоров комиссаров.

В условиях, когда выяснилась полная несовместимость позиций сторон и ни одна из них не желала идти на уступки, переговоры двигались к своему финалу¹²⁰. Было ясно, что мирного соглашения заключить не удастся (а заключить перемирие без серьезных уступок с русской стороны кате-

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 349-а.

¹¹⁶ Там же. № 16. Л. 211.

¹¹⁷ Там же. № 14. Л. 354–355.

¹¹⁸ Там же. № 16. Л. 212.

¹¹⁹ Там же. Л. 255.

¹²⁰ Подробная характеристика заключительного этапа переговоров — *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 181 i n.

горически отказывалась польско-литовская делегация), но обе стороны не были заинтересованы в прекращении переговоров. В итоге была достигнута договоренность о том, что переговоры не прекращаются, а прерываются до 1 июня 1665 г.¹²¹ Отсрочка мотивировалась тем, что комиссары должны сообщить об итогах переговоров участникам сейма, который должен был собраться в конце 1664 г. («съезды отложили для сложения сейму», как говорилось в отписке великих послов царю¹²²)

Собуждением отношений России и Речи Посполитой на сейме в Москве могли связывать известные надежды. Если королевский двор и был удовлетворен безрезультатным исходом переговоров, то в стране явно не все испытывали удовлетворение. Провожавший комиссаров по окончании переговоров подполковник Василий Тяпкин (впоследствии первый русский резидент в Речи Посполитой) сообщал, что «в Пацове... войске на комиссаров гораздо нарекают, что они миру не учинили, а естли б, де, они через войско ехали, то б их всех побили»¹²³. Даже некоторые из королевских комиссаров в беседах давали понять, что они были бы готовы заключить мир на более приемлемых для России условиях. Так, один из комиссаров, подкоморий кременецкий Стефан Ледоховский, в беседе с А.Л. Ординым-Нащокиным говорил, что Речь Посполитая могла бы уступить России Смоленск и Северскую землю и только вопрос об Украине остается камнем преткновения¹²⁴.

С предложением направить русских великих послов на сейм для заключения вечного мира и союза с Речью Посполитой к царю обратился А.Л. Ордин-Нащокин с очень интересной запиской¹²⁵. Отправить послов на сейм он предлагал потому, что польско-литовские комиссары неоднократно заявляли, что именно на сейме будут прини-

¹²¹ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 188.

¹²² РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 375.

¹²³ Там же. Л. 400.

¹²⁴ Там же. Л. 349.

¹²⁵ Сохранилась среди подготовительных материалов к переговорам в Андрусове (РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 17. Л. 119–124).

мать окончательные решения. При этом он полагал, что предложенные комиссарам русские условия мира следовало бы разными способами (через гонцов, пленных и др.) сделать известными широким кругам шляхты, чтобы «ведали в Княжестве Литовском и поразумели, что правдою взыскиваятца от Великие России мир»¹²⁶. Если этого не сделать, то «на сейме поруганье будет от сторонних людей, что время испущено», а в июне 1665 г., когда должны возобновиться мирные переговоры, «с польские и литовские стороны будут с великими ратьми», чтобы добиться выгодного мира, и война будет продолжаться.

А.Л. Ордин-Нащокин продолжал отдавать себе отчет в том, что предложенные условия могут вызвать недовольство в русском обществе, но если ранее он запальчиво заявлял, что этим можно пренебречь, то теперь он предлагал добиться одобрения условий «вечного мира», объявив их «всех чинов выборным людем». Это собрание, по его мнению, должно было принять решение о выплате шляхте денежной компенсации за ее отходящие к России владения. Это нужно сделать, «чтоб все люди тем утешились и в денежных зборах не оскорблялись, что не на войну, а на умиренье казна готовить». Политик явно испытывал беспокойство, что общество не захочет нести новые жертвы, связанные с заключением мира. Это же собрание должно было решить, какую часть многочисленного «полона» — «мещан и пашенных людеи» освободить с заключением мира и на каких условиях. А.Л. Ордин-Нащокин понимал, что освобождение столь многочисленного «полона» затронет конкретные интересы самого широкого круга людей, и поэтому и предлагал, чтобы соответствующее решение было подкреплено авторитетом «выборных людеи».

¹²⁶ По-видимому, он не ограничился только пожеланиями. Позднее он писал, что «через верных людеи» в Речи Посполитой «все народы наслушены, что к миру несходство в статьях упорством польских и литовских комиссаров» и «обличительные многие статьи их государству ведомы» (РГАДА. Ф. 79. Кн. 105. Л. 128–129).

Наконец, собор должен был одобрить предусмотренное условиями «вечного мира» решение украинского вопроса. Связано это было с тем, что в свое время Войско Запорожское было принято под власть царя по решению Земского собора 1653 г.¹²⁷ В этой части своей записки А.Л. Ордин-Нащокин доказывал, что лишь предлагаемое решение обеспечит установление мира: «и здержано будут черкасы крепким миром неподвижно». Уже здесь проявилось, может быть, еще в более яркой форме, чем в более ранних его записках, представление о «черкасах» как некоей враждебной, анархической силе, которую нужно обуздать. Далее в тексте обнаруживаются прямые отрицательные отзывы, отражающие подобное восприятие «черкасов»: «А черкасская в подданстве неправда всему свету явна в их непостоянстве и хотят, чтоб война и кровь никогда не престала». Из сказанного следовал очевидный вывод: «И такой народ своевольной недобро бес крепости великим государям держать, чтоб и иные к ним такие ж не множились». Высказывания эти столь ярки, что не нуждаются в комментариях. В письмах и указаниях царя Алексея, уже цитировавшихся выше, можно обнаружить черты иного отношения к «черкасам» — сознание духовного родства с ними, как с православными, понимание, что для достижения стабильности нужно предоставить «черкасам» определенные «вольности» не только на Левобережной, но и на Правобережной Украине.

Как известно, при жизни Алексея Михайловича земский собор для обсуждения вопроса об условиях мира с Речью Посполитой так и не был созван, но к другим соображениям своего советника царь отнесся со вниманием. Действительно, на сейме в присутствии широкого круга участников политической жизни Речи Посполитой можно было, казалось, добиться большего, чем при переговорах с назначенными королем комиссарами. 10 октября 1664 г. в Варшаву был послан Вас. Тяпкин с предложением выслать

¹²⁷ Как писал сам А.Л. Ордин-Нащокин, «когда начиналась война, собор был, а ныне кончить без собору быть невозможно».

на сейм русских великих послов. К тому времени, когда Тяпкин в декабре 1664 г. прибыл в Варшаву, сейм уже заканчивался, и Ян Казимир предложил выслать таких послов на следующий сейм, который должен был собраться в марте 1665 г., но на это предложение уже царь Алексей не реагировал ¹²⁸.

¹²⁸ *Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 189–190.*

ПОСРЕДНИКИ

В русской внешней политике этих лет определенное место заняли поиски посредников, при содействии которых можно было бы добиться заключения мира с Речью Посполитой. Попытки эти оказались безрезультатными не в последнюю очередь потому, что власти Речи Посполитой, формально не возражая подчас против участия посредников, последовательно прилагали усилия, чтобы не допустить их появления на переговорах. Однако рассмотрение свидетельств об этих попытках дает в распоряжение исследователя интересный материал о том, как русские политики оценивали характер отношений своей страны с другими европейскими державами, как видели они ее место в системе европейских международных отношений.

Вопрос о посредниках оживленно обсуждался в Москве в 1659–1660 гг. В то время единственным результатом хлопот стала серьезная попытка австрийского посредничества, когда в начале 1661 г. с этой целью император Леопольд I направил в Москву посольство во главе с Августином Майербергом. Этот эпизод в истории международных контактов в Восточной Европе получил подробное освещение в книге З. Вуйцика¹. Исследователь привлек для его освещения целый ряд документов Венского архива, но, к сожалению, оставил без внимания русские записи переговоров с австрийскими послами, что делает возможным повторное рассмотрение этого эпизода с учетом всей совокупности имеющихся

¹ Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 88 i n.

материалов. Серьезное внимание к этой попытке посредничества и связанным с ней русско-австрийским переговорам со стороны польского исследователя явилось вполне оправданным, так как в этом эпизоде дипломатической истории нашли свое отражение важные новые тенденции эволюции международных отношений в восточной части Европы.

В самом выступлении императора в качестве посредника в конфликте между Россией и Польшо-Литовским государством не было ничего нового. Наоборот, к середине XVII в. это было своего рода традицией. Последний раз в этой роли австрийские дипломаты выступали в 1655–1656 гг. Однако в то время Речь Посполитая была главным союзником Австрии в восточной части Европы, и целью посредничества было помочь союзнику найти выход из трудного положения.

В существенно иных условиях протекала миссия Майерберга. К этому времени империя Габсбургов, вступившая в борьбу с османами на территории Трансильвании, нуждалась в союзниках против Османской империи. Такими союзниками могли бы стать Россия и Речь Посполитая, прекратившие войну между собой. Подобные расчеты не были новостью для австрийской политики в Восточной Европе, однако особенность положения, сложившегося к началу 60-х гг. XVII в., состояла в том, что в польско-русской войне Речь Посполитая опиралась на союз с вассалом Османской империи — Крымским ханством, а Россия вела против него войну. В результате в Вене сложилось представление о непримиримом конфликте между Россией и Крымом и о том, что именно от Русского государства можно ожидать помощи в войне с османами². В таких условиях не было необходимости при посредничестве ставить во главу угла интересы Речи Посполитой. Неудивительно, что в инструкциях послам указывалось, что в своей посреднической миссии они должны принимать во внимание интересы обеих сторон³.

² В мемориале, определявшем задачи миссии, даже указывалось, что Алексей Михайлович якобы торжественно поклялся никогда не заключать мира с татарами (*Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 89*).

³ *Ibid.* S. 90.

Имело место и другое важное обстоятельство. К началу 60-х гг. политика стоявшей во главе Речи Посполитой королевской пары и тех группировок политической элиты, на которые она опиралась, с ее планами возведения на польский трон французского принца все более расходилась с политикой Австрии — соперника Франции в борьбе за европейскую гегемонию. В Вене рассчитывали на возможное сотрудничество между Россией, Австрией и антифранцузскими силами в самом Польско-Литовском государстве⁴. После того, как австрийское влияние на ход дел в Речи Посполитой серьезно ослабло, в Вене нервно восприняли известия о попытках французского посла А. де Люмбра выступить в качестве посредника на мирных переговорах. Возникла перспектива вовлечения и России в орбиту французской политики. Неудивительно, что в инструкциях Майербергу предписывалось добиваться того, чтобы Россия не приняла французское посредничество⁵. Знакомство с записями переговоров А. Майерберга в Москве показывает, что он добросовестно добивался решения поставленных перед ним задач.

Еще по дороге в Москву он обратился к приставу И. Желябужскому с просьбой, чтобы царь «указал... с Дону от Азова войска свои отпустить на Крым», и выражал пожелание всем государям (императору Леопольду, Яну Казимиру, Алексею Михайловичу) после заключения мира «заодно наступить на турка»⁶. Во время переговоров в Москве с Алмазом Ивановым австрийские послы уже официально выступили с просьбой «вспоможенье учинить ратными людьми», в частности, послать на Крым калмыков, казанских и астраханских татар и «запорожских черкас»⁷.

Неудивительно, что на переговорах в Москве австрийские послы подчеркивали, что они будут добросовестными посредниками. Из их уст вышло даже заявление, что «не-

⁴ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 91.

⁵ *Ibid.* S. 92.

⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 4. СПб., 1856. Стб. 60.

⁷ Там же. Стб. 237–238, 242.

волею... черкасас королю взять нельзя, то они ведают, что черкасы — люди волные, от неволи полские свобожены»⁸. Стоит отметить, что враждующие стороны по-разному отнеслись к предложению австрийского посредничества. Уже на приеме 25 мая 1661 г. послам официально заявили, что царь принимает их посредничество и разрешает отправить гонца с известием об этом в Польшу к австрийскому резиденту Лизоле⁹. На такое установление русско-австрийских контактов в Варшаве реагировали с явным раздражением. Находившиеся в Варшаве русские посланники не смогли встретиться с Лизолой, а поехавший вместе с австрийским гонцом русский гонец Ефим Прокофьев был задержан и заключен в тюрьму¹⁰. 3 декабря в Москву была доставлена грамота Яна Казимира с сообщением об отказе от австрийского посредничества¹¹. Это сообщение послы сопроводили раздраженной репликой: «Цесарского величества посредства не хотят, чтоб салтану турецкому не оказаться недружбою»¹².

Австрийские послы задержались в России еще на некоторое время, так как освобожденный в начале 1662 г. из русского плена литовский польный гетман В. Госевский обещал похлопотать, чтобы австрийских дипломатов допустили к участию в переговорах, если «не как послов», то «как приятелей»¹³, но результат его хлопот оказался безуспешным, и в августе 1662 г. австрийские послы вынуждены были покинуть пределы Русского государства¹⁴. Важно, что вскоре после их отъезда в сентябре 1662 г. в Вену была отправлена специальная миссия во главе с И.Я. Коробьиним¹⁵, главной

⁸ Там же. Стб. 198.

⁹ Там же. Стб. 167–168.

¹⁰ Там же. Стб. 209–210.

¹¹ Там же. Стб. 250.

¹² Там же. Стб. 253.

¹³ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 111. См. также записи его бесед с австрийскими послами (Памятники... Т. 4. Стб. 278–279, 281–282).

¹⁴ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 111–112; *Памятники...* Т. 4. Стб. 433, 444–445.

¹⁵ *Памятники...* Т. 4. Стб. 454.

целью которой было объяснить министрам императора, что участие австрийских дипломатов в переговорах не состоялось из-за противодействия польско-литовской стороны, а Алексей Михайлович «посредство принимал с любовным хотением и от того цесарского величества совету не отступал»¹⁶.

Позднее на переговорах 1664 г. в Дуровичах русские великие послы упрекали комиссаров, что в Речи Посполитой не только не приняли австрийских посредников, но и «от Смоленска краем государства вашего до своей земли с нужею преследовали»¹⁷.

Таким образом, начиная с 1661 г. в Москве стали определенно относить империю австрийских Габсбургов к числу дружественных России государств. Чего, кроме дружественного посредничества и возможного (в будущем) союза против османов, в Москве могли ожидать от Вены, можно выяснить, затронув еще один важный аспект переговоров А. Майерберга с русскими политиками.

Уже на дороге в Москву А. Майерберг начал предостерегать пристава от того, чтобы царь согласился на французское посредничество. Французский король, — доказывал он, — союзник Польши и Швеции, «и ему, де, будет на те обе стороны доброхотать»¹⁸. Позднее уже в Москве он подробно говорил советникам царя о планах шведско-польского союза против России, создававшихся под эгидой французской дипломатии¹⁹. «Профранцузскую» партию в Речи Посполитой он характеризовал как «партию войны»²⁰. С избранием французского принца на польский трон дело дойдет до большой войны против России, в которой вместе с поляками и шведами станут участвовать французские войска. Но в этом случае, — заявил посол, — император «великого государя не выдаст и на Польскую землю войною пойдет тот же час»²¹. Австрия тем самым могла оказаться союзником

¹⁶ Памятники... Т. 4. Стб. 485.

¹⁷ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 335.

¹⁸ Памятники... Т. 4. Стб. 31.

¹⁹ Там же. Стб. 147–150.

²⁰ Там же. Стб. 177.

²¹ Там же. Стб. 252.

России в борьбе не только против «османов», но и против враждебных планов «профранцузской» партии в Речи Посполитой.

Характерно, что в Москве не только стремились сохранять хорошие отношения с Австрией, но и желали, чтобы об этих хороших отношениях к австрийским Габсбургам было известно в Европе. Так, в грамоте, отправленной 1 декабря 1663 г. бранденбургскому курфюрсту, говорилось, что в 1662 г. нападения русских войск на Крым не дали возможности хану принять участие в войне с императором, и подчеркивалось, что в дальнейшем царь будет оказывать ему «всякую дружную помощь напротив бусурманские войны»²².

Есть некоторые основания полагать, что в Москве не во всем верили заявлениям австрийских дипломатов. Так, в конце 1662 г., когда подготавливался первый вариант инструкций для посольства А.Л. Ордина-Нащокина в Речь Посполитую и предполагалось, что переговоры будут вестись в Варшаве, послу предписывалось, если он столкнется с трудностями, «делать через посредников французских и цесарских»²³, однако в заключительный вариант инструкций этот текст не попал.

Ряд факторов содействовал тому, что к предостережениям австрийских дипломатов с течением времени стали относиться со все большей серьезностью. Имело свое значение, что, столкнувшись с отрицательной реакцией польского двора, А. де Люмбр перестал выступать с предложениями о посредничестве. Еще более важно, что позднее и из других источников в Москву поступили сведения, что «профранцузская» партия — это «партия войны», а планы польско-шведского союза продолжают существовать. Никаких попыток искать содействия мирным переговорам со стороны Франции в 60-е гг. с русской стороны предпринято не было, и это вряд ли можно считать случайностью.

²² РГАДА. Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). 1663 г. № 1. Л. 10–11.

²³ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 24.

Уже в 1661 г. А.Л. Ордин-Нащокин предлагал пригласить в качестве посредников не только австрийских, но и датских дипломатов²⁴. Характерно, что с Данией, как и с Австрией, в Москве стремились поддерживать дружественные отношения. Так, весной 1662 г. в Копенгаген были посланы в «ранге» «великих послов» Г.Б. и Б.И. Нащокины, которые должны были поздравить Фредерика III с установлением в Дании абсолютистского правления²⁵. В «поминках» королю было предложено 5 тыс. пудов пеньки²⁶. Хлопоты о поддержании хороших отношений с Копенгагеном были связаны, как представляется, с тем, что в России смотрели на Датское королевство в это время (как и ранее) как на возможного союзника в случае конфликта со Швецией²⁷. Были основания полагать, что в этой ситуации датские политики не будут заинтересованы в серьезном ослаблении Русского государства, и на переговорах датчане могут выступить как благожелательные по отношению к русской стороне посредники.

К числу дружественных России государств в Москве относили и Бранденбург, с которым в 1656 г. был заключен договор о дружбе и нейтралитете, соблюдавшийся обеими сторонами. После тяжелых неудач 1660 г. именно курфюрсту Фридриху Вильгельму через курляндского герцога дали понять, что желали бы видеть его посредником на мирных переговорах, которые хотели бы провести в Кёнигсберге. В марте 1661 г. курфюрст, готовый выступить в этой роли, просил своего резидента в Варшаве И. Ховербека узнать, как отнесутся к этой инициативе власти Речи Посполитой²⁸. Инициатива эта встретила в Варшаве отрицательную реакцию. Бо-

²⁴ Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 632.

²⁵ Русская историческая библиотека. Т. XVI (Русские акты Копенгагенского архива). СПб., 1897. № 161. Стб. 825–828.

²⁶ Там же. Стб. 838.

²⁷ Шведские политики полагали, что Россия может рассчитывать на такой союз (*Fahlborg B. Sveriges jttre politik. 1660–1664. Stockholm, 1932. S. 318*).

²⁸ *Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. T. IX. Berlin, 1879. S. 217.*

лее того, на пути выступления курфюрста в роли посредника выступили дополнительные препятствия, связанные с особенностями отношений Бранденбурга–Пруссии и Речи Посполитой. По Велавскому договору 1657 г. курфюрст взял на себя обязательство выслать отряд в 1500 всадников для участия во всех войнах, которые будет вести в будущем Польско-Литовское государство. Фридрих Вильгельм не всегда оказывал такую помощь или старался заменить ее денежными субсидиями²⁹, но это давало основание королю Яну Казимиру рассматривать курфюрста не как возможного посредника, а как участника конфликта на польско-литовской стороне, как «*perpetuus reipublicae foedaratus'a*»³⁰. Так, когда в 1664 г. был подготовлен проект договора между Речью Посполитой и Швецией, направленный против России, Ян Казимир в письме к курфюрсту выражал убеждение, что тот присоединится к союзникам и примет участие в будущей войне³¹. Представители курфюрста могли участвовать в переговорах как члены польско-литовской делегации. Так, уже весной 1662 г. курфюрст назначил своего представителя для участия в несостоявшихся мирных переговорах³². На съезде в Дуровичах в 1664 г. как представитель курфюрста должен был участвовать один из приближенных его наместника в Восточной Пруссии Богуслава Радзивилла Ян Меженьский³³. В таких условиях для самостоятельных действий представителей курфюрста оставалось мало места. В инструкции Я. Меженьскому от 15 июля 1664 г. ему поручалось, главным образом, следить за тем, чтобы заключенные соглашения не нарушали обязательств курфюрста по отношению к России и Речи Посполитой. Однако до его поездки в Дуровичи дело не дошло, так как признали неудобным, чтобы подданный Речи Посполитой выступал как представитель курфюрста³⁴.

²⁹ *Forstreuter K.* Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Grossen. Berlin; Frankfurt, 1955. S. 164.

³⁰ *Urkunden und Aktenstücke...* Т. XII. Berlin, 1892. S. 265.

³¹ *Ibid.* S. 237.

³² *Urkunden und Aktenstücke...* Т. IX. S. 321-322, 335.

³³ *Ibid.* Т. XII. S. 265.

³⁴ *Ibid.* Т. XIX. Berlin, 1906. S. 250–251.

В Москве первоначально всё же рассчитывали, что бренденбургские дипломаты в Варшаве, даже не выступая как посредники, могли бы способствовать успеху мирных переговоров. В посольском наказе, врученном А.Л. Ордину-Нащокину перед его отъездом в Польшу в конце 1662 г., ему предписывалось добиваться заключения мира «через курфистра бренденбургского и Богуслава Радивила»³⁵. В декабре 1663 г. царь принял решение направить к курфюрсту полуполковника Вилима Кормихеля³⁶. В грамоте, врученной посланцу, содержались резкие обвинения польских политиков в срыве мирных переговоров, развязывании войны, союзе с татарами, от которых недавно тяжело пострадала Восточная Пруссия, но к курфюрсту царь обращался лишь с самой общей просьбой «дружным вспоможеньем себя учинить и во всякой прибыли нашего царского величества помочну быти»³⁷. В Москве стремились сохранить хорошие отношения с Бранденбургом, но явно не ожидали с его стороны какого-либо серьезного содействия. К тому же грамота, по-видимому, не дошла до адресата, будучи перехвачена поляками³⁸.

К числу государств, на дружественные содействия которых рассчитывали, в Москве относили и Англию. В России осудили казнь Карла I и разорвали отношения с Английской республикой. А.Л. Ордин-Нащокин в начале 60-х гг. полагал, что в благодарность за это занявший английский трон Карл II будет на мирных переговорах благожелательным для России посредником. В письме от мая 1663 г., отправленном в Москву с посетившими Англию русскими послами, Карл II благодарил Алексея Михайловича за расположение к его отцу и выражал желание поддерживать с ним особо близкие и дружеские отношения³⁹.

Когда во время переговоров в Дуровичах в Москву прибыло большое английское посольство во главе с Т. Карлейлем,

³⁵ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 59.

³⁶ РГАДА. Ф. 74. 1663 г. № 1. Л. 1.

³⁷ Текст грамоты см.: там же. Л. 6–14.

³⁸ *Urkunden und Aktenstücke...* Т. XII. S. 269.

³⁹ *Lubimenko J.* Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933. P. 238–239.

послу предложили выступить посредником на этих переговорах. Т. Карлейль, когда русское правительство не согласилось предоставить английским купцам право беспошлинной торговли в России, отказался взять на себя эту роль и при отъезде демонстративно вернул царские подарки ⁴⁰.

В августе 1664 г. в Англию было отправлено посольство во главе с В.Я. Дашковым с жалобой на поведение Карлейля. Летом следующего, 1665 года посольство привезло в Москву тревожные известия. В Лондоне послы узнали, что идут переговоры о заключении между Англией и Швецией союза против России и о посылке английского флота, чтобы «город Архангельск разорить» ⁴¹. Эти сведения тем более вызвали беспокойство, что из Швеции поступали сообщения о существовании договора, по которому Швеция и Англия должны были помогать друг другу ⁴², и о том, что в Англию послана шведская эскадра, чтобы вместе с английскими кораблями «к Архангельскому городу пути отнимать» ⁴³. У московских политиков, конечно, сохранялась еще память о том, как в годы Второй Северной войны Кромвель посылал английский флот на помощь Карлу Густаву. Оказывалось, что правительство Карла II продолжает ту же политику. Правда, в письме, привезенном Дашковым, Карл II выражал готовность выступить в роли посредника ⁴⁴, но теперь это предложение Москву уже не интересовало.

Во всех этих случаях речь шла о возможном посредничестве государств, которые в Москве традиционно в условиях начала 60-х гг. рассматривали как дружественные. Однако наряду с этим обсуждался вопрос и о посредничестве Швеции, поднятый по инициативе шведской стороны. Власти Швеции были обеспокоены приездом в Москву и посреднической инициативой австрийских дипломатов, пытались ей воспрепятствовать. Б. Горну,

⁴⁰ Ibid. P. 241.

⁴¹ РГАДА. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Кн. 12. Л. 175об.–176, 195.

⁴² РГАДА. Ф. 96. 1664 г. № 1. Л. 101.

⁴³ Там же. Л. 105.

⁴⁴ *Lubimienko J.* Les relations... P. 243.

направленному в Москву осенью 1661 г. для ратификации Кардиского договора, было поручено предложить советникам царя шведское посредничество. Посол должен был заверить, что на шведское посредничество представители Речи Посполитой согласятся. Одновременно он должен был советовать не принимать посредничества Австрии и предостерегать против планов возведения на польский трон члена Австрийского Дома, что сделает Польшо-Литовское государство опасным соседом и для Речи Посполитой, и для Швеции ⁴⁵.

Тем самым вопрос о посредничестве стал как бы выражением борьбы за влияние на Россию со стороны главных держав, боровшихся за европейскую гегемонию, где Швеция выступала как представитель интересов профранцузского лагеря.

К исполнению поставленной перед ним задачи Б. Горн приступил на встрече с советниками царя — А.Н. Трубецким, Ю.А. Долгоруким и Б.М. Хитрово 28 февраля 1662 г. Он не только заявил о том, что король шведский желал бы выступить посредником на русско-польских мирных переговорах. Б. Горн заверил русских представителей, что Ян Казимир согласен на шведское посредничество, о чем он говорил шведскому послу Стену Бьельке, приехавшему для ратификации Оливского договора.

При этом он подчеркивал, что Ян Казимир желает, чтобы шведский король «в том посредстве был один», так как другие государи хотят быть посредниками не потому, что желают установления мира, «а для своих вымышленных прихотей» ⁴⁶. Однако когда у него прямо спросили, каких государей он имеет в виду, Б. Горн не ответил ⁴⁷. На открытое выступление против Австрии он не решился. Ответ на шведское предложение был дан на встрече, состоявшейся

⁴⁵ *Форстен Г.В.* Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII в. (1648–1700) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898. Май. С. 83–84.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Кн. 60. Л. 187–190.

⁴⁷ Там же. Л. 190об.–191.

6 марта. Послу сообщили, что Алексей Михайлович «добротный совет принимает в любовь», но с польской стороны уже состоялась договоренность, что начинающиеся мирные переговоры будут идти без участия посредников. Если на переговорах стороны не смогут прийти к согласию, то царь, как очень неопределенно было сказано, шведскому королю «о том отпишет»⁴⁸.

Если учесть, что в это самое время живо обсуждался вопрос об участии в переговорах австрийских послов, то ясно, что предложение шведского посредничества русскую сторону не заинтересовало. Не без основания такое посредничество могло вызывать у русских политиков опасения.

Однако предложение о шведском посредничестве не было отклонено безоговорочно: над ним продолжали размышлять. При подготовке в конце 1662 г. посольства А.Л. Ордина-Нащокина послу наряду с прочим было поручено выяснить, как отнеслись бы власти Речи Посполитой к шведскому посредничеству⁴⁹. К сожалению, статейный список посольства утрачен, и мы не знаем, как он выполнил это поручение и как реагировали на предложение шведского посредничества власти Речи Посполитой.

Вопрос о посредниках снова стал актуальным после безрезультатного окончания переговоров 1664 г. в Дуровичах. Уже во время переговоров А.Л. Ордин-Нащокин обращал внимание царя на то, что без участия посредников не удастся добиться успеха. «И без тех, государь, дву статей либо союзом, либо посредством мир... к прибыли не будет»⁵⁰. Так как предложение о союзе комиссары резко отклонили, то оставалось искать содействия посредников.

Вопрос о посредниках на переговорах должен был быть предложен на обсуждение властей Речи Посполитой дьяком Григ. Богдановым, отправленным в эту страну в феврале 1665 г. Речь шла об официальном приглашении посредников на мирные переговоры, которые должны были

⁴⁸ Там же. Л. 198–198об.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 60–61.

⁵⁰ Там же. 1664 г. № 13. Л. 206.

возобновиться летом 1665 г. Иначе, — должен был доказывать посол в Варшаве, — «спорных статей между ними успокоить будет некому». Позиция русского правительства к этому времени определилась. Поступившие сведения о связях «военной партии» с Францией способствовали тому, что кандидатура Людовика XIV в числе желательных для русской стороны посредников не фигурировала. В качестве посредников на переговорах в наказе Г. Богданову фигурировали император и датский король. При этом Алексей Михайлович соглашался и на участие в переговорах посредников, которые предложит другая сторона, без каких-либо ограничений. Первоначально в черновике инструкции было указано «опричь папиных послов», но затем эти слова были зачеркнуты⁵¹.

Одновременно с посылкой Г. Богданова в Варшаву была предпринята попытка побудить к действиям самих возможных посредников. 16 февраля 1665 г. с такой миссией из Москвы был отправлен П. Марселис. Он должен был посетить Австрию, Данию и Бранденбург⁵². Как предлог для обращения было использовано то обстоятельство, что на переговорах в Дуровичах комиссары — представители Речи Посполитой не отклонили предложения о посредничестве и обещали «то богоугодное дело на сейме известить». Поэтому Алексей Михайлович просил императора Леопольда I и Фредерика III «миротворением вечной мир учинить и война успокоить»⁵³. У императора П. Марселис должен был добиваться, чтобы тот «неотложно... своих великих и полномочных послов для того богоугодного дела в посредство слал»⁵⁴. Курфюрста, учитывая особенности его положения, следовало просить лишь о содействии мирным переговорам («приводя к миру... дружную свою соседственную любовь к

⁵¹ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 4. Л. 67–69.

⁵² См. текст наказа П. Марселису: Памятники... Т. IV. Стб. 537 и сл.

⁵³ См. текст грамоты Фредерику II от 14 февраля 1665 г. (РИБ. Т. XVI. № 165. Стб. 839–846) и наказ П. Марселису (Памятники... Т. IV. Стб. 538 и сл.).

⁵⁴ Там же. Стб. 538.

помочному делу показал») ⁵⁵. Весну 1665 г. П. Марселис провёл в Бранденбурге ⁵⁶, в июне находился в Вене ⁵⁷, а завершил свою миссию в Копенгагене в начале осени 1665 г. ⁵⁸

В то время как П. Марселис весной–летом 1665 г. вел в разных европейских столицах переговоры о посредничестве, Григ. Богданов в Варшаве вел переговоры на ту же тему с королем и сенаторами. Переговоры о посредниках проходили в неблагоприятной для русских предложений ситуации, так как еще до их начала рада сената приняла решение не соглашаться на участие посредников ⁵⁹. На переговорах в мае–июне 1665 г. Г. Богданов, следуя своим инструкциям, упорно настаивал на том, что мирным переговорам должна предшествовать договоренность о том, какие посредники будут в них участвовать, так как иначе «кроме споров дела никакова не чають» и «на съезд посылать будет ненадежно» ⁶⁰. Не решаясь прямо выступить против участия посредников или высказаться отрицательно о кандидатах, предлагаемых русской стороной, сенаторы прибегали к разным маневрам, чтобы отклонить русские предложения. Так, в качестве посредников с польской стороны были предложены папа и французский король. Очевидно, полагали, что такие кандидаты будут для русской стороны неприемлемы, но Г. Богданов, следуя наказу, ответил согласием ⁶¹. Заслуживает внимания в этой связи важный эпизод, не нашедший отражения в текстах официальных писем, которыми обменивались

⁵⁵ Там же. Стб. 539–540.

⁵⁶ *Форстен Г.В.* К внешней политике курфюрста Фридриха Вильгельма бранденбургского // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1900. Июль. С. 32–33.

⁵⁷ Светлая грамота императора датирована 10 июня н. ст. (Памятники... Т. IV. Стб. 551).

⁵⁸ Ответная грамота Фредерика III датирована 5 сентября 1665 г. (*Щербачев Ю.Н.* Датский архив. Материалы к истории древней России, хранящиеся в Копенгагене (1326–1690 гг.) // Чтения Общества истории и древностей российских. 1893. Кн. I. С. 254. № 943).

⁵⁹ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 198.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 4. Л. 44, 48.

⁶¹ Там же. Л. 79–80; *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 199.

Богданов и сенаторы⁶². 1 июня 1665 г. дьяка посетил один из приближенных коронного канцлера М. Пражмовского, Александр Гоишевский, познакомившийся с ним во время пребывания в русском плену, и «тайным обычаем» объяснял ему, что король и сенаторы не согласятся на посредничество императора, так как он, по их убеждению, будет мешать успеху мирных переговоров⁶³. В этом небольшом эпизоде очень показательно отразились те перемены в сфере международных отношений, о которых уже шла речь. Речь Посполитая переставала быть единственным союзником Австрии на востоке Европы и более не ориентировалась на тесный союз с этим государством. Эти обстоятельства способствовали начинавшемуся русско-австрийскому сближению.

Главный аргумент сенаторов состоял в том, что поиски посредников потребуют много времени и усилий и это будет способствовать затягиванию мирных переговоров⁶⁴. В итоге русское предложение о том, что выбор посредников и договоренность с ними должны предшествовать началу переговоров, не было принято, но вопрос об участии посредников не был снят с повестки дня, вопрос о выборе посредников и их участии в переговорах о заключении вечного мира должен был стать предметом обсуждения между комиссарами и «великими послами»⁶⁵.

Сохранилось мало данных о переговорах, которые вел П. Марселис. Так, известно, что наместнику курфюрста в Восточной Пруссии Богуславу Радзивиллу он говорил, что царь желает заключить не перемирие с Речью Посполитой, а «вечный мир» и союз против Крыма и Османской империи — «врагов христианства»⁶⁶. 25 апреля Марселис, находившийся во владениях курфюрста «инкогнито», получил у Фридриха Вильгельма тайную аудиенцию⁶⁷. Курфюрст, стремившийся сохранить мирные и дружественные отношения с Россией, обещал убеждать короля и сенаторов, чтобы они «о мирных

⁶² На них опирается описание переговоров в исследовании З. Вуйцика.

⁶³ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 4. Л. 82–83.

⁶⁴ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 198.

⁶⁵ См. текст ответа Г. Богданову: РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 4. Л. 65 и сл.

⁶⁶ *Форстен Г.В.* К внешней политике... С. 32.

⁶⁷ *Urkunden und Aktenstücke...* Т. XIX. Berlin, 1906. S. 253.

переговорах порадели и посланцев татарских... впредь лишались»⁶⁸. В своей грамоте он также сообщал, что «Петру Марселису мы высокую честь, вежество и милость показали»⁶⁹. Это соответствовало истине⁷⁰. Хуже обстояло дело с содействием курфюрста успеху мирных переговоров. В действительности всё ограничилось тем, что Фридрих Вильгельм переслал Яну Казимиру копию царской грамоты⁷¹. Впрочем, многого курфюрст и так сделать не мог. К весне 1665 г. его отношения с Яном Казимиром и его окружением стали весьма прохладными, так как в Варшаве не без оснований подозревали, что курфюрст поддерживает тайные контакты с главой оппозиции королевским планам Е. Любомирским⁷².

9 мая П. Марселис поехал из Берлина через Дрезден в Вену⁷³. Здесь ответ на русские предложения был вполне благожелательным. В ответе советников императора на русские предложения говорилось, что австрийские дипломаты готовы участвовать в мирных переговорах, если Ян Казимир «цесарское посредство примет». Император поручил Августину Майербергу, ставшему к этому времени австрийским резидентом в Варшаве, выяснить это⁷⁴. В условиях, когда император предоставил Любомирскому приют во Вроцлаве и выделил ему средства для набора армии, чтобы сражаться с королем и его сторонниками, — было еще меньше оснований, чем в 1661 г., что Ян Казимир согласится на австрийское посредничество. О его реакции ко времени возвращения Марселиса уже знали от Г. Богданова.

⁶⁸ См. перевод грамоты курфюрста от 24 апреля 1665 г.: РГАДА. Ф. 74. 1665 г. № 1. Л. 4–5.

⁶⁹ Там же. Л. 5.

⁷⁰ Бранденбургский резидент в Швеции сообщал курфюрсту, что здесь обратили внимание на то, что П. Марселис «in Berlin mit grosser Freundschaft empfangen sei» (Urkunden und Aktenstücke... Т. IX. Berlin, 1879. S. 803).

⁷¹ Ibid. Т. XIX. S. 254.

⁷² *Nagielski M. Rokosz Jerzego Lubomirskiego w 1665 roku.* Warszawa, 1994. S. 49–50, 59–60.

⁷³ Urkunden und Aktenstücke... Т. XIX. S. 255.

⁷⁴ ПДС. Т. IV. Стб. 555–556.

П. Марселлис располагал хорошими связями в Дании⁷⁵, но дело не пошло так быстро, как он, вероятно, думал. Марселлис был принят королем 27 июля и смог изложить свои предложения⁷⁶, но в Копенгагене не торопились с ответом, и 25 августа Петру Марселлису пришлось снова обратиться к датским властям⁷⁷. В итоге Фредерик III согласился выступить в роли посредника и обещал обратиться по этому вопросу к польскому королю⁷⁸. Понятно, что такое обращение, даже если оно имело место, не могло привести к успеху из-за отрицательного отношения властей Речи Посполитой к самому ведению переговоров при участии посредников.

Одновременно с отправкой миссий Г. Богданова и П. Марселлиса была предпринята попытка возобновить переговоры о посредничестве со Швецией. В марте 1665 г. перед отъездом на воеводство во Псков А.Л. Ордин-Нащокин ходатайствовал предоставить ему полномочия вести переговоры со шведскими властями о посредничестве на мирных переговорах⁷⁹. К делу А.Л. Ордин-Нащокин приступил в мае, отправив своего гонца Феофила Бобровича к генерал-губернатору Б. Оксеншерне. Ф. Бобрович сообщил губернатору о желании своего патрона Речь Посполитую «привести до общего покою к доброй дружбе соседственной с Великою Россиею через посредников от Короны швейской». Он предлагал губернатору от имени воеводы сноситься с ним по этому вопросу «надежными писмами». Б. Оксеншерне ответил, что сейчас едет в Стокгольм и будет вести переговоры на эту тему по возвращении⁸⁰, но за этим заявлением ничего не последовало⁸¹.

⁷⁵ В предшествующие годы Фредерик III неоднократно просил, чтобы Марселлису вернули отобранные у него заводы (*Щербачев Ю.Н. Датский архив... С. 251. № 930 и сл.*).

⁷⁶ Там же. С. 253. № 941.

⁷⁷ Там же. № 942.

⁷⁸ Там же. С. 254. № 943.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 8. Л. 4–5.

⁸⁰ См. отчет Феофила Бобровича о поездке в Ригу: РГАДА. Ф. 96. 1665 г. № 4. Л. 40–42.

⁸¹ См. письмо А.Л. Ордина-Нащокина царю от начала марта 1666 г.: РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3.

Обращение с просьбой о посредничестве к Швеции на первый взгляд вызывает удивление. Швецию в Москве явно не относили к числу государств, дружественных по отношению к России. Здесь, как показано выше, хорошо знали об имевших место в Варшаве переговорах о заключении польско-шведского союза, направленного против России. Может вызвать удивление и поддержка такого предложения со стороны А.Л. Ордина-Нащокина, который в эти годы, как также показано выше, считал Швецию одним из главных врагов Русского государства. В одной из отписок он сам правильно обращал внимание царя на то, что продолжение войны между Россией и Польшей выгодно шведским правящим кругам, так как это дает им возможность «всякими промыслами и пострахами... боясь их, шведов, мир с твоей, великого государя стороны, убыточной провесть»⁸². Однако в таких действиях была своя логика. Если бы регенты, управлявшие Швецией в малолетство Карла XI, согласились на посредничество, они не смогли бы продолжать переговоры о союзе с Речью Посполитой и шантажировать этим русскую сторону. Более того, можно было ожидать, что на мирных переговорах они не станут поддерживать комиссаров, так как Швеция не заинтересована в укреплении Польско-Литовского государства⁸³.

Вопрос о посредниках стал вновь приобретать актуальность, когда осенью 1665 г. обозначилась реальная перспектива возобновления мирных переговоров. Особенно беспокоил этот вопрос А.Л. Ордина-Нащокина, рассчитывавшего, как показано выше, добиться на переговорах заключения «вечного мира» с Речью Посполитой. Он с беспокойством писал царю, что в соглашении о переговорах, заключенном

⁸² РГАДА. Ф. 96. 1665 г. № 4. Л. 3. О таких особенностях шведской политики 60-х гг. XVII в. и соответствующих высказываниях шведских политиков см.: *Шаскольский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 191, 199 и др.

⁸³ Так понимал дело А.Л. Ордин-Нащокин в записке, поданной царю в начале марта 1665 г. (РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 8. Л. 4–5).

с И. Комаром, ничего не сказано об участии посредников⁸⁴. В наказе, отправленном А.Л. Ордину-Нащокину 12 февраля 1666 г., снова указывалось, что в качестве посредников с русской стороны следует предложить императора и датского короля⁸⁵.

Собранный материал наглядно показывает, сколь значительные усилия были затрачены русским правительством в 1660–1665 гг., чтобы мирные переговоры велись при участии посредников. Каковы же были мотивы всех этих настойчивых действий? На первый взгляд, объяснение лежит на поверхности. Участие в переговорах представителей дружественных России государств должно было способствовать достижению благоприятных для русской стороны условий мира. Однако это не объясняет согласия русской стороны на участие в переговорах посредников, которых предложит польско-литовская сторона. Очевидно, имели место и другие соображения. Установить их в известной мере позволяют те аргументы в пользу участия посредников, которые приводятся в направленной царю записке А.Л. Ордина-Нащокина. Известно, что уже в июле 1665 г. он послал царю «докладные статьи», специально посвященные вопросу о посредниках⁸⁶, но обнаружить текст статей пока не удалось. Однако ряд соображений на этот счет можно обнаружить в записке, которую Афанасий Лаврентьевич отправил царю накануне переговоров в Андрусове после ознакомления с присланным ему посольским наказом. Польско-литовской стороне, — писал он, — не нужны посредники, она может согласиться на их участие лишь «от великого принуждения», а русской стороне участие посредников выгодно. В подтверждение правильности своего утверждения он приводил следующие аргументы. Желание поляков заключить только перемирие говорит о их намерении вскоре возобновить войну и «при ином короле поляки перемирья держать не учнут». Поэтому следует, «не откладывая на долгое время», привлечь по-

⁸⁴ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 17. Л. 114.

⁸⁵ Там же. 1666 г. № 3. Л. 121.

⁸⁶ О дате посылки документа см.: РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 8. Л. 40.

средников уже к участию в заключении соглашения о перемирии. Если «посредники перемирную запись в надежду вечного мира закрепят», то в дальнейшем, если Речь Посполитая это соглашение нарушит, посредники должны будут поддержать Россию⁸⁷.

Таким образом, посредники были нужны в первую очередь как гаранты того, что Речь Посполитая будет соблюдать условия заключенного соглашения.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 249, 252.

НА ПУТИ К АНДРУСОВУ

С начала 1665 г. на русско-польские отношения стал всё сильнее оказывать воздействие внутривосточный кризис в Речи Посполитой.

Выполняя задуманный ранее план, королевский двор на сейме 1664 г. приступил к расправе с вождем оппозиции Е. Любомирским. 29 декабря н. ст. 1664 г. сеймовый суд, обвинив его в измене, приговорил вельможу к утрате должностей, конфискации владений и смертной казни. Хотя никто не осмелился выступить публично против этого решения, сейм сторонниками Любомирского был сорван, и так начался открытый конфликт между враждебными политическими силами¹. Е. Любомирский нашел приют в Силезии во владениях императора Леопольда I, не желавшего вступления французского принца на польский трон. В записках, поданных Любомирским императору и его министрам в январе–феврале 1665 г., был поднят вопрос о предоставлении ему субсидий для набора войска, чтобы вести войну с королем и его сторонниками².

Осуждение Любомирского произошло как раз в те дни, когда в Варшаве находился Василий Тяпкин. Поэтому об этом событии и срыве сейма скоро должны были узнать в Москве³. Когда в середине февраля 1665 г. было принято

¹ *Nagielski M. Rokosz Jerzego Lubomirskiego w 1665 roku. Warszawa, 1994. S. 139–141.*

² *Ibid. S. 43–45.*

³ В. Тяпкин возвратился в Москву 24 января 1665 г. (РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 4. Л. 38).

решение направить в Варшаву дьяка Григория Богданова, чтобы обсудить, кто будет выступать в роли посредника на мирных переговорах, и заключить соглашение о временном прекращении военных действий⁴, ему было поручено узнать «о Любомирском что учинят»⁵. Но еще до того, как он мог выполнить это поручение, важные сведения прислал в Москву сын А.Л. Ордина-Нащокина Воин. Бежавший в Речь Посполитую в начале 1660 г., сын царского фаворита стал здесь «покоевым дворянином» короля Яна Казимира, но позднее раскаялся в своем поступке и стал сообщать в Москву важные сведения о положении в Речи Посполитой⁶. В своем письме⁷ он передал в Москву, что 20 марта 1665 г. до королевского двора дошли слухи, что Любомирский отправил гонца в Россию. Тогда король и литовский канцлер К. Пац прибегли к своеобразному способу проверки этих слухов. Было сочинено письмо А.Л. Ордина-Нащокина, в котором от имени царя Любомирскому предлагалась помощь⁸, и Воина отправили с этим письмом в Силезию. Из этого сообщения ясно следовало, как опасаются в Варшаве контактов между русскими властями и Любомирским.

Воин сообщал и другую важную информацию. По его словам, король и сенаторы, чтобы предотвратить соглашение между Любомирским и царем, готовы уступить Русскому государству «города по Березину по реку», а если царь поможет возвести на трон герцога Энгийенского, то ему «уступят на урочные лета Киев с Украиной по Днепр реку».

Неудивительно, что под воздействием таких сообщений в Москве в конце весны 1665 г. было принято решение вступить в переговоры с Любомирским. Подготовка такой миссии проходила при активном участии А.Л. Ордина-Нащокина.

⁴ Там же. Л. 67 и сл.

⁵ Там же. Л. 81.

⁶ См. об этом в моей статье: Путешествия Воина Нащокина // Средние века. 2010. № 2.

⁷ РГАДА. Ф. 27 (Приказ тайных дел). Оп. 1. № 572.

⁸ Письмо опубликовано: *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 212.

В начале 1665 г. он получил назначение воеводой во Псков, но это не означало его отстранения от дипломатической деятельности. Напротив, он был послан во Псков, «чтоб за псковским воеводством о делах государственных ссылка чинить в Ригу, в Колывань, в Ругодив»⁹. В марте для ведения переговоров ему были посланы «образцы» писем к бранденбургскому курфюрсту, курляндскому герцогу и литовским гетманам¹⁰. Именно А.Л. Ордин-Нащокин рекомендовал для установления контактов с Любомирским Петра Марселиса, члена осевшей в Москве купеческой семьи, неоднократно выполнявшего поручения русского правительства в Европе¹¹. 16 февраля 1665 г. он был направлен за границу с официальным поручением просить курфюрста, императора и датского короля о посредничестве на будущих переговорах между Россией и Речью Посполитой¹². К концу весны в Москве сложилось решение с его помощью установить прочную связь с Любомирским. В мае к А.Л. Ордину-Нащокину была отправлена грамота царя к Любомирскому, которую тот «почтой» отправил через Ригу в Гамбург «по Петрову приказу Марселиса, он велел туды послать»¹³. Посылая грамоту, псковский воевода снабдил Марселиса своими дипломатическими указаниями. Текст грамоты и эти указания дают возможность выяснить, чего ожидали в Москве от контактов с Любомирским.

В царской грамоте, датированной 10 мая 1665 г., говорилось, что царь узнал о гонениях на Любомирского, «занеже приводил ваше желательство к успокоению кровей». Далее снова говорилось о том, что «ваша честность паче иных посторонних... вечное успокоение хочешь учинить». Далее в грамоте говорилось, что П. Марселис послан к императору

⁹ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 8. Л. 25.

¹⁰ Там же. Л. 7–9.

¹¹ См. указания в письмах А.Л. Ордина-Нащокина, что он «Марселиса к делу сыскал...» (Там же. Л. 29) и что он «про него писал ... широка ево скаска в чужих землях» (Там же. Л. 22).

¹² Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. 4. СПб., 1856. Стб. 545.

¹³ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 8. Л. 30.

хлопотать о его посредничестве на мирных переговорах и должен «объявить... яснотельможному гетману те дела, которые до покою христианского належат»¹⁴. Отправив грамоту, А.Л. Ордин-Нащокин сообщил Ю.А. Долгорукому, что он предложил Марселису убедить Любомирского, чтобы он был «надежен» на милость царя и чтобы он написал и прислал во Псков с верным человеком свое «намерение к покою государства своего и к вечному благоутешению»¹⁵.

Из этих текстов следует, что после отказа гетмана участвовать в походе Яна Казимира 1663/4 г. в Москве его стали рассматривать как политика, выступающего за заключение мира между Россией и Речью Посполитой. Речь шла на этом этапе, по-видимому, прежде всего о том, чтобы с помощью Любомирского воздействовать на общественное мнение Речи Посполитой, чтобы магнаты и шляхта заставили королевский двор согласиться на заключение мира с Россией.

О том, что происходило в последующее время, достаточно ясных свидетельств не имеется. П. Марселис смог приступить к исполнению своей миссии лишь после приезда в Вену в июне 1665 г. Помимо П. Марселиса, предпринимал попытки установить с ним связь и Воин Нащокин. В письме отцу от 12 мая 1665 г. из Вены он писал, что ждет ответа Любомирского на свои письма и с этим ответом поедет к царю¹⁶. Однако получил ли он какой-либо ответ, неизвестно, а само его письмо П. Марселис доставил отцу лишь в марте 1666 г.¹⁷ Петр Марселис сообщил А.Л. Ордину-Нащокину о своем намерении послать с грамотами своего сына Леонтия (Леонарда). В своем письме Ю.А. Долгорукому А.Л. Ордин-Нащокин писал, что хорошо бы, чтобы «ближние бояре единомысленно» дали ему указания, «что говорить с Москвы»¹⁸. Необходимость в

¹⁴ Там же. № 16. Л. 8–10.

¹⁵ Там же. № 8. Л. 30.

¹⁶ Там же. 1666 г. № 3. Л. 230.

¹⁷ Там же. Л. 228.

¹⁸ Там же. 1665 г. № 8. Л. 32.

посылке новых указаний, как представляется, была связана с тем, что к началу лета 1665 г. Е. Любомирский, получивший средства у австрийского императора, набрал войско и стал у границ Речи Посполитой. Это означало начало вооруженного мятежа («рокоша»), направленного против короля и его советников. О том, каковы могли быть эти указания, позволяет судить сообщение секретаря Любомирского Б. Пестшецкого о своей беседе с П. Марселисом в Вене в июне 1665 г. П. Марселис передал ему царскую грамоту и обещал от имени царя помощь людьми и деньгами¹⁹. До прямой встречи Любомирского с представителем царя — сыном П. Марселиса Леонтием — дело дошло лишь к концу 1665 г.²⁰ К этому времени в отношениях между Россией и Речью Посполитой произошли значительные перемены.

Первая половина лета 1665 г. стала, по-видимому, в Москве временем серьезных раздумий над тем, как действовать в новой непростой ситуации. Григорий Богданов всё не возвращался из Польши, и было неясно, могут ли и когда начаться мирные переговоры. Тем временем в Польше разгоралась, принимая все более широкие масштабы, гражданская война. Следует ли, воспользовавшись положением, ускорить мирные переговоры, добившись мира на приемлемых для русской стороны условиях, или, наоборот, начать активные военные действия? Некоторые данные говорили в пользу второго решения. Как уже упоминалось, сейм конца 1664 г. был сорван сторонниками Любомирского, сорван был и следующий сейм в марте 1665 г. Следовательно, не были приняты решения о сборе налогов на выплату жалованья войску. Литовское войско, не получившее жалованья, не хотело нести службу²¹. Весной 1665 г.

¹⁹ *Nagielski M. Rokosz...* S. 34.

²⁰ 27 октября 1665 г. Л. Марселис еще находился в Новгороде (Памятники дипломатических сношений... Т. 4. Стб. 548).

²¹ Ехавший в конце марта через Белоруссию Г. Богданов сообщал, что войску не выплатили жалованья, а только обещают. «А чаю, государь, — писал он, — что им денгами маняют» (РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 4. Л. 102).

действия русских войск были успешными. Ряд литовских отрядов был разбит, русская армия заняла Оршу²².

Как представляется, отголосок таких споров можно обнаружить в письме А.Л. Ордина-Нащокина, отправленном к царю в начале июля²³. В письме А.Л. Ордин-Нащокин решительно не советовал посылать «ратных людей» в Смоленск для развертывания военных действий и просил вызвать его в Москву, где он покажет, как можно добиться своих целей «мирным промыслом, а не ратми»²⁴. Вызова в Москву псковский воевода не получил. Тогда он обратился к царю с новым письмом. Зная, что Г. Богданов еще не вернулся из Польши и мирные переговоры не начались в назначенное время, он предлагал проявить инициативу и снова сообщить в Варшаву о желании начать мирные переговоры. Он выражал готовность отправиться в Динабург (Борисоглебов) «для... скорых обысков с польскими и литовскими комиссарами». И он снова советовал не начинать военных действий²⁵.

Неизвестно, насколько подействовали на царя Алексея Михайловича советы Ордина-Нащокина, но летом 1665 г. русские войска не предприняли крупных военных операций ни в Белоруссии, ни на Украине. Гетман И.М. Брюховецкий летом 1665 г. был приглашен в Москву, чтобы подписать соглашение, усиливавшее позиции русской власти на территории гетманства. Для последующих решений русского правительства важное значение имели материалы миссии Г. Богданова, вернувшегося в Москву в августе 1665 г.

Отправившись в путь в марте месяце, дьяк лишь в мае добрался до Варшавы. Переговоры, затянувшиеся почти до 10 июня, оказались безрезультатными: не удалось ни договориться о приглашении посредников, ни заключить соглашение о временном прекращении военных действий²⁶.

²² *Nagielski M. Rokosz...* S. 154, 173.

²³ Письмо было ответом на царскую грамоту, полученную им 2 июля.

²⁴ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 8. Л. 33.

²⁵ Там же. Л. 37–39.

²⁶ *Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza.* Warszawa, 1959. S. 197–199.

Однако приезд русского посланника послужил толчком для политической элиты Речи Посполитой, чтобы обратиться к вопросу об отношениях Речи Посполитой с Россией и принять решения, определяющие характер ее политики по отношению к этому государству.

В своем исследовании З. Вуйцик четко обрисовал главные черты той международной и внутривосточной ситуации, в которой эти решения принимались²⁷.

К этому времени стали нереальными надежды на заключение союза между Речью Посполитой и Швецией.

Посылка М. Пальбицкого в Варшаву была выражением реакции шведских политиков на итоги русско-шведских переговоров на р. Плюсе. На переговоры, происходившие в условиях, когда начался поход войск Яна Казимира на восток, в Стокгольме возлагали большие надежды. Перед началом переговоров А. Эберс убеждал шведских комиссаров, что русские пойдут на уступки, так как их положение тяжелое, войска терпят неудачи на фронтах, население недовольно новыми налогами, в казне денег нет, и на чеканку монет используется серебряная утварь²⁸. Однако эти ожидания не оправдались. Русские представители не только не приняли шведские требования об условиях торговли, но и представили развернутые встречные контрпретензии²⁹, а требование о «компенсации» было отвергнуто в резкой форме³⁰. По окончании переговоров в январе 1664 г. Алмаз Иванов снова заявил Эберсу, что это требование неприемлемо³¹. Переговоры были прерваны без открытого разрыва, но и без какой-либо договоренности о времени их возобновления.

²⁷ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 191 i n.

²⁸ *Форстен Г.В.* Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII в. (1648–1700) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898. Июнь. С. 314, 317.

²⁹ Подробную характеристику переговоров см.: *Шаскольский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 209 и сл.

³⁰ *Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 228–229; *Fahlborg B.* Sveriges yttre politik. 1660–1664. Stockholm, 1932. S. 326.

³¹ *Форстен Г.В.* Сношения... С. 320.

Шведский план имел свои слабые стороны. Члены риксрода рассчитывали добиться своих целей с помощью угроз³², военных демонстраций в пограничных районах (устройство смотров, приведение в готовность артиллерии, укрепление пограничных крепостей и др.) и некоторых других мер давления (например, задержка в Кокнезе артиллерии, которую следовало вернуть по условиям Кардического мира)³³. Чтобы показать русской стороне серьезность своих намерений, шведские власти предписали в конце весны 1663 г. своим купцам в Новгороде перестать заключать торговые сделки и спешно выехать из Новгорода со всем своим товаром³⁴.

Однако шведские власти не могли отрезать Россию от всех источников информации, и был риск, что партнер на переговорах узнает, что в действительности в Швеции серьезно не готовятся к войне. Так и случилось. Соответствующие сведения поступали в Москву даже от иностранных офицеров, выезжавших на русскую службу. Так, приехавший в Россию из Швеции весной 1663 г. поручик Яков Нильссон сообщал в Посольском приказе, что «свейского... войска в собранье при нем нигде не было»³⁵. Для царя и его советников особое значение должны были иметь сообщения подьячего Посольского приказа Ивана Остафьева, ездившего летом 1663 г. в Швецию с царскими грамотами. Он сообщал, что «ратных... людей у свейского короля в зборе нигде нет кроме того, что в Финской земле, которые всегда там живут»³⁶.

³² Так, уже в октябре 1662 г. посланник Конрад Бернер заявил, что если шведские требования не будут удовлетворены, король будет их отстаивать иным способом (*Fahlborg B.* Op. cit. S. 305).

³³ *Fahlborg B.* Op. cit. S. 299–300, 305, 309, 329. Об этих военных демонстрациях см. также донесения бранденбургского резидента в Швеции Крокова (*Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte Friedrich Wilhelm, Kurfürst von Brandenburg.* Т. IX. Berlin, 1879. S. 748, 751–752, 754).

³⁴ РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). 1663 г. № 1. Л. 337–339.

³⁵ Там же. Л. 315.

³⁶ РГАДА. Ф. 96. 1663 г. № 4. Л. 140.

Значение имели и его сообщения, что шведы требуют съезда по инициативе шведского посланника Конрада фон Барнера, убедившего советников короля, что в России тяжелое положение, «от царского величества отступили астараканцы и казанцы» и король «за торговые убытки возмет на царском величестве многую казну, миллионов 10 золота». Если бы не обещания Барнера, шведы и не стали бы требовать съезда, а уладили бы спорные вопросы «через порубежных бояр и воевод и губернаторов»³⁷. Шведский резидент А. Эберс, сумевший (возможно, с помощью Котошихина) получить текст донесения И. Остафьева³⁸, с огорчением сообщал в Стокгольм, что, ознакомившись с этим документом, царь предписал своим представителям занять твердую позицию и не идти на уступки³⁹.

По-видимому, по окончании переговоров на р. Плюсе поведение шведской стороны на этих переговорах и другие шаги шведских властей стали предметом обсуждения в окружении царя. Отголоском этого обсуждения может служить сохранившаяся среди документов Посольского приказа анонимная записка под заголовком «Иноземцы сказывали в розговорах тайно»⁴⁰. Знакомство с ее содержанием говорит о том, что ее автором был, по-видимому, А.Л. Ордин-Нащокин, который по своему обычаю под видом передачи полученной от «иноземцев» информации излагал во многом свои собственные соображения о политике шведских властей. Все военные меры, которые предпринимаются в пограничных районах, предпринимаются, — доказывал он, — только для того, чтобы оказать давление на русских послов: «и они в то время уступят, что им будет надобно». Чтобы противодействовать этому, следует прибегнуть к аналогичным мерам, собрать войска на границе

³⁷ Там же. Л. 138–139.

³⁸ Публикацию фрагментов нем. перевода этого текста см.: *Форстен Г.В.* Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII в. (1648–1700) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898. Июнь. С. 316–317.

³⁹ Там же. С. 314.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 96. 1664 г. № 1. Л. 101–106.

«и в то время и они учнут остерегатца», тогда и на переговорах «чаять бы зделать мочно, что годно». Все свидетельства указывают на то, что в Швеции сами опасаются войны с Россией («от войны московских людей страшны»). К тому же Швеция оказалась вовлеченной в конфликты, разгоравшиеся на западе Европы. С началом войны между Англией и Голландией английское правительство требует помощи в соответствии с договором о союзе между странами. На запад уже отправлена шведская эскадра, а вслед за ней последуют сухопутные войска.

Эта аргументация была, по-видимому, признана убедительной. Характерно, что на съезде в Дуровичах угроза заключения союза между Речью Посполитой и Швецией явно не оказала влияния на русскую сторону, и вопрос этот не стал предметом специального обсуждения между царем и великими послами. Шведские угрозы переставали действовать; шведское правительство, однако, продолжило искать новые способы давления на русскую сторону.

В этих условиях в декабре 1663 г. было принято решение направить М. Пальбицкого в Варшаву, чтобы начать переговоры о союзе против России. Угроза такого союза, по мнению шведских политиков, могла заставить русскую сторону изменить свое отношение к шведским требованиям⁴¹. Не исключалась и возможность начать войну против России⁴², очевидно, в том случае, если бы в своем походе на восток войско Яна Казимира добилось больших успехов. Однако к весне 1664 г. в Стокгольм пришли сообщения о том, что поход закончился неудачей и, понеся потери, потеряв обозы и артиллерию, пришедшая в расстройство и деморализованная армия Речи Посполитой отступила за Днепр; тогда же стали поступать сведения об обострении внутривосточной борьбы в стране, о возможности «рокоша» — вооруженного мятежа против королевской власти

⁴¹ *Fahlborg B.* Op. cit. S. 334–335.

⁴² Об этом говорил канцлер французскому послу (*Fahlborg B.* Op. cit. S. 329); об этом же писал Кроков Фридриху Вильгельму в январе 1664 г. (*Urkunden und Aktenstücke... T. IX. S. 771*).

во главе с Е. Любомирским⁴³. Всё это привело к явной смене настроений в шведских правящих кругах. Осведомленный бранденбургский резидент писал курфюрсту 20 июня 1664 г., что в Швеции не имеют места ни закупки вооружения, ни набор войск, а офицерам задерживается выплата жалованья. Из этого он делал вывод, что Швеция вряд ли вступит сейчас в войну с Россией⁴⁴. В июне–июле 1664 г. в Стокгольме заседал риксдаг, который наряду с другими рассматривал вопрос об отношениях с Россией. Хотя на заседаниях некоторые политики, такие как Б. Шютте или генерал Врангель, выступали как сторонники войны, большинство членов риксрода и представители сословий высказывались за сохранение мира с Россией⁴⁵. В августе Кроков сообщал курфюрсту, что большая группа шведских офицеров хочет перейти к нему на службу⁴⁶.

Под влиянием сообщений, поступивших из Речи Посполитой о нарастании здесь внутривластительского кризиса, Пальбицкому 31 августа 1664 г. были направлены новые инструкции. На переговорах о заключении союза он должен был добиваться, чтобы представители другой стороны получили полномочия не только от короля, но и от сейма⁴⁷. Думается, составители инструкций понимали, что в обстановке острой внутривластительской борьбы в Речи Посполитой это условие практически невыполнимо. В Варшаве в августе 1664 г. был подготовлен проект договора, но польская сторона настаивала, что Швеция должна начать военные действия, не дожидаясь его ратификации сеймом. 26 августа 1664 г. Пальбицкий выехал в Стокгольм с текстом проекта договора⁴⁸. Когда проект договора был

⁴³ Характеристику соответствующих донесений шведского резидента в Гданьске и М. Пальбицкого см.: *Fahlborg B.* Op. cit. S. 336–337.

⁴⁴ *Urkunden und Aktenstücke...* Т. IX. S. 784.

⁴⁵ *Fahlborg B.* Op. cit. S. 546–552.

⁴⁶ *Urkunden und Aktenstücke...* Т. IX. S. 789.

⁴⁷ *Fahlborg B.* *Sveriges jttre politik. 1664–1668.* Т. I. Stockholm, 1949. S. 9.

⁴⁸ *Ibid.* S. 11–17.

доставлен в Стокгольм, бранденбургский резидент Кроков смог сообщить, что шведские «министры не хотят ничего об этом знать»⁴⁹.

Правда, в ноябре 1664 г. Пальбицкий был снова направлен в Польшу с инструкциями, что следует препятствовать продвижению России к Балтийскому морю, а Польша называлась «предмостным укреплением» в борьбе с угрозой со стороны варваров, но одновременно он должен был снова добиваться одобрения договоренностей сеймом и даже заявить, что король не желает войны и хотел бы успешного завершения переговоров с Россией⁵⁰. Эти особенности инструкций говорят, как представляется, о том, что никаких серьезных целей, кроме давления на Россию, с посольством не связывали. В Варшаве Пальбицкий смог убедиться, что о каком-либо одобрении сеймом возможных договоренностей не может быть и речи, и 12 мая 1665 г. он покинул Варшаву⁵¹.

После заключения в августе 1664 г. мира между Османской империей и Австрией в Варшаве усилились опасения, не захочет ли Османская империя, укрепив свои позиции в Трансильвании, расширить сферу своей власти и влияния в Восточной Европе. Наконец, к тому времени, когда Г. Богданов приехал в Варшаву, начало гражданской войны в Польско-Литовском государстве стало реальностью. В мае 1665 г. Любомирский с войском вступил на территорию Речи Посполитой и распространил прокламации, в которых выступал как защитник шляхетских вольностей, призывал шляхту к созыву конного сейма в поле для противодействия планам двора, ставившим эти вольности под угрозу⁵².

В июне в Варшаве уже стало известно, что значительная часть польской армии отказывает в повиновении правительству. Нетрудно было предвидеть, что эти войска

⁴⁹ Urkunden und Aktenstücke... Т. IX. S. 792.

⁵⁰ *Fahlborg B.* Op. cit. S. 22–23.

⁵¹ *Ibid.* S. 44–46, 55–56.

⁵² *Nagielski M. Rokosz...* S. 164–165.

присоединятся к Любомирскому, что и произошло в июле 1665 г. под Львовом⁵³. В таких условиях королю и его советникам было необходимо вызвать к себе на помощь еще верные правительству войска, находившиеся на Украине. 20 июня н. ст. на Правобережную Украину был послан С. Венславский, который должен был предложить гетману Павлу Тетере и находившимся там отрядам татар, чтобы они удерживали эту территорию, полагаясь только на собственные силы. В условиях, когда на запад от Днестра снова усиливались антипольские выступления, это ставило под сомнение сохранение польской (или: пропольской) власти на данной территории, и одновременно обозначалась перспектива резкого усиления влияния Крыма (а возможно, и Османской империи). Уже в конце июня Павел Тетеря, потерпев поражение в бою с повстанцами под Браสลавом, ушел в Польшу вместе с польским войском. В развернувшейся затем борьбе за гетманскую булаву между полковниками — организаторами антипольских выступлений к сентябрю 1665 г. взял верх черкасский полковник Петр Дорошенко, опиравшийся на поддержку татар⁵⁴. В июне в Варшаве еще не могли об этом знать, но угроза такого развития событий была вполне реальной.

В таких условиях депутаты, назначенные еще сеймом 1662 г., к 31 мая н. ст. составили инструкции для представителей Речи Посполитой на будущих мирных переговорах с Россией⁵⁵. Комиссарам давались полномочия заключить с Россией перемирие на длительный срок на тех условиях, что к Русскому государству отойдут Смоленщина и Левобережная Украина, а к Речи Посполитой — Восточная Белоруссия, Польская Ливония и те города на Правобережной Украине, которые еще находятся под русской властью. Комиссары должны были добиваться или сохранения за шляхтой ее имений на уступленных территориях, или выплаты за них

⁵³ Ibid. S. 85–86.

⁵⁴ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 217–219.

⁵⁵ Подробный анализ этого документа см.: *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 199 i n.

денежной компенсации, но в крайнем случае от этого требования можно было отказаться.

3. Вуйцик справедливо обратил внимание на тот пункт инструкции, в котором комиссарам предписывалось заключить особый договор о «coniunctionem armorum» (соединении войск. — Б. Ф.) «przeciwko każdemu ab extra et ab intra pierzycielowi». Это означало, что политическая элита Речи Посполитой обратилась к тем предложениям А.Л. Ордина-Нащокина, которые она настойчиво отклоняла в предшествующие годы. Критическая ситуация, в которой оказалась Речь Посполитая весной 1665 г., побудила политиков к реальной оценке военно-политических возможностей своего государства. Тем самым открывалась и реальная перспектива заключения между государствами мирного соглашения на длительный срок. Вместе с тем, если для А.Л. Ордина-Нащокина это были условия «вечного мира», то политики Речи Посполитой соглашались на схожих условиях подписать лишь длительное перемирие. Согласиться на окончательный отказ от Смоленщины и Левобережной Украины политическая элита Речи Посполитой на этом этапе не могла.

По Ордину-Нащокину, «крепость» такого мира была тесно связана с целой программой военно-политического сотрудничества для совместного решения ряда крупных внешнеполитических проблем. Эту программу он, как показано выше, настойчиво предлагал вниманию политиков Польши и Литвы.

Вопрос о заключении союза с Россией также нашел отражение в инструкции комиссарам, но сделано это было в самом общем виде. Создается впечатление, что налицо было лишь самое общее представление, что можно выйти из сложившейся критической ситуации с помощью России, но было совсем не ясно, как это сделать. Не случайно в инструкции, как и в более ранних документах, подчеркивалась необходимость принять во внимание при заключении мирного договора интересы Крыма. Упоминание о «внутреннем» враге указывает, как правильно отметил З. Вуйцик, что в Варшаве, очевидно, рассчитывали на русскую помощь в борьбе с «рокошем».

Перемены в позиции правящих кругов Речи Посполитой нашли отражение в королевской грамоте, врученной Г. Богданову 9 июня. В грамоте не только говорилось о необходимости возобновить мирные переговоры, но и выражалось пожелание, чтобы на переговорах можно было бы заключить перемирие, а уж в дальнейшем обсуждать вопрос о «вечном мире»⁵⁶. Если учесть, что на переговорах 1664 г. представители Речи Посполитой упрямо настаивали на заключении именно «вечного мира», то появление в официальном документе таких формулировок явно говорило о том, что в Варшаве наметилась тенденция к поискам реального соглашения с Русским государством. О готовности властей Речи Посполитой заключить перемирие говорил в беседе с Г. Богдановым и один из комиссаров — К.П. Бжостовский⁵⁷. Перед отъездом гонцу было объявлено, что подсудок оршанский И. Комар будет послан в Москву, чтобы договориться о месте и времени проведения мирных переговоров⁵⁸. Сообщения об ожидаемом приезде Комара пришли в Смоленск 21 июня, еще до возвращения Богданова в Москву⁵⁹.

Г. Богданов очень добросовестно отнесся к своей задаче и собрал обширную информацию о внутри- и внешнеполитическом положении Речи Посполитой. Так, из его «вестового» списка можно было узнать, что шведский посол покинул Варшаву «без дела»⁶⁰. Г. Богданов привез также польское «письмо» с сообщениями о положении на Украине. В нем говорилось, что «Украина изнова в бунте», что один из предводителей восстания, Децик, занял Фастов и Мотовилов, что польские войска уходят в «Польшу» (и сторонники, и противники Любомирского) и что Павел Тетеря «з женою и з детми впрям уходит во Львов»⁶¹. О «рокоше» много сведений он собрать не мог, так как во время его

⁵⁶ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 4. Л. 151–151об.

⁵⁷ Там же. Л. 64.

⁵⁸ Там же. Л. 85.

⁵⁹ Там же. № 9. Л. 1.

⁶⁰ Там же. № 4. Л. 188.

⁶¹ Там же. Л. 180.

пробытия в Варшаве серьезные военные действия еще не начались. Лишь на обратном пути Григорий узнал о поражении, которое Любомирский нанес королевской армии. Однако он сообщил, что Любомирский «стоит за вольности шляхецкие» и что «канслеров добре не любят, а Любомирского хвалят и стоят за него»⁶². Сведения эти соответствовали действительности — даже солдаты и офицеры армии, явившиеся, следуя присяге, на королевскую службу, сочувствовали Любомирскому и не хотели сражаться с его сторонниками⁶³.

Еще в апреле, проезжая через восточные территории Великого княжества Литовского, он писал о тяжелом положении разоренной долгой войной страны, где нет ни хлеба, ни соломы, ни кормов. «Ржи ничего, — писал он, — в полях не сеяно ж и ждаты дешевого хлеба не от чего ж»⁶⁴. Литовскому войску, — сообщал он, — выплатили лишь часть жалованья, и солдаты и офицеры «того себе... и в заплату не ставят... и битца с неприятелями не станут»⁶⁵. Продолжая свой рассказ, он отметил уже в своем итоговом сообщении, что положение в стране такое, что «ныне не толко, чтоб было чем войску платить, приходит к тому, что ратным людям и на корм стоять негде, потому что мало не до конца все разорено и скудость во всем самая великая»⁶⁶.

Как представляется, для царя и его советников особое значение имели сообщения Г. Богданова, что шляхта хочет мира с Россией. Он писал об этом уже в апреле с дороги⁶⁷. В его статейном списке снова указывалось: «А миру добре желают не только чернь, и ратные люди о мире все Бога просят»⁶⁸. Когда в 1663 г. он, Г. Богданов, был с А.Л. Ординым-Нащокиным во Львове, «тогда польские ратные люди все говорили, что Смоленска не уступать, а ныне все говорят,

⁶² Там же. Л. 186–187.

⁶³ *Nagielski M. Rokosz...* S. 105–106.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 4. Л. 103.

⁶⁵ Там же. Л. 192.

⁶⁶ Там же. Л. 194.

⁶⁷ Там же. Л. 102.

⁶⁸ Там же. Л. 194.

что за Смоленск им стоять нечево... по нужде уступать будет и Киева, а толко б, дал Бог, скорее мир». Да и сенаторы, по его сведениям, «тайно говорят же, что им Смоленска и Киева с ыными городами силою отыскивать не уметь». Поэтому на будущих мирных переговорах комиссары «станут поступки объявлять, потому что конечно им мир надобен». Таким образом, не зная подготовленных для комиссаров инструкций, он верно предсказал основное их содержание. Ошибался он лишь в отношении Киева, что и показал ход последующих переговоров ⁶⁹.

Из всех этих сообщений следовал вывод, что в сложившемся положении можно рассчитывать на то, что на мирных переговорах удастся заключить соглашение на условиях, приемлемых для русской стороны. Характерно, что сразу по получении этого документа царь приказал выслать его копию А.Л. Ордину-Нащокину, чтобы он «на то письмо статьи прислал» ⁷⁰.

В статейном списке Г. Богданова был помещен особый раздел о том, кого в Речи Посполитой хотели бы видеть будущим монархом после смерти Яна Казимира. По сведениям, которыми располагал Г. Богданов, вопрос этот должен был рассматриваться на ближайшем сейме. Представители Великой Польши, как сообщал он, хотят выбрать сына императора, представители Малой Польши и Королевской Пруссии — курфюрста Фридриха Вильгельма. «Иные воеводства в Коруне Полскои, то-есть Сендомирское, Любельское, Подолье, Украина, Волынь и все Княжество Литовское и Жмодцкое и Белая Русь» отдадут голоса «на сына царя его милости Московского» ⁷¹. Сведения эти совсем не соответствовали действительности. Король и королева действи-

⁶⁹ Однако и хорошо осведомленный бранденбургский резидент И. Ховербек сообщал своему правительству, что если двор получит средства на содержание армии и помощь против Любомирского, он уступит и Киев (Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Т. XII. Berlin, 1892. S. 272).

⁷⁰ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 8. Л. 41–42.

⁷¹ Там же. № 4. Л. 182.

тельно хотели бы, в нарушение норм права Речи Посполитой, поставить на сейме вопрос о выборе преемника, чтобы добиться избрания таким преемником французского принца, но и они откладывали решение вопроса до победы над участниками «рокоша»⁷². Возможно, объяснения следует искать в сообщении Г. Богданова, что из Литвы отправлены послы в Польшу, «ожидаючи ведома скорого времени и места в поли на сложение сейму»⁷³. Упоминание о «поле» говорит, как представляется, что этот вопрос должен был, по мнению информаторов Г. Богданова, рассматриваться на «конном сейме», к созыву которого призывал Любомирский. По-видимому, здесь, по их представлениям, должен был быть отстранен Ян Казимир и избран новый монарх. К какой среде принадлежали информаторы Г. Богданова, позволяет установить одна деталь его сообщения. Перечислив земли, которые, якобы, готовы избрать царевича, дьяк отметил, что «и войска Княжства Литовского ту ж речь подают» и готовы выступить с этим предложением на сейме⁷⁴.

Сообщение Г. Богданова является не единственным свидетельством того, что в середине 60-х гг. XVII в. вопрос об избрании царевича снова стал обсуждаться в литовской армии, а возможно, и в среде литовской шляхты. Так, в мае 1664 г. вышедший из плена сын боярский Евсей Лавров рассказал о том, что говорил ему, отпуская из плена, гетман М. Пац. Он предлагал, чтобы «великий государь пожаловал, изволил на королевство дати сына своево... Алексея Алексеевича, а они, де, ему, великому государю, служити ради все»⁷⁵. Проводя комиссаров после окончания переговоров в Дуровичах, Василий Тяпкин записал разговоры, что комиссары сорвали переговоры «по королевнину умыслу», так как она боится, «чтоб, учиня мир, не обрали на Коруну Польскую государя царевича»⁷⁶. Русский гонец Петр Долгов, ездивший для

⁷² *Nagielski M. Rokosz...* S. 121–122.

⁷³ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 4. Л. 185.

⁷⁴ Там же. Л. 182.

⁷⁵ Там же. 1664 г. № 13. Л. 64–65.

⁷⁶ Там же. 1664 г. № 14. Л. 399.

обмена пленными в Речь Посполитую, сообщал, что 1 октября на устроенном в его честь обеде «трибунальной маршалок воевода Мстиславской Миколай Тихановецкой» говорил, что магнаты и шляхта Великого княжества («сенатори... и иные обыватели») желают, чтобы по смерти Яна Казимира «был государем их... государь царевич»⁷⁷.

Сообщение Г. Богданова выделяется из ряда других тем, что в нем указаны условия, на которых магнаты и шляхта согласились бы видеть царевича на польском троне: возвращение всех утраченных земель, выплата возмещения за убытки и долгов Речи Посполитой литовскому войску. На этих условиях король и Речь Посполитая могли бы взять сына царя «в оберегательство» «для присматривания обычаев польских»⁷⁸. Это свидетельство показывает, что в сознании шляхты Великого княжества Литовского продолжали жить проекты, выдвинутые еще в середине 50-х гг. XVII в., фактически предусматривавшие достижение таким способом всех целей, важных для нее в отношениях с Россией, без войны. На опасности и для России, и для династии таких проектов справедливо обращал внимание царя в своей записке А.Л. Ордин-Нащокин. Впрочем, никаких практических последствий эти разговоры не могли иметь. Речь Посполитая официально таких предложений не выдвигала, а для царя Алексея Михайловича эти предложения были так же неприемлемы, как в 1655–1656 гг., и он не стал побуждать шляхту публично настаивать на этих предложениях.

В сентябре–октябре 1665 г. в Москве состоялись переговоры с королевским посланцем Иеронимом Комаром, на которых была достигнута договоренность о проведении мирных переговоров в январе 1666 г. примерно в том же месте, что и ранее⁷⁹. Еще за несколько дней до окончания переговоров посланнику было объявлено, что вести переговоры

⁷⁷ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 11. Л. 88.

⁷⁸ Там же. № 5. Л. 184.

⁷⁹ Подробное описание переговоров, основанное на русских и польских источниках, см.: *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 205–210.

с комиссарами будут направлены окольник А.Л. Ордин-Нащокин и дьяк Г. Богданов⁸⁰. Таким образом, теперь Афанасий Лаврентьевич должен был взять в свои руки ведение переговоров с комиссарами Речи Посполитой. Его помощниками должны были стать его родственник и товарищ в сложных переговорах 1658–1659 гг. со Швецией Б.И. Нащокин и коллега по Львовскому посольству 1663 г., уже упоминавшийся дьяк Г. Богданов. Назначение в посольство близких, хорошо знакомых ему людей было свидетельством доверия царя к этому политику. Объявив о назначении членов посольства, посланника одновременно запрашивали: «Путь окольник Афанасью Лаврентьевичю до Зверович (вероятной резиденции русских послов по время переговоров. — Б. Ф.) из Пскова на Диноборок и до становиска от войск его королевского величества обнадешит ли и письмо в том опасное даст ли?»⁸¹

Такое обращение было связано с тем, что вопрос о Динабурге осенью 1665 г. приобрел особую остроту. Во внешнеполитических планах А.Л. Ордина-Нащокина обладание этим городом имело особое значение. Дело было не только в том, что тем самым русская власть обладала бы важным пунктом на торговом пути по Западной Двине из Великого княжества Литовского к Риге и могла извлекать немалые финансовые выгоды из такого положения⁸². Обладая Динабургом, русское правительство фактически контролировало бы все главные торговые пути, ведущие в Прибалтику, и это делало бы его не только равноправным, но и особо важным участником той перестройки условий ведения торговли в этом регионе, которую А.Л. Ордин-Нащокин связывал с заключением русско-польского союза. В своей правоте он сумел убедить царя Алексея, что видно из его указаний, посланных

⁸⁰ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 9. Л. 205.

⁸¹ Там же.

⁸² В начале 60-х гг. XVII в. здесь действительно взимались проезжие пошлины с провозившихся по Западной Двине товаров (*Шаскольский И.П.* Экономические отношения... С. 188).

«великим послам» в Дуровичи. Весной 1665 г. в Динабург был послан новый воевода Неклюдов, увеличен гарнизон, пополнены запасы продовольствия и «зелья»⁸³.

В начале осени 1665 г. корпус И.А. Хованского, перейдя Двину под Динабургом, предпринял нападение на Жемайтию⁸⁴. Когда навстречу ему двинулась литовская армия во главе с М. Пацем, Хованский отступил за Двину⁸⁵. Войска М. Паца подошли к Динабургу и осадили город. Возникла опасность, что город будет утрачен еще до начала мирных переговоров. Чтобы этого не допустить, А.Л. Ордин-Нащокин использовал то обстоятельство, что при назначении псковским воеводой он сохранил за собою звание «великого и полномочного посла», имевшего право вести переговоры с иностранными правительствами. В сентябре он обратился с письмом к гетману Пацу о своем намерении посетить Динабург, чтобы оттуда вести переговоры с комиссарами об организации мирных переговоров⁸⁶. Хотя А.Л. Ордину-Нащокину было известно из лагеря Паца, что здесь после отступления Хованского «всем войском гетману говорили, чтоб война прекратилась и в русские места большими людьми не шли»⁸⁷, гетман резко отказал, ссылаясь на то, что никаких подданных царя в Динабург не пропустит. А.Л. Ордин-Нащокин отправил 3 октября М. Пацу еще одно письмо, обвиняя его в нежелании содействовать успеху мирных переговоров и заявив, что он намерен ехать в Динабург, чтобы встретиться с гетманом и оттуда сноситься с комиссарами⁸⁸. Одновремен-

⁸³ *Галактионов И.В.* Россия и Польша накануне переговоров в Андрусове // Ученые записки Института славяноведения. Т. XVIII. М., 1959. С. 248.

⁸⁴ *Nagielski M. Rokosz...* S. 207–208.

⁸⁵ См. отписку смоленского воеводы кн. П. Прозоровского (РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 11. Л. 74).

⁸⁶ О содержании письма можно судить по ответной грамоте М. Паца от 5 октября н. ст. (РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 8. Л. 45–46 (Оригинал на польском яз.)).

⁸⁷ См. об этом в письме А.Л. Ордина-Нащокина царю (там же. Л. 43).

⁸⁸ Там же. Л. 51–55.

но он уведомил о происходящем царя⁸⁹. Именно поэтому соглашение, заключенное в Москве, предусматривало для А.Л. Ордина-Нащокина свободный проезд «изо Пскова на Диноборок и от Диноборка до места уговоренного»⁹⁰. Шаг этот, однако, к желанным результатам не привел. Уже на обратном пути из Можайска, узнав об осаде города, И. Комар написал в Москву, что поскольку Динабург осажден, то пусть бы «его милость господин Нащокин не имел себе за безчестье, что его к крепости такой не пустят», и настаивал, чтобы посол «людей и запасов с собою не возил»⁹¹. В новом письме, присланном из Смоленска, он разъяснял, что заключенное соглашение гарантирует послу свободный проезд «мимо крепости»⁹².

Грамотой от 15 октября Алексей Михайлович одобрил инициативу А.Л. Ордина-Нащокина, предложил ему сдать дела во Пскове И.А. Хованскому и ехать к Динабургу. Понимая, по-видимому, искусственность предлога для поездки, царь дал ему полномочия вести переговоры с М. Пацем «о задержании войск»⁹³. 24 октября, извещая А.Л. Ордина-Нащокина о его назначении главой русской делегации на мирных переговорах, царь подтвердил приказ ехать первоначально к Динабургу и послал ему проезжие грамоты, полученные от И. Комара⁹⁴. Тем временем А.Л. Ордин-Нащокин с беспокойством размышлял о причинах проявленного М. Пацем упорства. Он пришел к выводу, что к таким действиям литовских военачальников побуждают шведы, «чтоб взять, а за литовским взятъем им, шведам, овладеть и для того гетманов литовских и полковников перекупают тайными подарками»⁹⁵. Для подозрений А.Л. Ордина-Нащокина были определенные основания. Польская Ливония действительно привлекала

⁸⁹ Там же. Л. 43.

⁹⁰ Там же. № 9. Л. 256.

⁹¹ Там же. № 17. Л. 19–20 (Можайск, 5 ноября н. ст.).

⁹² Там же. № 9. Л. 330 (Смоленск, 16 ноября н. ст.).

⁹³ Там же. № 8. Л. 56–59.

⁹⁴ Там же. № 17. Л. 3–6.

⁹⁵ Там же. № 8. Л. 9–11.

к себе внимание шведских политиков. Так, в проекте договора о польско-шведском союзе предусматривалось, что в обмен на помощь против России Речь Посполитая уступит Швеции эту территорию ⁹⁶.

Последние месяцы 1665 г. заняла оживленная переписка между А.Л. Ординым-Нащокиным и М. Пацем. Окольный настаивал на своей поездке к месту мирных переговоров через Динабург, а гетман упорно отказывался его пропустить, прибегнув в конце концов к угрозам. «Что мимо дозволения едучому прилучилося, сам бы себе виноват был», — читается в его письме от 10 ноября н. ст. ⁹⁷ Невзирая на это, А.Л. Ордин-Нащокин в ноябре отправился в путь в сопровождении отряда из 400 стрельцов ⁹⁸. Неизвестно, чем бы всё это закончилось, но на дороге он получил 1 декабря указ царя, который вызывал его в Москву, и вернулся во Псков ⁹⁹. Хотя во время боев за Динабург попал в плен сам воевода Иван Афанасьевич Неклюдов ¹⁰⁰, литовским войскам взять Динабург так и не удалось.

Вызов А.Л. Ордина-Нащокина в Москву был связан с подготовкой к мирным переговорам. Хотя в грамоте от 24 октября царь сообщал, что наказ привезет дьяк Г. Богданов ¹⁰¹, но по каким-то причинам этого не произошло. Повидимому, было принято решение, что А.Л. Ордин-Нащокин должен участвовать в подготовке этого документа.

Участие А.Л. Ордина-Нащокина в обсуждении условий мира началось, впрочем, еще до его приезда в Москву. Так, ознакомившись по переписке с результатами переговоров с И. Комаром, он направил царю записку со своими размышлениями на этот счет ¹⁰². Он не мог не заметить изменение позиции польско-литовской стороны, которая предлагает теперь вести переговоры о перемирии, «а до сего времени

⁹⁶ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 191–192.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 8. Л. 81 (перевод).

⁹⁸ Там же. Л. 83–84.

⁹⁹ Там же. Л. 95.

¹⁰⁰ Там же. Л. 87.

¹⁰¹ Там же. Л. 6.

¹⁰² РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 17. Л. 114–117.

и слышать перемирья не хотели». Он правильно увидел в этом желание политической элиты Речи Посполитой получить передышку, чтобы в дальнейшем предпринять попытку вернуть себе утраченные земли. Для этого, по мнению политика, будут стараться прекратить гражданскую войну и установить порядок, найти нового правителя — «богатого себе государя короля с великою помощью казны» и союзников для будущей войны с Россией. Ради сохранения за собой такой возможности они отказываются от тех выгод, которые им могут принести русские условия «вечно-го» мира. «В перемирье, — писал он, — союзу не будет», и следовательно, придется «за прежнее хану платить, а вновь перекупать». Кроме того, — отмечал он, — «в перемирье великой денежной дачи за уступку не будет же».

Какого-либо решения А.Л. Ордин-Нащокин не предлагал. Он лишь обращал внимание на то, что необходимо найти авторитетные решения с участием всех «думных людей».

Здесь обозначилось существенное различие между взглядами А.Л. Ордина-Нащокина того времени и его будущих партнеров по переговорам. Союз с Речью Посполитой и уступки по спорным вопросам были для него возможны лишь при заключении «вечного мира» между государствами.

Обсуждение, начатое, вероятно, этой запиской, продолжалось и позднее, в том числе и во время пребывания главы русской делегации в Москве 24 декабря 1665 — 5 февраля 1666 г.¹⁰³

Итогом имевших место обсуждений стала подготовка инструкции для русских представителей. Подробный анализ этого документа дан в книге З. Вуйцика¹⁰⁴. Некоторые дополнительные замечания позволяет сделать обращение к черновику этого документа¹⁰⁵.

¹⁰³ О времени пребывания дипломата в Москве см.: РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 4, 47. В одной из более поздних его отписок находим упоминание, что свои взгляды на возможные условия мира он излагал «в генваре месяце... в комнате при ближних боярех и окольных чьих» (РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 126).

¹⁰⁴ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 229–231.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 74–133.

Как правильно отметил З. Вуйцик, инструкция со-держала указания, касавшиеся лишь начального этапа переговоров. В соответствии с новой ситуацией послы должны были вести переговоры о заключении длительного перемирия между государствами. Желательно было бы добиться такого перемирия, по которому удалось бы удержать все земли, находившиеся к тому времени под русской властью. Однако составители инструкции считались с тем, что комиссары на столь значительные уступки не пойдут. В этом случае следовало не разрывать переговоров, а просить у царя новых указаний. Таким образом, вопрос о том, на сколь значительные уступки готова будет пойти русская сторона при заключении мира, оставался открытым. Как правильно отметил З. Вуйцик, это было связано с тем, что несмотря на то, что поздней осенью 1665 г. между участниками гражданской войны было заключено временное соглашение, как увидим далее, у царя и его советников были серьезные основания ожидать, что в 1666 г. гражданская война может возобновиться. В этих условиях не следовало торопиться с предложением уступок.

Обращение к черновику документа показывает, что в нем первоначально стояла дата 4 декабря, исправленная затем на 12 февраля¹⁰⁶. Таким образом, первоначальный вариант наказа был составлен еще до приезда А.Л. Ордина-Нащокина в Москву, а окончательный — когда он уже находился на пути к месту будущих переговоров. В заключительной части наказа были помещены статьи о том, что границы подчиненного России Войска Запорожского должны распространяться до Южного Буга, а Брестская уния должна быть ликвидирована¹⁰⁷. Затем статьи были зачеркнуты и в окончательный текст наказа не вошли. Обративший внимание на эти особенности документа И.В. Галактионов высказал мнение, что эти статьи были внесены в наказ сторонниками «твердой» политики по отноше-

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 74.

¹⁰⁷ Там же. Л. 122.

нию к Речи Посполитой и удалены из него по настоянию А.Л. Ордина-Нащокина¹⁰⁸. Это предположение можно подкрепить ссылкой на отписку А.Л. Ордина-Нащокина, посланную в Приказ тайных дел в мае 1666 г. В ней он жаловался на «злые разговоры» от «думных людей», «от злых разговоров много пострадал» Ф.М. Ртищев, защищавший автора отписки. Поэтому, — пояснял он далее, — Ртищев «до совершения миру в посольстве списываться со мною... пострашился»¹⁰⁹. Последние слова указывают как будто на то, что «злые» разговоры были связаны с разногласиями в «литовском деле».

Появление в тексте наказа таких статей не было случайностью. И расширение границ гетманства до Южного Буга, и ликвидация унии были важной частью русской внешнеполитической программы еще в середине 50-х гг. XVII гг. Когда международная ситуация и положение на фронтах стали неблагоприятными для Русского государства, эти положения были сняты, и на переговорах 1663–1664 гг. о них не упоминалось. Очевидно, с началом гражданской войны в Речи Посполитой некоторые русские политики (возможно, готовившие документ дьяки Посольского приказа) сочли своевременным снова выдвинуть такие условия. А.Л. Ордину-Нащокину, вероятно, удалось доказать, что у русской стороны мало шансов добиться их осуществления. Очевидно, в этой связи затрагивался и вопрос о ситуации на Правобережной Украине, где с началом «рокоша» резко усилилось крымское влияние.

¹⁰⁸ Галактионов И.В. Из истории русско-польского сближения в 50–60-х годах XVII века (Андрусовское перемирие 1667 года). Саратов, 1960. С. 86.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 429. К числу «злых людей» принадлежал, по-видимому, глава Посольского приказа Алмаз Иванов. Шведский резидент сообщал, что 18 января у него произошло резкое столкновение с Афанасием Лаврентьевичем. Думный дьяк называл его «изменником», а тот Алмаза Иванова — «мужиком» (Форстен Г.В. Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII в. (1648–1700) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898. Июнь. С. 331).

В результате к основному тексту наказа была сделана приписка, что нужно по совершении мирного договора проводить согласованную политику обоих государств по отношению к Крыму вплоть до совместных военных действий в случае необходимости¹¹⁰. Уже при подготовке львовского посольства русским политикам было ясно, что для установления стабильности на территории Украины необходимо противодействовать крымской экспансии, но в то же время они исключали возможность совместных действий с Речью Посполитой. Предложение о таком соглашении было выдвинуто с русской стороны на переговорах в Дуровичах, но тогда оно было тесно связано с заключением «вечного мира» между государствами. Теперь такое соглашение оказывалось возможным и при заключении перемирия. Если учесть, что аналогичное предложение содержалось в инструкции, данной комиссарам, то можно сделать вывод, что еще до начала переговоров произошло сближение позиций сторон по одному из важных вопросов послевоенного развития отношений.

Параллельно с подготовкой к мирным переговорам развивались тайные контакты русских доверенных лиц с Е. Любомирским. 17 октября 1665 г. А.Л. Ордин-Нащокин получил «посыльные... письма» от Марселиса, где тот сообщал, что по окончании своей официальной миссии намерен отправиться к Любомирскому¹¹¹. В конце октября один из корреспондентов А.Л. Ордина-Нащокина сообщал ему из Риги, что П. Марселис из Гамбурга намерен ехать во Вроцлав¹¹², где находилась жена Любомирского и его приближенные. Сведения о последующем этапе контактов могут быть установлены на основании двух писем П. Марселиса к А.Л. Ордину-Нащокину и перевода письма П. Марселиса к такому близкому к гетману человеку, как Б. Гелленфельдт.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 133. Воспроизведение различных частей этого текста см.: *Галактионов И.В.* Из истории... С. 87; *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 231.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 17. Л. 15.

¹¹² Там же. Л. 59.

Из этих писем можно узнать, что эта миссия Марселиса была тайной, о ней было известно лишь узкому кругу лиц¹¹³. Одним из этих лиц был, несомненно, А.Л. Ордин-Нащокин¹¹⁴. Другим был такой близкий и доверенный человек царя, как Б.М. Хитрово, который (а не Посольский приказ) отправил Леонтия к отцу¹¹⁵. Из этих писем видно, что из-за болезни П. Марселиса его поездка к Любомирскому не состоялась, и к Любомирскому выехал его сын Леонтий. Но произошло это лишь в декабре 1665 г., уже после того, как в Пальчине в ноябре 1665 г. было заключено при посредничестве епископов соглашение между враждующими сторонами. Любомирский обязался на время оставить Речь Посполитую и прекратить военные действия, но войско, связанное с Любомирским, сохраняло свою особую организацию и размещалось на зимние квартиры на территории, присоединившейся к «рокошу» Великой Польши. Король обязался в феврале 1666 г. созвать сейм, на котором должен был рассматриваться вопрос о реабилитации Любомирского¹¹⁶. В соответствии с условиями соглашения гетман выехал во Вроцлав.

Однако к Марселису приходили из Гданьска известия, «что не чают, что сейм добрым совершиться, и что учиненой покой постоянен», а 11 декабря он получил подтверждение правильности этих предположений. В этот день он получил грамоту от Б. Гелленфельдта, в которой говорилось, «что без денег в том деле делать нечево»¹¹⁷. Это прямое предложение предоставления Любомирскому субсидий явно

¹¹³ Как писал П. Марселис Б. Гелленфельдту, в Москве «только три человека ведают про посольство ко князю Любомирскому» (РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 169).

¹¹⁴ Неслучайно Марселис выражал сожаление, что не застанет Афанасия Лаврентьевича ни во Пскове, ни в Москве. «Понеж, — писал он, — без вашего благошляхетства не ведаю, кому те дела... объявить» (там же. Л. 162).

¹¹⁵ Там же. Л. 161–162.

¹¹⁶ *Nagielski M. Rokosz...* S. 203, 205.

¹¹⁷ См. об этом в письме П. Марселиса Б. Гелленфельдту (РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 166).

для продолжения войны побудило Марселиса к действиям. 16 декабря он отправил в Любомирскому Леонтия, «чтоб он царского величества подвижностью и добрым намерением князя обнадеживал». Любомирский встретился с Леонтием, но отложил решение вопроса до возвращения Б. Гелленфельдта из Вены¹¹⁸, куда тот поехал просить императора о поддержке Любомирского и его сторонников¹¹⁹. Видя в Гелленфельдте человека, способного повлиять на решения гетмана, П. Марселис обратился к нему с письмом, предлагая, чтобы гетман послал в Москву «верного человека» для заключения соглашения. «Буде князь позволит послать, — заверял он корреспондента, — и за денгами не станет». «Никогда князю, — писал он, — лутчего случая не будет к вспоможенью впредь денгами, как при сем случае». С посланцем можно отправить «переводные листы для денег»¹²⁰. Такие заявления делались, вероятно, не только Гелленфельдту, но и самому гетману, что, конечно, способствовало успешному окончанию переговоров.

1 января 1666 г. П. Марселис уже мог написать А.Л. Ордину-Нащокину на основании новых сообщений Леонтия, выехавшего к Любомирскому 24 декабря, что Любомирский «во всем склонен его царскому величеству всякою приятною службою»¹²¹. 8 января он уже мог сообщить своему русскому корреспонденту, что Любомирский направляет в Москву посланца со всеми необходимыми полномочиями через Пруссию и Курляндию¹²².

Посланец Любомирского, один из его офицеров, Якуб Магнифик, приехал в Москву в конце февраля 1666 г., и здесь состоялись его переговоры с главой Приказа тайных дел думным дьяком Дементием Башмаковым¹²³. Высказывания полковника дают представление о планах Любомирского и о том, чего он ожидал от соглашения с Россией.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 164–165.

¹¹⁹ О поездке Б. Гелленфельдта см.: *Nagielski M. Rokosz... S. 72–73.*

¹²⁰ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 164, 166–168.

¹²¹ Там же. Л. 159–160.

¹²² См. его письмо А.Л. Ордину-Нащокину (там же. Л. 171–173).

¹²³ Это еще одно свидетельство тайного характера переговоров.

На переговорах посол Любомирского выступил с планом создания международной коалиции, чтобы не допустить на польский трон французского принца Конде, кандидатуру которого поддерживала королевская пара. Необходимость создания такой коалиции он аргументировал тем, что с приходом на трон французского кандидата Речь Посполитая начнет агрессивную политику по отношению к соседям — у России станет пытаться отобрать Малую и Белую Русь, у шведов — Ливонию, у бранденбургского курфюрста — Пруссию. При этом будут использоваться добрые отношения между Францией и Османской империей¹²⁴.

Поскольку, по свидетельству посланца, император и курфюрст уже помогают Любомирскому, то речь шла о присоединении к ним царя, которого посланец просил «всякими способами учинить соединенье со шведами без всякого мотчанья»¹²⁵.

Но дипломатическим содействием дело не должно было ограничиться. Ссылаясь на данные обещания, посланец просил денег, так как Любомирскому «ратным людем за службу платить стало нечим»¹²⁶. На этом дело не ограничилось, посланец намечал и возможности взаимодействия русских войск и сторонников Любомирского. Одним из таких районов должно было стать Великое княжество Литовское. На первом этапе гражданской войны оно встало на сторону Яна Казимира и выслало войско ему на помощь. Гетман стремился не допустить повторения такой ситуации. Поэтому его посланец призывал царя послать войска в Литву, «чтоб литовским войскам королю ходить на помочь» литовские магнаты и шляхта «запрещали». Посланец пояснял, что царю не следует опасаться польского войска, так как оно будет занято войной с Любомирским. «И ныне, — утверждал посланец, — время пристойное, чтоб ему, великому государю, послать войска свои на польского короля, а лутчи, де, того времени быть не мочно»¹²⁷.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 16. Л. 9–10, 20–21.

¹²⁵ Там же. Л. 13.

¹²⁶ Там же. Л. 16.

¹²⁷ Там же. Л. 13–14, 22.

Другой район совместных действий — Украина. По утверждению Любомирского, Ян Казимир «Украину всю, то есть Малую Русь, Киев с товарищи отдал татаром, чтоб они ему учинили помочь». К татарам здесь присоединяются казаки. Гетман предлагал прислать в Москву своего младшего сына Александра. Вместе с «полковниками» и другими «начальными людьми» он принес бы царю присягу и получил от него войско, с которым отправился бы «на Украину против татар и бунтовщиков казаков». Так это войско помешало бы татарам прийти на помощь к Яну Казимиру. Характерно, что к этому гетман присовокупил пожелание, чтобы Александру было передано «староство Нежинское и Переяславское», некогда принадлежавшее ему самому¹²⁸. Это пожелание говорит о стремлении вернуть себе часть утраченных владений и о полном непонимании реальной ситуации на Украине. Очевидно, каковы были бы последствия, если бы русское правительство попыталось поступить так с главными центрами Левобережья.

Польские исследователи неоднократно ссылались на сообщения французского посла Пьера де Бонзи, что после смерти Любомирского в его бумагах был найден план возведения Алексея Михайловича на польский трон при содействии Австрии и Бранденбурга¹²⁹, однако следует отметить, что в переговорах с Магнификом этот вопрос вообще не затрагивался.

Исследователи, знакомые с предложениями Любомирского по их краткому изложению в «Истории» С.М. Соловьева¹³⁰, справедливо отмечали, что такие переговоры со страной, с которой Речь Посполитая находилась в состоянии войны, нельзя квалифицировать иначе, как акт государственной измены. После того как выяснилось, что он призывал русские войска к активным военным действиям против своего государства, это становится совсем очевид-

¹²⁸ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 16. Л. 12–16.

¹²⁹ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 213–214; *Nagielski M.* Rokosz... S. 34.

¹³⁰ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. VI. М., 1961. С. 173.

ным. То, что с такими предложениями выступал человек, воспринимавшийся политически активной частью общества Речи Посполитой, как главный защитник «шляхетских вольностей» от попыток «учинить монархию самодержавным владеньем»¹³¹, и пользовавшийся в этом качестве поддержкой значительной части армии, магнатов и шляхты, говорило о глубоком кризисе социально-политического строя Польско-Литовского государства. Это было серьезное свидетельство начавшегося внутреннего разложения той державы, на союзе с которой А.Л. Ордин-Нащокин хотел строить русскую внешнюю политику. Как показала его последующая деятельность, этого серьезного сигнала он не воспринял.

Русские собеседники (дьяки Дементий Башмаков и Федор Михайлов) задали Магнику только два вопроса. Один из них был понятным и естественным. Дьяки спрашивали полковника, какую «службу» может ожидать царь от Любомирского, оказывая ему помощь. Посланец ответил, что когда Любомирский вернется в состав сената, он «вести всякие писать станет», будет содействовать заключению мира между Россией и Речью Посполитой и способствовать тому, чтобы «поляки были впредь в замыслех своих невысоки и чтоб соединитца на бусурман»¹³². Как представляется, это было примерно то, чего ожидали в Москве, но обращает на себя внимание очень общий характер ответа, отсутствие упоминаний о каких-либо обязательствах и гарантиях. Особый интерес представляет другой вопрос. У Магника спрашивали, может ли гетман «царского величества под высокую руку в подданство привести Княжество Литовское без крови»¹³³. Заключение сепаратного русско-литовского соглашения, установление русско-литовской личной унии было одной из главных целей русской внешней политики во второй половине 1650-х гг., когда русские войска занимали

¹³¹ Именно так определял Якуб Магник намерения короля Яна Казимира и его сторонников (РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 16. Л. 8).

¹³² РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 16. Л. 1–2, 21–22.

¹³³ Там же. Л. 5.

большую часть территории Великого княжества Литовского. После военных неудач 1660 г. эти проекты были отодвинуты на задний план. В обстановке, когда в Речи Посполитой началась гражданская война, они снова ожили. Вместе с тем вопрос, заданный Магнифику, говорил о слабом знании внутривосточной ситуации в Польско-Литовском государстве. Дьяки основывались на сообщениях Г. Богданова, что шляхта любит Любомирского, что за него «стоит» первый литовский сенатор Павел Сапега, что войско недовольно руководителем «прокоролевского» лагеря в Литве польным гетманом М. Пацем и что ему «конечно от войска быть побитым»¹³⁴. Это позволяло предполагать, что в Литве Любомирский пользуется серьезным влиянием. В действительности, однако, хотя первоначально некоторые литовские сенаторы (в их числе и Павел Сапега) сочувствовали Любомирскому, в конфликте Великое княжество Литовское последовательно выступало на стороне короля, и на принятые здесь решения гетман не смог повлиять¹³⁵. Характерно, что, говоря о связях с Любомирским многих польских политиков, в том числе и тех, которые «при короле живут и с Любомирским тайно совет держат», посланец одновременно отметил, что «литовские, де, сенаторы при короле все»¹³⁶. Неудивительно, что на заданный ему вопрос Магнифик ответил, что «говорить ему о том не наказано»¹³⁷.

Переговоры закончились 2 марта¹³⁸, а уже 6 марта гонец передал предложения гетмана А.Л. Ордину-Нащокину чтобы тот высказал о них свое мнение¹³⁹. Свои соображения дипломат изложил в отписке, отправленной в Приказ тайных дел¹⁴⁰. Если до этого он сам был инициатором переговоров с Любомирским, то теперь он выступил против того, чтобы давать субсидии мятежнику. Чем же объяснить

¹³⁴ РГАДА. Ф. 79. 1665 г. № 5. Л. 187, 193–194.

¹³⁵ *Nagielski M. Rokosz...* S. 140, 173 i n.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 16. Л. 5–6.

¹³⁷ Там же. Л. 5.

¹³⁸ Там же. Л. 18.

¹³⁹ Там же. № 3. Л. 196.

¹⁴⁰ Там же. Л. 197–201.

такое изменение его взглядов? Решение обратиться к Любомирскому было связано с проявившейся на переговорах 1664 г. резкой неуступчивостью комиссаров, нежеланием королевского двора искать мира. В Любомирском и его сторонниках видели силу, способную содействовать заключению мира. В грамоте, посланной царю, гетман цитировал обращение Марселиса, который предлагал отправить в Москву его представителя, чтобы договориться о «постановлении покоя и унятии с обеих сторон крови христианской»¹⁴¹. Возможно, для Любомирского это были пустые слова, но в Москве действительно стремились к миру. К началу 1666 г. положение существенно изменилось. В позиции официальных кругов Речи Посполитой произошли перемены, обозначилась и с их стороны тенденция к поискам мира. С другой стороны, стало ясно, что Любомирский выступает с инициативой организации коалиции европейских государств, которые должны силой препятствовать возведению на польский трон французского кандидата. Тем самым Россия должна была принять участие в крупном международном конфликте. Перспективы его были неясными, но было очевидно, что такое участие явно отдалит заключение мира¹⁴². Оценивая предложения Любомирского, А.Л. Ордин-Нащокин писал царю, что «такому промыслу ныне быть не к делу», следует «во всех мыслях конец приводить, чем бы скорее к миру». Он, правда, предлагал ответить согласием на просьбу Любомирского принять в Москве его сына Александра, но связывал этот шаг с тем, что такой шаг «полякам будет к страху» и тем самым послужит «к большой помочи мирного промыслу», то есть заставит комиссаров скорее согласиться на заключение мира.

Чем закончились переговоры, точно не известно. В грамоте, отправленной Е. Любомирскому 16 марта, было лишь сказано, что ответ на его предложения дан полковнику

¹⁴¹ См. перевод грамоты Е. Любомирского из Вроцлава от 20 января н. ст. 1666 г.: РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 16. Л. 23–24.

¹⁴² На это правильно указывал И.В. Галактионов (*Галактионов И.В. Из истории... С. 87*).

«словесно»¹⁴³. Поскольку переговоры не получили продолжения, очевидно, ответ соответствовал предложениям А.Л. Ордина-Нащокина.

Следует особо отметить, что, возражая против предоставления субсидий Любомирскому, советник предостерегал царя, что в этом случае «ратные люди всшумят, что в чужую землю казна послать, а в порубежных городех... и хлебом, и денгами скудно»¹⁴⁴. Эти замечания следует сопоставить с разобранными выше соображениями А.Л. Ордина-Нащокина, что решение о выплате денежной компенсации Речи Посполитой должно быть принято на земском соборе, чтобы не вызвать сопротивления со стороны общества. Эти свидетельства показывают, что в сознании русских политических деятелей этих лет сохранялось представление о том, что в стране после долгой и тяжелой войны сложилось напряженное положение, что население (не только крестьяне и горожане, но и «ратные люди») может воспротивиться новым налогам, связанным с ее продолжением.

В Москве отказались от соглашения с Любомирским, но сделанные им предложения ясно указывали на то, что в скором времени гражданская война в Речи Посполитой возобновится. О том, что Любомирский готовится к войне, поступала информация и из других источников. Так, в марте А.Л. Ордин-Нащокин сообщал пришедшие с Украины известия, что у «Любомирского с казаки ссылка есть, чтоб при нем против поляков и хана стояли»¹⁴⁵.

В таких условиях завершалась подготовка к мирным переговорам. Полученные в феврале инструкции не удовлетворили А.Л. Ордина-Нащокина, так как в них «на чем и на каких статьях вечному миру или перемирию в постановлении быть, не написано»¹⁴⁶. Настойчивость А.Л. Ордина-

¹⁴³ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 16. Л. 30. Посланца «отпущал» Д. Башмаков «с того ж числа в ночи».

¹⁴⁴ Там же. № 3. Л. 199.

¹⁴⁵ Там же. Л. 229.

¹⁴⁶ Там же. Л. 251.

Нащокина достигла определенного результата. 6 апреля царь отправил ему указания, касающиеся главного вопроса на переговорах — территориального. Указания эти были краткими: «1. Киева здешнюю з заднепрскою стороною не уступать. 2. Смоленска со всеми 14 городами не уступать. 3. Полоцка и Витебска, и Диноборка не уступать». Однако, «по конечной мере», когда комиссары «похотят разъехатца», можно было бы уступить Полоцк, а затем — Витебск. «А Диноборка, — указывалось в инструкциях, — конечно не уступать»¹⁴⁷. Все это было близко к условиям мира, которые предлагались на переговорах в Дуровичах в 1664 г., с той лишь разницей, что тогда речь шла о заключении «вечного мира», а теперь аналогичные условия предлагались для соглашения о перемирии на длительный срок.

В эти условия было внесено одно, но важное изменение. Если в более ранних документах неоднократно говорилось, что на территории Украины граница между государствами должна пройти по Днепру, то теперь А.Л. Ордин-Нащокин должен был добиваться, чтобы и Киев отошел к Русскому государству. В инструкции не было никаких пояснений, почему вопрос о Киеве оказался поставлен именно в это время. Представляется, что это было связано с опасениями того, какая будет реакция казачества на договор о разделе территории Украины между Россией и Польско-Литовским государством. Очевидно, когда возникла реальная перспектива скорого заключения мирного договора, в Москве уяснили, что при проведении границы по Днепру к Речи Посполитой отойдет Киев — не только столица Древней Руси, «мать городов русских», но и важный центр Левобережного гетманства, и отдача этого города вызовет резкую реакцию левобережного казачества.

Получив инструкции, А.Л. Ордин-Нащокин и ими вполне не был удовлетворен и запросил указаний, какие территории вокруг Киева следует требовать «и по какие урочища»¹⁴⁸. Соответствующие указания он получил из Москвы

¹⁴⁷ Там же. Л. 264.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 306.

вскоре после начала переговоров¹⁴⁹. Он должен был добиваться уступки всего Киевского воеводства с территориями Черкасского, Чигиринского, Каневского, Корсунского, Белоцерковского, Переяславского полков. Кроме того, следовало заявить, что «те все полки без Запорожья быти не могут, так ж и Запорожье теми ж полками наполняетца». Если бы добиться этой уступки не удалось, следовало бы добиваться уступки части Киевского воеводства «по Тетерев реку с одной стороны Киева от Подлесья, з другую — по реку Роси» с такими городами, как Белая Церковь, Корсунь, Канев. Эти указания позволяют предполагать, что «рокош» в Речи Посполитой, уход польских войск с Украины и резкое ослабление польского присутствия вызвали появление расчетов на то, что, может быть, в этих условиях удастся добиться отказа Речи Посполитой не только от Левобережья, но и от значительных территорий на Правобережье. Вместе с этими указаниями А.Л. Ордину-Нащокину были отправлены «Истинные примеры из Хроник Гвагвина о русской земле и о границах ея от начала монархии Руской славянского народа»¹⁵⁰. Однако стоит отметить, что на этих предложениях великий посол не должен был категорически настаивать. «От великие нужды» он мог согласиться на присоединение к России только Киева с окрестностями. Оценивая содержание всех этих указаний, полученных А.Л. Ординым-Нащокиным накануне и в самом начале переговоров, можно сделать общий вывод, что разговор с посланцем Любомирского о судьбе Великого княжества Литовского оказался эпизодом без последствий. Перед лицом возобновлявшейся гражданской войны в Речи Посполитой царь и его советники не стали ни разворачивать крупных военных операций, ни принципиально пересматривать выработанные ранее условия мира. Это ясно говорит об их настойчивом желании добиться мира.

Сопоставление русских условий мира с инструкцией, данной комиссарам выборными представителями сейма — высшего органа власти в Речи Посполитой, говорит о том, что

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 351–355.

¹⁵⁰ Упоминание о посылке текстов см.: там же. Л. 357.

еще до начала переговоров позиции обеих сторон по вопросу об условиях, на которых могло быть заключено длительное перемирие между государствами, по существу, очень сблизились. Это, однако, вовсе не означало, что переговоры могут быстро и успешно закончиться. На такие условия соглашения обе стороны могли согласиться, выражаясь словами русской инструкции, лишь «по самой конечной мере», когда все другие решения окажутся нереальными. Переговоры поэтому должны были оказаться длительными, напряженными, тяжкими для участников с обеих сторон.

ГЛАВА 6

АНДРУСОВО

Истории мирных переговоров, начавшихся 30 апреля 1666 г. в селе Андрусово на границе Смоленского и Мстиславского уездов, посвящен заключительный раздел в неоднократно цитировавшемся в данной работе исследовании З. Вуйцика. Его автор дал развернутую картину хода переговоров, используя и русскую запись переговоров, и переписку комиссаров с Яном Казимиром, министрами, литовскими магнатами. Вместе с тем ему осталась неизвестной значительная часть переписки царя с великими послами, отложившаяся как в фондах Посольского приказа, так и в материалах Приказа тайных дел. Поэтому читателю во многом остается неясным, что происходило во время этих переговоров на русской стороне, какие выдвигались точки зрения и какими аргументами они подкреплялись, что в конечном итоге было главным при принятии окончательных решений. Материалы эти были известны саратовскому исследователю И.В. Галактионову, извлекшему из них ряд важных фактов, но ограниченный объем работы помешал ему дать полный и развернутый анализ этих источников. Таким образом, реконструкция полной картины событий, приведших к заключению Андрусовского договора, остается актуальной.

На первых заседаниях представителей сторон обсуждался вопрос о соглашении о прекращении военных действий на время переговоров. Вопрос был достаточно быстро решен, и 28 мая после консультации великих послов с царем произошел обмен соответствующими текстами¹. З. Вуйцик

¹ Подробную характеристику этого начального этапа перегово-

подробно изложил содержание соглашения², но не отметил его отличия от более ранних документов такого типа. На эти отличия справедливо обратил внимание И.В. Галактионов³. Если предшествующие соглашения были соглашениями о прекращении военных действий только в том ограниченном районе, где происходили мирные переговоры, то теперь была достигнута договоренность о прекращении военных действий на всех фронтах на все время мирных переговоров без указания точного срока их окончания. Таким образом, впервые за 8 лет, протекших после 1658 г., было, хотя и временно, прекращено состояние войны между государствами. Более того, в договор было включено обязательство польско-литовской стороны не оказывать никакой помощи нападающим на русские земли татарским войскам и содействовать установлению мирных отношений между Россией и Крымом.

З. Вуйцик излагает дело так, что обсуждение вопроса о соглашении было результатом инициативы польско-литовской стороны, а само его заключение он оценивал, опираясь на оценки комиссаров⁴. Однако следует иметь в виду, что соглашение такого характера неоднократно предлагалось русской стороной во время предшествующих переговоров, более того, еще до начала переговоров в Андрусове А.Л. Ордин-Нащокин предлагал царю заключить такое соглашение и ввести в него такое условие о Крыме, которое с некоторыми изменениями вошло затем в текст окончательного документа⁵.

Новое заключалось в том, что польско-литовская сторона, ранее твердо и последовательно такие предложения отвергавшая и тем более отказывавшаяся распространять их

пов см.: *Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 233–234.*

² *Ibid.* S. 234–235. Публикация текста соглашения — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. С. 638–639.

³ *Галактионов И.В. Из истории...* С. 88.

⁴ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 235–236.

⁵ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 248, 251.

на Крым, теперь дала свое согласие. Объяснялось это, как убедительно показал З. Вуйцик, тяжелой ситуацией, в которой оказалась Речь Посполитая с возобновлением «рокоша» после того, как 4 мая н. ст. сейм, на котором должно было произойти примирение сторон, был сорван. 8 мая н. ст. по решению сената новый великий гетман литовский (преемник умершего Павла Сапегы) М. Пац должен был выступить против мятежников с 8-тысячным войском⁶. Неудивительно, что в таких условиях соглашение о «задержании войск» было сравнительно быстро заключено. Комиссары Речи Посполитой имели основания быть довольными этим, но доволен был и глава русской делегации. В обязательствах, принятых обеими сторонами по отношению к Крыму, он видел первый шаг к заключению союза между государствами, что, как он подчеркивал, позволит укрепить мир со всеми соседями, не прибегая к войне. Он специально обращал внимание царя на то, что в преамбуле соглашения указывалось, что оно заключено «в надежду вечного покою на страх посторонним неприятелем нашим»⁷.

Как бы то ни было, заключенное соглашение означало первый реальный шаг на пути к миру и союзу между Россией и Речью Посполитой. Важно было, последуют ли за этим шагом следующие.

Дело еще не дошло до обсуждения на переговорах условий мира, когда высказывания А.Л. Ордина-Нащокина вызвали резкое недовольство царя Алексея. Недовольство вызвали две отписки дипломата, отправленные царю в конце мая 1666 г., на второй из них имеется помета, что 31 мая она отослана царю в село Воробьево. В первом из этих документов он сообщал Алексею Михайловичу о своих попытках дознаться, на какие условия мира могут согласиться представители Речи Посполитой. По его словам получалось, что Великое княжество Литовское «удоволится» при заключении «вечного мира» «поступкою Полоц-

⁶ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 233.

⁷ См. отписку А.Л. Ордина-Нащокина царю (получена 9 мая) (РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 3. Л. 387–388).

ком и Витебском», а Смоленщина, Северская земля и Динабург отойдут к России, но «корунные комиссары Украины не уступят». В составе польско-литовской делегации были два представителя Польского королевства — Стефан Ледоховский, подкоморий кременецкий и Станислав Кожуховский, стольник калишский. Они, по словам великого посла, «страшно побранясь, одва удержались, что от литовских не поехали». Они, — говорилось далее, — «о поступке и слышать не хотят, и на то, государь, и перемирия учинят корунные, что всякими мерами вперед промысл чинить к войне, а тогда и Литва от них не отлучитца». Отписка заканчивалась настойчивым пожеланием использовать сношения с комиссарами, «чтоб нынешняго времени подлинным союзным миром их захватить»⁸.

В другой отписке он указывал, что нужно заключить с Речью Посполитой «вечный мир» и союз, «а без того миру быти невозможно»⁹. Конкретных предложений об условиях мира А.Л. Ордин-Нащокин своему монарху не давал, но царь, как представляется, хорошо знал к этому времени повадки своего корреспондента, который специально подбирал сведения таким образом, чтобы склонить Алексея Михайловича принять определенное решение. В этих отписках царь не без оснований увидел замаскированное предложение пожертвовать «черкасскими городами» — теми землями Левобережной Украины, которые в XVI — нач. XVII в. не входили в состав Русского государства, ради заключения мира и союза.

Ответ царя, отправленный его советнику в тот же день 31 мая, был наиболее острым по форме из всех известных нам посланий царя данному лицу. Царь четко указывал ему, что он должен вести переговоры о заключении не «вечного мира», а перемирия, «по статьям», которые были посланы ему ранее. «А будет учнешь, — писал царь, — мимо сего государева указу, и та запись будет не в запись». Тем самым царь предельно ясно давал понять, что вопрос о «черкасских

⁸ Там же. Л. 428–429.

⁹ Там же. Л. 434–435.

городах» не может быть предметом переговоров. Далее он очень резко давал понять, что сообщения о неуступчивости польских комиссаров на него не действуют: «А что пишеш клятвы и брани польских комиссаров, и тебе б про то писать ко младенцем, и те тебя обесчестят за такое малодушие». А.Л. Ордин-Нащокин пользовался его доверием, но оказалось, что «не на Бога уповаеш, на свой великои, славной, перременной, непостоянной ум»¹⁰. В устах благочестивого царя это было крайней формой осуждения.

После заключения соглашения о прекращении военных действий насущной задачей для делегаций обеих сторон стало осуществление соглашения на практике, и определенные успехи здесь были достигнуты. Так, например, литовские войска отступили от Динабурга, поставленные ими шанцы были разрушены, а гарнизон получил возможность получать хлеб из Курляндии¹¹. Не обошлось дело и без определенных инцидентов с обеих сторон (комиссары жаловались на нападения донских казаков из Великих Лук), из которых наиболее заметным был набег полковника Чернавского в район Витебска¹². И.В. Галактионов считал этот набег «военной провокацией», которую организовали власти Речи Посполитой, «чтобы укрепить положение своей делегации в Андрусове»¹³. Это, однако, лишь предположение исследователя, которое представляется необоснованным, так как на данном этапе соблюдение соглашения было прежде всего в интересах польско-литовской стороны. Иное дело, что некоторые военачальники в пограничной полосе не желали этого понять, руководствуясь соображениями собственного престижа. Так, по словам пленного поручика из отряда Чернявского, полковник заявлял, что письма от комиссаров для него не авторитет, «а

¹⁰ РГАДА. Ф. 27 (Приказ тайных дел). № 128. Л. 179–181.

¹¹ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 15, 214–218.

¹² Там же. Л. 130, 155, 168–169.

¹³ Галактионов И.В. Из истории русско-польского сближения в 50–60-х годах XVII века (Андрусовское перемирие 1667 года). Саратов, 1960. С. 88.

слушает он гетмана»¹⁴. Инциденты эти удалось уладить. Более серьезное значение имели события под Гомелем, связанные с тем, что заключение соглашения оказалось в противоречии с важными политическими планами гетмана И.М. Брюховецкого. За действиями Брюховецкого последний исследователь переговоров в Андрусове И.В. Галактионов склонен был видеть стремление влиятельных сторонников войны в Москве добиться срыва мирных переговоров¹⁵. Однако знакомство с источниками не позволяет подкрепить это предположение какими-либо доказательствами. События под Гомелем вызвали к жизни целую переписку между комиссарами и великими послами, великими послами и царем, царем и Брюховецким. Ее изучение позволяет достаточно точно восстановить картину событий.

Переходя к ее рассмотрению, следует в предварительном порядке отметить, что в отличие от событий 1664 г. гетман не стремился к установлению контактов с «великими» послами, а те, в свою очередь, уклонялись от контактов с гетманом. Так, заключив соглашение о прекращении военных действий, они просили сообщить об этом и гетману, и киевскому воеводе П.В. Шереметеву из Москвы¹⁶.

Положение гетмана Брюховецкого в первые месяцы 1666 г. было достаточно сложным. С началом на Левобережной Украине осуществления реформ, ограничивавших автономию гетманства, усиливалось недовольство украинского населения его политикой. В этих условиях гетман нуждался в успехах, которые бы способствовали укреплению его власти и престижа в глазах общества. Добиться таких успехов было трудно на Правобережной Украине, где П.Д. Дорошенко успешно укреплял свою власть при поддержке татарских союзников. Следовало искать других направлений для своей активности. Следивший, несомненно, не менее внимательно, чем русские политики, за развитием внутривосточной ситуации в Речи Посполитой гетман, как представляется, пришел к выводу, что в условиях «рокоша»

¹⁴ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 155.

¹⁵ Галактионов И.В. Из истории... С. 90.

¹⁶ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 5.

создается благоприятная ситуация для того, чтобы попытаться распространить свою власть на земли современной юго-западной Белоруссии, привлекавшие к себе постоянное внимание украинских гетманов начиная с Богдана Хмельницкого. Такое решение Брюховецкий принял еще до начала мирных переговоров в Андрусове. 16 апреля он сообщил царю, что посылает к Гомелю черниговского полковника Демьяна Многогрешного со всем его полком, «придав... пехотные и конные с разных сторон сборные сотни»¹⁷. Уже из этого письма видно, что речь шла о масштабной военной акции. Из последующей переписки выясняется, что в походе под Гомель участвовали также Стародубский и Нежинский полки¹⁸. Письмо Брюховецкого о походе на Гомель пришло в Москву 27 мая, а уже в начале июня здесь стало известно о заключении соглашения о временном прекращении военных действий. После этого 7 июня к гетману в соответствии с пожеланием послов был отправлен «указ» царя «войною не посылать... задоров и зачепок ни в чем чинить не велеть»¹⁹. По-видимому, где-то в это же время или несколько позднее комиссары и «великие» послы совместно отправили в казацкий лагерь под Гомелем «посыльщиков» с сообщением о соглашении, которые оказались там задержаны. 18 июня комиссары сообщили «великим» послам, что осада Гомеля продолжается и казаки «шанцы подвели под город» и одновременно большие отряды казаков появились в районе Слуцка²⁰. В подтверждение правильности своих сведений комиссары вручили «великим» послам письмо, присланное из Гомеля сидевшим там в осаде полковником Денисом Мурашко. Он сообщал, что посланцы с «листами» прибыли в казацкий лагерь, но их отправили к гетману, а «от города отступать не мыслят, а конечно тое крепости добывать умыслили»²¹.

¹⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). Т. 6. СПб., 1869. С. 108–109.

¹⁸ Там же. С. 125.

¹⁹ Пересказ документа в более позднем тексте: АЮЗР. Т. 6. С. 119.

²⁰ См. отписку «великих» послов Алексею Михайловичу (РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 113).

²¹ Перевод письма см.: там же. Л. 114–117.

На эти сообщения в Москве реагировали достаточно оперативно. 22 июня к Брюховецкому был направлен гонец Я. Болотников с требованием снять осаду с Гомеля и распустить войска²². Одновременно и «великие» послы писали о «задержании войск» в Стародуб, киевскому воеводе П.В. Шереметеву, Брюховецкому и в лагерь под Гомелем²³. В конце июня гетман ответил, что выполнил «указ» царя²⁴. Однако на деле этого не произошло. Позднее гетман объяснял, что при уходе войск из-под Гомеля на них напали из города и казаки были вынуждены возобновить военные действия²⁵. Как представляется, дело было совсем не в этом, так как военные действия не только продолжались под Гомелем, но и охватили гораздо более обширную территорию. По сведениям, которые поступали в Москву, началась осада еще одного города, Кричева, отряды казаков появились в округе Слуцка, в округе Турова и Пинска²⁶. В своей грамоте царю гетман позднее упоминал, что войско вернуло добычу, взятую под Могилевом, Кричевом и Чечерском²⁷. Комиссары заявили «великим» послам, что к Гомелю направляются литовские войска²⁸. События принимали дурной оборот, и была предпринята новая попытка воздействия на гетмана. 7 июля к нему был направлен представитель царя — Иван Свиязев, получивший от царя полномочия произвести «сыск», чтобы установить и наказать виновных в нарушении перемирия. Ему предписывалось «рати отвести и заказ учинить под смертною казнью», чтобы до окончания мирных переговоров не было никаких «задоров и зацепок» со стороны жителей гетманства²⁹. Однако этого вмешательства не потребовалось, гетман

²² АЮЗР. Т. 6. С. 119.

²³ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 170–173.

²⁴ АЮЗР. Т. 6. С. 120.

²⁵ См. об этом в грамоте Брюховецкого царю (РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 283–284).

²⁶ АЮЗР. Т. 6. С. 121.

²⁷ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 284.

²⁸ Там же. Л. 220.

²⁹ АЮЗР. Т. 6. С. 120–122.

отказался от своих планов еще до выезда И. Связева из Москвы. 6 июля к «великим» послам возвратились их посланцы к Брюховецкому, сообщившие, что гетман «войскам от Гомеля велел отступить»³⁰. Быстрых успехов казацким войскам в Белоруссии добиться не удалось, а с течением времени гетман все более нуждался в русской помощи для борьбы с войсками Дорошенко и татарами.

Заканчивая рассмотрение этого эпизода, следует остановиться на том, какое впечатление эти действия Брюховецкого произвели на руководителя русской делегации и какое объяснение он им давал. И.В. Галактионов правильно указывал, что А.Л. Ордин-Нащокин резко осудил действия казаков под Гомелем, которые мешают заключению мира³¹. По его мнению, казаки не хотят заключения мира, чтобы «в волях бы... им в своих быть всегда». Им нужно, — писал он далее царю, — «чтоб кровь не переставала и под началом бы при своих пашнях в послушании ни у кого не быть»³². Характерное для взглядов политика представление о казачестве как силе, выступающей против установления всякого порядка, силе, чьи интересы враждебны государственным интересам России, проявилось в этих высказываниях со всей отчетливостью.

Если на территории Белоруссии, несмотря на все сложности, соглашение о прекращении военных действий вступило в силу, то на территории Украины оно практически не действовало. Здесь в мае–июне 1666 г. полным ходом продолжались военные действия. 11 мая «товарищ» киевского воеводы П. Измайлов ходил с войском к опорному пункту польской власти на Правобережье — Белой Церкви³³. Г. Косагов, воевода, представлявший власть царя в Запорожье, сообщал, что 10 июня в район Кременчуга пришел посланный Дорошенко Чигиринский полк. После сражения на перевозе у Днепра противник был разбит³⁴.

³⁰ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 296.

³¹ Галактионов И.В. Из истории... С. 90.

³² РГАДА. Ф. 78. 1666 г. № 4. Л. 237–238.

³³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 588. Л. 291–292.

³⁴ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 129.

Царская грамота с сообщением о заключении соглашения комиссаров с А.Л. Ординым-Нащокиным пришла в Киев 19 июня³⁵. П.В. Шереметев после этого вступил в переписку с комендантом Белой Церкви, «чтоб он королевские рати и татар задержал»³⁶. В завязавшейся переписке не обошлось без разного рода недоумений и разногласий³⁷, но мир между киевскими воеводами и гарнизоном Белой Церкви был установлен. Однако между правобережным и левобережным гетманством мир установлен не был. Извещая царя о получении его грамоты, П.В. Шереметев сообщал, что «изменник гетман Дорошенко под Киев и под иные заднепрские города посылает войною татар и поляков, и изменников черкас почасту». Одновременно он писал, что без царского «указа» не может обращаться к Дорошенко³⁸. После знакомства царя с отпиской была наложена резолюция: великие послы должны комиссарам «в неодержании договоров... выговаривать»³⁹. Отписка Шереметева была получена в Москве 29 июня, а 6 июля киевскому воеводе был отправлен ответ. «Указа» вести переговоры с Дорошенко П.В. Шереметев не получил. Ему предписывалось, если нападения будут продолжаться, «против тех неприятельских людей стоять и отпор им давать и промысл над ними чинить»⁴⁰. В Москве не желали признать Дорошенко самостоятельным участником переговоров и требования об установлении мира адресовали властям Речи Посполитой, у которых правобережный гетман находился в подчинении, но здесь отдавали себе отчет в том, что никакой реальной властью над правобережным гетманством Речь Посполитая не обладает. Было хорошо известно, что никаких польских войск на Правобережье нет, за исключением гарнизонов в нескольких городах. Кроме того, в Москве уже в первой

³⁵ Текст грамоты царя от 5 июня см.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 588. Л. 331–332. О времени получения см.: там же. Л. 476.

³⁶ См. отписку П.В. Шереметева — царю. там же. Л. 507.

³⁷ Текст переписки см.: там же. Л. 509–521.

³⁸ Подлинник отписки см.: РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 122–123.

³⁹ Там же. Л. 122об.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 588. Л. 490.

половине 1666 г. располагали рядом свидетельств о раде, собравшейся 20 февраля в Лисянке, где говорилось, что следует «от короля польского отложится и поддатца хану крымскому», а поляков «из черкасских городов выслать в Польшу»⁴¹. Позднее в Москве получили подтверждение правильности этих сообщений. И. Связев, о поездке которого к гетману говорилось выше, сообщал, что комиссары предлагали Дорошенко прекратить военные действия, но он заявил: «мне, де, гетманство дано не от королевского величества и не от гетманов, а дано, де, ему гетманство от хана крымского»⁴². Получив такие сведения от Связева, А.Л. Ордин-Нащокин сообщил комиссарам, что Дорошенко «королевских универсалов ослушен», и комиссары обещали сообщить об этом королю и Речи Посполитой⁴³. Во время последующих переговоров вопрос о «задорах» со стороны Дорошенко возникал неоднократно, но это не привело к серьезным осложнениям. В Москве понимали, что реальными средствами воздействия на Дорошенко Речь Посполитая не располагает и военные действия будут продолжаться. Так и произошло.

На границе между гетманствами постоянно происходили столкновения с участием пришедших на помощь к Дорошенко татар. Брюховецкий сообщал в Москву, что постоянно должен держать на границе крупные силы: в Кременчуге стоят «заставой» Гадячский и Миргородский полки, в Каневе — Переяславский, Лубенский, Прилуцкий и Каневский⁴⁴.

Параллельно с хлопотами по прекращению состояния войны между государствами делегации обеих сторон в Андрусове начали переговоры об условиях мирного соглашения. На первом этапе переговоров обсуждался вопрос об условиях «вечного» мира между Россией и Речью Поспо-

⁴¹ АЮЗР. Т. 6. Л. 88, 107; РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 588. Л. 104, 119, 120, 170.

⁴² АЮЗР. Т. 6. С. 128.

⁴³ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 425–427.

⁴⁴ АЮЗР. Т. 6. С. 110; РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 287–289.

литой. Уже предшествующие переговоры показали, что заключение такого соглашения вряд ли возможно, поэтому оба правительства ориентировали своих представителей на поиски соглашения о длительном перемирии. Обсуждение вопроса о «вечном» мире было своего рода необходимой вступительной частью для таких переговоров. Так, как представляется, относилась к этому польско-литовская делегация. Для нее такая процедура была даже выгодна, так как позволяла выиграть время. Более сложным было положение на русской стороне. И здесь царь и его советники ориентировали своих представителей на заключение соглашения о долгосрочном перемирии. Однако у главы русской делегации были свои, иные представления о положении дел и о целях, которых следовало добиваться на переговорах. В его внешнеполитической концепции, как уже неоднократно отмечалось, для решения внешнеполитических задач, стоявших перед Россией, был необходим союз между Россией и Польско-Литовским государством. Важнейшей гарантией прочности такого союза он считал заключение между этими державами «вечного мира». Поступавшие к нему сообщения о положении в Речи Посполитой убеждали его в том, что этого удастся добиться. Сообщения о том, что происходило в стране, когда начинался «рокош», поступали от поддерживавших контакты с русскими властями литовских шляхтичей. Хотя в происходящем конфликте Литва официально стояла на стороне Яна Казимира и оказывала ему военную помощь, люди, сообщавшие русским воеводам о «рокоше», были приверженцами Любомирского. О том, какого рода сведения о «рокоше» поступали к Ордину-Нащокину, позволяет судить сохранившийся в посольских делах текст письма полоцкого подвоеводы Юстиниана Щита от 8 июня н. ст. Он сообщал, что «Малая Польша, Подляшье, и Литвы часть, се есть воеводство Полоцкое, воеводство Минское, Орша, Ошмяня те все присягли Любомирского не отступать». Если Ян Казимир станет навязывать кандидатуру Конде, то, по их мнению, «лутчи обрать сына царя его милости государя московского». Он утверждал, что, в отличие от гетманов и канцлеров,

многие литовские магнаты поддерживают Любомирского (в их числе — Сапеги и Радзивиллы) и хотели бы видеть на троне царевича. Любомирского поддерживает император и готов прислать 40 полков, «чтоб Кондауша на королевство не допущал, а сына царя ево милости посадил». Положение короля столь непрочно, что он отступает в Литву, в лагерь под Брестом, где собирается литовское войско, но литовцы «битца не станут, а как скоро сойдутца, тотчас передадутца к Любомирскому»⁴⁵.

В этих сообщениях было много неточного и неверного. Слухи, циркулировавшие в среде сторонников Любомирского, в которых заметно преувеличивались его сила и влияние, смешивались здесь со своеобразными представлениями литовской шляхты, как можно было бы добиться и выхода из кризиса, и возвращения утраченных земель. Неудивительно, однако, что, располагая такими сведениями, А.Л. Ордин-Нащокин мог серьезно рассчитывать заставить польско-литовскую сторону заключить «вечный мир» на приемлемых для русской стороны условиях.

Важно было убедить царя и его советников в необходимости таких действий. Этому была посвящена специальная записка, отправленная им царю. «Великий» посол доказывал, что есть возможность заключить с Речью Посполитой «вечный» мир «в упадках нынешних». Территориальные уступки, заключение союза, обещание денежных субсидий — все это приведет к тому, что «в нынешнем безвремении» «комиссары от всея Речи Посполитой к совершению вечного миру охотны будут и совершат». Но следует действовать быстро — «не спуская нынешнего упадочного времени к совершенному миру искать»⁴⁶. Он обращался к этому вопросу и в других письмах. Так, в одном из них читаем, что «за Украину, государь, корунные не отступны были от вечного миру»⁴⁷. Эти усилия, однако, не принесли результатов. 16 июня Боярская дума приняла решение,

⁴⁵ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 82–84, 87.

⁴⁶ Там же. Л. 124–126.

⁴⁷ Там же. Л. 4.

чтобы послы действовали в соответствии с посланными им инструкциями — «указными статьями». Некоторые особенности принятого на заседании документа очень ясно показывают, как расходились подходы к заключению мирного соглашения членов Боярской думы и А.Л. Ордина-Нащокина. «Великий» посол запрашивал у думы указаний, что записать в будущем соглашении о перемирии относительно будущих переговоров о «вечном» мире, где, когда и при участии каких посредников вести эти переговоры. А.Л. Ордин-Нащокин явно рассматривал такие переговоры как близкую и реальную перспективу. Из Москвы ему отвечали, что о таких переговорах надо записать в соглашении «статью особую короткая», о посредниках записать, если комиссары станут это предлагать, пригласить «ково излюбят великие государи с обе стороны», о месте и времени переговоров пусть подумают сами послы ⁴⁸. Явно, что для царя и его советников это была достаточно отдаленная перспектива, для них было важно, прежде всего, заключить перемирие.

Как и следовало ожидать, переговоры о заключении «вечного» мира закончились безрезультатно ⁴⁹, и стороны перешли к обсуждению условий соглашения о перемирии. Некоторые условия соглашения на протяжении переговоров, протекавших в июне–июле 1666 г., обрисовались. Русская сторона согласилась уступить Полоцкое и Витебское воеводства, а комиссары соглашались на уступку России тех земель (Смоленщины и Северной земли), которые были утрачены Русским государством в годы Смуты. Одновременно обозначились спорные вопросы, по которым не удалось добиться соглашения ⁵⁰.

Одним из них стал вопрос о «Малых Лифлянтах», небольшой, но стратегически важной территории, позволявшей контролировать торговый путь, ведущий по Западной Двине

⁴⁸ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 45–46.

⁴⁹ Подробную характеристику этого этапа переговоров см.: *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 236–237.

⁵⁰ *Ibid.* S. 239–240.

в Ригу. По-видимому, под воздействием советов А.Л. Ордина-Нащокина Алексей Михайлович придавал обладанию этой территорией важное значение. В «статьях», присланных от него «великим» послам, предписывалось, если комиссары станут добиваться возвращения этих земель, «отговаривать у них того накрепко всякими мерами» и предлагать как возможную компенсацию — 10 тыс. руб.⁵¹ Но на первый план в переговорах выдвинулся вопрос об Украине. А.Л. Ордин-Нащокин еще до начала переговоров предполагал, что судьба Украины станет главным предметом обсуждения на переговорах. Так и произошло. Именно по вопросу об Украине комиссары упорно отказывались идти на уступки. «Тягостно комиссаром, — писал А.Л. Ордин-Нащокин царю, — без уступки в Украине в лета в перемирье вступить»⁵².

На встрече, состоявшейся 18 июля, комиссары заявили, что уступить земли на Украине они не могут, так как «в Украине служилые люди учнут быти без домов своих», и что они вынуждены обратиться к королю и Речи Посполитой за новыми инструкциями⁵³. В переговорах наступил перерыв. Русскому правительству предстояло снова вернуться к вопросу об Украине.

С этой целью у Брюховецкого запросили перечень городов, входящих в состав гетманства, и копия этого перечня была направлена «великим» послам. В росписи перечислялись города, расположенные на территории Переяславского, Нежинского, Черниговского, Стародубского, Полтавского, Миргородского, Лубенского и Киевского полков, на территории последнего были указаны такие пункты, как Остер, Козелец, Боровица, Гоголев. На росписи под текстом помещена помета: «За Днепром Киев, Канев»⁵⁴. Вместе с тем царь и его советники, несомненно, внимательно изучали известия, поступавшие летом 1666 г. из Левобережной Украины, а они вызывали беспокойство.

⁵¹ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 251.

⁵² Там же. Л. 97.

⁵³ Галактионов И.В. Из истории... С. 90–91.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 320–325.

Еще сообщая царю о выполнении его «указа» относительно Гомеля, Брюховецкий жаловался на запорожцев, которые «пишут... ласкосердно», а на самом деле «злое мыслят»⁵⁵. С тревогой гетман писал, что из Запорожья на Полтавщину вышел большой отряд казаков и распространились слухи, что они «ради того вышли по совету всего Войска Запорожского», чтобы «поймати» самого Брюховецкого. На Левобережье росло недовольство населения увеличением поборов, последовавшим за проведением переписи. Кроме того, как сообщал в Москву Ив. Свизев, посланцы Дорошенко распространяют слухи, что царь готов уступить Левобережье Речи Посполитой, и поэтому «жители в великом сумнении и шатости»⁵⁶. В таких условиях 18 июля в Переяславе началось восстание против гетманских властей и поддерживающих эти власти русских воевод. Еще до начала восстания 17 июля Брюховецкий писал царю, что «заднепряне» не намерены соблюдать соглашения и ждут к себе нового хана вместе с Ордой для похода на Левобережье. Поэтому он просил скорее прислать к нему на помощь войска⁵⁷.

Находившиеся в походе казаки Переяславского полка убили полковника, перебили старшин и затем напали на русский гарнизон в Переяславе. Когда это нападение закончилось неудачей, а «большой город» в Переяславе выгорел от пожара, восставшие стали лагерем в Гелмазове в 26 верстах от Переяслава и оттуда «послали ... к Дарашенку и к татаром, чтоб они шли к ним на помочь»⁵⁸.

⁵⁵ Там же. Л. 286.

⁵⁶ АЮЗР. Т. 6. С. 128.

⁵⁷ Там же. С. 134–136.

⁵⁸ О начале восстания см. отписку киевского воеводы П.В. Шереметева (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 588. Л. 556–557), «расспросные речи» казака из Барышполя (там же. Л. 561–562), челобитную переяславского воеводы Г. Вердеревского (там же. Л. 605–606). Подробное описание событий, связанных с восстанием, см.: *Стецюк К.І.* Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50^х–70^х роках XVII ст. Київ, 1960. С. 277–287.

Против восставших был направлен «товарищ» киевского воеводы кн. Константин Щербатов с большей частью стоявшей в Киеве армии⁵⁹. Быстрое выступление войск в поход способствовало тому, что восстание не распространилось на всю территорию Переяславского полка⁶⁰. Вместе с тем в руках киевских воевод оказались все новые свидетельства того, что Дорошенко намерен воспользоваться этими событиями, чтобы распространить свою власть на Левобережье. Очень скоро в руках киевских воевод оказался «лист» Дорошенко главе восставших Максиму Хоменко, в котором тот был назван «полковником Войска Его Королевской Милости Запорожского», в нем сообщалось, что гетман выступает на помощь восставшим. Он обратился и с воззванием к жителям Левобережья уже из Черкас 29 июля 1666 г., выражая свое удовлетворение тем, что Переяславский полк «здоровое зачал дило» и что Бог его «до соединения и прежне преводих любви з нами братерское». Он обратился с письмом и к каневскому полковнику, предложив присоединиться к переяславцам и прибыть к нему в Черкасы⁶¹. Как сообщал посланный на Правобережье лазутчик, на помощь восставшим были направлены крупные военные силы. Днепр перешли казаки Уманского, Кальницкого и Черкасского полков. Сам Дорошенко, — как сообщал лазутчик, — «стоит в Черкасах, а которые, де, казаки и которая сотня придут и того ж, де, часу отправляет за Днепр»⁶².

Когда К. Щербатов выступил в поход, он столкнулся не только с восставшими, но и с войсками Дорошенко; после долгого боя, продолжавшегося несколько часов, К. Щербатов вынужден был вернуться 2 августа в Переяслав, не подавив сопротивления противника⁶³.

⁵⁹ См. роспись войска К. Щербатова (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 588. Л. 564–565).

⁶⁰ См. отписку киевского воеводы, что с приходом Щербатова мещане и казаки Воронкова, Барышовки, Барышполя заявили о своей непричастности к восстанию (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 588. Л. 693).

⁶¹ Там же. Л. 676–677, 700 (оригиналы документов).

⁶² Там же. Л. 688.

⁶³ Там же. Л. 671–672, 745–746.

При таком повороте событий положение левобережного гетмана стало непрочным. Очевидно, догадываясь о причинах начавшихся волнений, он приказал прекратить работы по переписи населения⁶⁴. Как сообщал И. Свиязев, гетман снова просил прислать войска, так как без них ему против восставших «итить не с ким и не смеет, потому что и сами то б его, взбунтовав, ныне не убили»⁶⁵. 9 августа было принято решение отправить на Украину войска во главе с Ю.Н. Барятинским⁶⁶.

В такой обстановке были составлены новые инструкции («статьи»), которые повезло послам доверенное лицо царя, подьячий Приказа Тайных дел Ю. Никифоров. «Статьи» начинались с указания, что на комиссаров следует оказать давление, чтобы они, «пострашась, приступили к скорому совершению нынешнего посольского дела». Для этого им надо сообщить, что А.Л. Ордин-Нащокин должен будет в скором времени направиться на переговоры со шведами. Одновременно давались указания об условиях возможного соглашения по украинскому вопросу. Так, в качестве первой уступки можно было бы отказаться от лежащего за Днепром Канева, если комиссары будут стоять «з большим упорством», то можно отказаться и от земель Киевского воеводства, а «по самой последней мере» уступить «уезд Киевской», удержав под властью царя только сам Киев с округой на расстоянии 5–6 верст, «что в тех верстах, — пояснялось в статьях, — остались благочестивые монастыри». Последняя фраза исходила едва ли не от самого благочестивого Алексея Михайловича. Это был, однако, уже предел возможных уступок. «А Киев, — указывалось в статьях, — против поименованных верст на перемирные лета чтоб одноконечно устоять в государеву сторону». Позднее в тексте черновика была сделана приписка: «Тако ж и Запорогам и Кременчюку быть в государеве ж стороне»⁶⁷.

⁶⁴ Там же. Л. 621–622.

⁶⁵ АЮЗР. Т. 6. С. 128.

⁶⁶ Там же. С. 141.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 311–316.

Особое упоминание Кременчуга было связано с ясно определенным весной–летом 1666 г. стратегическим значением пункта, лежавшего у важных переправ через Днепр. Очевидно, в Москве рассчитывали сделать Днепр линией обороны, отказываясь от того, чтобы удерживать лежащие за этой рекой территории, еще признававшие за собой власть Брюховецкого. Это обстоятельство, готовность пойти на такие уступки, ясно говорит о серьезной заинтересованности русского правительства в заключении мира. Сопоставление с инструкциями по тому же вопросу, относящимися к апрелю 1666 г., показывает, что если весной 1666 г. были какие-то расчеты удержать за Россией более или менее значительные территории на Правобережье, то к концу лета, очевидно, стала осознаться нереальность таких планов. При этом учитывались, помимо реальной ситуации на украинских землях, некоторые итоги переговоров в ином аспекте. В записке А.Л. Ордина-Нащокина, подводившей некоторые итоги этого этапа переговоров, говорилось, что послы неоднократно говорили комиссарам «о соседской недружбе» и что необходимо «от таких жестоких сосед общими войсками Украину и порубежные места оберегати», тогда и «лехкомысленные люди, разумеючи козаки своевольные, вечно здержались бы и в послушании были», но комиссары на это постоянно отвечали, что у Речи Посполитой врагов нет и ни в чьем сотрудничестве она не нуждается, «а казаки украинные... придут к послушанию, а где еще упрямые обретаютца, и тех отчизна их ко успокоению приведет»⁶⁸.

На Украине складывалась ситуация, когда возникала необходимость совместных действий против Дорошенко и его татарских союзников, но комиссары упорно отклоняли предложения о сотрудничестве. Как представляется, предлагая эти умеренные условия соглашения, царь и его советники могли рассчитывать на то, что в этом случае всё же удастся договориться о подобном сотрудничестве.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 371.

Следует также отметить, что эти решения были приняты в условиях, когда в Москву поступали сведения о «рокоше», рисовавшие положение дел как очень благоприятное для Любомирского. Помимо приведенных выше высказываний Юстиниана Щита, можно привести и оценки самого А.Л. Ордина-Нащокина. Он писал, что когда заключалось соглашение о прекращении военных действий, опасались, что оно может повредить Любомирскому, но эти опасения не оправдались, «и ныне к Любомирскому все корунные и литовские войска безгласно в совет о своих земских всяких делах, надежнее прежнего, вперед не страшась войны, идут»⁶⁹. Правда, к августу 1666 г. «рокош» завершился новым соглашением, но в Москве об этом еще не знали. 14 августа сюда поступило очередное известие Юстиниана Щита с сообщением о битве под Монтвами, где Любомирский разбил королевскую армию, и победители не только «никого живьем не имали», но и после сражения «за их злодейство всякое тела начальных людей копьями кололи»⁷⁰. Однако такие сообщения не побудили русских политиков попытаться навязать польско-литовской стороне более жесткие условия договора. Очевидно, и Москве мир был очень нужен.

На эту сторону дела следует обратить внимание, так как в книге З. Вуйцика, основанной, главным образом, на донесениях комиссаров, обстановка на переговорах описывается постоянно как критическая, близкая к разрыву, чреватая скорым возобновлением войны⁷¹. Знакомство с русскими документами показывает, что речь должна идти о субъективных оценках комиссаров, а не о реальном положении дел.

Стоит отметить обращенное к послам изложенное в категорической форме требование, чтобы Киев обязательно остался в составе Русского государства. Разумеется, благочестивый царь не хотел отдавать в руки «иноверных»

⁶⁹ Там же. Л. 142.

⁷⁰ Там же. Л. 438.

⁷¹ *Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 237–239 i n.*

святыни, находившиеся в Киеве и его округе, о чем в статьях было определено сказано. Были, разумеется, и другие важные причины добиваться того, чтобы город, считавшийся историческим центром всей Руси, остался под русской властью. Настойчивость, проявленная в этом вопросе составителями инструкций, означала, что в будущих переговорах вопрос о судьбе Киева должен выйти на первый план.

К концу августа положение сторон на новом этапе переговоров определилось. Стало окончательно ясно, что «рокош» в Речи Посполитой закончился. 31 августа А.Л. Ордин-Нащокин получил из Риги печатные куранты с подробным изложением условий соглашения, завершившего гражданскую войну⁷². В тот же день на встрече с «великими» послами комиссары заявили, «что, де, в государстве их было меж людьми неуспокоенье и развратье, и то, де, у них все усмирилось»⁷³. Это означало явное улучшение позиций Речи Посполитой на переговорах. В этом же направлении влияли на позицию сторон события, происходившие в конце лета на Левобережье. Правда, комиссары сообщали, что когда восставший Переяславский полк, к которому присоединились полки Лубенский и Прилуцкий, обратился за помощью, то в помощи было отказано, а находившимся на Украине татарам дали 20 тыс. талеров, чтобы они ушли в Крым. Одновременно они заверяли, что и хан, и Дорошенко будут соблюдать соглашение о прекращении огня⁷⁴, но обнаружившаяся непрочность русских позиций на Левобережье, несомненно, ослабляла позицию русской делегации на переговорах и давала комиссарам определенные средства давления на партнера. Неслучайно миролюбивые заверения комиссаров стали перемежаться угрозами. Так, на уже упоминавшейся встрече 31 августа, например, они заявили, что «казаки заднепрские к отчизне своей возвращаюца и отыскивать им своего есть кем»⁷⁵, а сооб-

⁷² РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 210–227.

⁷³ Там же. Л. 204.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 229–231.

⁷⁵ Там же. Л. 204.

шая, что хан не будет нарушать мир, добавили, что в случае войны хан обещал поддержать Речь Посполитую всеми своими войсками ⁷⁶. Неудивительно, что в новых условиях комиссары категорически отказались идти на уступки по вопросу об Украине.

Давая общую характеристику положения в поданной царю записке, А.Л. Ордин-Нащокин отмечал, что добиться соглашения на предложенных русской стороной условиях невозможно — если даже его и заключить, оно не будет утверждено сеймом. Комиссары доложат результаты переговоров сейму, и тогда дело может дойти до войны. Речь Посполитая не может «войск держать без дела, и так, де, государство много лет от войск разоряетца». Он предлагал заключить договор, «хотя на одной Северной земле в нынешнем польском разрушении», так как потом положение может измениться к невыгоде для России. Ливонская война начиналась удачно, а потом пришлось вести мирные переговоры под Псковом. Указывал «великий посол» и на опасность союза между Речью Посполитой и Крымом ⁷⁷.

Текст записки показывает, что предпринятые комиссарами шаги оказали нужное воздействие на руководителя русской делегации. Насколько реальны были его опасения, что Речь Посполитая может разорвать переговоры и возобновить войну? Такие опасения испытывал не только Ордин-Нащокин, но и страдавшая от войны литовская шляхта. Уже упоминавшийся неоднократно Ю. Щит в письме от 7 августа н. ст. писал, что король «с царем его милостью воевать хочет... такова наша пагуба от того короля». Получив такие известия, — писал Щит, — «все воеводства и поветы писали до их милости панов комиссаров своих, чтоб с покоем к нам возвратились», но не получили ответа ⁷⁸. Подобные сообщения, конечно, также влияли на А.Л. Ордина-Нащокина. Насколько они соответствовали действительности?

⁷⁶ Там же. Л. 229.

⁷⁷ Текст записки см.: там же. Л. 237–242.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 431–432.

Как выяснил З. Вуйцик, некоторые из комиссаров по окончании «рокоша» были действительно сторонниками возобновления войны, но в Варшаве были приняты иные решения. Рада сената, собравшаяся 14 августа н. ст. пришла к заключению, что продолжение войны невозможно («*impossibilitatem dalszego prowadzenia wojny*») и следует ограничиться военной демонстрацией литовской армии, чтобы показать якобы готовность к такой войне. Следует угрожать русским представителям возможным союзом с Крымом и Швецией, но если такие шаги не подействуют, придется согласиться на уступку Смоленщины, Северной земли, а наконец, и Левобережной Украины⁷⁹. Зная содержание наказов русским представителям, можно констатировать, что уже в августе 1666 г. была налицо реальная основа для заключения того соглашения, которое было позднее заключено в Андрусове.

Если этого не произошло, то потому, что для политиков Речи Посполитой такое решение оставалось решением на крайний случай, а до этого следовало приложить все усилия к тому, чтобы добиться более благоприятных условий перемирия. В письме, отправленном комиссарам вместе с инструкциями, Ян Казимир сообщал снова о невозможности продолжать войну, тем не менее настоятельно рекомендовал комиссарам упорно настаивать на своем, постоянно угрожая разрывом переговоров⁸⁰. Комиссары старались так и поступать. Избранная тактика привела к успеху, если иметь в виду руководителя русской делегации. Почему Ордин-Нащокин так ошибся в оценке ситуации и попал под влияние дипломатов противной стороны? Как представляется, дело было в том, что в сознании политика прочно утвердилось представление, что стоящие перед ней внешнеполитические задачи Россия сможет решить лишь благодаря союзу с Речью Посполитой, и поэтому он стремился любой ценой заключить мирное соглашение, что сделало бы возможным переговоры о союзе.

⁷⁹ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 241–242.

⁸⁰ *Ibid.* S. 242.

В Москве продолжали размышлять о том, как положить конец войне, хотя и не были намерены идти по пути уступок так далеко, как хотел А.Л. Ордин-Нащокин. 12 сентября «великим» послам были отправлены новые инструкции⁸¹.

В них в качестве «последней» уступки говорилось о возможности передачи Речи Посполитой Киевского уезда и г. Канева — земель, лежавших за Днепром. Тем самым «великому» послу ясно давалось понять, что вопрос о принадлежности Левобережной Украины не может быть предметом переговоров. Если комиссары не согласятся на эти условия, то следует отложить переговоры на другое время, заключив соглашение о прекращении огня.

Вместе с тем в Москве учитывали возможность того, что представители Речи Посполитой такое соглашение не подпишут, договоренность о сроке новых переговоров не будет достигнута, и это приведет к возобновлению войны. В случае возникновения такой опасности послам предписывалось под разными предложениями затянуть переговоры «до зимы».

Однако возобновления войны в Москве стремились избежать. В заключительной части инструкции указывалось, что следует договориться о том, что по истечении перемирия Киев будет передан Речи Посполитой «без договору». Наконец, «по самой последней мере», если «комиссары учнут подлинно без дела разъезжатца», послам давались полномочия «Киев бы ныне уступить по Днепр с великою крепостью». Таким образом, теперь в Москве готовы были даже пожертвовать Киевом, только чтобы заключить мир. Вместе с тем очевидно, что такого шага очень хотели бы избежать. Характерно, что в инструкциях отмечалось намерение царя, если это всё же произойдет, построить «на сей стороне Днепра... новый Киев». В бумагах Приказа Тайных дел сохранился фрагмент грамоты Алексея Михайловича с конкретными указаниями, как следует вести переговоры по этому важному вопросу. Царь предписывал «говорить про киевскую уступку закрытым делом, от своего лица», чтобы

⁸¹ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 253–256.

посмотреть, какова будет реакция комиссаров. В случае если комиссары сочтут это недостаточным и захотят разорвать переговоры, следует просить у царя новых указаний. «А тово бы не учинить, — настойчиво предостерегал царь Алексей, — что, не обослався, уступить Киева»⁸².

На следующий день Алексей Михайлович предпринял еще один шаг. В посольский стан было отправлено «вестовое письмо» от нежинского протопопа Семена Адамовича⁸³. Письмо было отправлено для того, чтобы поставить «великого» посла в известность о событиях, происходивших на Левобережной Украине в августе — начале сентября 1666 г. Гетман Иван Брюховецкий все же сумел собрать против восставших крупные военные силы. У главного пункта, где сидели восставшие, Золотоноши, собрались полки Полтавский, Гадяцкий, Прилуцкий, Миргородский, к которым затем присоединились Нежинский и Черниговский полки. Здесь с приходом войска К. Щербатого произошло сражение с восставшими, войсками Дорошенко и татарами. Войска были разбиты, побежали к Днепру, «и многие татарове на Днепре потонули». После этого Дорошенко, стоявший на другом берегу Днепра, у Секерной, отошел к Черкасам⁸⁴.

Сообщая об этих событиях, нежинский протопоп выражал надежду, что после этого скоро последует капитуляция оказавшихся в осаде повстанцев. Сообщал С. Адамович и о волнениях в Крыму, которые якобы привели к тому, что новый, присланный из Стамбула, хан, оставив Крым, «пошел морем до турецкого». Царь не сопроводил посылку письма какими-либо замечаниями, но его содержание говорило само за себя. Положение русской власти на Левобережье упрочилось, и нет никакой необходимости идти на уступки за счет земель на восток от Днепра.

К выполнению царских инструкций А.Л. Ордин-Нащокин приступил на встрече с комиссарами 18 сентября. Он на-

⁸² РГАДА. Ф. 27 (Приказ Тайных дел). Д. 129. Л. 105об.

⁸³ Текст письма от 23 августа см.: РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 263–264.

⁸⁴ См. отписку киевского воеводы П.В. Шереметева (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 588. Л. 704–707).

чал с предложения уступить Канев, но комиссары сочли это незначительной уступкой («то место пустое»). Затем состоялась «тайная» встреча «великого» посла с комиссарами, где он говорил «от себя», что можно было бы заключить соглашение, что Киев будет отдан «без договору» по истечении срока перемирия. Один из комиссаров, Я.А. Храповицкий, отметил в своем дневнике, что они возвращались со встречи «*cum spe* (т. е. с надеждой. — Б.Ф.) *wrócenia Kijowa*»⁸⁵, однако на позицию комиссаров на переговорах сделанное предложение не повлияло. Они продолжали настаивать на уступке Украины «по Чернигов».

Инструкции от 12 сентября не были, однако, последним словом по вопросу о Киеве. 30 сентября послам были отправлены новые инструкции, существенно менявшие содержание прежних указаний. В них повторялись предложения о сохранении за Россией на Правобережье только Киева с округой и возможности отдать Киев по истечении срока перемирия, но возможность передачи Киева сразу по заключении соглашения исключалась. Любой ценой в Москве стремились удержать Киев под своей властью. «Великому» послу снова предписывалось предлагать крупные суммы денег за Киев и Динабург⁸⁶.

Осенью 1666 г. переговоры продолжались в ожидании начала работ сейма, который должен был собраться в начале ноября (по н. ст.). Принятые на нем решения могли иметь важное значение для исхода русско-польских переговоров. На посольском стане А.Л. Ордин-Нащокин задавался вопросом, как повлиять на участников сейма, чтобы они согласились заключить мир на приемлемых для России условиях. В середине сентября он предложил царю попытаться повлиять на участников сейма через Е. Любомирского и Б. Радзивилла, избранного послом на сейм от Новогрудского повета, которые могли «Речь Посполитую к перемирию и целому миру приводить»⁸⁷.

⁸⁵ *Chrapowicki* J.A. *Diariusz*. Cz. II / Opr. A Rachuba i T. Wasilewski. Warszawa, 1988. S. 208.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 318–321.

⁸⁷ Там же. Л. 277–278.

Представление о Любомирском как политике, желающем заключения мира с Россией, сложилось у «великого» посла, по-видимому, под влиянием приходивших к нему сообщений времени «рокоша». Симпатизировавшая Любомирскому литовская шляхта связывала с ним свои надежды на скорое заключение мира с Россией, и, по-видимому, это и убедило А.Л. Ордина-Нащокина, что этот влиятельный магнат желает мира с Россией. А так как ему было известно, что у курфюрста Фридриха Вильгельма и у Богуслава Радзивилла «тайные ссылки и дружба большая» с Любомирским, то такие представления переносились и на литовского политика. 25 сентября А.Л. Ордин-Нащокин обратился с письмом к будущему послу на сейм, сообщая, что и он, и царь стремятся к миру с Речью Посполитой, но комиссары «лениво» ведут переговоры, «отзываясь сложенным сеймом в Варшаве, и пострахи пушают войною». Он выражал надежду, что и курфюрст, и Радзивилл будут содействовать на сейме установлению мира. Он объявлял клеветой «злых людей» утверждение, что, ведя войну, Любомирский искал помощи царя. Письмо содержало похвалы достоинствам Любомирского, которого «великий» посол называл «истинным сыном отчизны»⁸⁸. Очевидно, предполагалось, что письмо может стать известным Любомирскому.

Письмо было послано 27 сентября в Динабург для пересылки в Восточную Пруссию⁸⁹. Неизвестно, дошло ли оно до адресата. На сейме, судя по поступившим на посольский стан сведениям, Богуслав Радзивилл играл активную роль, но не ту, которую ему предназначал А.Л. Ордин-Нащокин.

В письме к Богуславу Радзивиллу Я.А. Храповицкий излагал соображения комиссаров о том, что могло бы привести к успешному окончанию мирных переговоров. Такую роль могли бы сыграть события на Украине, если бы она освободилась от русской власти, а также приход на границу литовского войска⁹⁰. События на Украине не оправда-

⁸⁸ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 307–311.

⁸⁹ Там же. Л. 305.

⁹⁰ См. его письмо от 24 авг. н. ст. 1666 г.: *Chrapowicki J.A. Diariusz. Cz. II. S. 538.*

ли возлагавшихся на них надежд, поэтому особое значение приобретал вопрос о выходе к границе литовского войска. Войско, возвращавшееся по окончании «рокоша» из Польши к 23 сентября н. ст., разместилось в районе Минска⁹¹. Еще за день до этого комиссары обратились к командовавшему этим войском гетману Пацу, чтобы он шел к границе, обращение было повторено 6 октября н. ст.⁹²

29 сентября комиссары передали А.Л. Ордину-Нащокину адресованное им письмо М. Паца⁹³. Пац выражал недовольство тем, что «неприятель» «не показывает охоты» к миру и только тянет время, чтобы создать благоприятные условия для возобновления войны. Комиссары просили его не переходить с войсками Березину, и он так и поступил, но переговоры не приводят к результату. Поэтому он просил комиссаров, чтобы переговоры «тотчас кончили или дале войск в отчизне не держали». В конце письма говорилось, что польские войска «идут за Днепр, где, с казаками и татарами соединяясь, учнут Речи Посполитой на пользу промышлять». В этих условиях и литовское войско не может бездействовать.

Письмо, как представляется, было специально написано для того, чтобы показать его послам, и включало в себя заведомо неправильные утверждения о походе польских войск за Днепр. Силу воздействия документа ослабляло то, что вслед за письмом не появилось литовское войско.

Еще в начале сентября Ю. Щит сообщал, что когда с войском начали разговоры о том, что следует готовиться к войне с царем, то войско высказалось за мир и предложило «пану старосте жмоидцкому» (очевидно, выступившему с такими предложениями) «ехать на комиссию, а покой чинить»⁹⁴. В начале октября Ю. Щит сообщал, что, хотя для похода через Березину были поставлены мосты, солдаты и офицеры отказались идти в поход и войска «стоят на лежи

⁹¹ Ibid. S. 205.

⁹² Ibid. S. 204, 210.

⁹³ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 334–335.

⁹⁴ Там же. Л. 260–261.

под Минском», не реагируя на уговоры гетмана Паца⁹⁵. Позднее он сообщал о «сессии» — специальном совещании гетмана с выборными представителями хоругвей, когда гетман снова добивался, «чтоб войско шло за Днепр», а офицеры и солдаты хотели «назад идти на зиму в Литву». Новая «сессия» была назначена на 16 ноября н. ст., но, как сообщал полоцкому воеводе Юстиниан Щит, выборные представители хоругвей отправились на нее «с тем же наказом, что войскам назад в зиму идти в Литву»⁹⁶. В итоге выход главных сил литовской армии к границе, чтобы укрепить положение комиссаров на переговорах, так и не состоялся⁹⁷. 21 октября н. ст. 1666 г. Я.А. Храповицкий писал Богуславу Радзивиллу, что «*nudis rationibus sine clipeo*» комиссары не могут добиться каких-либо уступок с русской стороны⁹⁸.

Однако и русская сторона не могла заставить противника принять нужные ей условия мира. А.Л. Ордин-Нащокин по согласованию с Москвой прибежал к разного рода мелким хитростям. Он заявлял, что на переговорах его могут сменить Н.И. Одоевский и Ю. Долгорукий, просил проезжую грамоту для поездки по Двине на шведскую сторону⁹⁹, но все это не производило на комиссаров серьезного впечатления. Переговоры тянулись, не приводя к каким-либо результатам.

«Великий» посол продолжал искать пути воздействия на польских комиссаров, чтобы добиться, наконец, заключения мира. Подобно тому, как литовские комиссары ранее, он связывал свои надежды с внушительной военной демонстрацией на границе. Следует, — писал он царю, — «в порубежных городах ратми оборона показать»¹⁰⁰. Одновременно он снова убеждал царя, что ради заключения мира следует пойти на уступки. В большой записке, отправленной царю в октябре 1666 г., он предложил уступить

⁹⁵ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 19.

⁹⁶ Там же. Л. 384.

⁹⁷ Об этом эпизоде см. также: *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 241, 243.

⁹⁸ *Chrapowicki J.A. Diariusz. Cz. II.* S. 540.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 364.

¹⁰⁰ Там же. Л. 71.

Речи Посполитой Динабург ¹⁰¹. Зная, какое большое место занимало обладание Динабургом в балтийских планах А.Л. Ордина-Нащокина, такое предложение не может не вызывать удивления. Анализ записок А.Л. Ордина-Нащокина этого времени позволяет выявить определенные мотивы этого решения.

С прекращением весной 1666 г. военных действий по Западной Двине поплыли в Ригу многочисленные суда с товарами из Великого княжества Литовского, и русские власти в Динабурге стали облагать их пошлинами, что сопровождалось разного рода злоупотреблениями. Здесь, как писал А.Л. Ордин-Нащокин царю, «учало быть над проезжими людьми Двиною с товары грабление и многое насилство» ¹⁰². Из другой его отписки можно узнать, что, очевидно после этого, мещане из городов по Западной Двине «послали, чтоб о Динаборке стоять» ¹⁰³. А.Л. Ордин-Нащокин должен был отдавать себе отчет в том, что эти события показали не только мещанам, но и шляхтичам, посылавшим продукты из своих имений на продажу в Ригу, как важно держать под своим контролем торговый путь по Западной Двине. Всё это показывало, что представители Речи Посполитой будут упорно настаивать на уступке Динабурга.

Имело важное значение и другое обстоятельство. Переписка с царем показала, что о каких-либо уступках за счет Левобережной Украины Алексей Михайлович и его советники не хотели и слышать. Киев также стремились любой ценой удержать в составе Русского государства. В таких условиях, если А.Л. Ордин-Нащокин искал возможность добиться заключения мира с помощью каких-то уступок, то речь могла бы идти лишь о Динабурге. Такое решение А.Л. Ордин-Нащокин обосновывал тем, что с уступкой Динабурга Великое княжество Литовское будет полностью удовлетворено условиями мирного соглашения, и его представители на сейме не допустят разрыва переговоров и возобновления

¹⁰¹ Там же. Л. 12–12.

¹⁰² Там же. Л. 11.

¹⁰³ Там же. Л. 17.

войны¹⁰⁴. Царь, однако, не склонен был следовать советам главы русской делегации. В грамоте, отправленной на польский стан 10 ноября, предписывалось «за Динаборк с тамошними месты стоять всякими мерами»¹⁰⁵.

В переговорах в ноябре наступило затишье. Встречи прекратились, и стороны лишь обменивались письмами¹⁰⁶. Тем временем поздней осенью 1666 г. серьезно осложнилось положение на Украине. Уже 26 октября из Москвы к «великим» послам были отправлены выписки из воеводских отписок «о приходе под черкасские города крымских татар, и польских людей, и изменников черкас»¹⁰⁷. Происходившее в этом регионе чем дальше, тем больше стало влиять на политику правительств, а затем на ход и атмосферу мирных переговоров.

Хотя в августе противнику было нанесено серьезное поражение, кн. К. Щербатов 11 августа вернулся в Переяслав, так и не овладев главными местечками, в которых находились восставшие, — Золотоношей, Пещаной и Домонтовым — ставкой наказного гетмана Якима Головченка¹⁰⁸. В начале сентября П.В. Шереметев с беспокойством писал, что «в Золотоноше и в Пещаной сидят крепко, а промыслу над ними никакими мерами учинить нелзе»¹⁰⁹. Кн. Щербатов в третий раз выступил в поход. В Пещаной «большой город» был взят приступом, противник был выбит из «шанц» у Золотоноши, но 13 сентября он вернулся в Переяслав, так и не овладев главными центрами восстания¹¹⁰.

Положение еще более осложнилось, когда Петр Дорошенко сумел получить значительную помощь из Крыма. Уже когда началось восстание в Переяславе, П. Дорошенко добивался татарской помощи для похода на Левобережье. Он прислал своего представителя — подписка Вас. Хильке-

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 12–13.

¹⁰⁵ Там же. Л. 43.

¹⁰⁶ См. отписку А.Л. Ордина-Нащокина царю: там же. Л. 74–75.

¹⁰⁷ Там же. Л. 26.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 588. Л. 707–710.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 562. Л. 71.

¹¹⁰ Там же. Л. 168–170, 332–334.

вича — «просить людей под Переяслав»¹¹¹, но летом 1666 г. хан Адиль-Гирей не мог оказать гетману серьезной помощи. В это время разразилась серьезная «усобица» между новым ханом и могущественным родом Ширинов, о которой упоминал в своем письме Семен Адамович. Ширины ушли из Крыма и обратились с жалобами к султану¹¹². К осени «усобица» была улажена, и хан выслал на Украину 20-тысячное войско во главе с третьим лицом в ханстве нуредином Девлет Гиреем. Около 15 октября н. ст. орда уже стояла в районе Чигирина¹¹³. Часть орды во главе с «молодым салтаном» Саламет-Гиреем тогда же перешла Днепр. Узнав о приближении татар, генеральный есаул отвел войска к Переяславу, под городом 8 октября произошло сражение. Татары и «изменники черкасы» весь день «приступали к табору» генерального есаула, «во весь день до ночи бились ручным боем»¹¹⁴. Разосланные «салтаном» загоны разорили села на территории Прилуцкого полка и окрестности Нежина¹¹⁵. Хотя татары скоро ушли с захваченным «полоном», понесшие серьезные потери войска оказались неспособны продолжать военные действия. 17 октября К. Щербатов сообщил в Киев, что генеральный есаул и полковники войска «от голоду и от нужи распустили всех по домом». Опасаясь за судьбу отряда Щербатова, П.В. Шереметев, не дожидаясь «указа» из Москвы, приказал ему вернуться в Киев¹¹⁶. Так окончательно определилась неудача попыток подавить восстание на территории Переяславского полка.

Как сообщал П.В. Шереметев, в Золотоноше и Домонтове строят укрепления и их «хлебными запасы наполняют», чтобы они стали опорными пунктами для похода армии

¹¹¹ Барсуков А.П. Род Шереметевых. Кн. 6. СПб., 1892. С. 431.

¹¹² См. об этом: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 81–83.

¹¹³ Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000. S. 103.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 596. Л. 5–6, 9–10, 42, 77.

¹¹⁵ Апанович О.М. Запорозька Січ у боротьбі против турецько-татарської агресії. Київ, 1961. С. 204–205.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 596. Л. 82–83.

Дорошенко на Левобережье¹¹⁷. Обстановка оставалась тревожной. П.В. Шереметев ожидал нового, еще более крупного нападения татар и просил прислать в Киев подкрепления и продовольствие. Иначе солдаты разойдутся, несмотря на угрозу наказаний, так как не хотят «голодную смертью умереть», а собрать продовольствие на месте невозможно: страна разорена, «а иные местечка засели и отложились изменники бунтовщики черкасы»¹¹⁸.

Приходу орды на Украину сопутствовали определенные дипломатические акции. В письме к польному коронному гетману Яну Собескому Петр Дорошенко упрекал его в том, что польские войска не оказали ему помощи в походе на Левобережье и он был вынужден искать поддержки в орде. В следующем письме он указывал, что направляется с татарскими войсками за Днепр, «*żeby komisarom naszym smagownej poszly traktaty*» в Андрусове¹¹⁹. Одновременно и татарские царевичи сообщили королю, что прибыли на Украину для борьбы с общими врагами¹²⁰. 4 ноября н. ст. сам глава татарского войска — нуреддин также заявил Собескому, что хан послал его сражаться «против неприятеля вашего и нашего». Он уже послал войско за Днепр, и враги, потерпевшие поражение, «в Переясловле заперлися», а сам нуреддин «пошел х Киеву»¹²¹.

Поход казацких и татарских войск на Левобережье мог создать серьезные военно-политические затруднения для Русского государства. Перед политиками Речи Посполитой встал вопрос, как реагировать на новую ситуацию, какую линию поведения избрать на продолжавшихся мирных переговорах. О результатах обсуждения говорит текст инструкций, оправленных послам 28 ноября н. ст. после совещания короля с собравшимися на сейм сенаторами¹²².

¹¹⁷ Там же. Л. 81–82.

¹¹⁸ Там же. Л. 100–104.

¹¹⁹ *Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / Zebr. i wyd. F. Kluczycki.* Т. 1. Kraków, 1880. S. 251–254.

¹²⁰ *Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko...* S. 104.

¹²¹ Перевод письма см.: РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 4. Л. 162–163.

¹²² Текст опубликован: *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 245–246.

В инструкциях излагались условия, на которых Речь Посполитая могла бы заключить перемирие с Россией. Они получили полномочия заключить такое перемирие, если русская сторона согласится на немедленную (*ex nunc*) уступку Киева и Динабурга. В отличие от первоначальных, в ней уже не было речи о каких-либо уступках на Левобережье. Как представляется, выбор таких более умеренных условий соглашения определился под воздействием двух факторов. Во-первых, намерения татарских союзников были не вполне ясны и вызывали опасения, несмотря на их официальные заявления¹²³. Во-вторых, внутривосточное положение в стране продолжало оставаться сложным. Королевская пара и ее сторонники не отказались от своих планов возведения на трон французского принца, а подозревавшая это шляхта постоянно при разных ситуациях выступала против королевских предложений и связанных с двором людей. Так, на сейме, созванном весной 1666 г., значительная часть послов и представители войска требовали возвращения Любомирскому должностей и не хотели признать Яна Собеского законным обладателем этих постов¹²⁴. На новом сейме положение выглядело не лучше¹²⁵. Отсюда готовность заключить мир, отказавшись от притязаний на Левобережье.

Вместе с тем следовало учитывать и другую возможность на случай, если русская сторона не согласится на такие условия перемирия. В этом случае следовало не прерывать переговоров, а договориться о их возобновлении в иное время, но при этом комиссары не должны были заключать никакого соглашения о прекращении военных действий. В этой связи в документе выражалась надежда, что в этом случае польское войско «*zímowej nie opuści rogu*». Этот текст позволяет думать, что в Варшаве учитывали и другую возможность развития ситуации: крупные

¹²³ О тревожных сигналах см.: *ibid.* S. 249.

¹²⁴ *Wójcik Z.* Jan Sobieski. Warszawa, 1983. S. 116–117.

¹²⁵ *Kersten A.* Hieronim Radziejewski. Studium władzy i opozycji. Warszawa, 1988. S. 572–574.

успехи татар и казаков Дорошенко на Левобережье могли бы создать благоприятную обстановку для возобновления войны, и поэтому власти Речи Посполитой не хотели связывать себе руки перемирием.

Происходившие перемены не прошли мимо внимания и комиссаров, которым также стало ясно, что ситуация позволяет прибегнуть к давлению на русскую сторону. На встрече, состоявшейся 7 декабря, комиссары заявили, что без уступки Киева и Динабурга они не заключат перемирие «ни на малое время», и предложили провести новые переговоры в июне 1667 г. За этим последовало и другое, не менее важное заявление, что с окончанием переговоров соглашение о прекращении огня утратит силу «и войне быть на обе стороны свободно». При этом с места проведения переговоров комиссары демонстративно забрали сторожей и имущество, «что уж съезду впредь не быть»¹²⁶. На следующей встрече, 10 декабря, комиссары выдвинули новые требования. Был поставлен вопрос о передаче Речи Посполитой не только Динабурга и Киева «без откладу», но и Запорожья, и тех земель, «которые через Днепр на переяславской стороне за ними ныне»¹²⁷. Выдвижение такого требования показывает, как комиссары оценивали сложившееся положение. Они явно полагали, что им удастся добиться заключения мира на условиях даже более благоприятных, чем те, которые предусматривали королевские инструкции. Одновременно они предложили при заключении соглашения хана «в тое ж крепость замирить»¹²⁸.

В этих условиях А.Л. Ордин-Нащокин приложил максимум усилий, чтобы не допустить разрыва переговоров. Он заявил комиссарам, что намерен сам поехать в Москву, чтобы получить окончательный «указ» царя относительно условий мирного договора. При этом он даже заявил, что

¹²⁶ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 246. См. также сообщение А.Л. Ордина-Нащокина о встрече (РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 112–113).

¹²⁷ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 132–133. Выдвижение этого требования З. Вуйциком в его книге не отмечено.

¹²⁸ Там же. Л. 133.

при заключении мира Речи Посполитой будет передан Динабург¹²⁹, хотя никаких полномочий делать такое заявление он не имел. После предпринятых им усилий разрыва переговоров не произошло. Была достигнута договоренность, что «до Рождества Христова» — 25 декабря — комиссары будут ждать окончательного ответа царя¹³⁰. Представители Речи Посполитой не были заинтересованы в возобновлении войны, а заявления А.Л. Ордина-Нащокина указывали на возможность заключения выгодного мира.

Определенная отсрочка начала окончательных переговоров была для них даже выгодна, так как новые успехи казаков и татар могли окончательно заставить русскую сторону принять предложенные условия. Однако достигнутая договоренность сопровождалась заявлением комиссаров, что они «доле того сроку... дожидать не учнут и войска их рушатца в войну»¹³¹.

Причины перемен в поведении комиссаров стали ясны для «великих» послов в тот же день, 11 декабря, когда они получили отписку киевского воеводы П.В. Шереметева. Воевода сообщал, что стоящие с войсками у разных городов Правобережья татарские султаны отправили послов к королю, предлагая, «совокупясь с ним, королем, идти под Киев в нынешних скорых днях». Это само по себе было чревато серьезной опасностью, но еще большую тревогу должно было вызывать другое содержавшееся в отписке сообщение — что хан выступил из Крыма «и стоит за Белой Церковью»¹³². А.Л. Ордин-Нащокин оценил сложившуюся ситуацию как опасную, чреватую очень неприятными последствиями для Русского государства. Несомненно, мимо его внимания не прошло то важное обстоятельство, что на его неоднократные просьбы прислать войска в пограничные города, чтобы оказать давление на представителей Речи Посполитой, в Москве не реагировали, очевидно, из-за недостатка реальных сил.

¹²⁹ *Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 247–248.*

¹³⁰ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 134.

¹³¹ Там же. Л. 135.

¹³² Там же. Л. 136.

Прочность русских позиций на Левобережье также вызывала у него сомнение. Проведение здесь переписи для обложения населения налогами он считал грубой ошибкой, которая приведет к тяжелым последствиям. «А тамошние люди, — писал он царю в одной из своих отписок, — и от польского короля многою кровью отбивались, чтоб жить в своей воле... и то Королевству Полскому к повороту многая помочь»¹³³. О пессимистической оценке положения в Киевской земле говорит другая его записка, где читаем, что «тамшнее житье в великом оскорблении и там такие великие замешанины со всех сторон и порушение к христианским кровям»¹³⁴.

«Великий» посол и ранее считал, что следует принять те условия, на которые соглашается Речь Посполитая, но теперь он еще сильнее утвердился в правильности этого решения и стремился убедить в необходимости такого решения царя. При этом использовались самые разнообразные аргументы¹³⁵.

Как и ранее, одним из главных доводов в пользу такого решения было то соображение, что условия мира должны быть приемлемы для партнера, это — единственная гарантия прочности мирного соглашения, иначе его «в свое время не здержат». К этому добавлялись указания на опасность польско-шведского союза. Шведский посол на сейме предлагал заключить такой союз, направленный против России. На сейме «посольства его не приняли», ожидая заключения мирного соглашения, но если оно не будет заключено, положение может измениться.

Сведения А.Л. Ордина-Нащокина были точными. Решение направить шведское посольство в Варшаву было принято весной 1666 г. перед началом новых русско-шведских переговоров на р. Плюсе, и посол должен был предлагать не только оборонительный, но и наступательный союз. Эта

¹³³ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 11.

¹³⁴ Там же. Л. 40.

¹³⁵ Тексты его отписок, полученных в Москве 16 и 17 декабря, см.: РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 137–141, 149–152.

миссия рассматривалась как акт давления на русское правительство. Кроме того, в Стокгольме полагали, что выдвижение предложений о союзе может помешать заключению русско-польского мирного договора, и это также ослабит позицию русской делегации на переговорах на Плюсе¹³⁶. Некоторые особенности инструкций указывают на то, что воевать с Россией Швеция не собиралась. Не случайно в инструкциях послу указывалось, что он должен поддерживать сношения со шведскими представителями на Плюсе и действовать в зависимости от исхода русско-шведских переговоров и новых приказов из Стокгольма. Кроме того, в инструкциях опять повторялось требование, чтобы договор о союзе был одобрен сеймом, а это было мало реально в условиях, когда продолжался конфликт между королем и шляхтой и в шведском правительстве видели одного из союзников короля. Неслучайно в инструкции Яна Казимира комиссарам от 15 августа указывалось, что «szwedzka liga wielkie by miała na sejmie oppositiones»¹³⁷. Вероятно, именно поэтому на сейме 1666 г. вопрос о союзе со Швецией обсуждался в кругу сенаторов, но так и не был вынесен на рассмотрение посольской избы¹³⁸.

Конечно, А.Л. Ордин-Нащокин не мог знать намерений шведского правительства, которое он не без оснований считал враждебным России, но о конфликте шляхты с Яном Казимиром и о подозрительном отношении шляхты к планам польско-шведского союза к концу 1666 г. он был достаточно информирован. Как представляется, он закрыл глаза на эти факты, чтобы найти важный аргумент в пользу заключения мира.

Ряд других аргументов был связан с оценкой положения на Юге. Он указывал, что, пользуясь «бессилием» поляков «в том их междоусобии» и тем, что война между Россией и Речью Посполитой не закончена, Османская империя и Крым

¹³⁶ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik 1664–1668. T. I. Stockholm, 1949. S. 518–520.*

¹³⁷ *Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 242.*

¹³⁸ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik... T. I. S. 531–532.*

постараются утвердиться на украинских землях. «А не дай Бог слышать, — писал он, — вскоре учинитца от Каменца Подольского турок». Разрыв переговоров в этих условиях выгоден только хану и султану. Эти соображения были правильными. Можно утверждать, что «великий» посол предвидел, как в дальнейшем будут развиваться события¹³⁹. Однако из этого вовсе не следовало, что нужно добиваться мира с Речью Посполитой ценой всё новых уступок.

Кроме того, он утверждал, что если война возобновится, то Россия окажется в тяжелом положении. Позиции ее в Восточной Белоруссии непрочные, и с началом военных действий эти земли будут потеряны: «А от полоцких... и от витебских служилых людей слышатца многие оскорбления в житье их без перемены и впредь видя продолжение, в городах едва одержатца ль». В Речи Посполитой хорошо знают, что в пограничных городах нет войск и русская казна пуста. Поэтому «польские и литовские войска безстрашны войну весть и мир становить, как им надобен, в силе». И.В. Галактионов правильно отметил, что А.Л. Ордин-Нащокин сильно преувеличивал военные возможности Речи Посполитой¹⁴⁰. Характерно, что находившийся в это время в Варшаве шведский посол, представитель державы, заинтересованной в том, чтобы русско-польская война продолжалась, сообщал в Стокгольм о страшном разорении страны долгими военными действиями и о том, что продолжать она их не в состоянии¹⁴¹.

Оценивая положение так, как он его оценивал, А.Л. Ордин-Нащокин полагал, что ради заключения мира можно было бы отказаться от Левобережной Украины. Все равно, — убеждал он царя, — такой мир будет для России выгодным и почетным: «А в Московском государстве и мысли того не было, государь, что Смоленском владеть, не только Черниговым со всею Северскою землею, что ныне отдают». Одно-

¹³⁹ На это правильно указывал И.В. Галактионов (*Галактионов И.В. Из истории русско-польского сближения...* С. 95).

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik...* Т. I. S. 521, 530–531.

временно он доказывал, что с заключением мира царь мог бы влиять на судьбу польского трона (что было актуально при старости и бездетности Яна Казимира), он мог бы занять его сам, а мог бы добиться того, чтобы поляки «вашим государским повелением» выбрали удобного царю кандидата.

Как видим, А.Л. Ордин-Нащокин затратил большие усилия, чтобы убедить царя заключить мир на условиях, которые предлагала польско-литовская сторона. Он даже решился на высказывания о неготовности страны к войне, которые царь мог воспринять как критику его собственной политики.

Какую же линию поведения выбрали в этой сложной ситуации царь и его советники в Москве?

18 декабря доверенное лицо царя — Ю. Никифоров повез в посольский стан новые «статьи» с изложением условий мира¹⁴². Ради заключения мира царь соглашался уступить Динабург с «Малыми Лифлянтами», а «по последней по самой конешной мере» и Киев. Но это был предел уступок. Если бы комиссары не согласились на эти уступки, то следовало затягивать переговоры — «Комисаров продержать и война задержать до последнего зимняго пути». Согласие уступить Речи Посполитой Киев говорит о том, что и в Москве сложившееся положение оценивали как неблагоприятное для русского государства. Однако царь и его советники не намерены были идти по пути уступок так далеко, как предлагал «великий посол».

А.Л. Ордин-Нащокин добивался мира любой ценой, так как возобновление войны положило бы конец тем большим политическим планам, которые он связывал с заключением русско-польского союза. Царь и его советники, которые себя с этими планами не связывали, могли смотреть на сложившееся положение более трезво. К тому же к декабрю 1666 г. они располагали важными сведениями, показывавшими, что развитие событий на Украине может принять иное направление.

¹⁴² Текст «статей» в двух разных вариантах, идентичных по содержанию: РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 143–147.

17 октября в Киев доставили «расспросные речи» переяславского казака, пришедшего из Чигирина. Казак, как и другие современники, сообщал о заключении союза между Дорошенко и ханом. Однако он сообщал и новую, принципиально важную информацию о приходе к правобережному гетману посольства от султана. Посланцы султана привезли гетману подарки: «аргамак турецкой с нарядом да саблю». Посланцы обещали, что султан «учинит ево, Дорошенка, во всем Малороссийском крае удельным», чего он не может получить от короля или от царя. «И Дорошенок, де, с полковники ж турецкому царю присегали ж на том, что ему служить турецкому царю с крымским ханом заодно»¹⁴³. Такое сообщение показывало правильность стратегических планов А.Л. Ордина-Нащокина, но одновременно говорило о том, что в ближайшем будущем следует скорее ожидать не похода Дорошенко за Днепр, а его конфликта с польской властью на Правобережье.

Одновременно со «статьями» Ю. Никифоров отвез послу «царское милостивое слово» за то, что тот «своим усердством... службою и радением польских и литовских войск удержал и до кровопролитья по се время не допустил»¹⁴⁴. Царь предлагал нетерпеливому советнику «терпение к терпению приложить»¹⁴⁵.

Но это не было последнее слово. 22 декабря с приехавшим в Москву за царским «указом» дьяком Григорием Богдановым были отправлены новые «статьи». В них предписывалось «за Киев и за здешнюю сторону Запорог давать казну что пристойно, что одноконечно Киеву и здешней стороне в уступку не быть»¹⁴⁶. Таким образом, как это уже было в истории Андрусовских переговоров, момент колебаний оказался непродолжительным, и верх взяло стремление удержать Киев в составе Русского государства. Учитывая характер инструкций, полученных комиссарами, при возоб-

¹⁴³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 596. Л. 80–81.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 146.

¹⁴⁵ Там же. Л. 148.

¹⁴⁶ Там же. Л. 155–156.

новлении переговоров главное место в них должен был занять вопрос о судьбе Киева.

Тем временем под Смоленском продолжалось давление со стороны комиссаров на главу русской делегации. Посетивший его 17 декабря И. Комар передал А.Л. Ордину-Нащокину копию письма нуреддина Яну Собескому и предлагал скорее заключить мир, пока поляки и литовцы «с татарскими войсками не случили» своих войск. Гетман М. Пац, по его словам, литовское войско «задержал с великою нужею»¹⁴⁷. Тогда же пришла отписка от воеводы Игнатия Волконского из Стародуба с сообщениями, что в ставке нуреддина у Белой Церкви находятся королевские послы, а татарские и казацкие войска движутся от Белой Церкви к Днепру¹⁴⁸. 23 декабря И. Комар снова посетил русский посольский стан, предлагая принять условия польско-литовской стороны¹⁴⁹.

Однако на этот раз эти меры давления не оказали воздействия на главу русской делегации, так как от постоянного информатора — Юстиниана Щита он получил известие, говорившее о том, что окончание «рокоша» не положило конец конфликту между шляхтой и королевской властью¹⁵⁰. Свои «вести» о том, что происходило на сейме, автор заключил оценкой — «не чаять конца доброму делу, подлинно рокош будет». Как сообщалось в «вестях», после смерти великого коронного гетмана С. Потоцкого польские послы потребовали, чтобы эта должность была передана Любомирскому. Дело дошло, как сообщалось, до резких объяснений между королем и посольской избой. Нас «страшат», — заявлял посол, — французским и шведским войском, но мы тогда обратимся за помощью к царю и императору. На это, как говорится в письме, король ответил: «Послы царя... не напрасно гордо поступают для бунтов ваших, но орда вас уймет».

¹⁴⁷ Там же. Л. 157–158.

¹⁴⁸ Там же. Л. 160–161.

¹⁴⁹ Там же. Л. 171.

¹⁵⁰ Текст под заголовком «Вести из Варшавы до пана гетмана Паца и до панов комиссаров, присланные на комиссию з другие половины сейму в месяце декабре» (там же. Л. 168–170).

Комментируя эти сообщения, А.Л. Ордин-Нащокин писал царю, что этот конфликт дает «случай к миру» и шляхта в таких условиях не захочет возобновления войны с Россией¹⁵¹.

Пока шла эта переписка, на Украине произошли события, резко изменившие всю систему международных отношений в Восточной Европе. За официальными декларациями татарских сановников о дружбе, адресованными властям Речи Посполитой, скрывались направленные против этого государства планы, предусматривавшие ликвидацию всякого присутствия польской власти на Правобережье и образование там особого казацкого государства в союзе и под покровительством Крыма и под верховенством Османской империи¹⁵². Поздней осенью — в начале зимы началось уничтожение находившихся на землях правобережного гетманства польских отрядов и гарнизонов. За уничтожением отряда полковника Стшалковского под Брацлавом последовало уничтожение польских гарнизонов в ряде городов Подолии. Была предпринята попытка взять штурмом главный опорный пункт польской власти в регионе — Белую Церковь. Тем временем на зимние квартиры на Волынь двинулись стоявшие на Горыни войска коронной армии во главе с полковником Маховским. В сражении 19 декабря н. ст. эти войска были разгромлены, сам командующий попал в плен. Орда захватила на Волыни, разорив целый ряд городов, огромный полон. На севере татарские загоны доходили до Полесья¹⁵³.

Сведения о разгроме армии пришли в Варшаву через несколько дней после того, как был сорван сейм и послы и

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 79. 1666 г. № 5. Л. 164.

¹⁵² Уже в апреле 1666 г. великий визир султана писал П. Дорошенко: «Так как вы при посредничестве крымских ханов отдались (под покровительство) Порты и со всем Сары-Камышским (т. е. Запорожским) войском верно служили, то падишах предписывает нынешнему хану Адиль-Гирею, чтобы поддерживал с вами дружбу и доброе соседство» (цит. по: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 69).

¹⁵³ *Perdenia J.* Hetman Piotr Doroszenko... S. 104–105.

сенаторы разошлись, не приняв никаких решений о сборе средств на содержание армии. На раде сената, собравшейся 30 декабря н. ст. 1666 г., было принято решение заключить с Россией перемирие на длительный срок на условиях, которые предлагает русская сторона, но если будет заключен военный союз против казаков Правобережья, Крыма и османской империи. В сопроводительном письме король Ян Казимир настаивал на скорейшем заключении мира ¹⁵⁴.

Еще до того, как эти указания дошли до комиссаров, на посольский стан прибыл дьяк Г. Богданов с «указом» царя. Получив эти «статьи», А.Л. Ордин-Нащокин написал Алексею Михайловичу, что «тот елей не намастил главы моя» ¹⁵⁵. Он имел в виду, что предложенные условия не удовлетворят польско-литовскую сторону, так как в них ничего не говорится об уступке Киева. Так и оказалось. На встрече, состоявшейся 29 декабря, представители Речи Посполитой отклонили русские условия ¹⁵⁶. Вскоре после этого, получив инструкции и понимая, в каком тяжелом положении оказалась Речь Посполитая, комиссары сами постарались возобновить переговоры. Однако до того, как они предприняли эту попытку, произошли события, поставившие достижение мира под вопрос.

Связано это было с тем, что литовские отряды, стоявшие у границы, опустошив близкую округу, в конце декабря начали собирать «стацею» на свое содержание на землях Смоленского уезда. В Москве это было воспринято как нарушение мира, и было принято решение ответить на силу силой. 25 января против людей, собиравших стацию, был послан окольный Осип Ив. Сукин с войском, 3 января за ним должен был выступить в Вязьму окольный Данило Сем. Великогагин с двумя полками рейтар, четырьмя приказами стрельцов и 33 пушками, «чтоб ис тех мест литовские войска отступили» ¹⁵⁷.

¹⁵⁴ *Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 250–251.*

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 2. Л. 13.

¹⁵⁶ *Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 252.*

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 2. Л. 16.

В начале января царь узнал о реакции комиссаров на свой «указ» и 6-го числа направил А.Л. Ордину-Нащокину новые указания с подьячим Приказа Тайных дел Иваном Полянским. Царь соглашался в самом крайнем случае уступить Киев, но за город следовало бы еще побороться, так как, как стало известно царю, «сейм разорвался без всякого дела»¹⁵⁸. Согласие после долгих колебаний в крайнем случае уступить Киев говорило о том, как сильно русская сторона была заинтересована в заключении мира. Вместе с тем очевидно, что царь еще не знал о важных переменах на Украине. Когда отправлялись эти указания, царь еще не знал и того, что в ходе переговоров обозначился решительный перелом.

Как верно отметил З. Вуйцик, комиссары стремились скорее возобновить переговоры и договориться об условиях мира, пока русским представителям неизвестно, в каком тяжелом положении оказалась Речь Посполитая. Эта цель была достигнута на встрече 3 января, когда комиссары заявили, что готовы принять русские условия мира с некоторыми небольшими изменениями. Была достигнута договоренность, что Смоленская земля и Левобережная Украина отойдут к России вместе с Киевом, который должен быть возвращен Речи Посполитой через два года после заключения договора. Договорились и об установлении двойного суверенитета над Запорожьем. Одновременно предусматривалось, что оба государства заключат союз против османов, татар и казаков, которые перейдут под покровительство хана или султана¹⁵⁹. Вслед за тем польская сторона представила и свой проект мирного договора¹⁶⁰. Разумеется, одновременно комиссары обратились к гетману Пацу, «чтоб войсковых литовских людей выслать вон тотчас»¹⁶¹.

Хотя предстояла еще довольно длительная работа по уточнению содержания отдельных пунктов соглашения, но

¹⁵⁸ Там же. Л. 17–18.

¹⁵⁹ *Wójcik Z.* Traktat andruszowski... S. 252–253.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 2. Л. 96.

¹⁶¹ Там же. Л. 31.

после встречи 3 января дело настолько считалось решенным, что уже 4 января комиссары хлопотали о выплате им царем жалованья за труды по установлению мира. Каждому из них было обещано по 10 тыс. золотых талерами или мехами, а референдарю — К.П. Бжостовскому — 20 тыс. Хорошие дары были обещаны при ратификации договора королю и литовскому канцлеру К. Пацу¹⁶². Комиссары хлопотали о том, чтобы им жалованья «прибавить» «и то соболами»¹⁶³. С «жалованьем» в сопровождении 40 стрельцов было отправлено 11 января на посольский стан доверенное лицо царя — Ю. Никифоров¹⁶⁴.

Как видно из приведенных выше фактов, глава русской делегации на переговорах давно стремился к подписанию мирного соглашения, и когда появилась возможность заключить договор, не нарушая царского наказа, он немедленно сделал это. В своей отписке царю он выражал глубокое удовлетворение достигнутыми результатами: «А о Киеве и о Запорогах свыше человеческой мысли склонились, и на то знаки Божие явные»¹⁶⁵. Очевидно в то время, когда он писал свою отписку, А.Л. Ордину-Нащокину оставалась неизвестной конкретная причина такой резкой перемены в поведении комиссаров.

Для политика было особенно важно, что окончание войны сопровождалось договоренностью о совместных действиях против Османской империи и Крыма. Комиссары на переговорах решили оказать А.Л. Ордину-Нащокину любезность — вернуть чудотворный образ, захваченный литовским войском в битве при Кушликовых горах. В этом глава русской делегации увидел предвестие важных перемен: «А над Крымом в пришествии к Москве из Полши с послы чудотворного богородицына образа в тех летах разоренье и многочисленного плену свобождение»¹⁶⁶.

¹⁶² Там же. 1666 г. № 5. Л. 30.

¹⁶³ Там же. Л. 31, 34–35.

¹⁶⁴ Там же. Л. 47, 89.

¹⁶⁵ Там же. Л. 32.

¹⁶⁶ Там же. Л. 46.

Для заключительного этапа переговоров такой важный источник, как переписка царя с «великими» послами, не сохранилась. Возможно, такой переписки не было, так как на этом этапе рассматривались не первостепенные вопросы, и поэтому не требовались постоянные сношения с царем. Как представляется, суммарную характеристику того, что обсуждалось на этих переговорах в течение января 1667 г., можно дать, сопоставляя подготовленный польской стороной проект договора с окончательным текстом соглашения.

Сопоставление показывает, что главные положения представленного проекта, касавшиеся установления границ между государствами (с небольшой поправкой относительно уступки России г. Велижа), их общего протектората над Запорожьем, общей политики обоих государств по отношению к Османской империи и Крыму, почти без изменений вошли в текст Андрусовского договора. Вошли без существенных изменений в текст договора и статьи польского проекта, определившие условия торговли для купцов обоих государств, предусматривавшие возвращение в Речь Посполитую вывезенных в Россию архивов, пушек, колоколов, церковной утвари.

Однако это не означало, что русская сторона просто без каких-либо изменений одобряла предложения другой стороны. То, что дело обстояло не так, показывает судьба 8–9 ст. польского проекта, где говорилось об освобождении «полона». Проект предусматривал освобождение пленных всякого звания — «земян (т. е. шляхты. — Б.Ф.), мещан и служилых людей», в том числе и тех, кто принял православие и принес присягу царю. Лишь вопрос о судьбе «пашенных людей» мог быть отложен до первых переговоров о заключении «вечного» мира¹⁶⁷. По 10 статье Андрусовского договора устанавливалось, что «пашенные люди» должны остаться в том государстве, где они живут во время подписания соглашения. Что касается и мещан и евреев, «которые в веру русскую крестились», то вопрос об их судьбе дол-

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 2. Л. 106–108.

жен был рассматриваться на будущих мирных переговорах. В 11-й статье договора устанавливалось, что освобождены должны быть духовные лица, «шляхта и войсковые люди», а также евреи, которые не крестились¹⁶⁸. В предшествующих разделах работы показано, какое значение имел для русской стороны вопрос о судьбе «полона», который в основной своей части должен был остаться в России. Сопоставление текстов показывает, что при рассмотрении этого вопроса русская сторона проявила настойчивость и сумела добиться от партнера серьезных уступок.

В статье 7 польского проекта, где говорилось об уступке определенных территорий Русскому государству, живущим на этих землях католикам должно было быть предоставлено право «держания при себе духовных и отправления службы божия в домех своих»¹⁶⁹. Текст этот, несколько иначе изложенный, вошел в ст. 3 Андрусовского договора, но дополнен был положением, что на отходящих к Речи Посполитой землях православным должно быть обеспечено «вольное... употребление веры греческой»¹⁷⁰. В 16 статье польского проекта говорилось о том, что Русское государство должно разрешить католическим миссионерам свободный проезд в Персию и Китай¹⁷¹. В Андрусовский договор этот текст не вошел.

Сделанное сопоставление показывает, что, проявив настойчивость при определении ряда положений договора, русская сторона серьезно не пыталась пересматривать те основные договоренности, которые были достигнуты в самом начале заключительного этапа переговоров, хотя в январе в Посольском приказе имели уже достаточно ясное представление о происшедших переменах и их международном контексте. В январе 1667 г. толмач Полуект Кучумов привез из Крыма отписки от задержанных там русских посланников

¹⁶⁸ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. С. 662–663.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 2. Л. 104об.–105.

¹⁷⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. С. 659.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 2. Л. 113.

и от находившегося там в плену боярина В.Б. Шереметева¹⁷². В.Б. Шереметев сообщал, что по просьбе Дорошенко хан посылал в Чигирин и в Белую Церковь, «велел из тех городов поляков выходить вон»¹⁷³. Толмач П. Кучумов также сообщал, что Дорошенко призывал хана, «чтоб шол с ним на полского короля войною». На пути он стал свидетелем осады польского гарнизона в Чигирине¹⁷⁴.

Сообщения В.Б. Шереметева не оставляли сомнений, что за выступлением крымского хана стоит Османская империя. По его словам, уже при отъезде нового хана Адиль-Гирея из Стамбула султан «приказывал польского короля воевать и паши посланы были при ево отпуске»¹⁷⁵. В привезенной толмачом отписке посланников говорилось, что султан требует у польского короля «городов по Днестру», и если требование не будет выполнено, начнется война¹⁷⁶.

Однако, несмотря на критическое положение Речи Посполитой, в Москве не пытались пересмотреть достигнувшую договоренность. Главная причина, как представляется, состояла в том, что перемены, происходившие на Правобережной Украине, были чреватые серьезной опасностью не только для Речи Посполитой, но и для России. Действия, предпринятые Дорошенко во время восстания Перемышлянского полка, были в этом плане очень убедительным предостережением. Окончание войны и заключение союза были для России такой же необходимостью, как и для Речи Посполитой.

Компромисс по вопросу о будущей границе, как убедительно показал в своем исследовании З. Вуйцик, был фактически намечен в инструкциях обоим делегациям еще до начала переговоров. Как показал тот же исследователь, компромисс мог быть для Русского государства более выгодным, можно было удержать Киев и Динабург, но эти воз-

¹⁷² О времени приезда см.: Новосельский А.А. Борьба... С. 81.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 596. Л. 48; Новосельский А.А. Борьба... С. 84.

¹⁷⁴ Там же. Л. 54, 61.

¹⁷⁵ Там же. Л. 49; Новосельский А.А. Борьба... С. 83–84.

¹⁷⁶ Там же. С. 84.

возможности не были использованы. Как ясно следует из приведенных выше фактов, глава русской делегации не проявил на переговорах больших дипломатических способностей; и связано это было с его убеждением, что единственный путь к решению проблем, стоявших перед русской внешней политикой, лежал в союзе с Речью Посполитой, и ради достижения этой цели он был готов идти на все новые уступки. Если условия Андрусовского договора не стали для России еще хуже, это было заслугой не А.Л. Ордина-Нащокина, а царя и его советников в Москве. Следует, однако, отметить, что его поведение на переговорах существенно отличалось от его поведения во время львовского посольства. Каковы бы ни были его советы царю, на переговорах он во всем придерживался инструкций, ни разу не отступив от них. И это в Москве должны были поставить ему в заслугу.

По заключительному договору Россия уступала Речи Посполитой еще находившуюся под ее властью Восточную Белоруссию и польскую Ливонию, а также те земли левобережного гетманства, которые лежали на запад от Днепра. Здесь за Русским государством оставался лишь Киев с округой «не больше над милею». Киев оставался в составе Русского государства, но лишь на краткий срок, до 25 апреля 1669 г., и не предусматривалось каких-либо обстоятельств, которые могли бы этому помешать. Зная, какие большие усилия прилагала во время переговоров русская сторона, чтобы удержать Киев в составе Русского государства, можно понять, на какие значительные уступки пошли в Москве, чтобы положить конец долгой и тяжелой войне, уже только разорявшей страну и не приносившей никаких выгод.

Следует, однако, отметить и другую сторону — закрепление на длительный срок в составе Русского государства Смоленщины и левобережной Украины означало не только то, что Россия вернула себе земли, утраченные в годы Смуты. Утверждение русской власти на этих землях заметно повышало удельный вес Русского государства в решении не только проблем восточноевропейского региона в целом, но и тех конкретных проблем, которые встали перед обоими государствами при заключении договора в Андрусове.

Договор в Андрусове был не только соглашением о длительном перемирии, но и соглашением о союзе против возможных врагов на Юге. Несколько необычно для документов такого рода в договоре фиксировались первые конкретные шаги, которые оба государства должны были совместно предпринять. Так, ст. 18 Андрусовского договора предусматривала, что «обои великие государи» должны сообщить крымскому хану о заключенном соглашении и предложить ему, чтобы хан «хотел третьим быть с великими государи нашими в приятстве»¹⁷⁷. В следующей, 19-й ст. предусматривалась посылка аналогичных послов к султану, чтобы известить его о заключенном соглашении и чтобы он «хану крымскому приказал в соседстве спокойно пребывать»¹⁷⁸. Таким образом, первоочередной задачей было добиться мира на юге средствами дипломатии.

Вместе с тем, если бы дипломатические миссии не достигли успехов, то войска обоих государств «по обоим сторонам реки Днепра», на Дону и в Запорожье «всегда готовы быти имеют и отпор давати» войскам хана или султана, если он вмешается в конфликт обоих государств с Крымом.

Следует отметить, что при воспроизведении целых предложений и оборотов из польского проекта в тексте Андрусовского договора были опущены некоторые важные особенности. Если в договоре последовательно говорилось об оборонительной войне против возможных нападений османов и татар, то в проекте говорилось о возможности действий против хана в случае, если он «казаков сеи или тамтой стороны Украины к своему владению похищал и подговорил». Тогда, — указывалось в проекте, — оба государя, «чтоб в сторону басурманскую Украина не пришла, боронити будут и казаком такого самовольства не позволят»¹⁷⁹. Все эти тексты в Андрусовский договор не вошли. Русская сторона обязалась участвовать в совместных действиях против османов и татар, но не против правобережных казаков. Однако в усло-

¹⁷⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. С. 665.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 2. Л. 109об.

виях, когда правобережное гетманство вступило в конфликт с Речью Посполитой, заключило союз с Крымом и проявляло готовность принять османский протекторат, обойти вопрос о возможных действиях обоих государств по отношению к Правобережной Украине было нельзя, да и представители Речи Посполитой на это бы не согласились. Поэтому в одной из последних статей договора, 31-й, указывалось, что послы, которые поедут в Москву для ратификации договора, будут иметь все полномочия договариваться «об удержании обоей Украины», «когда бы украинских казаков общими войсками своими до своего послушания и подданства принуждати имели»¹⁸⁰. Таким образом, русская сторона согласилась обсудить вопрос о возможных совместных действиях против казаков в будущем, но не приняла на себя такого обязательства в момент заключения договора. Как представляется, русская сторона воспользовалась затруднительным положением своего партнера, чтобы обеспечить себе на какое-то время свободу действий на Украине.

В той же 31-й статье предусматривалось, что на переговорах в Москве будут определены конкретные способы «общей помочи» как против хана крымского и орды, «також и против цесаря турецкого». Таким образом, мир в Андрусове не принес еще конкретного соглашения о военнополитическом сотрудничестве России и Речи Посполитой в борьбе с опасностью с Юга, но был сделан большой шаг на пути к его заключению.

Говоря об этой части достигнутых договоренностей, следует отметить, что, как показывает анализ записок, подававшихся А.Л. Ординым-Нашокиным царю на протяжении 60-х гг. XVII в., он предвидел возможное развитие событий на Украине задолго до разрыва Дорошенко с Речью Посполитой осенью 1666 г. и тогда же предложил наиболее благоприятный выход из ситуации — заключение союза с Речью Посполитой для борьбы с экспансией Османской империи и Крыма. События на Украине говорили о правильности его прогнозов, а заключение Андрусовского договора

¹⁸⁰ ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. С. 668.

говорило о реальности его рекомендаций. Правда, от конкретного соглашения о совместных действиях против татар и османов было достаточно далеко до принятия целой программы совместной общей политики обоих государств, которую настойчиво предлагал А.Л. Ордин-Нащокин, но важный реальный шаг на пути к этой цели был сделан, за ним могли последовать и другие, которые помогли бы Русскому государству укрепить международные позиции и добиться выгодного мира с соседями. Такими (или подобными) соображениями, как представляется, руководствовался царь Алексей Михайлович, приняв вскоре после заключения Андрусовского мира ряд важных решений.

1 февраля 1667 г. русские послы вернулись в Москву и здесь торжественно был публично зачитан текст договора, а затем последовали награды всем думным и столичным чинам¹⁸¹. На следующий день, 2 февраля, А.Л. Ордин-Нащокин был пожалован в бояре¹⁸². Это была награда за заслуги, но ей дело не ограничилось. 18 февраля 1667 г. А.Л. Ордин-Нащокин был поставлен во главе Посольского приказа¹⁸³ с титулом «царственных и государственных посольских дел обероветеля». Назначение нарушало сложившуюся традицию, по которой со времени образования Посольского приказа во главе его стояли думные дьяки, прошедшие обычно долгую службу внутри этого ведомства. Теперь во главе приказа оказался боярин, правда, с большим дипломатическим опытом, но никогда в этом ведомстве не служивший. С этим назначением члена Боярской думы был сделан важный шаг к тому, чтобы Посольский приказ не только фактически, но и формально стал одним из главных государственных ведомств. За этим назначением через несколько месяцев последовало другое — 17 июня 1667 г. под начало А.Л. Ордина-Нащокина был поставлен и Малороссийский приказ¹⁸⁴.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 27 (Приказ тайных дел). Оп. 1. Д. 127. Л. 29–31.

¹⁸² Боярская книга 1658 года. М., 2004. С. 17.

¹⁸³ *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 129.

¹⁸⁴ Там же. С. 84.

Когда рекомендации А.Л. Ордина-Нащокина стали превращаться в реальность, царь поступил вполне логично, возложив на него осуществление предложенной политиком внешнеполитической программы и подчинив ему те ведомства, которые должны были работать над ее осуществлением. С этого времени внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина, связанная с заключением русско-польского союза, стала официальной программой русской внешней политики.

ГЛАВА 7

ПОСОЛЬСТВА
В ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ
И В ИРАН

Вскоре после заключения Андрусовского мира в Москве была предпринята очень значительная по своим масштабам дипломатическая акция. В мае–июне 1667 г. в Посольском приказе были спешно подготовлены документы для дипломатических миссий, которые должны были направиться в различные европейские государства и в Иран.

Согласно составленной в Посольском приказе записке¹, в мае–июне 1667 г. должны были направиться в Австрию И.А. Желябужский, в Англию и Голландию — Мих. Головин, в Данию — Сем. Алмазов, в Испанию и Францию — П.И. Потемкин, в Пруссию и Курляндию — Вас. Бауш, в Швецию — Иона Леонтьев, и наконец, в Иран — Климент Иевлев. Поездка К. Иевлева в Иран не состоялась², но все остальные миссии были отправлены.

Уже приведенный перечень показывает, что речь идет о масштабной дипломатической миссии, сравнимой по своим размерам лишь с шагами, предпринятыми правительством Алексея Михайловича перед началом русско-польской войны в 1654 г. Все посольства формально были отправлены для того, чтобы известить разные европейские государства о заключении Андрусовского мирного договора. Разумеется, это был лишь повод для их отправки. Есть основания полагать, что отправку этих посольств следует связывать с ди-

¹ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 8.

² См.: Описание архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. М., 1990. С. 358: «И ему в той посылке быть не велено и взят к Москве 175 году».

пломатической подготовкой к реализации тех широких политических планов, к осуществлению которых, по мнению главы Посольского приказа, можно было приступить после заключения мира и союза между Россией и Речью Посполитой. В данном разделе автор попытается установить, какие цели преследовали отправленные из Москвы в начале лета 1667 г. посольства и каковы были конкретные результаты их деятельности.

Размах задуманной акции естественно связывать с теми большими планами, которые формировались в Москве в связи с заключением русско-польского союза. Одна из целей посланных в разные страны посольств, как представляется, состояла в том, чтобы выяснить, в какой мере можно было бы рассчитывать на содействие различных европейских государств при осуществлении этих планов.

Один из таких планов был связан с расчетами на то, что после заключения союза с Польско-Литовским государством можно будет перейти к активной политике на южном направлении. Такие планы появились в Москве достаточно рано, еще в 70–80-х гг. XVI в.³, но отсутствие союзных отношений с Речью Посполитой являлось мощным препятствием на пути к их осуществлению. Заключение русско-польского союза означало важные изменения в этом плане.

Исходя из возможности заключения такого союза, А.Л. Ордин-Нащокин уже в своих записках середины 60-х гг. XVII в. формулировал более близкие и более далекие цели русской политики на южном направлении. Более близкие состояли в том, чтобы добиться прекращения вмешательства Османской империи и Крыма в восточно-европейские дела. Этих целей, по его мнению, можно было добиться совместными действиями России и Речи Посполитой. Более далекие цели — активные действия против

³ *Флоря Б.Н.* Проект антитурецкой коалиции в русской внешней политике 70-х гг. XVI в. // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы до середины XVI в. Кишинев, 1981; Антитурецкая коалиция и бескорольеве 1587 г. в Речи Посполитой // Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.

Османской империи в составе широкой коалиции европейских государств, чтобы постепенно вытеснить османскую власть с православных Балкан.

Достижение этих целей предполагало поиски союзников. В качестве такого союзника А.Л. Ордин-Нащокин видел прежде всего Австрию, которая в первой половине 60-х гг. вела успешную войну с османской армией. Уже поэтому можно полагать, что отправленному летом 1667 г. посольству в Австрию придавалось особое значение.

Решение об отправке посольства было принято не позднее 29 апреля⁴. В Вену должен был направиться опытный дипломат И.А. Желябужский, выполнивший до этого ряд ответственных поручений. Отправка посольства задержалась, так как в мае пришли известия о женитьбе императора Леопольда, и поэтому пришлось подготовить новые грамоты с поздравлениями⁵. По случаю этого события императору были отправлены «поминки» ценою в 5 тыс. руб.⁶ Уже этот жест говорит о том, что в Москве искали сближения с Австрией. В наказе, подготовленном к 4 мая⁷, были четко очерчены конкретные цели миссии. Посланники, И.А. Желябужский и дьяк Тимофей Кузьмин, должны были сообщить о заключении Андрусовского перемирия и просить императора выступить посредником на переговорах о заключении «вечного мира», при этом следовало подчеркнуть, что царь давно желал австрийского посредничества, но Ян Казимир его «не принял»⁸. Такая просьба для тематики русско-австрийских отношений 60-х гг. XVII в. была уже традиционной и означала продолжение линии на поиски сближения с Австрией.

Посланники должны были также сообщить о достигнутой между Россией и Речью Посполитой договоренности «общих

⁴ РГАДА. Ф. 32 (Сношения России с Австрией). 1667 г. № 1. Л. 1.

⁵ Распоряжение Алексея Михайловича о подготовке таких грамот от 30 мая см.: там же. Л. 40.

⁶ Там же. Л. 42 и сл.

⁷ В черновике наказа дата затем была исправлена на июнь (там же. Л. 49).

⁸ Там же. Л. 92–93, 111–112.

ми силами» давать отпор возможному нападению османских войск. Поднимался и вопрос о присоединении императора к этому соглашению. «Когда услышит салтан турецкой, — должны были говорить посланники, — что имеют те ближайшие великие государи, которые к границам турецким, между собою совет, и салтан турецкой всегда будет от войны здержан»⁹. Таким образом, по мнению А.Л. Ордина-Нащокина, союз трех государей должен был способствовать установлению мира на границах с Османской империей. Наказ И.А. Желябужскому сохранился не полностью, но даже из сохранившихся фрагментов видно, что в Москве предполагали, что на переговорах в Вене может зайти речь о создании широкой антиосманской коалиции. От «думных людей» императора ожидали заявления, что в союзе с императором находятся «папа римский, и король гишпанской и французской и иные, и тем всем государем христианским в явной недружбе турецкой салтан», который ведет войну с Венецией¹⁰. На этом текст обрывается, судя по общему контексту, далее должна была идти речь о присоединении царя к этим противникам султана. К сожалению, нам неизвестно, как следовало отвечать на такое предложение. Однако само внимание к этому сюжету не было случайным, об этом (как увидим далее) говорит сопоставление с наказом посольству, отправленному в Испанию.

Отправившись в путь 16 июня, И.А. Желябужский и Т. Кузьмин въехали в австрийскую столицу 3 октября 1667 г.¹¹, а русские предложения были изложены на встрече с советниками императора 25 октября¹². По-видимому, в Москве полагали, что эта встреча положит начало каким-то серьезным переговорам, но этого не произошло. Советники императора ограничились тем, что выслушали русские предложения. Не имели место какие-либо серьезные переговоры и на второй встрече, состоявшейся 31 октября¹³.

⁹ Там же. Л. 112–113, 117–117об.

¹⁰ Там же. Л. 118.

¹¹ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. IV. СПб., 1856. Стб. 561, 595.

¹² Там же. Стб. 613–617.

¹³ Там же. Стб. 625 и сл.

Все это не было случайностью. И.А. Желябужский, собиравший по заданию «посольских дел оберегателя» сведения о положении во владениях австрийских Габсбургов, выяснил, что «Австрийская земля до самой Вены конечно пуста» после бедствий Тридцатилетней войны, а «досталь запустошили татарове в нынешнюю турецкую войну по самой Дунай реку». Жители говорят, что если бы не был заключен мир, «и от турков бы вконец разореным и по плененым им быть»¹⁴. Из этого следовало, что император при таком положении дел не решится на какие-либо дипломатические (тем более военные) действия, которые могли бы привести к обострению отношений с Османской империей. Встречавшийся с Желябужским на обратном пути из Вены 14 декабря 1667 г. литовский канцлер К. Пац сообщил ему, что от императора не следует ожидать не только военной помощи, но и финансовой поддержки — «цесарь казною не богат», «промыслы стали неприбыльны»¹⁵. Кроме того, И.А. Желябужский сообщал о возможности войны между Австрией и Францией: «станет цесарь за Шпанского»¹⁶.

Неудача была налицо, но А.Л. Ордин-Нащокин предпринял еще одну попытку добиться сотрудничества с Австрией. В апреле 1668 г. в Вену (по пути в Венецию) был отправлен переводчик Посольского приказа Томас Келдерман¹⁷. Он вез с собой царскую грамоту, в которой сообщалось о заключении военно-политического союза между Россией и Речью Посполитой для «случения обчих сил против салтана турецкого и хана крымского» и выражалась надежда, что и император захочет «нерозорванной союз спомочный в обороне общей держати»¹⁸. Ответ Леопольда I содержал, однако, только общие декларации о дружбе. Как и И.А. Желябужский, Т. Келдерман сообщал, что в Вене боятся войны с османами, а «служилые, де, цесарские люди все роспущены»¹⁹.

¹⁴ ПДС. Т. IV. Стб. 664.

¹⁵ Там же. Стб. 656.

¹⁶ Там же. Стб. 666.

¹⁷ Его наказ датирован 25 апреля — ПДС. Т. IV. Стб. 695.

¹⁸ ПДС. Т. IV. Стб. 713–714.

¹⁹ Доставлен в Москву 12 ноября (ПДС. Т. IV. Стб. 728–731).

Всё это показывало, что при урегулировании своих отношений с южными соседями Русское государство не может рассчитывать на сотрудничество с австрийскими Габсбургами.

С планами создания широкой антиосманской коалиции было, как представляется, связано и решение установить дипломатические отношения со страной, с которой ранее не было никаких дипломатических контактов, — Испанией²⁰. Характерная деталь показывает, как плохо представляли себе положение дел в этой стране, — врученная посланникам царская грамота была адресована королю Филиппу IV, скончавшемуся в 1665 г.

Посланники, стольник П.И. Потемкин и дьяк С. Румянцев, отправились в путешествие 1 октября из Архангельска на корабле, который вез икру в Италию²¹. Хотя посланники должны были также посетить французский двор, а путь в Испанию шел мимо французского побережья, посланникам предписывалось «наперед быти... у испанского Филипа короля»²². Очевидно, посещение Испании было первоочередным и более важным делом. Официальной целью миссии было установление дипломатических контактов между государствами. Посланники должны были предложить отправить в Москву испанских послов, с которыми бы король «о всем наказал подлинно, как великим государям меж себя в братстве, любительной дружбе и ссылке вперед быти»²³. При этом посланники должны были указывать на близкий, дружеский характер отношений

²⁰ Комплекс русских материалов о посольстве в Испанию введен в научный оборот в публикации К. Масальского: Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию, и записки посланников // Сын Отечества. 1850. № 6–7, 11–12; 1851. № 5. Публикация статейного списка посольства по списку из архива П.И. Потемкина: Древняя российская вивлиофика. Ч. 4. М., 1788. С. 360–456. Между текстами статейного списка в обеих публикациях нет существенных различий.

²¹ Сын Отечества. 1850. № 17. С. 2.

²² Там же. № 6. С. 3.

²³ Там же. № 7. С. 2–3.

царя с императором Леопольдом (упоминали его «непременную и нескончаемую братственную спомочную дружбу и любовь» к царю) и заявить, что царь хотел бы установить такие же отношения с испанским королем ²⁴.

Некоторые фрагменты наказа проливают свет на то, что должно было бы стать предметом будущих русско-испанских переговоров в Москве. Правда, в ответ на возможные вопросы о характере отношений с другими государствами следовало отвечать, что у Алексея Михайловича с султаном «недружбы никакие нет» ²⁵, но посланникам на переговорах с испанскими министрами следовало заявить, что царь стремится к тому, чтобы все христианские государи «укрепились меж себя в dokonчании и в соединении и стояли заодно и тем неприятелю Креста Христова страшны были». Посланники должны были выразить надежду, что в этом случае «православные христиане, которые у них, басурман, в порабощении, все высвобождены будут» ²⁶.

После долгого и опасного морского плавания («волнение страшное морское, уму непостижимое») ²⁷ посланники в конце февраля 1668 г. добрались до Мадрида и 7 марта были официально приняты королевой-регенткой Марианной Австрийской, управлявшей королевством в малолетство ее сына Карла II ²⁸. Однако сделать заявления о желательности союза всех христианских государей посланникам не удалось, так как никаких переговоров с испанскими министрами у них не состоялось. 19 апреля посланники получили благоприятный ответ на свои предложения. Королева обещала вскоре отправить в Москву послов «о братской дружбе и любви» ²⁹. Однако обещанное испанское посольство в Россию так и не прибыло, достигнутый успех оказался мнимым.

Собранные П.И. Потемкиным во время его длительного пребывания в Испании сведения о взаимоотношениях

²⁴ Там же. № 6. С. 13–14.

²⁵ Там же. № 7. С. 13.

²⁶ Там же. С. 9–10.

²⁷ *Сын Отечества*. 1851. № 6. С. 5.

²⁸ *Сын Отечества*. 1850. № 11. С. 17; № 12. С. 1 и сл.

²⁹ *Сын Отечества*. 1850. № 12. С. 27–28.

этой страны с другими государствами позволяют понять причины такого поведения испанских политиков. Специально интересуясь отношениями Испании и Османской империи, П.И. Потемкин выяснил, что «любителства» между этими государствами «никогда не бывало», на море постоянно происходят столкновения испанского флота с османскими подданными — пиратами, испанское общество глубоко враждебно османам («в великое свято почитают, если кто турченина убьет») ³⁰. Вместе с тем выяснилось, что «королевскому величеству на турецкого султана великими ратьми наступать не мочно... море разделило» ³¹. Правда, как узнал посланник, испанские владения есть и на южном, османском побережье Средиземного моря, но их безопасность надежно обеспечена, и им султан «учинить ничего не может» ³².

П.И. Потемкин и С. Румянцев приехали в Испанию в то время, когда шла война между Испанией и Францией, начавшаяся вторжением французских войск в Испанские Нидерланды. Во время пребывания посланников в Мадриде был заключен мир, но встречавшиеся с посланниками приближенные королевы говорили, что не верят в его прочность. Людовик XIV, по их мнению, вскоре «станет искать того, чтоб за что мирные постановления разорвать» ³³. О каких-либо планах войны с османами в этих условиях испанские политики не могли серьезно думать, а против Франции Русское государство не могло оказать испанскому правительству какой-либо помощи. Очевидно, поэтому так и не было отправлено в Москву испанское посольство.

Как уже отмечалось выше, весной 1667 г. было принято решение направить посольство в Иран, чтобы известить шаха Аббаса II о заключении Андрусовского договора ³⁴. Логично было бы полагать, что и это посольство было связано

³⁰ Там же. № 11. С. 24; 1851. № 5. С. 9.

³¹ Там же. С. 25.

³² Там же.

³³ Сын Отечества. 1851. № 5. С. 7–8.

³⁴ «Указ» царя о посылке в Иран Климента Иевлева датирован 25 апреля (РГАДА. Ф. 77 (Сношения с Персией). 1667 г. № 2. Л. 7).

с планами создания антиосманской коалиции, но обращение к материалам посольства такого предположения не подтверждает. Единственной целью миссии Иевлева было навести определенный порядок в торговле между Россией и Ираном³⁵. Посольство не доехало до Ирана. Из-за действий «воровских людей» на Каспии К. Иевлев осенью 1667 г. был вынужден вернуться из Астрахани в Москву.

Однако планы привлечения Ирана к совместным действиям против Османской империи в Москве существовали. Это показывает материал посольства, отправленного к шаху Аббасу II весной следующего, 1668 года. Главной задачей нового посланца, англичанина на русской службе Т. Брейна, было добиться одобрения шахом соглашения, заключенного в мае 1667 г. русским правительством с компанией армянских купцов — подданных шаха, которые получили право везти для продажи шелк через Россию «в Немецкие земли». Этим, однако, цели посольства не ограничивались.

Т. Брейн должен был сообщить советникам шаха не только о заключении мира между Россией и Речью Посполитой, но и о «случении общих сил против салтана турецкого и против хана крымского». К этому следовало добавить, что «христианские государи к тому учиненному союзу пристали и против турецкого салтана войною стоят и обиды свои ему мстить учнут», и в этом будет «Аббас-шахову величеству великое вспоможенье»³⁶. Он должен был также указать на значительный ущерб, который заключенное соглашение с армянскими купцами нанесет Османской империи. Купцы — подданные шаха перестанут ездить в Европу через османские земли, и султан лишится значительных доходов. «А у салтана турецкого как те пожиточные промыслы удержаны будут и с ним шахову величеству война вести будет лехче»³⁷. В царской грамоте шаху также подчеркивалось, что теперь ему «извыкшую войну с

³⁵ В царской грамоте выражалось недовольство тем, что многие купцы, чтобы не платить пошлин, выдают свои товары за имущество шаха (там же. Л. 37–39).

³⁶ Запись «речей» Т. Брейна: РГАДА. Ф. 77. 1665 г. № 3. Л. 21 и сл.

³⁷ Там же. Л. 25.

салтаном турецким вести надежно, неотступно и грозно»³⁸. Из письма Т. Брейна, отправленного А.Л. Ордину-Нащокину 26 февраля 1668 г. из Шемахи, выясняется, что с ним вместе в Иран ехал полковник «для учения ратных людей»³⁹. Т. Брейн умер в дороге, не доехав до Исфахана⁴⁰.

Разобранные материалы ясно показывают следы усилий, направленных в 1667–1668 гг. на формирование большой антиосманской коалиции, но также очевидно, что в то время к каким-либо конкретным результатам они не привели. Вместе с тем предпринимать какие-либо действия в южном направлении можно было лишь при установлении прочного сотрудничества с Речью Посполитой. С достижением этой цели было связано посольство переводчика Вас. Бауша в Курляндию и Пруссию. Официальной целью посольства было известить о заключении Андрусовского мира герцога Якоба и курфюрста Фридриха Вильгельма. Кроме того, в грамоте к курфюрсту выражалась надежда, что если потребуются посредники на мирных переговорах, то «вы подвижности своей к тому доброму делу отменно не учините»⁴¹. Однако главной целью миссии было побудить Фридриха Вильгельма использовать свое влияние, чтобы побудить политиков Речи Посполитой заключить с Россией «вечный мир», а герцог курляндский должен был воздействовать в этом духе на курфюрста⁴². Следовало добиваться и содействия наместника курфюрста в Восточной Пруссии Богуслава Радзивилла⁴³. Курфюрсту и Б. Радзивиллу были посланы в «поминках» соболя⁴⁴. Б. Радзивиллу был также послан особый лист от А.Л. Ордина-Нащокина⁴⁵.

³⁸ Там же. Л. 7.

³⁹ РГАДА. Ф. 79. 1669 г. № 8. Л. 95–96 (перевод письма).

⁴⁰ РГАДА. Ф. 77. 1665 г. № 3. Л. 110.

⁴¹ См. текст грамоты курфюрсту от 4 июня: РГАДА. Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). Кн. 2. Л. 298.

⁴² См. текст наказа В. Баушу от 4 июня: РГАДА. Ф. 74. Л. 311–311об.; 320–320об.

⁴³ Там же. Л. 321об.

⁴⁴ Там же. Л. 291 и сл.

⁴⁵ Там же. Л. 489.

Текст наказа и высказывания В. Бауша в беседах с курфюрстом показывают, как глава Посольского приказа оценивал положение Речи Посполитой и какими доводами он хотел склонить курфюрста к хлопотам о заключении «вечного мира». В беседе с курфюрстом В. Бауш говорил, что «Полща в силе своей зело слаба, великими войнами сломлена»⁴⁶; в наказе указывалось, что «королевство Полское по многих трудах» будет «ныне к миру охотнее»⁴⁷. В. Бауш убеждал курфюрста и его приближенных, что если султан «седалище свое в котором ни есть украинном городе заложит», то Речь Посполитая одна, собственными силами, не сможет «выжить» его оттуда, и тогда «великие несчастья за незгодою себе и соседем своим привлечь может»⁴⁸. Эти высказывания показывают, что, по убеждению А.Л. Ордина-Нащокина, желая избавиться от угрозы османского завоевания, Речь Посполитая будет вынуждена заключить с Россией «вечный мир». Необходимость этого должен был показать политикам Речи Посполитой курфюрст. Такой характер данных В. Баушу поручений показывает, что в Москве смотрели на Бранденбург как на особо дружественное по отношению к России государство.

Отправившись в путь, В. Бауш был 15 июля в Митаве, где герцог принял его «з болшою честью» и обещал содействие⁴⁹, а в августе он уже был у курфюрста в Берлине. В отличие от политиков Вены и Мадрида курфюрст уделил русскому посланцу, несмотря на его невысокий ранг (В. Бауш был переводчиком Посольского приказа), самое серьезное внимание, несколько раз встретившись с ним на тайных аудиенциях, во время которых говорил не столько посланец, сколько курфюрст. Такое внимание было связано с тем, что курфюрст был серьезно обеспокоен планами возведения на польский трон французского принца с помощью насильственного переворота. Фридрих Вильгельм хотел бы зару-

⁴⁶ РГАДА. Ф. 74. Л. 450об.

⁴⁷ Там же. Л. 320об.

⁴⁸ Там же. Л. 449об., 451об.

⁴⁹ См. отписку В. Бауша: РГАДА. Ф. 74. 1667 г. № 1. Л. 20–21.

читься поддержкой царя в борьбе с осуществлением этих планов. Он объяснял посланцу, что Речь Посполитая заключит с Россией «вечный мир», если царь «тайным обычаем» окажет помощь полякам «против тех насильников вольности их»⁵⁰. Стараясь вызвать и в Москве беспокойство по поводу возможного развития событий, он сообщил посланцу, что отказался пропустить через Восточную Пруссию французское войско, направлявшееся в Польшу якобы для ее защиты от «басурман».

Как отметили исследователи, изучавшие прусскую запись переговоров, В. Бауш выражал беспокойство, что под давлением османов Речь Посполитая может разорвать Андрусовский договор⁵¹. Сообщения курфюрста делали такую перспективу вполне реальной. В октябре, встречаясь с Б. Радзивиллом в Кенигсберге, встревоженный посланец просил, чтобы Богуслав Радзивилл и его сторонники добивались сохранения мира «и французских замыслов и турских прихотей не допустили»⁵². Б. Радзивилл заверил, что Великое княжество Литовское будет добиваться сохранения мира, но одновременно сообщал, что Ян Казимир под давлением французских дипломатов намерен вскоре отречься от престола⁵³. Таким образом, итоги миссии могли зародить в Москве серьезные сомнения в надежности союзника в будущем противостоянии с Османской империей.

Знакомство с посольскими наказами показывает, что цели посольств, направлявшихся во Францию и Испанию, не ограничивались чисто политическими задачами. Знакомство с наказом посольству П.И. Потемкина показывает, что посольство в Испанию преследовало и другую цель, связанную с иным большим планом А.Л. Ордина-Нащокина. Глава Посольского приказа рассчитывал, что, действуя совместно,

⁵⁰ РГАДА. Ф. 74. Кн. 2. Л. 452об.–453.

⁵¹ *Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg*. Т. XII. Berlin, 1906. S. 258–259.

⁵² РГАДА. Ф. 74. Кн. 2. Л. 493об.

⁵³ Там же. Л. 497об. и сл.

Россия и Речь Посполитая сумеют сломить установленный Швецией в Прибалтике барьер, отделявший купечество России и Великого княжества Литовского от прямых связей с купечеством Западной Европы, и откроют прямой доступ своим купцам по балтийскому пути на европейский рынок. Для такого выхода следовало обеспечить благоприятные условия, заинтересовав в контактах с русскими купцами и в торговле с Россией европейские государства. Для А.Л. Ордина-Нащокина всё это должно было иметь важное не только хозяйственное, но и политическое значение, так как, по его убеждению (о чем подробно пойдет речь в одном из следующих разделов), именно взаимовыгодная торговля являлась наиболее надежной основой для дружественных отношений между государствами.

Посланники должны были предложить в Мадриде не только установить дипломатические отношения, но и принять меры для развития торговли между странами. Посланники должны были предложить испанским купцам приезжать в Архангельск «и в иные города, где кому случится приехать» и обещать, что у них «торговля с русскими людьми будет повольная»⁵⁴.

Ответ на эти предложения был благоприятным. Королева разрешила испанским купцам ехать в Архангельск «со всякою свободою» и обещала, что если русские купцы приедут в Испанию, то им «во всех городех будет всякая повольность и свобода»⁵⁵. Сведения, собранные П.И. Потемкиным о роли торговли в жизни испанского общества, не давали больших оснований надеяться, что испанское купечество активно займется торговлей с Россией. В завершившей его статейный список подробной характеристике положения дел в Испании П.И. Потемкин отметил, что испанцы «домостройные люди, ноипаче всего домашний покой любят, в иные земли для купечества мало ездят», а сама торговля находится в руках поселившихся в Испании голландцев, «и промыслы и торги у них в Ишпанской зем-

⁵⁴ Сын Отечества. 1850 г. № 7. С. 2.

⁵⁵ Там же. № 12. С. 28.

ле великие»⁵⁶. Посланники, по-видимому, учитывали возможность того, что русские купцы могут посещать Испанию, — вероятно, не случайно они указывали в своем статейном списке местные цены на треску, свежую и соленую семгу⁵⁷, но сами же они указывали, что в Испанию гораздо лучше ехать не из Архангельска, а из портов Прибалтики⁵⁸, а возможность такого путешествия зависела от того, удастся ли сломать барьер, установленный в Прибалтике на пути русских купцов шведскими властями при поддержке купечества ливонских городов.

В посольстве в Испанию такая цель была второстепенной, напротив, она выступала на первый план при выполнении Потемкиным его миссии во Франции, стране, с которой ранее существовали достаточно случайные, нерегулярные связи. В грамоте, адресованной Людовику XIV⁵⁹, извещая его о заключении Андрусовского договора и отзываясь с одобрением о готовности Людовика XIV выступить в роли посредника, чтобы положить конец русско-польской войне, Алексей Михайлович, однако, не просил французского короля выступить в роли посредника на переговорах о заключении «вечного мира»⁶⁰. Очевидно, что и после Андрусовского договора Францию в Москве продолжали относить к кругу государств, посредничество которых представлялось русским политикам нежелательным.

Не поднимали посланники в Париже и вопроса о союзе против османов. В царской грамоте ее составители ограничились утверждением, что теперь «солтан турецкой и иные... насилие и кровопролитие на христиан страхом божьим положат»⁶¹. В Москве было хорошо известно о дружественных

⁵⁶ Сын Отечества. 1851 г. № 5. С. 9, 15.

⁵⁷ Там же. С. 15.

⁵⁸ Там же. № 6. С. 5.

⁵⁹ Текст грамоты см.: Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 428–430.

⁶⁰ На это обратил внимание Ф. Грёнебаум (*Grönebaum F. Frankreich in Ost- und Mitteleuropa. Die Französisch-russischen Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden, 1968. S. 50*).

⁶¹ Путешествия... С. 430.

отношениях Франции с Османской империей, и Потемкин еще раз подтвердил правильность этих представлений. В своем статейном списке он писал, что король «с султаном в дружбе и послы ссылаютца и торговые французские люди для купечества в Турецкую землю ездят»⁶².

Как и в Мадриде, посланники предложили вести переговоры и прислать в Москву французских послов, для которых была прислана опасная грамота⁶³. Однако в отличие от Мадрида возможный предмет переговоров оставался неясным, и неудивительно, что советники Людовика XIV, которые вели переговоры с посланниками, никак не реагировали на это предложение.

Совсем иной оказалась реакция французской стороны на другое русское предложение. Как и в Мадриде, П.И. Потемкин предложил развивать торговлю между Россией и Францией и заверил, что французским купцам, когда они приедут в Россию, «торговля... с русскими людьми дана будет повольная»⁶⁴. В отличие от Мадрида, в Париже такое предложение встретило живой отклик. Связано это было с тем, что в переговорах принял участие такой французский государственный деятель, как Ж.Б. Кольбер, который подобно А.Л. Ордину-Нащокину придавал большое значение развитию внешней торговли Франции, в том числе и на северном направлении. Уже в середине 60-х гг. в его окружении возникли проекты установления прямых связей с Россией и другими странами балтийского бассейна, в частности, для получения оттуда леса и других материалов, необходимых для строившегося французского флота. К 1664 г. относилась попытка создать компанию для торговли с Архангельском⁶⁵. Неудивительно поэтому, что сразу после того, как П.И. Потемкин выступил со своим предложением на встрече с советниками Людовика XIV (в их числе и с Кольбером) 29 августа 1668 г., посланникам был вручен проект русско-

⁶² Путешествия... С. 314.

⁶³ Там же. С. 264.

⁶⁴ Там же. С. 264–265.

⁶⁵ *Grönebaum F.* Op. cit. S. 52.

французского торгового договора⁶⁶, который посланники не могли одобрить, не имея полномочий, а 31 августа посланников посетили представители шести крупнейших парижских гильдий, интересовавшихся тем, какие товары они могут приобрести в Архангельске, и сообщившие, какие товары они могли бы туда доставить⁶⁷.

Посланники прибыли во Псков в ноябре 1668 г., но еще до их приезда А.Л. Ордин-Нащокин мог узнать об успехе своей инициативы в Париже из сообщений европейской прессы. В полученных «немецких печатных курантах» говорилось о том, что французский король снабдил своих купцов большими суммами денег для закупки товаров в России, а на Волгу послан капитан Бутлер (вероятно, Давид Бутлер, впоследствии командир первого русского военного корабля «Орёл»), чтобы узнать, как организовать по этой реке торговлю французских купцов с Ираном⁶⁸.

Как представляется, можно указать, помимо общих соображений о важной роли торговли в развитии отношений между государствами, и более конкретные причины, побудившие А.Л. Ордина-Нащокина специально обратиться с предложением о развитии торговли в Париж. В своих записках середины 60-х гг., адресованных царю, он доказывал, что важных уступок от Швеции на Балтике можно добиться благодаря международной изоляции Шведского государства при поддержке таких его противников, как Австрия, Дания и Бранденбург. В Москве было хорошо известно, что традиционно главным союзником Швеции на континенте была Франция⁶⁹. Предложение о развитии прямой торговли между Россией и Францией должно было способствовать тому, чтобы, когда встанет вопрос о

⁶⁶ Перевод проекта см.: Путешествия... С. 272–274.

⁶⁷ Там же. С. 276–278.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 495–496.

⁶⁹ Еще в июле 1667 г. в Посольский приказ поступили сообщения о начале франко-испанской войны, о том, что император хочет помогать Карлу II, а шведский король намерен «идти на цесаря с французским королем вместе» (РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией). 1667 г. № 1. Л. 97).

ликвидации прибалтийского барьера, Франция не стала оказывать помощь своему союзнику. Стоит отметить, что в посольском наказе П.И. Потемкину и С. Румянцеву о целом ряде государств говорилось, что они находятся с царем «в ссылке и дружбе и в любви» или даже просто «в ссылке», а относительно шведского короля Карла XI было отмечено лишь, что с ним «учинено вечное dokonчание»⁷⁰.

Кроме Бранденбурга весной–летом 1667 г. были отправлены посольства в Данию, Англию, Голландию и Швецию.

К отправке посольства в Данию приступили достаточно рано. Посольский наказ был составлен уже к 18 апреля⁷¹, хотя сам посланец Семен Алмазов смог двинуться в путь лишь в июне⁷². В грамоте королю Фредерику III от 31 мая, как и в грамотах, адресованных в другие государства, сообщалось о заключении Андрусовского соглашения, но, кроме того, в ней была выражена надежда, что король «по прежней братолюбной и соседственной дружбе» согласится выступить посредником на будущих переговорах о «вечном мире»⁷³. Это обращение показывает, что в Москве продолжали относить Данию к числу дружественных государств, и не в последнюю очередь потому, что она рассматривалась как противник Швеции. Неслучайно в наказе С. Алмазову (к сожалению, он сохранился не полностью) ему поручалось собрать сведения «про дацкого и про свейских людей и про цесаря, что меж ими делаетца и чево вперед чаять, миру или войны»⁷⁴.

В этой связи встает вопрос, в какой мере посольство было связано с антишведскими планами А.Л. Ордина-Нащокина. Основания для таких предположений дает то место в царской грамоте, где выражалась надежда, «чтоб впредь купец-

⁷⁰ Сын Отечества. 1850. № 7. С. 13.

⁷¹ В черновике наказа эта первоначальная дата была исправлена на 14 июня (РГАДА. Ф. 53 (Сношения с Данией). 1667 г. № 1. Л. 51).

⁷² 22 июня С. Алмазов приехал во Псков (там же. Л. 86).

⁷³ Русская историческая библиотека. Т. XVI. Русские акты Копенгагенского архива. СПб., 1897. № 166, стб. 849.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 53. 1667 г. № 1. Л. 62.

кими людьми с окрестными государствами торговые промыслы множилось»⁷⁵. Однако в сохранившихся фрагментах наказа С. Алмазову нет никаких указаний, касающихся этой темы, и в ответе Фредерика III это место в царской грамоте не встретило никакого отклика. Очевидно, в 1667 г. А.Л. Ордин-Нащокин еще не пытался привлечь к своим антишведским планам Данию. Однако утверждать это с полной уверенностью нельзя, так как сохранилась лишь часть наказа С. Алмазову и совсем не сохранился его статейный список.

Более определенные выводы в этом отношении позволяют сделать хорошо сохранившиеся материалы посольства в Пруссию. В грамоте, адресованной курфюрсту, также говорилось о надежде, «чтоб впредь меж купецкими людьми с окрестными государствами торговые промыслы множилось»⁷⁶, а в ответной грамоте Фридриха Вильгельма выражалась готовность использовать свои силы «на исправление нынешние оставленою торговли»⁷⁷. Однако тема торговли совсем не затрагивалась ни в наказе В. Баушу, ни во время его переговоров с курфюрстом и его советниками.

Таким образом, помещая в своих грамотах в Данию и в Пруссию декларации о необходимости свободного развития торговли, А.Л. Ордин-Нащокин весной–летом 1667 г. не стремился привлечь эти государства к каким-либо конкретным действиям по отношению к Швеции.

В отличие от Дании и Бранденбурга, Англия к середине 60-х гг. XVII в. уже не принадлежала к кругу дружественных России государств. Отношения опасно осложнились из-за отказа русской стороны вернуть Московской компании привилегии на беспошлинную торговлю, отобранные у нее в связи с казнью Карла I. Холодный прием посольства Дашкова, посетившего Англию в конце 1665 г., и привезенные им известия о подготовке совместного нападения английского и шведского флотов на Архангельск не способствовали потеплению отношений. Всё же стороны

⁷⁵ РИБ. Т. XVI. № 166, стб. 849–850.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 74. Кн. 2. Л. 298.

⁷⁷ Там же. 1667 г. № 1. Л. 43.

избегали углубления конфликта. В связи с начавшейся англо-голландской войной 29 декабря 1665 г. Карл II обратился к царю с просьбой не разрешать голландским купцам покупать в Архангельске корабельный лес и другие «корабельные припасы»⁷⁸. Русское правительство эту просьбу удовлетворило, но одновременно запретило английским купцам посещать Архангельск, ссылаясь на эпидемию чумы в Англии. Так Россия сохранила нейтралитет по отношению к англо-голландской войне. С грамотой, извещавшей о принятых решениях⁷⁹, в конце июня 1666 г. был отправлен находившийся на русской службе шотландец полковник Патрик Гордон, который записал в своем дневнике, что выбор пал на него, так как «не нашлось ни одного русского, кто желал бы отвезти» этот документ⁸⁰. Весной 1667 г., когда приступили к подготовке посольств в Европу, о результатах поездки не было известно⁸¹.

К подготовке посольства приступили также весной 1667 г. 11 мая последовал «указ» царя о посылке в Англию Мих. Никит. Головина. 4 июня датирован посольский наказ, 22 июня гонец был в Новгороде на пути в Ригу⁸². Как и другие посланцы, М. Головин должен был известить о заключении Андрусовского договора и о последовавшем затем сближении двух государств, а также о будущих переговорах о «вечном мире» с участием посредников, однако никакой просьбы Карлу II выступить в роли посредника царская грамота не содержала⁸³. Текст сохранившегося черновика посольского наказа не содержит указаний на какие-либо поручения гонцу, который должен был лишь

⁷⁸ Федосов Д.Г. Клинок, перо и «бунташное время» // Патрик Гордон. Дневник. 1659–1667. М., 2003. С. 253.

⁷⁹ Текст грамоты см.: Патрик Гордон. Дневник. 1659–1667. С. 218–220.

⁸⁰ Патрик Гордон. Дневник. 1659–1667. С. 165. Подробную характеристику миссии см.: Федосов Д.Г. Указ. соч. С. 253–255.

⁸¹ Отправленный в Англию посланник должен был встретиться с П. Гордоном и узнать, как его приняли в Лондоне (РГАДА. Ф. 35 (Сношения России с Англией). № 217. Л. 49).

⁸² Там же. Л. 4, 22, 66.

⁸³ Текст грамоты см.: РГАДА. Ф. 35. № 217. Л. 8 и сл.

передать королю царскую грамоту. Очевидно, миссия М. Головина должна была ограничиться сбором информации, но неизвестно, как посланец выполнил свою задачу, так как статейный список посольства не сохранился. Черновик наказа позволяет судить о том, каким изменениям подверглась в этом тексте традиционная характеристика отношений царя с другими государями и государствами. Традиционный перечень европейских государей, с которыми царь находился «в дружбе и в любви», был изменен таким образом, что с «цесарем» и датским королем царь находится «в братцкой дружбе, в ссылке и в любви», с французским королем — «в дружбе, в ссылке, и в любви», что указывало на менее близкий характер отношений, а шведский король был из этого перечня вычеркнут, и о нем лишь сказано, что он находится в мирных отношениях с царем⁸⁴. Тем самым недвусмысленно давалось понять о прохладном характере русско-шведских отношений.

В своем ответе от 19 сентября 1667 г. Карл II не только поздравлял царя с прекращением русско-польской войны, но и предлагал «всякие христианские послуги» в деле заключения «вечного мира»⁸⁵. Английский монарх, по-видимому, хотел добиться улучшения русско-английских отношений, но на его предложения в Москве не реагировали.

От посольств в другие государства отличалось по своему характеру посольство в Швецию. Его стали готовить довольно рано. Наказ посланцу Ионе Леонтьеву был составлен уже к 20 апреля⁸⁶, но тексты грамот были готовы лишь к 31 мая⁸⁷, а «у руки» посланец был 4 июля⁸⁸. Адресованная королю Карлу XI грамота носила достаточно трафаретный характер⁸⁹. Можно лишь отметить, что, сообщая о предстоящих мирных переговорах, царь не просил короля о посредничестве, что указывает на иной характер

⁸⁴ Там же. Л. 43.

⁸⁵ Там же. Л. 74.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 96 (Сношения со Швецией). 1667 г. № 4. Л. 1.

⁸⁷ Там же. Л. 30, 44.

⁸⁸ Там же. Л. 45.

⁸⁹ Там же. Л. 23–30.

отношений со Швецией, чем с Данией или Бранденбургом. Правда, в наказе Ионе Леонтьеву ему поручалось сообщить, что царь с королем «желает быти в дружбе и любви свыше прежнего»⁹⁰, но совсем иное впечатление производила та часть наказа, где говорилось о сборе информации. Помимо обычных указаний собрать сведения об отношениях страны с другими государствами, посланцу предписывалось выяснить, «у свейского короля ныне в казне какой скудости нет ли и заплату ратным людям дают ли», он должен был также узнать, находятся ли в Швеции какие-либо наемные войска⁹¹. Такие сведения о состоянии военных сил собирают о стране, с которой в близком будущем ожидается конфликт.

Такое предположение подкрепляет содержание второй грамоты, которую повез в Стокгольм Иона Леонтьев⁹². В грамоте речь шла о том, что шведский резидент Иоганн Лиленталь, выезжая из Москвы в марте 1667 г., обратился к царю с письмом, в котором о главе Посольского приказа написал «безчестные слова на ссору». В документе выражалась надежда, что ему за это «наказанье будет». Далее в грамоте была речь о том, что когда 16 апреля нового резидента Адольфа Эбершельда пригласили в Посольский приказ, чтобы «выговаривать» ему за поведение Лиленталья, он отвечал «сердито, не разумея посольского чину и чести», назвав обвинения «затейными речми», и этим А.Л. Ордина-Нащокина «и думных людей бесчестил». Рассказ об этих инцидентах завершился в документе общим выводом, что в Москве не следует находиться шведским резидентам, так как они «в торговлях своих живучи, корыстаютца, а государственных дел не помнят», и вообще от находившихся в Москве шведских комиссаров и резидентов «оприч ссор и всякого дурна добрых дел... не бывало».

Этот вывод больше, чем конкретные жалобы, говорит о том, что Посольский приказ под началом А.Л. Ордина-

⁹⁰ РГАДА. Ф. 96. 1667 г. № 4. Л. 10–11.

⁹¹ Там же. Л. 21.

⁹² Там же. Л. 31–44.

Нащокина явно взял линию на обострение отношений со Швецией. По-видимому, такой шаг должен был содействовать созданию благоприятной для планов русского канцлера атмосферы на будущих международных переговорах. А.Л. Ордин-Нащокин, вероятно, полагал, что такое давление заставит Швецию искать соглашения и пойти на уступки.

Однако такие ожидания не оправдались. В ответе на царскую грамоту советники малолетнего монарха заняли твердую позицию, возлагая ответственность за происшедшее на главу Посольского приказа. Это он резидента «в приказе при многих людех великим безчестьем безчестил». Король накажет Лиленталя за резкие слова в письме к царю, если царь накажет Ордина-Нащокина. Король предпишет А. Эбершельду, чтобы он «приказным начальным людем во всем учтивость и честь воздавал», если так же будут вести себя и русские представители, то ни у кого не будет оснований для жалоб⁹³.

В данном случае не так важно, что действительно произошло и кто в этом виноват. Важно, что шведское правительство не проявило никакой склонности к уступкам. А это было первым признаком того, что при осуществлении своих балтийских планов А.Л. Ордин-Нащокин может столкнуться с серьезными трудностями.

⁹³ Там же. Л. 67–75.

Россия, Речь Посполитая и их южные соседи в 1667 г. Московский договор

Первой конкретной проблемой, которую следовало решать двум государствам после заключения мира, было установление мирных отношений, что было особенно важно на южном участке границы, где располагалось Правобережное гетманство, не участвовавшее в заключении мира и находившееся в войне с Речью Посполитой. 22 января 1667 г. «великие послы» отправили письмо киевскому воеводе П.В. Шереметеву с сообщением о заключении мира, которое следовало «оголосить народною стрелбою»¹. Вместе с этим письмом к Шереметеву было отправлено письмо комиссаров Речи Посполитой от 30 января н. ст., адресованное комендантам польских крепостей на Правобережье — Чигирина, Корсуни и Белой Церкви. Комиссары извещали комендантов не только о наступлении мира, но и о том, что «угворено есть общею помощью против всякого наступающего неприятеля». В связи с этим комендантам рекомендовалось «безопасно ссылатца» с воеводами русских пограничных крепостей и даже просить у них «живности или запасов пушечных прибавки»². Так сразу после заключения мира был сделан первый конкретный шаг к установлению военно-политического сотрудничества между Россией и Речью Посполитой. Что этот первый шаг последовал с польской стороны, в сложившейся ситуации вполне понятно. Характерно, что само письмо комиссары рассчитывали передать через Киев, что лучше, чем что-либо другое, по-

¹ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 596. Л. 226–228.

² Там же. Л. 231–233.

казывает, в каком стесненном положении находились польские гарнизоны на Правобережье.

В первые месяцы 1667 г. войска Речи Посполитой оставались лишь в трех городах — Корсуни, Чигирине и Белой Церкви, и П. Дорошенко прилагал усилия, чтобы уничтожить эти последние опорные пункты польской власти. В феврале гарнизон Корсуни, не в состоянии удерживать город, ушел в Белую Церковь³. Чигирин 8 недель находился в осаде, и с трудом удалось добиться заключения перемирия до Вербного воскресенья⁴. Положение было тем более тяжелым, что на скорую помощь из Речи Посполитой рассчитывать не приходилось. В этих условиях главный представитель польской власти на Украине комендант Белой Церкви Ян Стахорский попытался получить помощь с русской стороны.

Для этого комендант воспользовался приездом к нему гонца киевского воеводы М. Сипягина, который сообщил о заключении Андрусовского мира и доставил ему «лист» от комиссаров⁵. Через гонца комендант просил воеводу написать в Сечь, «чтоб кошевой с казаками ходил войною в крымские городы», но главное, он просил обеспечить конвой для подкреплений, которые комендант хотел бы направить в Чигирин. Кроме того, он предлагал послать русские войска, чтобы очистить от «бунтовщиков» «полские городы», а также послать русские войска и казаков «на выручку» Чигирину. По его соображениям, на Украину должно было быть послано 5-тысячное войско. Таким образом, киевскому воеводе предлагалось развернуть масштабные военные действия на Правобережье, и это в то время, когда комендант откровенно сообщил, что «с Полши, де, он помочи себе не чаает, потому что, де, поляки без сейму на Украину не пойдут»⁶. 20 февраля в Киев приехал посланец из Белой Церкви с просьбой Чигирин

³ Там же. Стб. 656. Л. 176.

⁴ Там же. Л. 174.

⁵ Гонец выехал в Белую Церковь 12 февраля (там же. Л. 160).

⁶ См. отписку киевского воеводы в Москву (там же. Л. 160–162) а также отчет М. Сипягина о поездке (там же. Л. 172–176), «лист» Я. Стахорского (там же. Л. 181).

«озапасить хлебом и фетилем»⁷. В таких условиях посылка войск на Правобережье была шагом рискованным, и в Москве на это не пошли. В грамоте от 6 марта 1667 г., посланной из Москвы в ответ на сообщение П.В. Шереметева, ему предлагалось ограничиться посылкой в Белую Церковь «зелья» и «фитиля» «по рассмотрению». Одновременно в Москве попытались использовать коменданта в своих интересах. После заключения перемирия на отошедших по этому соглашению к России землях Переяславского полка в городах Золотоноша и Песчаное продолжали находиться участники Переяславского восстания, сторонники Петра Дорошенко, которые не признавали власти ни русского правительства, ни гетмана Брюховецкого. Комендант, как указывали из Москвы Шереметеву, должен был предложить этим казакам «королевские стороны» оставить города и уйти за Днепр. Такие переговоры, даже если бы они оказались безуспешными, позволили бы получить сведения о том, что в этих городах происходит. В грамоте указывалось, что если увещания коменданта не подействуют, на эти города будут посланы войска, поэтому, пока положение не прояснится, киевский воевода не сможет оказать помощь Чигирину⁸.

Этот текст, характеризуя предложения и планы русской стороны, одновременно показывает, как русское правительство пыталось решать сложные проблемы, возникшие в связи с тем, что за Днепром, у русской границы, как она устанавливалась Андрусовским договором, располагались владения Правобережного гетманства, на которые действия договора распространялись лишь формально и глава которого в заключении этого соглашения не участвовал.

В начале 1667 г. в Москве находилось посольство от гетмана Брюховецкого во главе с каневским полковником Я. Лизогубом. Сообщая уже известные в Москве сведения о присяге Дорошенко крымскому хану и истреблении польских войск на Правобережье, послы просили о присылке войск для организации похода на Чигирин, «чтобы на те го-

⁷ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 177, 184.

⁸ Там же. Л. 187–190.

роды изменничьи пошли и вконец бы разорили». На это в Москве не пошли. В ответе от имени царя гетману предписывалось, чтобы «он отнюдь на тое сторону Днепра не ходил и не посылал»⁹. Это, однако, не решало существующих проблем. 18 марта киевский воевода получил от Иннокентия Гизеля «листы» Дорошенко, не оставлявшие сомнений в его враждебной реакции на заключение Андрусовского мира. В «универсале» от 3 марта 1667 г., обращенном ко всему Запорожскому Войску, гетман свое сообщение об этом мире сопроводил словами: «О нашу шкуру идет и гроза силою». Он призывал всех казаков быть в боевой готовности и ждать приказа¹⁰. Однако, несмотря на напряженный характер сложившегося положения в первые месяцы 1667 г., в Москве не предпринимали каких-либо шагов для установления контактов с Дорошенко. В ответ на предостережения посланца из Белой Церкви не верить «льстивым словам» Дорошенко П.В. Шереметев писал Яну Стахорскому, что правобережный гетман — «вор и изменник», «ни в чем ему отнюдь верить нельзя»¹¹. За это заявление никаким порицаниям из центра киевский воевода не подвергся.

Всё это, однако, не означает, что русская политика в эти первые месяцы 1667 г. была пассивной. Напротив, власти в Киеве постарались использовать заключение Андрусовского договора для укрепления русских позиций на Левобережье, обращаясь в «перяславские города», чтобы они вернулись под власть царя, а «к вором и к изменником к Дорошенку с товарищи не приставали», и к концу марта жители Золотоноши и Песчаного принесли присягу, а за ними последовали жители Домонтова и Ирклиева. «Пущие заветчики и изменники» ушли из этих городов за Днепр¹².

В Москве главные усилия были направлены на подготовку русско-крымского мирного соглашения. Если бы этой цели удалось достичь, Дорошенко, лишенный татарской помощи,

⁹ АЮЗР. Т. 6. СПб., 1869. № 5. С. 159–161.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 282–283.

¹¹ Там же. Л. 179.

¹² Там же. Л. 309–310, 464–466.

не представлял бы серьезной опасности, и переговоры с ним, если бы это потребовалось, можно было бы вести в качественно иной ситуации.

После долгого разрыва мирных отношений в начале декабря 1666 г. в Москву прибыл гонец Мамет-мурза. На встрече с Алмазом Ивановым 3 декабря он сообщил о вступлении на ханский трон нового хана Адиль-Гирея. Гонец заявил, что хан хочет быть с Алексеем Михайловичем «в крепкой дружбе и в любви», и предлагал прислать в Крым «верного своего человека» для заключения мирного договора¹³. По-видимому, готовясь к выступлению вместе с Дорошенко против Речи Посполитой, в Крыму хотели избежать одновременного обострения отношений с Москвой.

На переговорах Мамет-мурза подчеркивал, что гетман Дорошенко с ханом «в дружбе» и посланный ханом из Крыма нуреддин «многих казаков непослушников... к нему привел в послушанье». Он также сообщал, что через своего посла Дедеш-агу Адиль-Гирей предложил Яну Казимиру, чтобы тот на Дорошенко «сам... войною не ходил и людей не посылал»¹⁴. Таким образом, предлагая заключить мирный договор, хан одновременно обращал внимание на свои особые отношения с правобережным гетманом.

В Москве было решено ответить согласием на предложения хана и отправить в Крым свое посольство. Первоначально в Крым должен был ехать дьяк Григорий Богданов¹⁵, но затем решили направить в Крым посланца более высокого ранга, и его заменил стольник Ефим Ладыженский. 31 января крымский гонец был у царя «на отпуске», а русские посланники в Крым Е. Ладыженский и подьячий Ефим Скворцов были «у руки»¹⁶.

¹³ РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). 1667 г. № 7. Л. 32–34; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1984. С. 84.

¹⁴ Там же. Л. 72–73; Новосельский А.А. Указ. соч. С. 85.

¹⁵ Его имя записано в черновике посольского наказа, а затем зачеркнуто.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. 1667 г. № 3. Л. 10.

К этому времени были подготовлены такие посольские документы, как посольский наказ, грамоты хану и вельможам, проект мирного договора и образец «шерти» — присяги хана.

Текст присяги содержал обязательства хана не вести войну против России, даже если на это будет повеленье от султана, казнить смертью организаторов набегов, возвращать захваченный «ясырь» «без окупа»¹⁷. Со своей стороны царь брал на себя обязательства удержать донских казаков от нападения на крымских татар, от них «зацепок и задоров не будет». Он также обещал после заключения договора не оказывать помощи запорожцам и калмыкам, но не брался гарантировать ханство от их нападений, так как запорожцы — «люди самовольные и непостоянные», а калмыки — «люди вольные, кочуют на степях»¹⁸.

Что касается постоянно волновавшего крымскую знать вопроса о «поминках», то посланники должны были заявить, что «поминки» будут присланы после заключения мирного соглашения «по Курамшину договору»¹⁹, т. е. по договору, который заключил в 1647 г. Курамша Сулешев. По этому договору размер «поминок» был серьезно сокращен²⁰. Посланники также получили указания категорически отклонять предложение выплатить «поминки» за прошлые годы, когда между государствами не было мирных отношений. Кроме того, следовало заявить, что теперь размер «поминок» не станет меняться, будет постоянным. «А впредь бы запросом никаким не быть, на том и роспись постановить чтоб впредь было постоянно, а не переменно»²¹.

Все это указывает, что на переговорах с Крымом при выработке договора русская сторона намерена была занять достаточно твердую позицию. Вместе с тем обращает на себя внимание, что ни образец «шерти», ни проект договора не

¹⁷ Там же. Л. 28–29.

¹⁸ Там же. Л. 71–74.

¹⁹ Там же. Л. 112.

²⁰ См. об этом: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., 1948. С. 398–399.

²¹ РГАДА. Ф. 123. 1667 г. № 3. Л. 113–114, 127.

накладывали на хана никаких обязательств по отношению к Польско-Литовскому государству.

В этой связи следует специально рассмотреть те разделы посольского наказа, где затрагивался вопрос о Правобережном гетманстве. В наказе предусматривалось, что на переговорах крымские сановники «учнут говорить о Дорошенке и о черкасах, которые при нем, чтоб на них ратных людей не посылать». В этом случае посланники должны были добиваться, чтобы хан, принося присягу, обязался на земли Левобережной Украины «не посылать» ни своих войск, ни «Дорошенка с черкасы, которые с крымскими людьми в дружбе». В этом случае и русская сторона готова взять на себя соответствующие обязательства по отношению к казакам Правобережья, «буде от них каких злых дел не будет»²². Нетрудно увидеть в этих текстах молчаливое признание того, что Правобережное гетманство находится под патронатом Крымского ханства.

Посольство Ладыженского, выехавшее в Крым 17 февраля 1667 г. вместе с крымскими гонцами, подверглось на пути нападению запорожцев и до ханства не доехало²³. Но еще до того, как стало известно о печальной судьбе посланцев, из Крыма в Москву были отправлены новые гонцы во главе с Телеш-агой. Как известно, зимой 1666/1667 г. татарские войска вместе с правобережными казаками разгромили польские войска на Правобережье. Между Крымом и Речью Посполитой началась война. В этих условиях ханство еще более, чем раньше, не было заинтересовано в обострении отношений с Россией, а от посланных в Москву гонцов не поступило никаких известий. В начале марта 1667 г. хан воспользовался приездом в Бахчисарай возвращавшегося из Стамбула русского посланника Василия Тяпкина, чтобы отправить в Москву новых гонцов²⁴. 24 мая крымских гон-

²² РГАДА. Ф. 123. 1667 г. № 3. Л. 77, 135–136.

²³ Подробнее об этом событии речь пойдет ниже при рассмотрении отношений между Россией и Запорожьем.

²⁴ См. об этом в отписках находившегося в Крыму подьячего Г. Михайлова (РГАДА. Ф. 123. 1667 г. № 1. Л. 1, 4).

цов принял царь²⁵. В ханской грамоте содержалась просьба скорее отпустить к нему Мамет-агу²⁶. Такое поведение крымской стороны явно говорило о ее заинтересованности в сохранении мира; это явно не прошло мимо внимания русских политиков и побудило их занять по отношению к Крыму более твердую позицию.

31 мая пришли сообщения от полтавского воеводы о гибели Е. Ладыженского и сопровождавших его людей²⁷. Ссылаясь на то, что пути из России в Крым стали опасными, 27 июня крымским гонцам объявили, что в этих условиях царь не может направлять своих посланников в Крым, а предлагает провести мирные переговоры на Дону, на землях Донского войска²⁸. Об этом говорилось в датированной тем же числом царской грамоте хану²⁹.

Для практики русско-крымских контактов такое предложение было беспрецедентным. Если ранее на мирных переговорах в Бахчисарае русские посланники подвергались постоянному давлению окружающей враждебной среды, то теперь вести переговоры во враждебном окружении предстояло представителям Крыма. При этом в Москве приступили к подготовке посольства на Дон, не дожидаясь ответа из Крыма на свои предложения. К 1 июня был уже подготовлен текст наказа посланникам Богдану Ушакову и Петру Долгово³⁰.

Эта твердая позиция была связана с представлением, что окончание русско-польской войны и заключение союза между Россией и Речью Посполитой создает в Восточной Европе качественно иную ситуацию, с которой и Османской империи, и Крыму придется считаться. Это представление нашло яркое отражение в грамоте, отправленной 30 июня на Дон³¹. Сообщая об отъезде на Дон посланников, глава Посольского приказа одновременно выражал убеждение,

²⁵ Там же. № 9^б. Л. 19.

²⁶ Там же. Л. 31.

²⁷ Там же. Л. 63.

²⁸ Там же. Л. 112.

²⁹ Там же. Л. 90–94.

³⁰ Там же. Л. 135.

³¹ Там же. Л. 234 и сл.

что когда в этом году между Россией и Речью Посполитой будет заключено соглашение о совместной защите от «нахождения бесерменского», то «того ради о салтане турецком и хане крымском в надежду вечного мира быти имеем»³².

Если в инструкциях Е. Ладыженскому еще ничего не говорилось о заключении Андрусовского договора и вытекающих из этого последствиях, то теперь нашли нужным специально уведомить крымскую сторону об этом. Уже в грамоте от 27 июня, адресованной находившемуся в Крыму подьячему Г. Михайлову, ему предписывалось объявить «ближним людям» хана, что «сего лета» будет окончательно подтвержден «крепкий мир» между Россией и Речью Посполитой и оба государя предлагают Адиль-Гирею «быти в крепкой и непорушимой дружбе навеки»³³.

В грамоте от 1 июля, врученной отправленным на Дон посланникам, говорилось также о том, что оба государства намерены «сорных людей», таких как Дорошенко, «здерживати общим страхом и грозою»³⁴. Тем самым явно давалось понять, что вмешательство крымцев в восточноевропейские дела встретит общий отпор обоих государств. В наказе посланникам также предписывалось «с присланным (представителем хана. — Б.Ф.) в разговоре во всех статьях напоминать, что у царского величества с полским королем учинен мир вечный»³⁵.

Само соглашение на Дону, как видно из документов, врученных Б. Ушакову и П. Долгову, должно было носить предварительный характер, предшествуя трехстороннему мирному урегулированию. В переданном посланникам проекте русско-крымского договора хан брал на себя обязательство воздерживаться «от войны, от разлития крови» до тех пор, когда в июне 1668 г. состоится встреча представителей всех трех государств и будет заключено соглашение, кото-

³² РГАДА. Ф. 123. 1667 г. № 9^б. Л. 241. Ср. л. 242: «милосердием божием здержаны будут бусурманы».

³³ Там же. Л. 99об.–100.

³⁴ Там же. Л. 131.

³⁵ Там же. Л. 168об.

рое обеспечит прочный мир во всей Восточной Европе. Посланники должны были достичь договоренности о месте, в котором такая встреча могла бы состояться ³⁶.

Так, опираясь на союз с Речью Посполитой, в Москве рассчитывали добиться прочного мира с Крымским ханством и предотвратить его вмешательство в восточноевропейские дела.

Однако переговорами с Крымом весной–летом 1667 г. активность главы Посольского приказа не ограничивалась. В Москве хорошо понимали, что Крым не является самостоятельным государством и прочный мир с ханством невозможен без соответствующего соглашения с султаном. С 1660 г. Русское государство не вело каких-либо переговоров с Османской империей. Лишь в мае 1666 г. в Стамбул был отправлен стряпчий Вас. Тяпкин с грамотой, в которой от имени царя выражалось желание быть с султаном «в братской дружбе и любви» и поддерживать с ним «ссылки» ³⁷. Материалы, связанные с миссией В. Тяпкина, в архиве Посольского приказа не сохранились. Поэтому неясно, что побудило русское правительство на такой шаг. Возможно, возобновление таких контактов стало необходимым и желательным, когда обозначилась перспектива скорого заключения мира. Ясно одно — в первые месяцы 1667 г. результат переговоров В. Тяпкина вызывал самый живой интерес русских правящих кругов. Об этом говорит целый ряд грамот, отправленных из Москвы в Киев и Белгород с предписанием собрать «вести» о том, где находится Василий Тяпкин и каковы результаты его миссии ³⁸. Лишь 13 мая 1667 г. В. Тяпкин вернулся в Москву. Его отчета о поездке не сохранилось. О результатах переговоров можно судить лишь по переводу привезенной им грамоты султана ³⁹. В грамоте указывались условия, на которых было возможно установление мирных,

³⁶ Там же. Л. 189об., 190об.

³⁷ *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. II. М., 1946. С. 114.

³⁸ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 600. Л. 461, 659–660, 686–687; стб. 656. Л. 98, 156 (расспросы гонцов в Малороссийском приказе).

³⁹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Кн. 9. Л. 1–2.

дружественных отношений между Россией и Османской империей. Царю следовало препятствовать набегам донских казаков на османские владения и Крыму «никакие шкоды не чинить» «и дача крымским ханам давать по прежняму по времени». Такие условия были для русско-османских договоренностей традиционными. Однако в грамоте султана имелось одно важное условие: «Которые ево салтановы области живут на крымской стороне, которыми владели крымские ханы, а ныне по его указу владеет Адиль-Гирей хан, и в тех бы странах ево салтановым жилецким людем шкоды никакие не чинить». Хотя текст составлен, возможно намеренно, несколько неясно, общий смысл его очевиден. Речь шла об украинских казаках, перешедших под «протекцию» крымского хана. Тем самым давалось понять, что Правобережная Украина входит в зону османского влияния. Именно так, как увидим далее, этот текст поняли в Москве.

Вскоре после приезда Тяпкина в Посольском приказе приступили к подготовке посольства в Стамбул. Уже к 30 июня был составлен текст наказа послам. 5 июля царь дал указания о содержании его грамоты султану⁴⁰. В ответ на заявление султана царь отвечал, что и он желает мирных и дружественных отношений. В грамоте сообщалось⁴¹ о заключении мира между Россией и Речью Посполитой, но при этом подчеркивалось, что это соглашение не должно нанести ущерба султану «яко пограничному соседу и другу». Вместе с тем в грамоте излагались те условия русской стороны, при которых такой характер отношений был бы возможен. В ответ на предложения о «дачах» хану в грамоте были подвергнуты резкой критике действия хана Мехмед-Гирея, который «через восемь лет» совершал набеги на русские земли. Нападения донских казаков на Крым были лишь ответом на эти набеги. Если новый хан Адиль-Гирей хочет мира, он должен выслать послов на Дон для заключения мирного договора. Султану предлагалось приказать хану, «чтоб он в соседстве с обоими нами, великими государи, спокойно пребывал». Предлагалось также,

⁴⁰ РГАДА. Ф. 89. Кн. 8. Л. 55об.; 90.

⁴¹ Текст грамоты см.: там же. Л. 58об.–64об.

чтобы султан запретил хану «в Украине своевольных и злых людей», которые «на обе стороны людцкую кровь проливают... подговаривать и принимать». Это был, правда, не прямой, но достаточно определенный ответ на соответствующую часть султанской грамоты.

Обращает на себя внимание твердый тон этого документа. Фактически русское правительство отклонило предложенные Стамбулом условия мира и выдвинуло свои, существенно отличавшиеся от османских. При этом знакомство с содержанием наказа послам А.И. Нестерову и И. Вахромееву показывает, что в Москве не предполагали, что в Стамбуле послы столкнутся с серьезными трудностями. Правда, в наказе предусматривалось, что в османской столице послов могут спросить, запретит ли царь своим войскам нападать на людей, «которыми... ныне по салтанова величества указу владеет Адиль-Гирей хан». На это послам следовало отвечать, что султан, видимо, имеет в виду «изменников», украинских казаков, — «и тем верить нечему... наперед сего кому они ни присягали, и присяги своей не додержали»⁴². Поскольку никаких других указаний в наказе нет, очевидно, в Москве полагали, что таким ответом султан удовлетворится.

Объяснение такой позиции, как представляется, состоит в том, что грамоте султана не придавали значения как документу, написанному до того, как в Стамбуле стало известно о заключении Андрусовского договора. После заключения договора соотношение сил изменилось, и теперь Османская империя и Крым оказывались более заинтересованы в заключении мира, чем Россия и Речь Посполитая. Неслучайно в царской грамоте султану говорилось, что хану надо сохранять мир, чтобы соединенные силы союзников, «смешався с ордою, на юрты разореньем не поступили». Это явно была угроза с позиции силы. В Москве полагали, что такой силой союзники располагают. В Стамбуле послам предписывалось получать сведения «у польского резидента и с ним держать союз и подарок ему учинить»⁴³. Послы отправились

⁴² РГАДА. Ф. 89. Кн. 8. Л. 125об.–126.

⁴³ Там же. Л. 135.

в дорогу, в октябре они добрались до Азова и 10 ноября были в Стамбуле ⁴⁴. Первые известия от послов были доставлены в Смоленск 20 июня 1668 г. ⁴⁵

Первые месяцы 1667 г. ознаменовались также появлением серьезных трений между населением Украины и русскими властями, связанными с их совершенно разной реакцией на заключение долгожданного мира. В Москве полагали, что с заключением мира можно вернуться к реализации предпринятых в середине 60-х гг. XVII в. реформ, полному осуществлению которых помешало Переяславское восстание. Такая перспектива учитывалась еще до заключения мира. Сохранилась запись о грамоте, посланной П.В. Шереметеву, где предписывалось, что «как усмиритца, и он бы, боярин, в Малороссийские города к воеводам о сборе хлебных запасов и денежных доходов писал» ⁴⁶. Когда такая возможность стала реальностью, уже 31 января 1667 г. П.В. Шереметев получил предписание организовать сбор доходов по переписным книгам ⁴⁷. Таким образом, в Москве полагали, что с прекращением войны и заключением мира население Левобережья полностью возьмет на себя содержание русских войск и станет пополнять опустевшую за многолетнюю войну государственную казну.

С украинской стороны положение вещей выглядело иначе. Пока шла война и русские войска на Левобережье защищали население от реставрации власти Речи Посполитой, их присутствие было в глазах общества оправданно, и оно в той или иной мере было готово нести расходы на их содержание. Но после заключения мира украинское население было всё менее охотно готово мириться с таким положением.

Уже в феврале 1667 г. киевский воевода столкнулся с хатайствами мещан не собирать «повседневную торговую пошлину с проезжих торговых людей», а затем против сбора

⁴⁴ РГАДА. Ф. 89. Кн. 10. Л. 37об., 60, 65.

⁴⁵ Там же. Кн. 8. Л. 165.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 8.

⁴⁷ Там же. Л. 51. П.В. Шереметев отвечал, что он разослал в города переписные книги и предписал воеводам, чтобы они собирали доходы «с великим раденьем» и еще «искали прибыли» (там же. Л. 146).

таких пошлин стал протестовать сам гетман Брюховецкий. Это был тревожный сигнал, но Москва на него не реагировала. Киевскому воеводе была послана копия тех статей русско-украинского договора, где говорилось о сборе торговых пошлин в русскую государственную казну⁴⁸.

Выступление Брюховецкого не было случайным. Гетман ощущал растущее в обществе недовольство и искал разных способов, как предотвратить опасность. Уже в начале февраля 1667 г. он обратился к царю с просьбой прислать войска, «чтоб сее стороны народ обнадежась, в отчаяние не приходил». Однако из последующих частей его послания видно, что гетмана беспокоила не только необходимость защищать Левобережье от внешней опасности. Так, здесь мы находим жалобы на генерального судью Забелу, который «людми мутити и запорожцов на зло уговаривати умыслил»⁴⁹. В разговорах с царским посланцем И. Телепневым, посетившим гетмана в его резиденции — Гадяче 25 февраля, он снова просил прислать на Левобережье войска, чтобы здесь «как-кие шатости не было». Особой опасности он ждал со стороны Сечи, куда «многие люди изо всех мест хотят ити». Брюховецкий предлагал отправить войска на Кодак и в Кременчуг, «чтоб в Запороги хлеба не возили», тогда собирающиеся там казаки будут вынуждены разойтись⁵⁰.

В последующее время киевский воевода сообщал о новых проявлениях недовольства. 14 марта в Киев прибыла целая группа мещан из Нежина во главе с войтом и приступала к воеводе «с великим шумом и с докукою», отказываясь собирать «окладный хлеб»⁵¹. Тогда же в марте в Фастове и других местечках, лежавших на пути из Киева в Белую Церковь, появились отряды ногайских татар во главе с Реджеб-мурзой, казаки Паволоцкого полка и серденята⁵².

⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 194–196.

⁴⁹ АЮЗР. Т. 6. № 61. С. 177.

⁵⁰ Там же. № 60. С. 174; РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 210 (отписка П.В. Шереметева о получении «листа» от Брюховецкого).

⁵¹ Там же. Л. 290–291.

⁵² Там же. Л. 311, 314.

Полученный из Москвы указ о посылке запасов в Белую Церковь в этих условиях не мог быть выполнен, и возникла опасность появления войск Дорошенко на Левобережье, когда там становилось все более беспокойно ⁵³.

К концу весны положение на Украине еще более осложнилось и стало вызывать все большее беспокойство у русских политиков. На Правобережье продолжал укреплять свою власть Петр Дорошенко, не сталкиваясь с каким-либо противодействием со стороны Речи Посполитой. После событий поздней осени — зимы 1667 г. на территории Правобережного гетманства польские гарнизоны оставались только в трех крепостях — Корсуни, Чигирине и Белой Церкви. Положение их было тяжелым, они находились в изоляции и не получали помощи от своего правительства. И комендант Белой Церкви, и власти Речи Посполитой просили о помощи киевского воеводу П.В. Шереметева, но тот не решался развернуть военные действия, ссылаясь на отсутствие войск ⁵⁴. Лишенные поддержки польские гарнизоны оказались вынуждены оставить крепость. Так, к маю 1667 г. комендант Корсуни с гарнизоном оставил город ⁵⁵, в самом конце 1667 г. ушел польский гарнизон из Чигирина ⁵⁶.

В своих действиях Дорошенко опирался, о чем в Москву постоянно приходили свидетельства, на тесный военно-политический союз с Крымом. Крупные отряды татар оставались на территории гетманства и после возвращения орды из зимнего похода на земли Речи Посполитой ⁵⁷. В конце мая на землях Правобережного гетманства находились двигавшиеся в земли Речи Посполитой отряды Батырши-мурзы и Келембета-мурзы, к ним должны были присоединиться во-

⁵³ 7 апреля выходцы с Правобережья сообщали П.В. Шереметеву, что «нынешние войны» часть татарских войск с казаками пойдет в Польшу, а другая — на Левобережье (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 461).

⁵⁴ АЮЗР. Т. 6. № 60. С. 175; № 64. С. 212–213.

⁵⁵ Там же. № 62. С. 183.

⁵⁶ *Perdenia J.* Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000. S. 124.

⁵⁷ АЮЗР. Т. 6. № 59. С. 172.

йска двух «салтанов», вышедшие из Крыма и находившиеся у Черного леса⁵⁸. В июне выходцы сообщали, что ожидают прихода хана, «и стаця, де, из городов для ханского приходу привезена»⁵⁹. Тогда же стало известно, что Петр Дорошенко отправил новых послов к султану⁶⁰.

Вместе с тем из поступавших сообщений следовало, что со стороны Речи Посполитой не видно каких-либо попыток восстановить свою власть. Напротив, по отношению к ней Петр Дорошенко в союзе с Крымом выступал как агрессивная, атакующая сторона. Во время зимнего похода, как сообщали выходцы, татарские войска были недалеко от Варшавы и от Бреста. В плен попало много знатных людей, которых везли в Крым «в коретах и ридванах»⁶¹. В июне сообщали о новых нападениях, когда татары вместе с Уманским полком «поимали великие добычи», а коронное войско не идет на службу, так как «платы нет»⁶².

Помимо опасных последствий такого развития событий на Правобережье для Речи Посполитой налицо была и прямая, непосредственная опасность для Левобережья. Так, в мае хан Адиль-Гирей прислал сюда «лист прелестной», призывая, чтобы местные жители «жили в соединеньи с Дорошенком и с Заднепровскими казаками, как бывало при гетмане Богдане Хмельницком»⁶³. В начале июля пришли новые сообщения, что если Брюховецкий не будет «в соединении» с Дорошенко, то хан «на сей бок Днепра со всеми ордами переходить хочет»⁶⁴.

Тревожность ситуации усугублялась обозначившимися переменами в ориентации Запорожья, ранее, несмотря на имевшие место конфликты, стремившегося поддерживать связи с русским правительством. Еще в январе 1667 г. запорожцы просили через гонца белгородского воеводы

⁵⁸ Там же. № 62. С. 183, 185.

⁵⁹ Там же. С. 191.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ АЮЗР. Т. 6. № 59. С. 172.

⁶² Там же. № 62. С. 192.

⁶³ Там же. С. 183; РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 559.

⁶⁴ Там же. С. 191.

прислать в Сечь «пороху да свинцу да запасу да сукон на кафтаны и соболи на шапки»⁶⁵, а 2 марта из Москвы в Белгород был послан указ «послать в Запороги и пороху, и фетилю, и свинцу, и хлебных запасов»⁶⁶. В апреле положение дел резко изменилось. Подробная характеристика событий, связанных с поездкой мимо Сечи московского посольства в Крым во главе с Ефимом Ладыженским и возвращавшихся из Москвы крымских гонцов, дана на основании обширного документального материала С.М. Соловьевым⁶⁷. Это позволяет затронуть данные события лишь в той мере, в какой это необходимо для освещения темы исследования. Хотя документы для посольства были готовы в феврале месяце, оно отправилось в путь уже весной. 4 апреля посланники и крымские гонцы перешли Днепр у Переволочны. Через два дня на их пути появились запорожские казаки. Они убили крымских гонцов и разграбили их имущество. Когда 8 апреля посланники приехали в Сечь, Е. Ладыженский потребовал от кошевого атамана наказания «воров», но тот ответил, что все произошло «без их ведома», а убийц «сыскать... негде». Дальше дело осложнилось еще более. 10 апреля в Сечи собралась рада, после которой посланники оказались под арестом и у них отобрали документы и имущество⁶⁸. Добиваться их освобождения был отправлен на Украину в начале мая царский посланец — опытный дипломат, неоднократно ездивший на Украину, Вас. Петр. Кикин⁶⁹. Е. Ладыженский был освобожден и выехал в Крым, но на пути посольство снова подверглось нападению. Е. Ладыженский и многие члены посольства были убиты, а посольское имущество разграблено. Позднее власти Сечи возлагали ответственность за происшедшее на бежавших из Сечи злодеев. Вместе с тем, заявляя о своей непричастности к нападению на русское по-

⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 600. Л. 351.

⁶⁶ Там же. Л. 696.

⁶⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VI. М., 1961. С. 352–354.

⁶⁸ См. отписку посланников, отправленную из Сечи 14 апреля (РГАДА. Ф. 123. 1667 г. № 3. Л. 218–219).

⁶⁹ АЮЗР. Т. 6. № 62. С. 178–180.

солство, запорожцы не отказывались от своей ответственности за убийство крымских гонцов. Гонцы, как писали они Брюховецкому, вызвали гнев казаков своими заявлениями, что царь послал их к хану, «сносячися о том, щоб вас, запорозских казаков, с обеих сторон на Запорожье мешкающих, выкоренити»⁷⁰. С этим свидетельством следует сопоставить показания посланца Брюховецкого на Запорожье есаула Федора Донца в Малороссийском приказе, что на раде в Сечи «тое стороны казаки показывали ему писма, которые у Ефима Ладыженского, а в них будто написано, что великий государь с королем полским и с царем турским и с ханом крымским помирился, и то, де, чаять, для того, чтоб Запорожье снести»⁷¹. Эти заявления, как представляется, проливают свет на причины враждебности запорожцев и по отношению к крымским гонцам, и по отношению к посольству Ладыженского. Речь идет о появившемся, очевидно, после известий о заключении Андрусовского мира и крепнувшем с течением времени убеждении, что наметившийся союз России и Речи Посполитой направлен против казачества, и прежде всего против Запорожья. Если А.Л. Ордин-Нащокин в своих прогнозах исходил из того, что заключение союза приведет к умиротворению Украины, то на деле, как видим, известия о нем привели к обострению, к осложнению отношений между Россией и Запорожьем.

В этих условиях наметилось сближение между Запорожьем и Правобережным гетманством. П. Дорошенко стремился использовать ситуацию в своих интересах, тем более что соглашения между ним и Запорожьем добивался крымский хан, опасавшийся, что когда орда уйдет в поход на Украину, запорожцы нападут на Крым. Как сообщали выходцы из Чигирина в начале июня, хан заявил посланцам гетмана: «Покуль, де, вы не соединитесь с кошевым войском, и ему, де, хану, из Крыма итить не мочно»⁷². Вышедшие из

⁷⁰ Послание запорожцев И.М. Брюховецкому от 28 мая 1667 г. (Там же. С. 187).

⁷¹ Там же. С. 200.

⁷² АЮЗР. Т. 6. № 62. С. 186.

Сечи рейтары сообщали, что в мае в «розных числах» сюда приезжали «две станицы от Дорошенко, предлагая быть с ним «заодно»⁷³. Вышедший 1 июня в Киев поп Исаакий сообщал, что «запорожцы конечно к Дорошенко присылали, чтобы он их принял»⁷⁴. По сведениям, собранным В. Кикиным, в конце мая к Дорошенко приехали посланцы на 30 конях «и приседали в Чигирине от всего Запорожья»⁷⁵. Позднее посланцы хвалились, что Дорошенко «дал кафтаны кармазиновые и потчевал их романею и ренским». Для окончательного оформления соглашения на Сечь отправился корсунский полковник Семен Бут⁷⁶.

Одновременно стало нарастать недовольство населения Левобережья порядками, установившимися после Московского соглашения 1665 г. Причины недовольства хорошо известны. Население не хотело платить налоги в русскую казну, нести расходы на содержание русских гарнизонов, терпеть поборы и притеснения со стороны воевод. Левобережная старшина была также недовольна ограничением своей власти и тем, что целый ряд источников ее дохода перешел в руки русской администрации. Ряд дополнительных факторов способствовал усилению этого недовольства. В течение некоторого времени и старшина, и население, как уже отмечалось, мирились с этими порядками, видя в русских воеводах и русских войсках гарантию от восстановления польской власти. Заключение Андрусовского договора, укрепление казацкой власти на Правобережье, явное бессилие Речи Посполитой перед нападениями казаков и татар делали опасность возвращения польской власти мало реальной. В этих условиях стало усиливаться стремление населения Левобережья избавиться от наложенных на него тягот.

Открыто такие настроения проявлялись в среде запорожских казаков, среди которых было много выходцев с

⁷³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 899–900.

⁷⁴ Там же. Л. 645.

⁷⁵ АЮЗР. Т. 6. № 62. С. 185.

⁷⁶ Там же. С. 185, 200; РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 665.

Левобережья. Когда в конце мая дошел до Полтавы один из членов посольства Ладыженского, подьячий Сидор Скворцов, он сообщил, что запорожцы хотят, «чтоб, де, с малороссийских городов на тебя, великого государя, со отцов их и с родичев никаких поборов не было и многие... всякие малопристойные слова говорят»⁷⁷.

Само население Левобережья пыталось избавиться от тягот разными путями. Так, в мае 1667 г. П.В. Шереметев докладывал царю, что когда мещане Киева, Переяслава и Нежина были освобождены от торговых пошлин, то и многие другие города стали добиваться того же⁷⁸. В конце мая П.В. Шереметев вынужден был констатировать, что на ярмарках повсеместно перестали собирать пошлины в царскую казну⁷⁹. В том же месяце воевода сообщал, что воеводы в городах не могут собрать доходов, жители «приходят к ним с великим шумом и плачем, что, де, им нынешнею весною... хлебных запасов везти в Киев невозможно»⁸⁰. Из других отписок выясняется, что чтобы избавиться от уплаты налогов, «многие мещане и уездные люди пошли в казаки»⁸¹.

Особенно опасный оборот приняли события в тесно связанной с Запорожьем Полтаве. Русскому гарнизону в Полтаве не доставили хлебного оброка. Полтавский полковник Григорий Витязенко записал «многих мещан и поселян» в казацкие списки и «з большим шумом приходил к воеводе», требуя, чтобы он с них «денежного и медвяного и хлебново оброку не имал». Одновременно он запретил на ярмарке собирать торговые пошлины в русскую казну, заявляя, что «такие, де, доходы с торговых людей збирают на полковников»⁸². События в Полтаве вовсе не были

⁷⁷ АЮЗР. Т. 6. № 62. С. 198.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 596. Л. 327.

⁷⁹ Там же. Стб. 656. Л. 551.

⁸⁰ Там же. Л. 540.

⁸¹ Там же. Л. 512.

⁸² См. отписку П.В. Шереметева царю (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 547) и отписку полтавского воеводы кн. Мих. Волконского (там же. Стб. 621. Л. 136–138).

единичным фактом, так как в то же самое время П.В. Шереметев докладывал Алексею Михайловичу: «Казацкие, государь, старшины в городех мне... непослушны»⁸³. Эти свидетельства раскрывают проявление фактора, способствовавшего обострению и усложнению внутривосточного кризиса на Левобережье. Существенно изменилась ориентация левобережной старшины, в предшествующие годы державшейся прорусской ориентации. В сложившейся ситуации она стремилась использовать недовольство населения, чтобы вернуть себе те источники доходов, которые она было в середине 60-х гг. уступила русской администрации. Тем самым серьезно ослаблялась опора русской власти на Левобережье. В этих условиях особое беспокойство должны были вызывать сообщения о попытках Петра Дорошенко завязывать контакты с населением Левобережья и об определенном успехе этих попыток. Сообщения об этом поступали от следивших за положением польских властей из Белой Церкви. В присланных из этого города «авизах» говорилось о том, что он часто посылает свои «листы» на Левобережье, призывая его жителей к восстанию, и эти листы находят отклик. Казаки уходят за Днепр — туда ушло население таких местечек, как Богуслав, Синица, Ольшанка⁸⁴. Но аналогичные сигналы поступали и от выходцев с Правобережья. 28 мая в Киеве были записаны расспросные речи, в которых говорилось о сношениях с Петром Дорошенко жителей «Переяславской стороны» и о том, что отряды татар, которые он ждет к «Петрову дни», он намерен отправить за Днепр, «чтоб... Переяславские стороны жителей теми татарами привести под свою руку»⁸⁵. Полтавский воевода 30 мая сообщал П.В. Шереметеву, что в Полтаву тайно приходят посланцы Дорошенко и «полтавских жителей прелщают», а сами жители ждут прихода в город запорожцев — союзников Дорошенко⁸⁶.

⁸³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 596. Л. 327.

⁸⁴ Там же. Стб. 656. Л. 529.

⁸⁵ Там же. Л. 656–657.

⁸⁶ Там же. Л. 894.

Все эти планы могли стать реальными, если бы правобережный гетман смог получить серьезную помощь из Крыма. В конце мая в Москву уже были отправлены письма левобережных полковников Д. Райчи и Я. Лизогуба, сообщавших, что передовые отряды во главе с Батыршой-мурзой и Келембет-мурзой уже пришли к Дорошенко, а главные силы орды во главе с двумя «салтанами» уже выступили из Крыма и находятся у Черного леса⁸⁷. Сложившееся положение стало вызывать все большее беспокойство у гетмана Брюховецкого. Как указывалось выше, гетман уже в начале февраля просил о присылке на Левобережье русских войск. В конце весны просьбы стали более настойчивыми. 25 мая гетман просил белгородского воеводу кн. Ю.Н. Барятинского привести в боевую готовность войска, так как запорожские казаки «шатаюца здесь в городех малороссийских... щоб чего не учинилось дурного»⁸⁸. Обращаясь с просьбой о помощи к царю, он откровенно писал, что в его распоряжении имеются войска, готовые вести боевые действия, но он не может им доверять, так как среди казаков «есть таких много, что такими ж могут починитца запорожцами», очевидно, как те, которые убили Ефима Ладыженского⁸⁹. Вместе с тем, очевидно, понимая, что одних военных мер недостаточно, гетман, по-видимому (как следует из текста ответной царской грамоты⁹⁰), одновременно сообщал о недовольстве населения Левобережья существующими порядками, тем самым давая понять, что следует вносить изменения в тексты соглашений гетманства с Москвой.

Об опасностях, которыми была чревата складывающаяся к началу лета 1667 г. ситуация на Украине, дали русскому правительству довольно полное представление присланные в Москву 11 июня расспросные речи вышедшего с Правобережья попа Исаакия⁹¹. Во-первых, священник подтвердил

⁸⁷ Там же. Л. 660, 664.

⁸⁸ Там же. Стб. 600. Л. 993–934.

⁸⁹ АЮЗР. Т. 6. № 62. С. 202.

⁹⁰ Об этом документе см. ниже.

⁹¹ Их текст см.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 643–647.

сообщения о приходе на Украину татарских войск. Он сам видел «прибылых татар», которые шли мимо местечка, в котором он находился, в течение полутора дней. Еще более важно было его сообщение, что на Троицын день на Росаве Петр Дорошенко намерен созвать раду и пригласил на нее Брюховецкого. «А рада, де, будет для того, чтоб по обе стороны Днепра во всех городех быть одному гетману, кого оберут на раде, и чтоб великого государя ратных людей из малороссийских городов выслать». По сведениям, которыми располагал священник, если Брюховецкий не прибудет на эту раду, то Дорошенко всеми силами пойдет на Переяславскую сторону Днепра. На обратном пути Исаакий проезжал через земли Переяславского полка и сообщил, что «Переяславской стороны Днепра все жители великому государю изменить хотят вскоре... и старшина, де, все с Переяславские стороны с Дорошенком о том ссылаютца».

Как представляется, получение этого известия побудило принять серьезные шаги, чтобы не допустить отпадения Левобережья. 13 июня П.В. Шереметеву отправили грамоту, в которой сообщали, что Ю.Н. Бярятинскому послан указ собирать войско, а самому киевскому воеводе предлагалось жить «с великим береженьем»⁹². Известия, поступавшие в Москву в июне 1667 г., говорили о новых серьезных осложнениях ситуации на Левобережье. 2 июня 1667 г. гетман Брюховецкий, получив известия о приходе татарских войск на Правобережье, разослал универсалы о сборе войска для защиты гетманства от татар⁹³. Но шаг этот имел неожиданные последствия.

Уже 11 июня в Киев пришли известия из Нежина, что казаки собираются отрядами по 100 и 200 человек и идут на раду к реке Солонице в районе Лубен, «не займуя Гадяча» — гетманской резиденции. В сообщении приводились слова казаков, что если Брюховецкий на эту раду не прибудет, «и они, де, к нему сами пойдут»⁹⁴. Другие приходившие сообщения говорили уже о планах, которые связывали со сбо-

⁹² РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 688–689.

⁹³ См. об этом: там же. Л. 719.

⁹⁴ Там же. Л. 717–718.

ром рады на р. Солонице. Вернувшийся в Киев 14 сентября с Правобережья лазутчик сообщал, что Дорошенко намерен идти «к речке Солонице к запорожским казакам на раду обирать нового гетмана черной радой»⁹⁵, а 19 июня пришли новые сообщения из Нежина, что казаки из многих городов собираются на Солонице, чтобы идти оттуда на Росаву. Тогда же воеводы целого ряда городов сообщали в Киев, что к ним приходят казаки «с великим невежеством и говорят всякие непристойные слова»⁹⁶. Вместе с такими сообщениями П.В. Шереметев отправил в Москву письмо одного из главных сторонников прорусской ориентации нежинского протопопа Семена Адамовича⁹⁷. Протопоп писал о враждебных действиях запорожцев, присоединившихся к Дорошенко. По его словам, запорожцы «розослали тайно до Полтавы и в ынии городаы... чтоб были опасны от людии царских, поколе они с ордою и с Дорошенком придут». Решение гетмана о сборе войска он считал ошибочным. «Опасаются, — писал он, — и тут бунтов». Советы протопопа сводились к тому, что следует распустить собранную армию и снова созвать, когда на Украину придут русские войска, а во все города отпратить «упоминальные грамоты».

В этих условиях 17 июня 1667 г. А.Л. Ордин-Нащокин стал во главе Малороссийского приказа и взял на себя ответственность за русскую политику на Украине. Какую линию поведения избрал А.Л. Ордин-Нащокин, показывает анализ черновика царской грамоты гетману Брюховецкому⁹⁸. Хотя даты написания документа в черновике нет, текст носит характерные черты литературной манеры руководителя русской внешней политики, резко отличаясь в этом отношении от более ранних строго деловых документов, вышедших из Малороссийского приказа.

Очень кратко А.Л. Ордин-Нащокин извещал гетмана, что его просьба о посылке войска удовлетворена. Основная

⁹⁵ Там же. Л. 885.

⁹⁶ Там же. Л. 378–379.

⁹⁷ Там же. Л. 382–383.

⁹⁸ АЮЗР. Т. 6. № 62. С. 205–206.

часть грамоты содержала резкие отрицательные оценки действий тех людей, которые пишут гетману «противности и наветы своемышленные». Такие люди «злые советы составляют о сборе по переписке хлебных и денежных доходов, и в тягость себе ставят, что на их же оборону... великого государя ратные люди в городах живут». Далее указывалось, что перепись была проведена «не на раздражение в Украине народом, но на лутчее успокоение» и по просьбе самого гетмана и полковников. В грамоте выражалась надежда, что русские войска, посланные на Украину, будут там всем обеспечены, «вам бо есть к обороне и к заступе». Тем самым предельно ясно давалось понять, что русское правительство намерено сохранить установившиеся на Украине порядки⁹⁹. Такая линия не исключала отдельных послаблений. Так, когда Василий Кикин, проводивший сыск в Полтаве по указу царя, выяснил, что при составлении книг многие присутствовавшие казаки были записаны «мужиками», то по ходатайству Брюховецкого А.Л. Ордин-Нащокин разрешил в июле 1667 г. не взимать налогов с таких казаков¹⁰⁰. Однако общая линия на сохранение установившихся порядков выражена в документе вполне определенно.

На первый взгляд такая позиция «посольских дел оберегателя» может вызвать удивление. Ведь в одной из своих записок царю он назвал проведение переписки ошибкой, которая может иметь опасные последствия. Объяснение этого противоречия, как представляется, состоит в том, что А.Л. Ордин-Нащокин считал проведение переписки опасным делом в условиях незаконченной русско-польской войны. После же заключения мира и союзного соглашения между Россией и Речью Посполитой сложилась качественно иная ситуация. Это убеждение получило яркое отражение в тексте грамоты Брюховецкому. После заключения мирного дого-

⁹⁹ В.П. Шереметеву в ответ на его отписки в то же время было отпущено указание собирать доходы и действовать в соответствии со «статьями» «74 года» (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 596. Л. 330–331).

¹⁰⁰ АЮЗР. Т. 6. № 62. С. 207.

вора, — говорилось в грамоте, — «и вечному нескончаемому миру быти не разорвано». А теперь Бог «и басурманов к склонности успокоения приводит», будет заключен мир и с султаном, и с ханом. И тогда, — восклицал составитель грамоты (А.Л. Ордин-Нащокин?), — и «те отступники» (упоминавшиеся ранее в документе сторонники Дорошенко, ищущие союза с бусурманами), где явятца?» Оказавшись в полной изоляции, люди, сеющие «смуту» на Украине, будут вынуждены подчиниться решениям союзных монархов. При таком восприятии сложившейся после Андрусова международной ситуации у руководителя русской внешней политики не было стимулов для пересмотра русской политики на Украине. В таких условиях и сам Брюховецкий переставал быть важной и нужной для русского правительства фигурой. Ему довольно ясно давалось понять, что не его дело выражать сомнения по поводу принятых в Москве решений, и предписывалось «тамошних легкомысленных людей сдержати». Вместе с тем А.Л. Ордин-Нащокин решил прислушаться к советам Семена Адамовича, поскольку они не расходились с избранной им политической линией. Поскольку приказ о сборе войск в Белгород был уже отправлен, то по другому совету протопопа 28 июня 1667 г. на Украину были отправлены «извещательные грамоты»¹⁰¹.

В этих документах жителей Украины призывали к тому, чтобы «чесные духовного чину и мирские добрые с страхом Божиим... злых ссорных людей от всякого дурна отговаривали». В документе подчеркивались блага, которые принес Украине «по обе стороны Днепра» мир, обеспечивший надежную защиту от «различных находении бусурманских», тем более что и хан, и султан «к желательному хрестьянскому миру прилагаются». За все эти блага, — указывалось в грамоте, — следует благодарить Бога, Богоматерь, Печерских чудотворцев.

В конце грамоты звучали и угрозы. Жителям Левобережья следует подумать, чтобы «нынешним отступлением и кровопролитьем гневу Божию на себя не привели... и рати бы на них, от бусурманские крови и плену заступая, не

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 753–756 (черновики документа).

порушились». Глава Посольского приказа, таким образом, стремился убедить жителей Украины, что русско-польский мир — это лучший для них выход, и если они не хотят, чтобы их постигли какие-либо бедствия, следует подчиняться принятым решениям, тем более что они не могут рассчитывать на иноземную помощь. В иной форме здесь излагались те же утверждения, что и в грамоте Брюховецкому. О каких-либо изменениях существующих порядков в грамоте речи не было.

Отписки, приходившие в первые дни после отсылки грамот, не содержали успокоительных известий. 5 июля в Москву пришло сообщение П.В. Шереметева, что казаки и запорожцы собирают раду, «что у них в малороссийских городех воеводам и великого государя ратным людем не быть». Казаки недовольны тем, что все доходы поступают воеводам, «а им, казаком, государева жалованья не дают»¹⁰². Намерения казаков собраться на раду вызывали недовольство казацкой верхушки. Сохранился рассказ приехавшего из Чернигова в Киев 6 июля капитана о столкновении черниговского полковника Демьяна Многогрешного с казаками его полка, когда он говорил: «Пора, де, вашим казацким радам перестать, а о войсковых делах боярин и гетман, буде что надобно, станет думать с одними полковниками»¹⁰³.

Вместе с тем, как сообщал П.В. Шереметев в другой отписке, тоже доставленной 5 июля, и левобережная старшина во главе с гетманом Брюховецким все более резко стала выражать недовольство существующим положением. Полковники жаловались на то, что воеводы «чинят казакам налоги и в их казацкие права вступаютца», а Брюховецкий обвинял воевод в том, что они «отняли мельницы», доходы с которых шли на содержание полковников. П.В. Шереметев докладывал царю, что к гетману в Гадяч собираются «всех городов полковники и сотники, лутчие люди»¹⁰⁴.

Под влиянием этих известий в Москве было принято решение снова послать царские грамоты в казацкие полки. Под-

¹⁰² РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 596. Л. 813.

¹⁰³ Там же. Л. 893.

¹⁰⁴ Там же. Л. 819.

готовленный А.Л. Ординым-Нащокиным обширный текст, датированный 27 июля¹⁰⁵, был скоро отправлен на Украину.

Хотя новые грамоты по размерам текста значительно превышали документы, ранее посланные на Украину, в них в гораздо более пространной форме излагались те же мысли и доводы, что и ранее. Здесь снова подчеркивалось, что русские войска постоянно защищали Левобережье «от наступления бусурманских находжений», и теперь с этой же целью царь держит на Украине свои войска, и что он положил конец многолетней войне. Тем самым жители малороссийских городов обеспечены «вечно и немязежно от наступающих войск орды» и могут быть теперь «милосердием покою святого удовольствованы в пожитках домовых».

Царь ожидал, что все это «у вас в радость и великую славу принято будет», однако теперь он с удивлением узнал, что «смятение во всем посольстве всчинаетца и хотите раду чинить без... великого государя указу». Жителей Левобережья призывали «престать от такового злого начинания». Огонь следует не огнем тушить, а «заливать тот пламень мирною водою». В грамоте содержалось обращение к полковникам и другим начальным людям, чтобы они «малоумных людей от злого начинания к обращению правды приводили».

Как и в более ранних документах, дело не ограничивалось описанием благ, которые принесет наступающий мир, который не следует нарушать неразумными действиями. В грамоте с ударением говорилось, что теперь установлен прочный мир и султан, и хан, «яко соседи пограничны», хотя «в почтенном мирном величестве пребыти», и «отступники» не могут рассчитывать на их помощь. Раздавались и угрозы, что следует не допускать того, чтобы «великих христианских обоих славных государств» — России и Речи Посполитой — «многие рати в ваши край не порушились». Грамоты заканчивались выражением надежды, что жители малороссийских городов находящиеся в этих городах русские войска будут «хлебными запасами... по достоинству без оскорбления кормить».

¹⁰⁵ Там же. Стб. 656. Л. 841–851.

Таким образом, все ограничивалось снова указаниями на блага мира и разъяснениями, что в сложившемся положении бесполезно противодействовать совместным решениям «великих государей». О каких-либо реформах, каких-либо уступках речи не было.

При обсуждении документа в думе, по-видимому, возникли какие-то трения, так как на черновике документа имеется помета: «А июля в 12 день великий государь слушал, а бояре порочили»¹⁰⁶. Возможно, оппоненты главы Посольского приказа выражали сомнение в том, что подобный документ сможет способствовать прекращению волнений, однако в конце концов предложенный текст был одобрен и подготовленные грамоты отправлены в Киев. Положение продолжало восприниматься как серьезное. В том же начале июля Ю.Н. Барятинскому был послан приказ «идти в малороссийские города против неприятельских людей тотчас»¹⁰⁷. Извещая П.В. Шереметева о посылке грамот из Москвы, его настоятельно просили, чтобы до прихода войск воеводы «промысел всякой чинили, приводя» жителей «к послушанию, не допустив до крови»¹⁰⁸. 18 июля Ю.Н. Барятинский выступил в поход из Белгорода к Ахтырскому городищу. Туда должны были прийти и присоединиться к его армии полки из Слободской Украины¹⁰⁹.

В такой обстановке разворачивались дипломатические контакты между Россией и Речью Посполитой. Для обоих государств в первые месяцы после Андрусова важной задачей было осуществить обмен посольствами, которые бы завершили официальную процедуру утверждения мира, а также провести переговоры по выработке условий союзного соглашения, принципиальная договоренность о котором была достигнута в Андрусове. К решению этой задачи в Москве приступили весной 1667 г. Уже 24 апреля 1667 г. был подготовлен текст грамоты в Варшаву, которую царь, «с бояры слушав, указал ее

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656.Л. 851.

¹⁰⁷ Там же. Стб. 600. Л. 409–411.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 656. Л. 852–852об.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 600. Л. 970–972.

к польскому королю послать»¹¹⁰. Окончательный текст документа был готов к 6 мая. В грамоте король и сенаторы ставились в известность, что царь намерен в июне направить в Варшаву посольство во главе с Б.И. Нащокиным для ратификации Андрусовского договора. Вместе с тем в грамоте подчеркивалось, что переговоры об условиях союзного соглашения следовало бы провести в Москве с послами Речи Посполитой, которые приедут для ратификации Андрусовского мира в русскую столицу. Этим послам следовало дать все полномочия, чтобы договориться о действиях «ко вспоможению обоим государствам», как «к покою одержать Украину от бусурманских приходов». В грамоте выражалась надежда на то, чтобы, узнав о заключении такого союза, соседи «мысли б свои военные того ради отложили». В заключительной части документа еще раз выражалась надежда, что теперь, после заключения мира, «пограничные соседи наши, как салтан турецкий и хан крымской... надеемся, усмирятца»¹¹¹. Так уже в первом документе, отправленном в Речь Посполитую после заключения Андрусовского договора, подчеркивалось, что главной задачей, которую оба государства должны решать общими усилиями, является урегулирование отношений с южными соседями.

В Речи Посполитой также были заинтересованы в том, чтобы сообщать в Москву о тех шагах, которые здесь предпринимают для выполнения достигнутых в Андрусове договоренностей. К подготовке соответствующей миссии в Москву приступили сразу по окончании работы сейма, одобренного Андрусовский договор, во второй половине мая 1667 г. Миссию эту должен был исполнить королевский дворянин С. Венславский, уже ездивший с аналогичными поручениями в Россию в начале 60-х гг. Но еще до того, как он отправился в дорогу, референдарь литовский Киприан Павел Бжостовский поспешил уведомить А.Л. Ордина-Нащокина о принятых в Варшаве решениях¹¹². В своем письме он сообщал, что

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 7. Помета на л. 32об.

¹¹¹ Беловик грамоты см.: там же. Л. 34–41.

¹¹² РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 9 (письмо от 25 мая н. ст.; перевод, сделанный в Посольском приказе, датирован 8 июня).

С. Венславский направляется в Москву, чтобы сообщить там, что великие послы для продолжения переговоров во главе с титулярным воеводой черниговским С. Беневским уже назначены. Он заверял главу Посольского приказа: «В последних днях августа из Вильна выйдем» и выражал надежду, что это «не будет досадительно и печально вашим милостям»¹¹³. Очевидно, в Варшаве опасались, чтобы задержка с отправлением посольства не произвела неблагоприятного впечатления на русских политиков. Одновременно К.П. Бжостовский сообщал и о другом важном шаге, предпринятом в польской столице, — посылке в Стамбул посольства во главе с И. Радзейовским, которое должно было сообщить о заключении Андрусовского договора и добиваться, чтобы султан «в приятстве к панствам нашим общим задержался и хану крымскому... спокойно жить приказал»¹¹⁴.

Инструкции С. Венславскому были готовы к 25 мая н. ст. Если миссия И. Талызина вся сводилась к вручению королю царской грамоты, то миссия С. Венславского носила иной характер. Он должен был добиваться встреч с советниками царя, и не только для того, чтобы дать объяснения о причинах задержки с отправкой «великих» послов. Посланнику предписывалось указывать на опасность со стороны «бусурманов» не только Речи Посполитой, но и русским владениям на Левобережье. Он должен был предлагать, чтобы русское правительство «с той стороны Днепра у Переяслава» привело войска в боевую готовность, поддерживало сношения с гетманами и оказало им помощь в случае нападения татар на земли Речи Посполитой. Уже находясь в дороге, в Могилеве, он получил еще одно письмо от Яна Казимира с указанием добиваться совместных военных действий против татар¹¹⁵.

Эти поручения показывают, что в Варшаве оценивали положение своего государства как тяжелое и нуждались в помощи. Польская армия на Правобережье была разбита,

¹¹³ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 9 Л. 3.

¹¹⁴ Там же. Л. 4.

¹¹⁵ *Wójcik Z. Między traktatem andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672.* Warszawa, 1968. S. 53–55.

гарнизоны в немногих оставшихся в польских руках крепостях находились в осаде, их положение было тяжелым. В том же мае 1667 г., когда С. Венславский собирался в дорогу, в Киев к П.В. Шереметеву приехали посланцы Стахорский и Бломберг с просьбой помочь гарнизонам Белой Церкви и Чигирина¹¹⁶. На Украине после ухода в Крым основных сил Орды находились крупные отряды татар, и можно было ждать нового набега татар и войск Дорошенко.

К выполнению своей миссии С. Венславский приступил уже по дороге в Москву, отправив письмо к А.Л. Ордину-Нащокину¹¹⁷ с изложением известий, полученных из Варшавы. Он сообщал, что калга и П. Дорошенко собирают большое войско и паша Силистрии с янычарами также готовится к походу, но куда пойдут войска, неизвестно. Одновременно он обращал внимание на то, что казаки Левобережья волнуются и ведут переговоры с Дорошенко, чтобы вступить в союз с татарами, как при Хмельницком, а не подчиняться власти обоих монархов. Смысл этого шага понятен. Посланник стремился убедить русских политиков, что опасность в равной мере угрожает России и Речи Посполитой, и поэтому нужны их совместные действия.

Сами переговоры С. Венславского с А.Л. Ординым-Нащокиным и дьяками Посольского приказа начались в Москве 15 июля 1667 г.¹¹⁸ Как и сообщал К.П. Бжостовский, посланник заявил, что великие послы назначены и скоро отправятся на переговоры, а в Стамбул выехал И. Радзейовский. Здесь возникли разногласия, так как польско-литовская сторона предполагала, что условия нового договора будут выработаны на встрече великих послов на границе, но А.Л. Ордин-Нащокин заявил, что переговоры следует вести в Москве¹¹⁹, об этом говорилось и в ответе, врученном посланнику по окончании переговоров¹²⁰.

¹¹⁶ АЮЗР. Т. 6. № 64. С. 208 и сл.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 14. Л. 22–23.

¹¹⁸ Там же. Л. 102.

¹¹⁹ Там же. Л. 106.

¹²⁰ Там же. Л. 139.

На первое место в переговорах выдвинулся украинский вопрос. Посланник снова указывал на то, что казаки «с сей стороны Днепра» отправляют послов к Дорошенко, «чтоб им быть попрежнему в одном совете», и добивался, чтобы еще до заключения договора о военном союзе были приняты совместные действия русских и польских войск на Правобережье. Король, — говорил он, — «велел квартянному войску приблизитца к Белой Церкви», пусть и царь направит туда свои войска, «и где те казаки объявятца, на них бы стоять общими силами»¹²¹. Они же могут одновременно дать отпор татарам. На мирные предложения хана, — убеждал он русских представителей, — не следует полагаться, так как они «извыкли от обоих государств себе урывать»¹²².

Как видно из материалов переговоров, на предложение о совместных действиях против татар А.Л. Ордин-Нащокин не реагировал. В ответ на представления посланника ему сообщили и о поездке в Стамбул Василия Тяпкина, и об отправлении на переговоры с Крымом посольства Б. Ушакова¹²³, как бы давая понять, что следует подождать результатов предпринятых шагов. Во врученном посланнику ответе указывалось, что когда в Москву приедут великие послы и будет заключен договор, то «промыслу» хана «не успеть»¹²⁴. В том же документе отмечалось, что будущие переговоры с Крымом должны принести «великие промыслы». Переговоры будут происходить не в Крыму под давлением на русских представителей со стороны хана и крымской знати, а на Дону «при ратех его царского величества»¹²⁵. Очевидно, что стороны по-разному оценивали сложившееся положение. В Варшаве ждали нового обострения отношений, вторжения на земли Восточной Европы татарских (а возможно, и османских) войск, а в Москве полагали, что достаточно будет заключения союза и некоторых военных demonstra-

¹²¹ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 14. Л. 109.

¹²² Там же. Л. 107–107об.

¹²³ Там же. Л. 106.

¹²⁴ Там же. Л. 160.

¹²⁵ Там же. Л. 154.

ций, чтобы добиться установления мирных и даже дружественных отношений с Османской империей и Крымом. Характерно, что в инструкции приставу, отправленному в сентябре 1667 г. встречать «великих» послов, ему следовало заявить, что «с турским салтаном и с крымским ханом у царского величества о дружбе и любви ссылки есть, а недружбы никакие с ними нет»¹²⁶. Обозначившиеся здесь расхождения в оценке ситуации наложили свой отпечаток и на ход переговоров в Москве осенью 1667 г.

Что касается Дорошенко и его действий, то посланнику «было объявлено» о посылке царских грамот в казацкие полки Левобережья, но посланник выразил сомнения в эффективности этой акции: «они — люди шаткие, николи правды не додерживают»¹²⁷. Кроме того, посланнику сообщили, что воеводе в Белгород послали приказ «с войском збиратца и поступать х Киеву»¹²⁸. Посланник этим не был удовлетворен, так как при этом ничего не говорилось о походе русских войск на Правобережье, но А.Л. Ордин-Нащокин заявил, что сначала следует «договор чинить»¹²⁹.

Помимо этого приведенного главой Посольского приказа довода для сдержанного отношения к предложению о совместных военных действиях были и другие причины. Одну из них указал сам Венславский в письме Яну Казимиру, отправленном из Могилева еще до въезда на русскую территорию. Он не без оснований полагал, что русские власти не направят свою армию на Правобережье, пока не узнают о приходе туда королевских войск¹³⁰. А на этот счет С. Венславский в Москве не мог сообщить ничего определенного.

Однако имело место и другое важное обстоятельство. Если польско-литовская сторона видела выход из сложившегося положения в совместных военных действиях, то А.Л. Ордин-Нащокин видел задачу общей политики обоих государств в

¹²⁶ Там же. № 12. Л. 146.

¹²⁷ Там же. Л. 109об.

¹²⁸ Там же. Л. 109.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 55.

том, чтобы «правдивых христиан там оберечь и внутрь государств войны не пустить». В этой связи в ответе, врученном посланнику, выражалось желание «Дорошенка с товарищи напоминать и от кровопролития христианского отводить всяким промыслом»¹³¹. В дальнейшем А.Л. Ордин-Нащокин снова обращался к тому, что следует «злых кротостью исправляти и от вечной бусурманской прелести оторвати»¹³². В грамоте Алексея Михайловича Яну Казимиру от 19 июля 1667 г., которую повез в Варшаву посланник, также говорилось о необходимости «отвращать» «зломышленных тамошних людей з Дорошонком от бусурманские прелести»¹³³.

Такие предложения логично вытекали из отмеченной выше общей оценки ситуации. Заключение союза между Россией и Речью Посполитой приведет к заключению мира с Османской империей и Крымом, и тогда Дорошенко ничего не останется, как искать соглашения с союзниками, и Правобережье удастся подчинить мирным путем, не прибегая к оружию.

В те дни, когда С. Венславский покидал Москву, начался поход Ю.Н. Бяратинского на Украину. Для участия в походе были собраны довольно значительные силы¹³⁴. Предполагалось, что войска вступят на землю гетманства, где соединятся с армией И.М. Брюховецкого.

Перед выступлением армии в поход 17 июля в Москву снова пришли известия о намерениях казаков собрать раду, о том, что мещане и крестьяне записываются в казаки или уходят за Днепр¹³⁵. Можно было ожидать каких-то серьезных конфликтов, но события приняли другой оборот. Когда из пограничного Ахтырского городища воевода обратился к гетману, запрашивая его, где должно произойти соединение двух армий, И.М. Брюховецкий письмом от 28 июля сообщил, что «поблиску Днепра никаких неприятелей с тамошней стороны

¹³¹ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 14. Л. 149.

¹³² Там же. Л. 151.

¹³³ Там же. Л. 173.

¹³⁴ Роспись войска см.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 600. Л. 973 и сл.

¹³⁵ Там же. Стб. 656. Л. 887, 904–905.

нет», и он распустил полки «для нынешних полевых работ», а орда, по его сведениям, хочет «итти войною в край польские»¹³⁶. Это письмо позволяет прийти к выводу, что левобережная старшина, недовольная возникшими планами созыва «черной» рады, сумела положить конец этому движению. Последовав советам, И.М. Брюховецкий распустил армию, чему способствовало наступление «полевых работ». Разумеется, этот шаг говорит и о том, что левобережная старшина не ожидала в то время серьезной опасности с Правобережья.

Конечно, положить конец начавшемуся движению удалось в значительной степени потому, что на Левобережье не пришел Дорошенко со своими полками. Вероятно, известия о военных приготовлениях в Белгороде заставили правобережного гетмана и татарских военачальников отказаться от планов войны на два фронта и направить войска против более слабого противника — Речи Посполитой. Возможно, сыграли определенную роль и трения, возникшие в отношениях между П.Д. Дорошенко и Запорожьем. Лазутчик, посланный в июне 1667 г. в Чигирин, принес важные сведения, что запорожцы предлагали Дорошенко прибыть к ним на раду, чтобы они выбрали его гетманом, а когда Дорошенко от этого уклонился, заявили, что «станут, де, воевать татарские улусы по-прежнему»¹³⁷.

Несмотря на успокоительные известия, армия простояла в Ахтырском городище до конца августа, когда окончательно выяснилось, что глава пришедшей орды калга Крым-Гирей и Дорошенко намерены взять главный опорный пункт польской власти на Правобережье — Белую Церковь, а затем идти походом в Польшу¹³⁸. За этим, по-видимому, последовал приказ о роспуске войск.

Учитывая то, как развивались последующие события, такое решение было ошибкой. Хотя условия соглашения

¹³⁶ Там же. Л. 998–999.

¹³⁷ Там же. Л. 1051–1052 (сообщение записано в Киеве 18 июля).

¹³⁸ См. «расспросные речи» гонца Ив. Скочка от 21 августа (там же. Л. 1043), сообщение о военных действиях под Белой Церковью (там же. Л. 1090).

двух стран о совместной борьбе против «бусурман» в Андрусове не были детально определены, в интересах русской стороны было оказать помощь союзнику, подвергнутому нападению общего врага. Поход против татар и казаков на Правобережье стал бы свидетельством эффективности русско-польского сотрудничества, а это, в свою очередь, могло бы подействовать сдерживающим образом на Османскую империю и Крым.

Мотивы принятого решения остаются нам неизвестными и могут быть восстановлены лишь предположительно. Как представляется, важную роль могли сыграть сообщения Ю.Н. Барятинского о состоянии армии. Уже сообщая о своем решении идти к Ахтырскому, воевода мотивировал его тем, что «ратные люди бегают и уберечь их никакими мерами нельзя»¹³⁹. Позднее он же сообщал, что участники похода «скудны и беззапасны»¹⁴⁰, «друг у друга побираютца», а «начальные люди» стерегут лошадей, чтобы они «от скудости не разбрелись»¹⁴¹. Такие сообщения, конечно, побуждали к осторожности.

На позицию русской стороны могли оказать воздействие и некоторые шаги, предпринятые властями Речи Посполитой сразу по заключении Андрусовского договора. В конце мая от П.В. Шереметева в Москву поступили тексты грамот Яна Казимира от 31 марта 1667 г., адресованные киевскому полковнику и казакам Киевского полка с призывом сохранять верность своему законному монарху, а также адресованную тем же лицам грамоту коменданта Белой Церкви с предложением выслать к нему послов. Грамоты эти были доставлены в Киев втайне от русских властей¹⁴². Возможно, столкнувшись с попытками польских властей утвердиться в Киеве еще до истечения достигнутого соглашения, политики в Москве не проявили желания облегчить тяжелое положение своего партнера.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 600. Л. 971.

¹⁴⁰ Там же. Л. 1004.

¹⁴¹ Там же. Л. 1044–1045.

¹⁴² АЮЗР. Т. 6. С. 209–211.

Представляется всё же, что главное было в другом. Такой поход привел бы к разрыву всяких отношений между Москвой и правобережным гетманом, которому к тому времени стало отводиться какое-то место в русских внешнеполитических планах. Как показано выше, до лета 1667 г. русские власти не имели никаких контактов с Дорошенко и не стремились к их установлению, постоянно именуя правобережного гетмана изменником. С приходом на пост начальника Малороссийского приказа А.Л. Ордина-Нащокина отношение к Дорошенко заметно изменилось.

Первые признаки перемен обозначились в июне 1677 г., когда решался вопрос об отпуске крымских гонцов во главе с Телеш-агой. Так как гонцы хотели возвращаться в Крым только через Чигирин, то по этому поводу киевскому воеводе было поручено вступить в контакт с гетманом. Однако помимо переговоров по этому поводу воеводе было поручено «через досужих людей ево, Дорошонка, милостью нашей обнадежить» и обещать, что его находящийся в русском плену брат Григорий будет освобожден¹⁴³. В этом документе очевидно проявилось стремление не только вступить в контакты с правобережным гетманом, но и склонить его на свою сторону. Перемены по отношению к Дорошенко нашли выражение и в ходе переговоров С. Венславского с А.Л. Ординым-Нащокиным. Выше уже цитировались заявления боярина на переговорах с С. Венславским, что следует мирным путем, с помощью переговоров убедить гетмана и его сторонников отказаться от союза с «бусурманами». Эти представления отразились и в тексте царских грамот, адресованных левобережному казачеству. Так, уже в грамоте от 28 июня говорилось, что следует приводить к истине милосердием «не точию благих, но неблагодарных и злых»¹⁴⁴. В грамоте от 7 июля еще более определенно говорилось, что следовало бы и Дорошенко «наполнивати единую купелью христианства и заблудшего взыскати»¹⁴⁵. Не исключено, что эти высказывания адресовались правобережному гетману.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 123. 1667 г. № 9^б. Л. 79об.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 755.

¹⁴⁵ Там же. Л. 849.

О появлении в Москве уже летом 1667 г. каких-то планов, связанных с личностью правобережного гетмана, говорит сохранившийся текст письма Петру Дорошенку от его брата Григория¹⁴⁶. В письме, датированном 5 июля 1667 г., Григорий Дорошенко, находившийся в русском плену, извещал брата, что «по прошению» восточных патриархов царь оказал ему «милость» и обещал его вскоре освободить. Уже это говорит о том, что летом 1667 г. в Москве стали предпринимать шаги для сближения с правобережным гетманом. Письмо, судя по всему, написанное под диктовку московских властей, позволяет в известной мере судить о цели этих действий.

В письме выражалась надежда, что гетман «воздаст» царю за его добрый поступок, и далее говорилось, что так по отношению к царю должен поступать «всяк православные веры христианин по своей должности ему, великому государю, православному христианскому монарху и веры православные христианские множителю, единому заступнику и отцу истинному всего православного христианского рода». Ясно, что все эти формулы, отражавшие характерные для московской Руси представления о всемирной роли и значении царской власти, исходили не от формального автора письма — казака, а от людей, составлявших это письмо в Посольском приказе.

Как представляется, использование этих формул говорит о том, что московские политики рассчитывали на преданность православию и гетмана Дорошенко, и близкого к нему митрополита Иосифа Тукальского. И царь, и А.Л. Ордин-Нащокин, оба глубоко религиозные люди, были убеждены, что такие ревнители православия не могут по доброй воле состоять в союзе с «бусурманами» и, вызывая к их религиозным чувствам, можно добиться разрыва такого союза.

Но дело этим явно не ограничивалось. Содержавшиеся в письме утверждения, что всякий истинный православный должен служить только единственному православному монарху — русскому царю, говорят о том, что письмом было своего рода первым шагом, первой попыткой побудить гет-

¹⁴⁶ АЮЗР. Т. 6. № 65. С. 213.

мана Правобережья перейти под русскую власть. Разумеется, речь шла о ревизии условий Андрусовского договора, но ведь события первой половины 1667 г. показывали, что Речь Посполитая даже не пытается вернуть Правобережье под свою власть, и это, конечно, в Москве также учитывали.

Неизвестно, было ли отослано письмо Григория, но Шереметев выполнил данное ему поручение. Он вступил в переговоры с Дорошенко относительно приезда в Чигирин крымских гонцов, за которыми гетман прислал в Киев двух сотников. Сопровождавший их рейтар М. Пикалов возвратился 21 августа с «словесным» заявлением Дорошенко, что он «отнюдь сам ходить не будет» на Левобережную Украину «и татар посылать не будет»¹⁴⁷. Ко времени возвращения рейтара между киевским воеводой и гетманом начались и иные, более серьезные переговоры.

Ход последующих событий показывает, что заявления русской стороны, о которых говорилось выше, мимо внимания Дорошенко не прошли и побудили его к поискам контактов с русскими властями. Такие шаги с его стороны вполне понятны, так как, готовясь к походу на Речь Посполитую, он был заинтересован в том, чтобы обеспечить себе надежный тыл.

В тот день, когда Ю.Н. Барятинский выступил в поход, 18 июля, в Киев прибыл от коменданта Белой Церкви майор Александр Генк. Посланец сообщил, что, как стало известно коменданту, Дорошенко «хочет добить челом великому государю» и с беспокойством запрашивал, не собирается ли русское правительство нарушить Андрусовский договор¹⁴⁸. Посланец привез и другое важное сообщение. Когда белоцерковский комендант просил Дорошенко прекратить военные действия, то гетман ответил, что готов обсудить этот вопрос, если будет об этом «письмо» от воевод из Киева. От имени коменданта посланец просил послать такое «письмо»¹⁴⁹. Так, по инициативе коменданта, были начаты переговоры между гетманом и русскими воеводами в Киеве. Как

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 123. 1667 г. № 9^б. Л. 292–293.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 1041.

¹⁴⁹ Там же. Л. 1045–1046.

сообщал в конце августа ездивший за Днепр гонец Ю.Н. Барятинского Иван Скочек, гонцов Шереметева Дорошенко принял и «отпустил з большою честью», был устроен обед, за которым в их честь «была стрельба великая»¹⁵⁰.

Гонец, побывавший в Пивском монастыре у Крыловского перевоза на Днепре, встречался там с наместником монастыря Леонтием, сотником из Крылова Харлинским и Апостолом, который «наперед сего был полковником в Гадече»¹⁵¹. Собеседники убеждали гонца, что Дорошенко не пойдет на Левобережье «и татар не отпустит». Более того, они заявляли, что союз с татарами им нужен только для того, чтобы «управитца с польскими людьми», а когда это произойдет, «станем, де, бить заодно и татар». Гонец привез с собой письмо наместника Лаврентия, в котором сообщалось, что Портянка, посол от Дорошенко к султану, вернулся, «и от него чюют же еще не сподеватца добра». Получалось, что и с султаном у правобережного гетмана соглашения не будет. Кроме того, во время беседы наместник привел гонцу слова Дорошенко, что тот, «как управитца с полскими людьми, так он будет попрежнему у великого государя». Вероятно, заявления подобного рода были сделаны и посланцам П.В. Шереметева. Такие заявления находили, как представляется, живой отклик у таких благочестивых людей, как царь Алексей Михайлович и его глава Посольского приказа, искренне не понимавших, как такие защитники православия, как казаки, могут по собственной воле вступить в союз с «бусурманами». Записи разговоров давали объяснения их поведения и открывали перспективы возвращения Правобережной Украины под верховную власть царя.

В первой половине августа в Москве нашли почву для серьезных переговоров с Дорошенко настолько подготовленной, что нашли нужным поставить в известность о таких намерениях польско-литовскую сторону. В грамоте Яну Казимиру от 12 августа, сообщая о посылке в соответствии с союзным соглашением войск на Украину, чтобы навести на

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 600. Л. 1043.

¹⁵¹ Там же. Л. 1092–1093.

Дорошенко и его сторонников «военные страхи», царь одновременно заявил о своем намерении «Дорошенка от кроворазлития оторвати» и привлечь «к нерозорванному союзу и к прибыли общей государствам нашим». Невозможно, — говорилось далее в грамоте, — чтобы это «в противность святому покою поставлено было»¹⁵². Разумеется, о постепенно обозначавшейся цели русско-казацких переговоров в документе не говорилось.

Представляется совершенно неслучайным, что вскоре после отправки этого документа 16 сентября 1667 г. такой авторитетный и уважаемый человек, как архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель, обратился к Петру Дорошенко с посланием, в котором призывал его перестать «искати себе обороны от бусурман», указывая на губительные последствия, к которым может привести такая политика и поиски поддержки у государства, которым «выгублены» греческие и славянские народы. Печальному настоящему Гизель противопоставил славное прошлое, когда «народ Русский» процветал «за державою православных христианских монархов, великих князей Росийских», «а между собою никаких раздоров не имел»¹⁵³. Всё это, как увидим далее, наложило отпечаток и на позицию А.Л. Ордина-Нащокина во время переговоров с «великими послами» Речи Посполитой осенью 1667 г.

Эти перемены, как представляется, не остались без влияния и на политику русского правительства по отношению к Левобережному гетманству. Хотя напряженность, так резко проявившаяся в начале лета, к концу лета спала, почва для новых кризисов сохранялась, так как причины недовольства не были устранены. Левобережная старшина, своими действиями положившая конец начавшемуся движению, продолжала быть недовольной существующим положением, но, по-видимому, рассчитывала, что события, происходившие на Украине в начале лета, должны побудить русские власти пойти на уступки. В конце июля в Москве стало известно о

¹⁵² РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 15. Л. 3–4.

¹⁵³ АЮЗР. Т. 6. С. 229–230.

результатах совещания, собравшегося в Гадяче. На совещании было решено направить царю коллективную челобитную с жалобами на то, что им от русских воевод «разоренье чинитца великое». Челобитная была отправлена к царю «за руками», т. е. с подписями участников, «с войсковым обозным». Всё это сопровождалось заявлением, что с воеводами полковники никакие вопросы в дальнейшем обсуждать не будут¹⁵⁴.

Посылка в Москву такой челобитной говорит о том, что к концу лета 1667 г. левобережная старшина еще рассчитывала добиться своих целей путем соглашения с русским правительством. Вместе с тем сам характер предпринятых шагов, как представляется, говорил о том, что поведение старшины в последующее время будет зависеть от реакции в Москве на челобитную. Нет оснований полагать, что такая челобитная могла встретить в Москве позитивную реакцию. В начале июня, когда положение было достаточно сложным и напряженным, А.Л. Ордин-Нащокин не хотел слышать ни о каких уступках, тем более не могла о них идти речь тогда, когда напряжение спало. Отрицательный ответ на челобитную должен был стать важным шагом на пути к возобновлению и углублению кризиса в отношениях между русской властью и населением Левобережья.

Во второй половине 1667 г. начался новый важный этап русско-польских дипломатических контактов, связанный с переговорами, которые вели в Москве «великие послы» Речи Посполитой. Инструкции польско-литовским дипломатам титулярному воеводе черниговскому Станиславу Казимиру Беневскому, референдарю литовскому Киприану Павлу Бжостовскому были составлены к 30 мая н. ст., вскоре после того, как завершил работу сейм, ратифицировавший Андрусовский договор¹⁵⁵. Посольство должно было получить от царя ратификацию Андрусовского договора, а кроме того, послы получили полномочия договариваться относительно общих действий против «поганных» и украинских казаков,

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 656. Л. 1034–1035.

¹⁵⁵ *Wójcik Z. Między traktatem... S. 70.*

которых общими силами следовало принудить к повиновению¹⁵⁶. Послы должны были добиваться, чтобы шляхте, чьи имения оказались на отошедшей к России территории Смоленщины, было либо разрешено вернуться в свои имения, либо выплачена за них денежная компенсация. Кроме того, следовало добиваться, чтобы русская сторона согласилась на то, чтобы всем мещанам, находящимся на русской территории, было разрешено вернуться на родину. Но главное место на переговорах должен был занять вопрос о заключении между государствами военно-политического союза. Одновременно оба государства должны были достичь договоренности, как оторвать казаков Правобережья от союза с «бусурманами» и добиться их подчинения¹⁵⁷.

Положение Польско-Литовского государства было трудным. После разгрома коронной армии на Правобережье страна не была готова к ведению большой войны и стремилась ее избежать. Эту цель преследовали дипломатические миссии, отправленные в начале 1667 г. в Стамбул, Бахчисарай и к татарским войскам на Правобережье.

Направленное в Стамбул «великое посольство» во главе с И. Радзейовским должно было поставить султана в известность о заключении Андрусовского договора, объясняя, что правительство было вынуждено пойти на этот шаг после вероломного нападения татар. Одновременно посол должен был разъяснять, что этот договор не направлен ни против кого и крымскому хану король и царь предлагают установить дружеские отношения. Наконец, великий посол должен был заявить, что государства, заключившие договор, общими силами подчинят себе казаков и те не будут предпринимать набеги на земли Османской империи¹⁵⁸.

При выполнении своей миссии И. Радзейовский, скончавшийся незадолго до окончания переговоров, происходивших в ставке султана в Адрианополе летом 1667 г.,

¹⁵⁶ Ibid. S. 69.

¹⁵⁷ Подробный разбор инструкций см.: *Wójcik Z. Między traktatem... S. 70–75.*

¹⁵⁸ Анализ инструкций см.: Ibid. S. 40–42.

столкнулся с серьезными трудностями. На переговорах османские сановники неоднократно заявляли, что если Речь Посполитая хочет сохранить мирные и дружеские отношения с Османской империей, она должна разорвать свои отношения с Россией¹⁵⁹. Во время переговоров 6 июля 1667 г. султан принял послов гетмана Дорошенко, которые заявили, что так же далеки от дружбы с Речью Посполитой и подчинения ей, как небо от земли¹⁶⁰. В грамоте султана Мехмеда IV Яну Казимиру от 21 июля 1667 г. говорилось, что «народ казачкий» отдался под покровительство султана, и если Речь Посполитая хочет мира, она не должна наносить ущерба его новым подданным¹⁶¹. Судя по донесениям французского резидента П. де Бонзи, о положении, сложившемся на переговорах, в Варшаве стало известно уже в начале августа¹⁶².

Миссия, отправленная в Бахчисарай, также не достигла успеха. В письме, отправленном в Варшаву в мае 1667 г., хан Адиль-Гирей вину за разрыв мирных отношений возложил на Речь Посполитую, которая, не советуясь с Крымом, заключила договор с Россией, а королевский посланец Ян Карвовский был задержан в ханской столице. Письмо хана было зачитано на заседании сейма 6 июля н. ст. 1667 г.¹⁶³ Приход на земли Правобережья летом 1667 г. новых татарских войск также не мог не вызвать беспокойства правящих кругов Речи Посполитой.

«Великие послы» Речи Посполитой оказывались перед сложной и трудной задачей. События развивались так, что соглашение с Россией становилось всё более необходимым. Между тем возможности воздействия на союзника были достаточно ограниченными. В отличие от Речи Посполитой Россия поддерживала мирные отношения и с Крымом, и с Османской империей, а ее отношения с правобережным гет-

¹⁵⁹ *Wójcik Z.* Między traktatem... S. 43.

¹⁶⁰ *Hubert L.* Zatargi z Turcyą 1667 r.: Poselstwo Hieronima Radziejowskiego // *Hubert L.* Pamiętniki historyczne. T. II. Warszawa, 1861. S. 123.

¹⁶¹ *Ibid.* S. 151.

¹⁶² *Kersten A.* Hieronim Radziejowski. Studium władzy i opozycji. Warszawa, 1988. S. 595.

¹⁶³ *Wójcik Z.* Między traktatem... S. 18, 45–46.

маном к августу 1667 г. также перестали быть враждебными. Сложность международного положения усугублял непрекращающийся внутривосточный кризис. С осени 1666 г. шляхту постоянно волновали слухи о планах королевской пары силой обеспечить возведение на польский трон французского принца. Примером такой агитации могут служить «Awizy» из Варшавы, в которых двор обвиняли в том, что он хочет призвать в страну чужеземные войска и обеспечить себе поддержку орды и казаков Правобережья, чтобы силой возвести на трон французского принца. На содержание этого войска, по свидетельству того же источника, должна была пойти полученная в Москве денежная компенсация за утраченные шляхтой владения¹⁶⁴.

Влияние такого рода агитации нашло свое выражение в заявлениях и действиях шляхты на сеймиках, собравшихся в первые месяцы 1667 г. После разгрома коронной армии на Украине Ян Казимир поднял вопрос о созыве посполитого рушенья, но на сеймике Русского воеводства в Вишне было принято решение о созыве шляхтой воеводства посполитого рушенья против всех внешних и внутренних врагов. Посполитое рушенье должно было собраться не по приказу короля, а по приказу львовского каштеляна А.М. Фредро. Этому примеру последовали другие сеймики¹⁶⁵. Для войска, которое должно было собраться, шляхта на сеймиках выбирала полковников и ротмистров¹⁶⁶. Это войско должно было мешать осуществлению королевских планов.

Двор объявил о посылке дипломатических миссий во многие государства для поисков помощи в борьбе с опасностью со стороны Османской империи, но шляхта видела в этих миссиях средство под видом борьбы с опасностью привлечь в страну иностранные войска, чтобы произвести переворот, и резко выступила против его политики и против

¹⁶⁴ Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy. 1648–1668. T. 3 (1665–1668). Wrocław, 1991. S. 212.

¹⁶⁵ Matwijow M. Ostatnie sejmy przed abdukacją Jana Kazimierza. 1667 i 1668. Wrocław, 1992. S. 25 i n.

¹⁶⁶ Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego (1629–1674). T. II. Kraków, 1898. S. 9.

приглашения иностранных войск¹⁶⁷. 11 августа 1667 г. французский резидент П. де Бонзи сообщал своему правительству, что поляки испытывают по отношению к Яну Казимиру «столь сильное презрение», что «при первом важном событии поляки могут согнать его с трона»¹⁶⁸.

Когда государство находилось в таком состоянии, оно не могло предпринимать серьезных попыток восстановить свою власть на Правобережье и, напротив, становилось весьма уязвимым объектом для нападения. В этом «великие послы» Речи Посполитой также отдавали себе отчет.

Выезду послов на русскую границу предшествовала грамота Яна Казимира, отправленная с возвращавшимся из Варшавы И. Талызиным. В грамоте говорилось, что по сведениям, полученным от И. Радзейовского, османы требуют разорвать договор с Россией, а так как польская сторона на это не соглашается, то «и нас и вас воевать хотят». Ссылаясь на сообщения Радзейовского, король писал и о том, что казаки с обеих сторон Днепра прислали своих послов к султану, прося о покровительстве. Король просил Алексея Михайловича выслать войска на Украину и оказать помощь Чигирину и Белой Церкви. В грамоте подчеркивалось, что направляющимся в Россию «великим послам» даны все полномочия для заключения союзного соглашения, чтобы дать отпор агрессии Османской империи и Крыма¹⁶⁹. Содержание документа ясно показывало, какой вопрос должен занять главное место на предстоящих переговорах. Послы обеих сторон двинулись к границе лишь в начале осени, 20 сентября состоялась встреча двух делегаций у границы в Андрусове¹⁷⁰. В соответствии с пожеланиями русской стороны на этой встрече вопросы, связанные с заключением нового соглашения, не обсуждались. Такие переговоры должны были происходить в Москве. Однако уже на этой

¹⁶⁷ *Matwijow M.* Ostatnie sejmy... S. 29–30.

¹⁶⁸ Цит. по: *Korzon T.* Dola i niedola... Т. II. S. 8.

¹⁶⁹ Подробный разбор документа см.: *Wójcik Z.* Między traktatem... S. 77–78.

¹⁷⁰ *Ibid.* S. 80.

встрече «великие послы» сообщили своим русским собеседникам о враждебных планах Османской империи и Крыма, повторяя то, о чем говорилось в грамоте Яна Казимира¹⁷¹. Еще раз послы повторили это по дороге в Москву приставу Семену Толочанову. К этому они добавили, что члены польского посольства задержаны в Стамбуле и «про тех людей им ведомости нет»¹⁷².

Сообщения эти в целом соответствовали тем сведениям, которыми располагали в Варшаве осенью 1667 г., за одним важным исключением. В донесениях И. Радзейовского ничего не говорилось о каких-либо посольствах к султану от казаков Левобережья. Искажая так действительность, и правительство в Варшаве, и представители Речи Посполитой рассчитывали тем самым получить в свое распоряжение важный аргумент, который побудит русскую сторону поторопиться с заключением соглашения о союзе.

На долгое путешествие в Москву ушло много времени, и лишь 20 октября состоялся официальный прием великих послов царем¹⁷³. На следующий день, 21 октября, начались переговоры «великих послов» с А.Л. Ординым-Нащокиным и дьяками Посольского приказа¹⁷⁴. То обстоятельство, что в переговорах с делегацией столь высокого ранга из членов думы принял участие только глава Посольского приказа, говорит о высоком доверии к нему со стороны царя осенью 1667 г. В своем обращении к русской стороне «великие послы» сразу начали с того, что на Польшу «неприятель встал великой всеми своими бусурманскими силами», и сразу поставили вопрос, что «надобно обоим великим монархам... союзом брацким оборону и защищение имети, против ево бусурманских войск сопча стояти»¹⁷⁵. Эти слова ясно говорят о том, что к этому времени послы уже знали о вторжении крымских войск на земли Речи Посполитой. Послы выражали убеждение, что

¹⁷¹ Ibid. S. 81–82.

¹⁷² РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 12. Л. 257.

¹⁷³ Там же. № 12^a. Л. 123 и сл. См. также: *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 86–87.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 12^a. Л. 245.

¹⁷⁵ Там же. Л. 247.

враг будет «тем союзным христианским утверждением здержан и в страх приведен вечный», и после этого покоренные турками народы — «греки, сербы, болгары, волохи, мунтяне» — начнут «освобождения себе искати»¹⁷⁶.

Истории московских переговоров посвящен особый раздел в исследовании З. Вуйцика, который использовал в своей работе и польские, и русские свидетельства. Этим переговорам была также посвящена специальная работа русского исследователя Г.А. Санина¹⁷⁷. Это позволяет в рамках данного исследования остановиться лишь на тех аспектах этих переговоров, которые имели значение для формирования и конкретных русских внешнеполитических планов, и рассчитанной на более долгий срок русской внешнеполитической программы.

Следует при этом отметить, что данный важный эпизод истории русской внешней политики не может быть показан с такой полнотой и конкретностью, как ряд других. В архиве Посольского приказа сохранились главным образом отдельные документы, связанные с некоторыми этапами переговоров. Пробелы восполняют использованные З. Вуйциком отчеты послов Речи Посполитой, но они, конечно, не содержат сведений, важных для темы данного исследования, о том, как обсуждались разные ситуации, возникавшие в ходе переговоров, в русских политических кругах.

Как справедливо отметил Г.А. Санин¹⁷⁸, на первое место в переговорах выдвинулся вопрос о компенсации шляхте за имения на землях, отошедших к России по Андрусовскому договору. Уже на первой встрече послы заявили, что они опасаются, чтобы потерявшая имения шляхта «пуще турские войны сего миру не разорвала», а Речь Посполитая не может их «кормить», так как «и войску заплаты дать нечего»¹⁷⁹.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 12^a. Л. 249–251.

¹⁷⁷ Санин Г.А. Правобережная Украина и русско-польские переговоры 1667 г. в Москве // История СССР. 1970. № 1.

¹⁷⁸ Санин Г.А. Правобережная Украина и русско-польские переговоры 1667 г. С. 130.

¹⁷⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 10–11об.; *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 88.

Когда дело дошло до обсуждения вопроса, послы заявили, что не настаивают на компенсации, если шляхтичи получат возможность вернуться в свои имения, они будут оставаться подданными Речи Посполитой и платить налоги в царскую казну¹⁸⁰. Этот шаг стал первым в серии предпринимавшихся на переговорах польско-литовской стороной попыток изменить в свою пользу условия Андрусовского договора. Так, на встрече 26 октября послы предложили вернуть кн. Вишневецким и другой «знатной шляхте» их владения на Левобережье, а они «с тех добр могут при себе держать войска немалые, которые будут обоим государствам на оборону»¹⁸¹. 19 ноября послы прислали «письмо», в котором добивались возвращения киевскому католическому епископу его владений «за Днепром» и «дворовых строений» в самом Киеве, где бы он мог поселиться. В том же письме содержалась просьба о возвращении коллегии иезуитов в Витебске имений в Бельском уезде¹⁸². Попытки эти оказались безрезультатными.

Со своей стороны А.Л. Ордин-Нащокин пытался использовать ситуацию, чтобы поднять вопрос о заключении «вечного мира». Тогда, — пояснял он, — есть смысл выплачивать компенсацию «выгнанцам» и соглашение о союзе будет прочным¹⁸³, но послы ответили, что у них нет полномочий вести переговоры по этому вопросу¹⁸⁴.

Встречи представителей сторон 24 и 26 октября были заполнены обсуждением вопроса о размерах денежной компенсации «выгнанцам»¹⁸⁵. Однако и на этих заседаниях вопрос о заключении союза против Крыма и Османской империи затрагивался. Послы снова говорили о вторжении татарских и казацких войск на земли Речи Посполитой, «а как, де, реки станут, и они чают на себя крымских и турецких болших войск». Поэтому они хотели, чтобы союзный

¹⁸⁰ Там же. Л. 21об.–26об.

¹⁸¹ Там же. Л. 35об.

¹⁸² РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 23. Л. 55об.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 29, 30об.

¹⁸⁴ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 91–92.

¹⁸⁵ См. об этом подробнее: *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 90–97.

договор был заключен до того, как наступит подобная ситуация¹⁸⁶.

Развернутое обсуждение вопроса о союзе началось 28 октября. На этой встрече послы Речи Посполитой изложили подробный план действий обоих государств. Послы предложили «нынешние зимы» выслать на Украину русские войска, чтобы те, соединясь с коронной армией, пошли «на отступников казаков, которые уж поддались султану турецкому». Следует общими силами привести их «в прежнее подданство, чтоб они были в послушании обоих великих государей, а не под бусурманским игом»¹⁸⁷. Что послы в данном случае имели в виду, они пояснили уже на встрече 26 октября, предлагая, чтобы государи казаков «общими силами и в послушание привести могли по прежнему, как были преж сего до войны»¹⁸⁸. Таким образом, русские войска, силой подавляя сопротивление казаков, должны были способствовать восстановлению на Правобережной Украине порядков, существовавших здесь «до войны», т. е. до восстания Хмельницкого.

Правда, послы предусматривали, что «наперед» казакам будут направлены грамоты, «призывая их о возвращении в подданство и обнадеживая всяким милосердием», но при этом следовало указать, что в противном случае «на них посланы будут с обеих сторон войска»¹⁸⁹.

«Усмиря казаков и укрепя Украину», войска обоих государств должны направиться против татар, чтобы «их из Украины выгнать». Послы выражали убеждение, что когда татары потерпят поражение, то и «салтан турецкий замысл свой учнет пометывать»¹⁹⁰. Это заявление ясно показывает, какой план действий предлагала и чего ожидала от русской власти польско-литовская сторона. Вместе с тем следует отметить, что в заявлении ничего не говорилось о том, когда и какие военные силы направит на Украину Речь Посполитая.

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 29об.

¹⁸⁷ Там же. Л. 41об.

¹⁸⁸ Там же. Л. 36.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 42.

¹⁹⁰ Там же. Л. 42–42об. Подробное изложение заявления послов см.: *Wójcik Z. Między traktatem... S. 97–98.*

Реакция на это заявление А.Л. Ордина-Нащокина оказалась поэтому довольно сдержанной. Он сообщил, что сейчас на Украине находится только Белгородский полк. Главные противники Крыма — калмыки не готовы немедленно начать войну, но если царь им прикажет, то они на крымских татар «пойдут и поиск над ними чинить учнут»¹⁹¹.

Такой ответ послов Речи Посполитой не удовлетворил. Они снова предложили, чтобы царь направил на Украину свою армию — 10 тыс. конницы и 30 тыс. пехоты, с артиллерией, чтобы вместе с коронным войском «людей в города провадить и осадить». Весной, когда на Украину придут османские войска, против них выступит посполитое рушенье. Важно, чтобы и царь в этом случае войска «прибавил», а если в поход выступит сам султан, ему следует дать отпор всеми силами обоих государств¹⁹². Это новое заявление несколько конкретизировало представления польско-литовской стороны о плане действий в будущем, но не содержало никаких конкретных предложений для текущего момента. Неслучайно с русской стороны последовал вопрос, где, по мнению послов, русские войска на Правобережье должны соединиться с коронной армией¹⁹³, но ответа не последовало.

К этому этапу переговоров относится попытка русской стороны изменить в свою пользу условия Андрусовского договора. А.Л. Ордин-Нащокин обратил внимание послов на то, что их предложения предусматривают длительные совместные действия двух армий на Правобережье. Сейчас русские войска могут так взаимодействовать, имея надежную базу в Киеве, но если Киев отойдет к Речи Посполитой, то русским войскам «надежного и оборонного становиска такова иного не будет»¹⁹⁴. Однако эта попытка успеха не имела. Послы заявили, что нельзя пересматривать условия мирного соглашения¹⁹⁵.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 42об.—43.

¹⁹² Там же. Л. 43—43об.; *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 98.

¹⁹³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 43об.

¹⁹⁴ Там же. Л. 44.

¹⁹⁵ Там же. Л. 44об.; *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 98—99.

После этой встречи глава Посольского приказа подал царю свой «доклад», в котором рекомендовал пойти навстречу предложениям послов. В частности, он предлагал направить 40-тысячную армию «по Днепру» на юг, чтобы «крымских орд всяким промыслом в Украину не допускать». Однако мнение А.Л. Ордина-Нащокина не решало дела¹⁹⁶. В самой его записке говорилось о том, что условия будущего соглашения следует «крепко в начале договорить и постановить»¹⁹⁷.

На этом запись переговоров обрывается, и этот пробел не восполняет отчет послов Речи Посполитой. З. Вуйцик предположил, что в последующие дни стороны вели между собой доверительные переговоры об избрании сына Алексея Михайловича преемником короля Яна Казимира и были заинтересованы в том, чтобы эти разговоры письменно не фиксировались¹⁹⁸. Однако уже Г.А. Санин¹⁹⁹ указал на наличие в архиве Посольского приказа ряда документов, которые показывают, что в последующие дни шла работа над текстом будущего договора, и позволяют составить общее представление об этой работе.

31 октября послы Речи Посполитой прислали в Посольский приказ письменные изложения своих предложений. В этой записке снова говорилось о посылке на Украину 40-тысячной армии «с ружьем и всяким запасом» уже «сее зимы», чтобы «по обсылке» она соединилась с коронным войском «у годном месте» и две армии общими силами «своевольство казацкое... смиряли... и от набегов бусурманских неприятелей ту ж Украину очистили». Говорилось в записке и об объединении всех сил обоих государств против армии султана. В этой связи в записке указывалось, что если один из государей лично прибудет на войну, «тогда обои войска государю в то время будучему послушны быти должны».

¹⁹⁶ В своем докладе он предлагал «мещан ныне увольнить» (там же. Л. 45об.), но по заключенному позднее договору решение вопроса о судьбе «мещан», подданных Речи Посполитой, находившихся в России, было отложено.

¹⁹⁷ Текст доклада см.: там же. Л. 44об.–47об.

¹⁹⁸ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 101.

¹⁹⁹ *Санин Г.А. Правобережная Украина...* С. 133–134.

В будущее соглашение, как указывалось в записке, должно было быть внесено обязательство не вести сепаратных переговоров ни с Крымом, ни с Османской империей²⁰⁰.

После обсуждения этой записки по решению царя и боярской думы Посольскому приказу было предложено подготовить ответ, «доложа великого государя». После одобрения царем «ответные статьи» были отправлены послам²⁰¹. Г.А. Санин справедливо указал на значение этого документа для понимания позиции русской стороны на переговорах²⁰². В статьях выражалось принципиальное согласие русской стороны на союз и обещание «пришлые зимы» выслать, правда, не 40-тысячную, а 20-тысячную армию, но войска эти должны были находиться «в Киеве и в Запорогах» и оттуда сноситься с коронными гетманами «и совет держать в помочи»²⁰³. Русское правительство, не имея точных данных о размере и планах коронных войск, явно уклонялось от немедленного развертывания военных действий на Правобережье.

Вместе с тем в будущем признавалась возможность ведения наступательной войны против Крымского ханства. Русский проект предполагал, что русские войска вместе с донскими казаками и калмыками развернут наступление на Крым «из Запорогов», а Речь Посполитая одновременно должна послать войска, чтобы не допустить прихода на помощь хану Белгородской орды и османских войск «через Волохи»²⁰⁴. Указывалось при этом на возможность значительного увеличения направленных на войну армий, и в соответствии с запиской послов отмечалась возможность выезда на войну одного из государей, которому бы в этом случае подчинялись союзные силы. Предполагалось также, что следует вступить в переговоры с другими христианскими

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 23. Л. 1–4. В записке рассматривались и другие вопросы: об освобождении пленных, о компенсации «выгнанцам», об организации почтовой связи между государствами.

²⁰¹ Там же. Л. 13–13об.

²⁰² Санин Г.А. Правобережная Украина... С. 133.

²⁰³ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 23. Л. 17.

²⁰⁴ Там же. Л. 18.

государствами «и впредь от бусурманские войны к помощи подвигнути»²⁰⁵. Вместе с тем одновременно в русском проекте говорилось о том, что следует добиваться прочного и взаимовыгодного мира со всеми соседями и что нужно бы султана и хана «к соседственной общей дружбе... позвать»²⁰⁶. В этих высказываниях, как представляется, проявились убеждения А.Л. Ордина-Нащокина, что намеченные меры могут понадобиться лишь в крайнем случае, что само заключение русско-польского военно-политического союза заставит Османскую империю и Крым искать мира.

Большое место было уделено в проекте политике по отношению к казакам Правобережья. Если в «письме» послов говорилось о необходимости общими силами «смирять» казаков, то внимание А.Л. привлекло то место в их устном заявлении, где говорилось, что прежде чем начинать военные действия, казаков следует «обнадеживать всяким милосердием», чтоб они отказались от союза с «бусурманами». Это предложение А.Л. Ордин-Нащокин поддержал и уделил ему в своих «статьях» большое место. В «статьях» подчеркивалось, что следует «милостью отступные народы в послушание привести и заблудших обратить»²⁰⁷. Наряду с этим в «статьях» указывалось, что если шляхта не станет добиваться возвращения своих имений, то «своевольные казаки и чернь», когда «не видят над собою от шляхты овладения, то и мыслить противного и прилагатца к бусурманам не учнут»²⁰⁸.

Вместе с тем в проекте предлагалось, чтобы «без крови и без разорения» казаки могли у царя или у короля «невозбранно в подданстве быти и в измену того им с обеих сторон не почитать и не имяновать, а толко бы от бусурман отлучны и отгонимы на веки были». Несколько неясный смысл этих слов проясняет зачеркнутая фраза черновика — «а дать в послушании на воле быти, х кому уклонятца»²⁰⁹. Таким

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 23. Л. 18об., 21об.

²⁰⁶ Там же. Л. 21об.

²⁰⁷ Там же. Л. 19об.

²⁰⁸ Там же. Л. 22–22об.

²⁰⁹ Там же. Л. 20–20об.

образом, если бы казаки Правобережья разорвали союз с татарами, им должно было быть предоставлено право служить тому из государей, кому они захотят. Так как на русской стороне не было «шляхты», которая добивалась возвращения своих имений, ясно, каким бы оказался этот выбор.

Такие предположения появились в русском проекте не на пустом месте. От внимания русских политиков не укрылись слова королевского посланника С. Венславского на переговорах с А.Л. Ординым-Нащокиным: «Где б Дорошенко ни был, только б не у бусурманов»²¹⁰. Как видим, эти слова были восприняты как определенное согласие отказаться от земель Правобережного гетманства, чтобы обеспечить Речи Посполитой покой и мир. В «ответных статьях» нашла отражение попытка склонить «великих послов» Речи Посполитой к такому решению украинского вопроса.

В этой связи заслуживает внимания еще одно положение русского проекта. Здесь указывалось, что «естьли помыслитца... великому государю, единому из них, в Украину для скорого одержания и оторвания от бусурманов тамошних казаков... и того з другие стороны в противность не почитать»²¹¹. При сравнении этого пассажа с приведенными выше высказываниями его смысл становится ясным. Польско-литовская сторона не должна возражать, если Алексей Михайлович выедет на Украину для переговоров с правобережными казаками о их разрыве с татарами и переходе под его власть.

Таким образом, планы военно-политического соглашения с Речью Посполитой явно сочетались с попыткой добиться от польско-литовской стороны определенного пересмотра условий Андрусовского договора, с тем чтобы русское правительство получило возможность добиваться присоединения к Русскому государству Правобережного гетманства.

«Ответные статьи» включали в себя еще одно важное положение. В 6-й статье этого документа выдвигалось пред-

²¹⁰ Там же. № 14. Л. 109об.

²¹¹ Там же. № 23. Л. 18–18об.

ложение созвать в Курляндии в июне 1668 г. съезд представителей России, Речи Посполитой и Швеции «к пожиткам государствам в общих торговых промыслах». Россия и Речь Посполитая должны призвать Швецию к участию в переговорах, которые должны были обеспечить «купецким людям» возможность «пространными и не помешанными и не обидными торги как на рубеже, так и в коемждо пограничным городе торговать и великих государей казна пошлинным збором полнить»²¹². Содержание этого пока очень общего предложения раскрыто в исследовании Т.Н. Копреевой²¹³. Речь шла об установлении равноправных условий торговли для русских, шведских и польско-литовских подданных в шведских владениях в Прибалтике и на соседних землях России и Польско-Литовского государства. В своих записках, адресованных Алексею Михайловичу, А.Л. Ордин-Нащокин неоднократно доказывал, что Шведское государство ослаблено войной и находится в международной изоляции, поэтому когда будет заключен русско-польский союз и Россия и Речь Посполитая будут выступать совместно, Швеция и без войны будет вынуждена пойти на важные уступки соседям. Очевидно, глава Посольского приказа полагал, что теперь, когда вопрос о заключении военно-политического союза между Россией и Речью Посполитой близится к своему решению, сложилась благоприятная обстановка для совместного давления на Швецию.

Таким образом, в начале ноября позиции обеих сторон вполне определились, и теперь их усилия должны были направиться на согласование позиций и выработку окончательного текста соглашения. Дело, очевидно, не пошло гладко, так как для выработки такого документа потребовался почти месяц. И для этого этапа переговоров протокольные записи бесед отсутствуют. Это можно было бы объяснить тем, что стороны, главным образом, обменивались текстами, но сохранилось сообщение, что 19 ноября состоялась встре-

²¹² РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 23. Л. 23–23об.

²¹³ *Koprejewa T. Starania Rosji o sojusz ekonomiczny z Polską w walce z władztwem szwedzkim na Bałtyku // Kwartalnik historyczny. 1959. № 1.*

ча для обсуждения проекта договора, на которой «изговорили о тех статьях пространными речми»²¹⁴. К сожалению, текст этих «речей» в имеющейся записи отсутствует, отмечено только, что послы Речи Посполитой настаивали на том, чтобы в армии, которую русские власти пошлют на Украину, было не менее 25 тыс. человек²¹⁵. Споры о тексте договора продолжались еще 23 ноября, и лишь 25-го числа состоялся «отпуск» «великих» послов²¹⁶. Правда, следует учитывать, что на переговорах обсуждался достаточно широкий круг вопросов, и, в частности, большие споры шли вокруг судьбы находившихся на русской территории «мещан».

В самый разгар переговоров, 10 ноября, в Москву была доставлена грамота Яна Казимира. В грамоте подчеркивалось, что, несмотря на настояния османов, Речь Посполитая отказалась разорвать Андрусовский договор и намерена его соблюдать. Вместе с тем король ставил в известность Алексея Михайловича, что враг уже вторгся на земли его государства и бои идут в 24 верстах от Львова. Грамота завершалась настоятельной просьбой, чтобы царь, «не волакивая, нам против поганов дать изволил помочи»²¹⁷. По-видимому, когда 25 октября н. ст. эта грамота была отправлена, в Варшаве еще не знали о заключении мирного соглашения между калгой Крым-Гиреем и гетманом Яном Собеским.

Ко времени, когда этот документ попал в Москву, здесь, по-видимому, об этом уже знали, поэтому в своем ответе царь ограничился сообщением, что царь подтвердил Андрусовский договор, а великие послы будут отпущены сразу после того, как будет заключено новое соглашение²¹⁸.

Московский договор предлагал решение многих вопросов русско-польских отношений²¹⁹. В соответствии с темой

²¹⁴ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 12^а. Л. 357.

²¹⁵ Там же. Л. 358.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 48–57.

²¹⁷ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 12^а. Л. 316–321.

²¹⁸ Там же. Л. 352–356.

²¹⁹ Его подробную характеристику см.: *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 105–109.

данного исследования следует остановиться на ст. 1 и 8 этого соглашения как имевших важное значение для формирования русского внешнеполитического курса по отношению к западным и южным соседям. Это, прежде всего, огромная 1-я ст. договора, устанавливавшая условия военно-политического союза России и Речи Посполитой, направленного против Крыма и Османской империи²²⁰. Союз должен был действовать во все время заключенного перемирия и быть подтвержден при заключении «вечного мира». Оба государства обязуются не вести сепаратных переговоров ни с Крымом, ни с Османской империей и уведомить о заключении союза других христианских государей. Договор также предусматривал, что царь направит на Украину армию, состоящую из 5 тыс. конных и 20 тыс. пеших людей, которые должны соединиться с войсками Речи Посполитой между Днепром и Днестром. Одновременно царь брал на себя обязательство направить на Крым донских казаков и калмыков. Эти условия соглашения должны были вступить в силу в случае нападения на одно из государств османских или крымских войск. В этой части договора было помещено и положение о том, что если один из государей сам отправится на войну, то ему будут подчиняться военные силы обоих государств. С рядом конкретных уточнений, касавшихся взаимодействия войск и их снабжения, эта часть договора воспроизводила основные положения проекта, предложенного польской стороной на встрече 31 октября. Польской стороне только не удалось добиться, как она этого хотела, посылки на Украину 40-тысячной армии. Вместе с тем в договоре отмечалась возможность перехода союзников к наступательной войне, если удастся сформировать антиосманскую коалицию христианских государств. «Великие» послы обязались предложить сейму расширить действия соглашения на такую ситуацию. Очевидно, что на переговорах предложения о наступательной войне (в случае благоприятной международной ситуации) были выдвинуты

²²⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 1. Т. I. СПб., 1830. С. 728–731.

русской стороной²²¹. Они отвечали тем стратегическим планам активной политики на Балканах, которые связывал с заключением русско-польского союза глава Посольского приказа.

В этой статье договора важное место было отведено вопросу о политике обоих государств по отношению к казакам. В договоре торжественно объявлялось, что король Ян Казимир «обоих народов всем казаком, по обе стороны Днепра будучим, во истину и в правду все вины и преступления сердцем христианским отпускает», но однако с условием, «чтоб казаки украинские противные... ту милость и добродетяние благодарно приняв, от бусурман отлучилися и больше с ними никакова совету не имели». Если это не произойдет, то «тогда обои великие государи принудить их к тому послушанию и отлучению от бусурман имеют». Эта часть статьи воспроизводила в основном предложения, сделанные польской стороной на встрече 28 октября и поддержанные затем русской стороной. С одним существенным изменением. В польском проекте говорилось, что царь и король должны обратиться к казакам, «призывая их о возвращении в подданство и обнадеживая их всяким милосердием». В тексте договора выражалась надежда, что казаки должны отступить от союза с «бусурманами» «за обсылкою обоих государей или которого ни есть из них». Как увидим далее, употреблению в договоре этой формулы в Москве придавали особое значение.

Статья 8 договора содержала предложение русской стороны организовать в июне 1668 г. трехстороннюю встречу в Курляндии «на вечное утверждение межды тремя великими государи и государствами о торговлях торговым людем»²²². Великие послы обязались сообщить об этом предложении участникам ближайшего сейма. Никаких обязательств, таким образом, Речь Посполитая на себя не брала, но русское предложение должно было стать предметом обсуждения на

²²¹ На это справедливо указывал Г.А. Санин (Правобережная Украина... С. 131).

²²² ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. С. 733–734.

самом высоком уровне. А.Л. Ордин-Нащокин ожидал, что такое обсуждение приведет к благоприятному для его планов решению.

После заключения Московского договора «великие» послы еще на некоторое время задержались в Москве. 8 декабря им были торжественно переданы часть «Древа Креста Христова», привезенная из Люблина, и образ Богородицы, привезенный из Вильно²²³. Этот торжественный акт был своеобразным символическим закреплением только что заключенного союза.

Когда послы находились еще на пути к Смоленску, из канцелярии Посольского приказа вышли два важных связанных с только что закончившимися переговорами документа. 18 декабря 1667 г. датирована грамота Алексея Михайловича Яну Казимиру с предложением вступить в сношения с иранским шахом Аббасом II, «и слыша про то салтан турецкой и хан крымской учинятца страшны». Польским дипломатам в связи с этим был обещан свободный проезд в Иран. Особый интерес этому документу придает раздел, в котором содержится предложение, чтобы польские купцы приняли участие в торговле с Ираном, «склад свой и совет с купцы Великие Росии имели». Теперь, — говорилось в грамоте, — заключен договор о торговле шелком с подданными шаха — армянами, и шелк пойдет теперь в Европу через Россию, а не через земли султана, и не будет обогащать султанскую казну. К участию в этой прибыльной торговле и приглашались теперь купцы Речи Посполитой²²⁴.

Письмо схожего содержания с предложением участвовать в прибыльном транзите «великих персических товаров» в Европу было отправлено и к «великим» послам²²⁵. Эти достаточно необычные для практики русско-польских отношений инициативы отражали, как увидим далее, пред-

²²³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 241–243; *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 111.

²²⁴ Текст грамоты Алексея Михайловича см.: РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 72–75об.

²²⁵ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 12^a. Л. 552–557.

ставления главы Посольского приказа о взаимовыгодной торговле как силе, не только обогащающей участвующие в ней государства, но и сближающей их между собой, способствующей установлению между ними мирных и дружественных отношений.

Еще раньше, 16 декабря, с грамотой к хану Адиль-Гирею был отправлен из Москвы толмач Федор Тонакаев. Грамота была ответом на новое обращение из Крыма. В октябре в Москву приехал новый крымский гонец Шемай с письмом от «ближнего человека» хана Ислам-аги к Алмазу Иванову²²⁶ (о переменах в руководстве Посольским приказом в Крыму, по-видимому, еще не знали). В письме снова повторялось предложение направить в Крым посла для заключения мирного договора. Так как это предложение показывало, что ханство стремится к заключению мира, в Москве, по-видимому, решили отложить ответ до завершения переговоров с великими послами Речи Посполитой. Это давало возможность вести их с более выгодной для русской стороны позиции. В декабре на руках у русских политиков был договор о военно-политическом союзе против «бусурман». К этому времени в Москву уже был доставлен полученный от коменданта Белой Церкви Я. Стахорского текст мирного договора, заключенного в Подгайцах гетманом Яном Собеским и калгой Крым-Гиреем²²⁷. Для А.Л. Ордина-Нащокина заключение договора было, несомненно, свидетельством того, что Крымское ханство начинает искать мира. Эти поиски мира, разумеется, должны были усилиться, когда хан узнает о заключении между Россией и Речью Посполитой не только мира, но и союза. Всё это позволяло уверенно держаться занятой ранее твердой позиции по отношению к ханству. В ответ на предложение, переданное с Ислам-агой, прислать в Крым доверенного человека царя для заключения мирного договора царь кратко и твердо отвечал, что его посланники уже выехали на

²²⁶ См. выписку о приезде Шемай: РГАДА. Ф. 123. 1667 г. № 96. Л. 324–325.

²²⁷ Письмо Я. Стахорского с сообщением о посылке договора см.: РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 12^а. Л. 549–551.

Дон. Далее в грамоте говорилось, что царь и король заключили между собой союз и предлагают Адиль-Гирею «быти с обоими нами, великими государи, в опчей соседской дружбе, яко третьему другу и ближайшему суседу». Затем указывалось, что если всё же появятся «ссорные люди», то они встретятся и с русскими, и с польскими войсками и для этого «на Украине люди готовы есть». Если в этих словах можно найти выражение завуалированной угрозы, то далее хану прямо рекомендовалось «войска из войны поворотить без плену и без разорения и ото всех краев войну удержать». В заключение говорилось о том, что на Дон, вероятно, придут и послы Речи Посполитой²²⁸. Этот документ лучше, чем какие-либо другие свидетельства, показывает, как уверенно чувствовали себя московские политики сразу после заключения Московского договора.

Исследователи, занимавшиеся изучением дипломатической деятельности А.Л. Ордина-Нащокина, обнаружили очень интересный источник, который позволяет пролить свет на то, как руководитель русской внешней политики понимал содержание установлений Московского договора и какие планы он связывал с его осуществлением²²⁹. Это заметки, сделанные А.Л. Ординым-Нащокиным на полях принадлежавшей ему копии Московского договора.

Анализ этих пометок показывает, что А.Л. Ордин-Нащокин рассматривал Московский договор как важное долговременное соглашение. Для закрепления наметившегося сотрудничества он был готов на уступки польско-литовской стороне в решении ряда спорных вопросов (в частности, он готов был согласиться на возвращение шляхты в ее имения, на отпуск в Речь Посполитую находившихся в России мещан)²³⁰.

²²⁸ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 12^a. Л. 537–541.

²²⁹ Санин Г.А. Правобережная Украина... С. 135; *Koprejewa T. Starania...* S. 65.

²³⁰ Флоря Б.Н. Заметки А.Л. Ордина-Нащокина на полях Московского договора 1667 г. // *Prospice sed respice. Проблемы славяноведения и медиевистики. Сборник научных статей в честь 85-летия профессора Владимира Александровича Якубского.* СПб., 2009. С. 168–169.

Заметки позволяют судить о том, как А.Л. Ордин-Нащокин рассчитывал использовать Московский договор для решения внешнеполитических проблем. Прежде всего речь должна идти о политике по отношению к южным соседям — Крымскому ханству и Османской империи.

Договор, как уже отмечалось выше, в своей первой статье предусматривал в случае нападения южных соседей посылку обоими государствами военных сил на земли между Днепром и Днестром. Эти войска обоих государств должны были действовать не только против татар и османов, но и против «своевольных людей» — казаков, которых следовало «принудить к послушанию и отлучению от бусурман»²³¹. Таким образом, по общему смыслу этой части соглашения русские войска должны были содействовать защите земель Речи Посполитой от нападения татар и османов и подчинению населения Правобережной Украины властям этого государства. Несомненно, для представителей польско-литовской стороны именно в этом состоял главный смысл заключенного соглашения.

Как справедливо указал Г.А. Санин²³², А.Л. Ордин-Нащокин, как показывает анализ его заметок, оценивал тексты соглашения, касавшиеся казаков, иначе и вкладывал в них иное содержание. В тексте соглашения положениям о совместных действиях против казаков предшествовала преамбула, где указывалось, что казакам будут прощены все их враждебные поступки в прошлом, если бы «казаки украинские противные (т. е. враждебные. — Б. Ф) за обсылкою обоих великих государей или которого ни есть из них, ту милость и добродееяние благодарно приняв, от бусурман отлучилися и болши с ними совету не имели». Этот текст А.Л. Ордин-Нащокин сопроводил таким комментарием: «Зело сие прехвально, чево прежде поляки слышать не хотели, а ныне, под заступление склонясь, волю казакам дали, кого они захотят к себе принять и в послушании быть»²³³.

²³¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 1. № 420. С. 728–731.

²³² Санин Г.А. Правобережная Украина... С. 135.

²³³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 105. Л. 633.

Для понимания этого текста важно рассмотреть еще одну заметку на полях текста, говорившего о посылке войск на Украину: «И на сие разум промыслом быти, а не все кровью приводить и держать»²³⁴. Таким образом, глава Посольского приказа вовсе не стремился вести военные действия против казаков Правобережья, а приведенный выше текст Московского договора толковал как выражение согласия польско-литовской стороны на мирное присоединение Правобережной Украины к России, если ее население откажется от союза с бусурманами.

Правильность такого понимания высказываний политика подтверждается текстом другого исходящего от него документа — его доклада царю. В своем докладе «посольских дел оберегатель» доказывал, что надо вступить в переговоры с казаками Правобережья и «не следует остерегаться поляков, в противности чего бы не показалось мирному утверждению», так как Московским договором «поволено и утвержено, кого они захотят им дано на волю»²³⁵. «Мирное утверждение», о котором упоминал А.Л. Ордин-Нащокин, — это Андрусовский договор, по которому Правобережная Украина признавалась частью Речи Посполитой. Он доказывал царю, что переход Правобережного гетманства под власть России не будет нарушением этого соглашения, так как по Московскому договору польско-литовская сторона якобы согласилась на пересмотр условий Андрусовского договора в этом важном пункте, если таким путем будет разорван союз Правобережного гетманства с Османской империей и Крымом.

Заметки позволяют также установить, что, по мнению русского канцлера, заставило Речь Посполитую пойти на такую важную уступку. В этой связи обращают на себя внимание слова, что поляки, «под заступление склонясь, волю казакам дали». Их смысл, как представляется, можно раскрыть, рассмотрев еще одну заметку на полях Московского договора: «А тот промысл, как денги, так и рати, в веч-

²³⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 105. Л. 634.

²³⁵ Там же. Л. 672.

ной окуп за Украину»²³⁶. Таким образом, по убеждению А.Л. Ордина-Нащокина, на переговорах в Москве в обмен за «заступление» — военную и дипломатическую поддержку русского правительства в конфликте с Османской империей и Крымом — польско-литовская сторона дала завуалированное согласие на присоединение Правобережной Украины к России, и эту возможность, по его мнению, следовало непременно использовать.

С заключением Московского договора связывались и важные планы решения Балтийской проблемы. Убеждение в том, что теперь эти планы удастся успешно осуществить, отразилось в заметке, которой глава Посольского приказа сопроводил 8 статью Московского договора, где излагалось русское предложение о созыве трехстороннего съезда в Курляндии. «Сия осмая статья, — писал он, — замыкает в себе великую государственную тайну», а от ее осуществления «Великой России... прибытки неоцененные будут»²³⁷.

От заметок Ордина-Нащокина, характеризующих его замыслы, закономерно перейти к рассмотрению первых дипломатических акций, направленных на их осуществление. Яркий свет на первые конкретные планы, сложившиеся у начальника Посольского приказа после подписания Московского договора, проливает такой ранее не привлекавший внимания исследователей документ, как наказ посланникам И.П. Акинфову и Я. Поздышеву, отправленным в Варшаву в самом конце декабря 1667 г.²³⁸ добиваться утверждения сеймом Московского договора. Содержание наказа показывает также, как оценивал глава Посольского приказа сложившуюся к концу 1667 г. международную ситуацию.

Хотя Московский договор был соглашением, прежде всего, о военно-политическом союзе между Россией и Речью Посполитой против Османской империи и Крыма,

²³⁶ Там же. Л. 633, 634.

²³⁷ Там же. Л. 649об.

²³⁸ Распоряжение об их отправке датировано 28 декабря, грамота Алексея Михайловича Яну Казимиру — 31 декабря (РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 3. Л. 18, 32).

А.Л. Ордин-Нащокин по-прежнему полагал, что заключение союза, скрепленное новыми обязательствами, заставит Османскую империю и Крым воздержаться от войны. Неслучайно целый ряд сюжетов наказа был посвящен тому, каковы должны быть условия мирных соглашений с этими государствами и какими способами добиться их заключения. Так, в договор с Османской империей следовало бы внести условие, чтобы султан «не вступался» в случае, если христианские государи станут давать отпор нападению крымских войск²³⁹. Большое место в наказе было уделено вопросу о том, как обеспечить установление мирных отношений с Крымом. Оба государства общими усилиями должны добиться прекращения нападений на земли ханства донских и запорожских казаков²⁴⁰. В грамоте Алексея Михайловича Яну Казимиру также указывалось, что благодаря решениям сейма должно установиться «общее остерегание от Запорогов, что тамошние казаки зело неохотны с ханом и с ордами в миру быть»²⁴¹. В наказе, совсем необычно для русских официальных документов, ярко рисовались картины благоденствия, которое наступит после заключения мира, — «тогда вместо кровавые войны от торговли богатство и пожитки на обе стороны людям будут, и учнут множитца люди торговые, а не воинские, и то будет меж государствы крепость непорушимая»²⁴². Эта торговля, более выгодная для всех, чем война, изменит и характер отношений Крыма с Доном и Запорожьем. Начнутся «торги великие» «не только в поселениях живущих, как на Дону, так и в Запорогах, но и в кочевных улусах лошадьми и всяким скотом... и познают великие прибыли к мирному здержанию»²⁴³. Так благодаря развитию взаимовыгодной торговли на всей территории Восточной Европы наступит долгожданный мир и процветание. Тот же рецепт следовало использовать и в сфере отно-

²³⁹ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 3. Л. 75.

²⁴⁰ Там же. Л. 77.

²⁴¹ Там же. Л. 30.

²⁴² Там же. Л. 87.

²⁴³ Там же. Л. 79.

шений с Османской империей. И здесь следует добиваться, чтобы «торговлям и промыслам... чтоб ни в чем заборыны не было, и торги б, де, меж теми людьми и до Царегорода в проезде были не обидны»²⁴⁴. В этих высказываниях, непривычно страстных, отразились тайные мысли главы Посольского приказа о желательном устройстве мира, которые он пытался воплотить в своей практической деятельности, его убеждение, что всем можно показать и доказать, что нет ничего лучше, чем взаимовыгодная торговля.

Для достижения этих соглашений оба государства должны были действовать совместно. Посланники должны были добиваться, чтобы послам Речи Посполитой в Стамбуле дали указания действовать совместно с русскими дипломатами. Вместе с тем в посланной вслед за посланниками грамоте Алексея Михайловича содержалось предложение прислать своих представителей на Дон, где должны были начаться русско-крымские переговоры для заключения тройственного русско-польско-крымского соглашения²⁴⁵.

Вместе с тем из содержания наказа ясно следует, что мирные инициативы в Москве считали нужным подкрепить военными демонстрациями, которые заставят крымского хана пойти на заключение мира. Так, политикам в Варшаве следовало сообщить, что Яков Тим. Хитрово и генерал Филипп фон Буковен посланы из Москвы на юг, «им же вручен Белгородской полк и, тот полк взяв, итить им к Запорогам». Одновременно послан приказ идти в Киев «всему Севскому полку». Одновременно к днепровским порогам должны были двинуться калмыцкие войска. В наказе выражалось убеждение, что с помощью всех этих мер «хану удержану быть... не побуждая великих ратей и войны»²⁴⁶. Посланники также должны были сообщить о предполагаемом выезде в Киев самого царя. В наказе указывалось, что сообщение об этом «от хана крымского прелести будет к большому здержанью

²⁴⁴ Там же. Л. 75–76.

²⁴⁵ См. текст грамоты Алексея Михайловича Яну Казимиру от 11 марта 1668 г. (там же. Л. 163 и сл.).

²⁴⁶ Там же. Л. 86.

и лехкомысленные люди впрямь от хана отлучатца»²⁴⁷. Эти соображения были основательными, но они были совершенно недостаточны для объяснения столь необычного решения, как поездка русского монарха в пограничную крепость, которую по условиям Андрусовского договора предстояло скоро передать полякам. К вопросу о мотивах этого необычного решения следует вернуться после рассмотрения всей совокупности данных о шагах, предпринятых русской властью на рубеже 1667/8 гг.

Наказ посланникам проливает определенный свет и на задачи русской внешней политики на Украине после заключения Московского договора. Наряду с другими заданиями посланники получили поручение объяснить послам правобережного казачества, которые приедут на сейм, смысл и значение этого соглашения²⁴⁸. Во-первых, следовало объяснить, что союз России и Речи Посполитой обеспечит надежную оборону Украины «против турских и татарских сил». Во-вторых, указывалось, что послы Речи Посполитой согласились с тем, что царь будет «заступником» жителей Украины и что им прощаются «вины и преступления... с начала нынешние войны и до сего времени». В-третьих, на это следует обратить особое внимание, казакам следовало бы «от бусурманские прелести оторватца» и подчиниться власти обоих христианских государей — польского короля и русского царя. Далее, однако, указывалось, что казаки в этом случае имеют выбор — они могут отделиться от «бусурманов» — «из них единого послушав». Кто должен был быть этим «единым», достаточно ясно следует из заключительных слов этого раздела наказа, где предписывалось сообщить казацким послам, чтобы они «на то все надежны были и его царское величество за оборонителя и заступника вечно себе имели».

Нетрудно видеть, что заметки А.Л. Ордина-Нащокина на полях Московского договора, отражавшие его понимание этого важного документа, перешли теперь на страницы

²⁴⁷ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 3. Л. 96.

²⁴⁸ Там же. Л. 96–97.

дипломатической инструкции, воплотились в реальную дипломатическую практику.

Это важное свидетельство, как представляется, позволяет пролить свет на характер и цели особой миссии, отправленной на Украину еще до отъезда посланников в Варшаву. Царский посланец стряпчий Вас.Мих.Тяпкин, только недавно вернувшийся из Османской империи, прибыл в Киев в декабре 1667 г.²⁴⁹ Материалы этой миссии сохранились очень неполно. Нет ни наказа В.М. Тяпкину, ни его отчета о поездке, не сохранились даже тексты грамот, которые он посылал своим украинским партнерам. О характере его миссии можно судить лишь по некоторым ответам этих партнеров и по некоторым отрывочным высказываниям Вас. Тяпкина во время переговоров, записанным им самим. Однако уже рассмотрение этих немногих свидетельств показало, что главной целью миссии В.М. Тяпкина были переговоры с правобережным гетманом Петром Дорошенко о переходе Правобережного гетманства под русскую власть. Пытаясь оценить эти шаги, В.И. Эйнгорн задавался важным вопросом: как поступило бы московское правительство, если бы Дорошенко сдался на увещания Тяпкина? Ведь присоединение Правобережной Украины к России означало бы пересмотр Андрусовского договора в одном из наиболее важных пунктов. По убеждению Эйнгорна, ни русское правительство, ни только что заключивший Андрусовский договор А.Л. Ордин-Нащокин, который и направил Тяпкина на Украину, на это пойти не могли. Поэтому, по его мнению, в действительности Тяпкин должен был своей деятельностью вызвать «в западной Малороссии такие серьезные смуты, что польскому правительству было бы не до Киева», который русское правительство должно было передать Речи Посполитой в 1669 г.²⁵⁰

²⁴⁹ *Галактионов И.В.* Украина в дипломатических планах России, Польши, Крыма и Турции в конце 60-х годов XVII века // *Славянский сборник*. Вып. 3. Саратов, 1985. С. 47.

²⁵⁰ *Эйнгорн В.И.* Очерки по истории Малороссии XVII в. М., 1899. С. 434–435.

Иную точку зрения выдвинул, рассматривая те же материалы, саратовский исследователь И.В. Галактионов. Как и Эйнгорн, он полагал, что А.Л. Ордин-Нащокин не мог пытаться пересмотреть Андрусовский договор. По его мнению, указания вести переговоры с Дорошенко посланец получил от Боярской думы, и они шли вразрез с инструкциями А.Л. Ордина-Нащокина ²⁵¹.

Привлечение заметок А.Л. Ордина-Нащокина на полях Московского договора и наказа посланникам в Варшаву позволяет предложить иное решение вопроса. Посылка Тяпкина была шагом по пути реализации решений Московского договора, который, по убеждению главы Посольского приказа, в обмен на военный союз против Крыма и Турции предоставил России определенную свободу действий на Правобережье, что открывало возможность мирного, без противодействия с польско-литовской стороны присоединения Правобережного гетманства к Русскому государству.

Как представляется, «посольских дел оберегатель» был уверен в успехе миссии В.М. Тяпкина, так как, по его оценке, у правобережного казачества и его главы — Дорошенко не было иного выхода, кроме как согласиться на русские предложения. Оценка эта опиралась на убеждение, что союз России и Речи Посполитой, подкрепленный конкретными дипломатическими и военными шагами, заставит Османскую империю и Крым воздержаться от вмешательства в восточноевропейские дела.

Уже в грамоте, посланной гетману Брюховецкому в июне 1667 г., А.Л. Ордин-Нащокин, говоря о вероятном скором заключении мира с ханом и султаном, риторически восклицал, имея в виду сторонников Дорошенко: «И те отступники, где явятца». 15 августа 1667 г. обеспокоенный положением дел местоблюститель киевской митрополии Мефодий Филимонович просил об увеличении русских войск в городах Левобережья, он услышал в ответ: «Плевать на Дорошенка, надеятца ему не на кого, и крымский хан просит и хочет быть с великим

²⁵¹ Галактионов И.В. Украина... С. 47–51.

государем в миру»²⁵². После заключения Московского договора эта уверенность, по-видимому, усилилась, что нашло свое выражение в высказываниях В.М. Тяпкина, который следовал, конечно, полученным инструкциям²⁵³. Тяпкин убеждал своих украинских партнеров, что их существование в составе Речи Посполитой невозможно («с полскими народы в мире и любви не ужитца, и без кроворазлития никогда меж вами не будет»). Если поляки привлекут на свою сторону хана, положение казаков станет безнадежным. Единственный выход — перейти под русскую власть, а царь «в заступлении от всех ненавидящих вас имети будет». При этом подчеркивалось, что по договору с королем казакам будут прощены все «вины». «Речи» Тяпкина позволяют сделать вывод, что А.Л. Ордин-Нащокин рассчитывал добиться мирного перехода Правобережного гетманства под русскую власть при сохранении мирных отношений с Речью Посполитой. Определенное основание для таких расчетов давала проявившаяся в событиях 1667 г. неспособность этого государства вернуть под свою власть правобережное казачество.

В.М. Тяпкин был тем лицом, которое сообщило в Киеве о желании Алексея Михайловича приехать в город, чтобы «помолиться» у мощей похороненных в Киево-Печерской Лавре святых, его посещению должен был предшествовать приезд в Киев А.Л. Ордина-Нащокина²⁵⁴. Как видно из приведенных выше текстов наказа И.П. Акинфову, одновременно в Киев должен был прийти «весь Севский полк». Как представляется, приезд Алексея Михайловича был связан именно с планами мирного присоединения Правобережного гетманства. Дело было не только в том, что приезд царя в Киев способствовал бы оперативному заключению любого соглашения с Петром Дорошенко. Имелось в виду, как представляется, и другое важное обстоятельство. В 1-й статье Московского договора указывалось, что если один из

²⁵² АЮЗР. Т. 7. № 31. С. 80 (показания Мефодия на следствии осенью 1668 г.).

²⁵³ Текст «речей» В.М. Тяпкина: АЮЗР. Т. 6. № 71. С. 252–253.

²⁵⁴ *Галактионов И.В.* Украина... С. 47.

монархов отправится на театр военных действий, то ему должны подчиняться все находящиеся здесь и русские, и польские войска²⁵⁵. Тем самым, находясь на Украине и взяв на себя в соответствии с договором командование, Алексей Михайлович мог бы предотвратить попытки польских войск препятствовать установлению русской власти на территории Правобережного гетманства.

Пред русскими правящими кругами на рубеже 1667/8 г. разворачивались широкие перспективы: установление длительного взаимовыгодного мира с соседями, присоединение Правобережной Украины, пересмотр условий торговли на Балтике в духе, благоприятном для развития русской экономики.

В январе — начале февраля 1668 г. в Москву пришли важные сведения из Крыма и из Варшавы. Находившийся в Крыму подьячий Г. Михайлов сообщал, что осенний поход калги закончился неудачно, в польских руках благодаря успешным действиям войск Яна Собеского оказалось свыше 7 тыс. татарских пленных, а на обратном пути многие отряды запорожцы, «не допустя до Перекопи... побили и в полон поимали»²⁵⁶. Хотя в Крыму неоднократно заявляли, что не желают вести переговоры на Дону, 1 января 1668 г. крымские сановники официально сообщили ему, что хан высылает на Дон Хаджа Темир мурзу, сына Курамши Сулешева²⁵⁷. К этому же времени стало известно, что хан отпускает польского посла Я. Карвовского и отправляет с ним своего посла Абит-агу²⁵⁸.

Важные сообщения привезло из Речи Посполитой посольство во главе с Б.И. Нащокиным. Послы сообщали, что в Речи Посполитой хотят соглашения двух государств и готовы уже весной соединить войска для совместных действий²⁵⁹. На встрече с послами на обратном пути в Мерече гетман М. Пац говорил, что следует организовать совмест-

²⁵⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 1. СПб., 1830. С. 728.

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 123. 1667 г. № 1. Л. 68.

²⁵⁷ Там же. Л. 83.

²⁵⁸ Там же. Л. 82.

²⁵⁹ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 118; РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 11. Л. 167.

ный поход на Крым, «а он, де, гетман, на ту службу первой охотник со всем литовским войском»²⁶⁰. Послы принесли с собой и важные сообщения о конфликте между Дорошенко и Запорожьем и о планах правобережного гетмана с татарской и османской помощью выгнать оттуда казаков²⁶¹. Послы передавали также заявления сенаторов, что казакам «верить нечево, николи они в правде не стоят и мирные договоры разрывают»²⁶².

Располагая такими сведениями, А.Л. Ордин-Нащокин имел основания рассчитывать, что благодаря твердой позиции России и Речи Посполитой Крым пойдет на заключение выгодного для них мира, а Дорошенко, лишенный татарской помощи и не пользующийся доверием правящих кругов Речи Посполитой, будет вынужден подчиниться верховной власти царя.

Однако уже с февраля 1668 г. на пути к осуществлению этих планов стали возникать серьезные трудности. Стала постепенно выясняться и нереальность этих планов, и ошибочность служивших для их обоснования расчетов.

²⁶⁰ Там же. Л. 187.

²⁶¹ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 120, 122.

²⁶² РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 11. Л. 168. См. также л. 174об.: «Дорошенку и казаком не верят».

УКРАИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Царский посланец Вас. Мих. Тяпкин с важными сообщениями и предложениями прибыл в Киев не позднее 13 декабря 1667 г.¹ В Москве, по-видимому, не ожидали, что при исполнении своей миссии он столкнется с серьезными трудностями. Он даже не получил точных инструкций о возможных условиях соглашения с Дорошенко. Когда на начавшихся переговорах Дорошенко стал спрашивать, «какой чин» он будет иметь, когда перейдет под власть царя, и кому, ему или Брюховецкому, «гетманом быть», Тяпкин, не имея указаний на этот счет, был вынужден обратиться в Москву². Действительность, однако, оказалась иной.

К тому времени, когда В.М. Тяпкин прибыл в Киев, продолжались в весьма дружественной обстановке переговоры между правобережным гетманом и киевским воеводой П.В. Шереметевым³. 15 декабря его гонец Вас. Дубенский встречался с гетманом в Чигирине⁴. Хотя в публикации отсутствует текст грамоты П.В. Шереметева, из записей переговоров, сделанных В. Дубенским, можно составить достаточно точное представление о целях его миссии. Го-

¹ *Галактионов И.В.* Украина в дипломатических планах России, Польши, Крыма и Турции в конце 60-х годов XVII века // *Славянский сборник*. Вып. 3. Саратов, 1985. С. 47.

² АЮЗР. Т. 6. СПб., 1869. № 71. С. 246.

³ На встрече с его гонцом в Чигирине собеседники выражали благодарность за то, что тот «посланным их честь великую воздаст, поит и кормит и подарки великими его гетмана и посланных его дарит» (АЮЗР. Т. 6. № 71. С. 237).

⁴ Там же. С. 233.

нец должен был сообщить об освобождении царем брата гетмана, но этим цели его миссии не ограничивались. Как, по-видимому, и ранее, киевский воевода добивался, чтобы гетман не допустил похода татар на Левобережье, а еще лучше, чтобы он «от татар отстал и обратился к христианству и служил обоим великим государем»⁵. П. Дорошенко принял гонца любезно, пригласил его на обед и устроил салют в честь его прибытия⁶, но его ответ далеко не во всем мог удовлетворить Шереметева. Правда, гетман сообщил, что он удержал татар от похода на Левобережье и будет поступать так и впредь, но определенно отказался разорвать свой союз с Крымом. Союз этот, — доказывал гетман, — нужен, так как иначе татары «учнут им всякое разоренье чинить»⁷. Значение татарского союза этим не ограничивалось. Татарская помощь, — утверждал гетман, — необходима ему для защиты от поляков. Его высказывания, как правильно отмечалось исследователями⁸, были полны острых выпадов по отношению к полякам, которые «всякие волности у них отнимают», «бьют, мучат», «во многих городех церкви Божия обругали и пожгли, а иные обратили на костелы»⁹. Кроме того, гетман заявил, что по Подгаецкому договору поляки обязались передать ему Белую Церковь¹⁰, но это условие не выполнено и поэтому он «Белой Церкви сам достигать будет»¹¹. Таким образом, и на предложение «служить» Речи Посполитой в соответствии с условиями Андрусовского договора последовал резкий отказ.

Вопреки встречающимся в исторической литературе утверждениям¹², все известные высказывания В. Дубенского показывают, что он не поднимал вопроса о пересмотре

⁵ Там же. С. 234.

⁶ Там же. С. 236.

⁷ Там же. С. 235.

⁸ *Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672.* Warszawa, 1968. S. 62.

⁹ АЮЗР. Т. 6. № 71. С. 235.

¹⁰ Это утверждение не соответствовало действительности.

¹¹ АЮЗР. Т. 6. № 71. С. 234.

¹² *Wójcik Z. Między traktatem... S. 61–62.*

Андрусовского договора, да и пославший его киевский воевода не имел таких полномочий. Тем более характерно, что гетман на переговорах изъявил готовность перейти под власть царя. Он этого «давно желал, толко, де, его, гетмана, не призывали», а на обеде гонец услышал, что Дорошенко готов за царя «кровь своя пролить и голова положить». Гонец записал и слова гетмана, что он «у великого государя ни боярства, ни чего иного не хочет, а желает толко их государской милости, чтоб вольности их казацкие и права были вольны»¹³. Нетрудно видеть в этих словах также полемический выпад в адрес «боярина» Брюховецкого и указание на условия, на которых гетман согласился бы перейти под русскую власть.

При этом гетман подчеркивал, что с переходом под власть царя должен сохраниться его союз с Крымом, и тем самым будет обеспечена безопасность русских границ¹⁴. Эти высказывания ясно показывают, что системе отношений, созданных в Восточной Европе с заключением Андрусовского договора, гетман явно противопоставлял другую, предусматривающую разрыв между Россией и Речью Посполитой, переход Правобережного гетманства под русский протекторат и, очевидно, войну России, гетманства и Крыма против Речи Посполитой. Дорошенко давал ясно понять, что его подчинение верховной власти царя возможно лишь в такой системе отношений, и своими высказываниями пытался направить русскую политику на этот путь.

Василий Тяпкин, отправивший записи В. Дубенского в Москву¹⁵, при знакомстве с ними, как представляется, должен был убедиться, что ему предстоит миссия гораздо более трудная, чем предполагали в Москве. К сказанному следует добавить, что все ответственные высказывания Дорошенко делались только в устной форме, а его письмо П.В. Шереметеву содержало одни любезности¹⁶.

¹³ АЮЗР. Т. 6. № 71. С. 234–236.

¹⁴ Там же. С. 235.

¹⁵ На листах отчета Дубенского имеется его скрепа (Там же. С. 237).

¹⁶ Там же. С. 237.

По документам, которые В.М. Тяпкин пересылал в Москву, и его сообщениям А.Л. Ордину-Нащокину можно обрисовать, как протекали его переговоры с правобережным гетманом. Следуя инструкциям, В.М. Тяпкин предложил встретиться с Григорием Дорошенко как представителем гетмана в Переяславе¹⁷. Однако гетман не согласился на такую встречу, ссылаясь на то, что не может предпринять такой шаг «без ведома и совета всех начальников войсковых»¹⁸. Начало переговоров затягивалось, они состоялись лишь в январе 1668 г., и не в Переяславе, а на территории Правобережного гетманства в Черкасах. Однако во время контактов, предшествовавших началу переговоров, Дорошенко пытался разными способами толкнуть русскую сторону к принятию тех военно-политических решений, на которые он определенно указывал во время переговоров с В. Дубенским. Действия эти шли как бы в двух направлениях. С одной стороны, гетман доказывал, что русское правительство напрасно полагается на Андрусовский договор, польская сторона не будет его соблюдать. Так, посетившему Чигирин в конце декабря 1667 г. гонцу Федору Чекаловскому сообщали, что по настоянию султана польский посол Иероним Радзеевский принес присягу, что «с Москвою братерство» будет разорвано «в прудком часе»¹⁹.

С другой стороны, Петр Дорошенко и его ближайший сподвижник митрополит Иосиф Тукальский апеллировали к характерным для Московской Руси представлениям о роли и назначении власти единственного православного монарха в христианском мире. И гетман, и митрополит говорили о том, что хотят вернуть под власть царя не только земли, входившие в состав гетманства, но и города Западной Украины, Львов и Перемышль. Следует добиваться, — говорил митрополит, — «абы в поругании болше не зоставали церкви православные, але под едным православным царем восточным», для этого необходимо их «высвободить от наступающих незбожных ляхов»²⁰.

¹⁷ Там же. С. 239.

¹⁸ Там же. С. 239–240.

¹⁹ Там же. С. 242.

²⁰ Там же. С. 241–242.

Высказывания, исходившие из Чигирина, показывали, что Дорошенко последовательно продолжал проводить свою внешнеполитическую линию, резко расходящуюся с тем внешнеполитическим курсом, который на рубеже 1667/1668 г. избрало для себя русское правительство. Всё это, как представляется, не могло вызывать у В. Тяпкина большого оптимизма в отношении исхода переговоров. К тому же гонец, возивший к П.Д. Дорошенко письмо посланца, сообщал ему, что «последнее, де, слово старшины говорили, что, де, им никакими мерами нельзя от бусурман отлучным быть»²¹. Правда, как видно из донесений В.М. Тяпкина, он возлагал определенные надежды на Тукальского, который, по его мнению, хотел вернуться на митрополический стол в Киеве при содействии русского правительства, а также на Иннокентия Гизеля и настоятелей других киевских монастырей²². Но надежды эти были необоснованными. Киевское духовенство никаким влиянием на правобережного гетмана не обладало, а Тукальский был ближайшим сподвижником Дорошенко и всецело разделял его политические планы.

Переговоры в Черкасах не внесли в позиции сторон много нового. Представители гетмана, Л. Бускевич и Г. Дорошенко, снова обещали, что гетман не допустит похода татар на Левобережье (если Москва удержит запорожцев от набегов на Крым), и снова заявляли, что гетманство не может разорвать свой союз с Крымом²³. Одновременно представители гетмана снова убеждали Тяпкина, что польская сторона заключенный договор соблюдать не будет, так как «князи Вишневецкие и иные сенаторы, и шляхта» имели на уступленных России землях «города и местечки, и села», от которых они не откажутся²⁴.

Вместе с тем в позиции партнеров Тяпкина появились и некоторые новые черты. Хотя представители гетмана в

²¹ АЮЗР. Т. 6. № 71. Л. 243.

²² Там же. Л. 245–246.

²³ Там же. С. 249–250.

²⁴ Там же. С. 250.

самом начале переговоров заявляли, что Правобережье не может перейти под власть царя, так как это противоречит Андрусовскому договору, на практике дело дошло до обсуждения условий, на которых Правобережье всё же согласилось бы подчиниться власти царя. Сделано это было в форме порицаний русской политики, проводившейся на Украине в предшествующие годы, и критики порядков, сложившихся на Левобережье. Русское правительство порицало за то, что оно нарушало казацкие «вольности», вмешиваясь во внутреннюю жизнь гетманства, тайно организовывая выступления своих ставленников. Поэтому правобережные казаки не могут перейти под власть царя «для таких многих нарушений волностей казацких и великого нестроения». Порядки же на Левобережье не удовлетворяли представителей Дорошенко тем, что гетманом здесь выбран «не природной украинской казак», также «не природные казаки» и иноземцы есть и в рядах старшины. И вообще на Левобережье у власти находятся «прямые воры и заводчики», а «верные люди и слуги... от таких немилостивых губителей бегают и хранятца»²⁵.

Тем самым в косвенной форме давалось понять, что вопрос о возвращении Правобережья в состав Русского государства может обсуждаться, если русское правительство откажется от вмешательства во внутреннюю жизнь гетманства, а левобережная старшина будет устранена от власти. Позднее представители гетмана прямо заявили, что казаки Правобережья готовы перейти под власть царя, если бы Петр Дорошенко стал гетманом на обеих сторонах Днепра. К этому было добавлено, что с территории гетманства должны быть выведены русские войска, а его жители освобождены от уплаты каких-либо поборов в русскую казну²⁶. Очевидно, что в этих условиях русский протекторат над гетманством стал бы чисто формальным.

Выдвижение таких новых предложений, возможно, говорит о том, что в Чигирине рассматривали возможность

²⁵ Там же. С. 251.

²⁶ Там же. С. 253.

такого решения вопроса, но для русской стороны оно было неприемлемо, и вряд ли Тяпкин имел инструкции, позволявшие обсуждать такую тему. Запись переговоров, по-видимому, сохранилась неполно, и мы не знаем, отклонил В. Тяпкин эти предложения или обещал сообщить о них в Москву. К сожалению, располагая сообщениями В. Тяпкина о его деятельности, мы совсем не знаем, как на его сообщения реагировали в Москве. Во всяком случае, судя по его заявлениям на переговорах, каких-либо новых инструкций он не получил. От одного из ездивших в Чигирин гонцов В. Тяпкин узнал, что, узнав о скором приезде царя в Киев, Дорошенко «о том был в великой печали со всею радюю и лежал болен два дни»²⁷. Посланец расценил это как свидетельство растерянности гетмана, который «и сам не ведает, куды ему приклонитца»²⁸. По-видимому, в Москве пришли к заключению, что человек, находящийся в таком состоянии, вряд ли будет способен на какие-либо враждебные действия, а приход в Киев русского войска во главе с самим царем Алексеем Михайловичем положит конец его колебаниям и заставит отказаться от не устраивающих русское правительство условий. Во всяком случае, имеющиеся источники позволяют говорить о каких-то политических шагах русского правительства по отношению к Украине лишь с того времени, когда события на Левобережье приняли тревожный, опасный для судеб русской власти в этом регионе оборот.

К сожалению, о том, что происходило на Левобережье зимой 1667/8 г., мы знаем совершенно недостаточно. Большая часть свидетельств была записана поздней осенью 1668 — в начале 1669 г., когда русское правительство пыталось выяснить, в чем причины начавшегося здесь в феврале 1668 г. восстания, а те, кого опрашивали, дружно возлагали ответственность за происшедшее на покойного к тому времени гетмана Брюховецкого.

Одним из немногих исключений является отписка В.М. Тяпкина, написанная, по-видимому, в самом конце дека-

²⁷ АЮЗР. Т. 6. № 71. С. 243.

²⁸ Там же. С. 245.

бря 1667 г.²⁹ Настроения населения в Переяславе, где Тяпкин находился до выезда на переговоры с Г. Дорошенко, вызвали у царского посланца явную тревогу. «А в Переясловле, — писал он, — отнюдь нет верного и доброго человека ни из каких чинов, все бунтовщики и лазутчики великие». Гарнизон в Переяславе, по его словам, сидит «запершись в малом замочку с воеводою и живут все в великом страхе». Он выражал надежду, что положение дел будет исправлено «скорым государским пришествием». В.М. Тяпкин ничего не сообщал о причинах недовольства, но свидетельства о том, что происходило на Украине летом 1667 г., позволяют легко их установить. Население, чем дальше, тем все сильнее, не желало нести поборов на содержание русских войск и терпеть различные притеснения со стороны воевод и приказных людей, тем более когда по ту сторону Днепра установилась казацкая власть, не знающая таких порядков. В этих условиях росли симпатии местного населения к Дорошенко, что не прошло мимо внимания Тяпкина. «Мещане и казаки, паче ж черные народы, — писал он, — зело любят и почитают Дорошенка». Одно замечание в отписке показывает, что причины недовольства не ограничивались лишь жалобами на «московских людей». «Многие злокозненные люди, — сообщал Тяпкин, — зело помрачаютца сердца и душами своими... что мир стался и Дорошенка призывают». Таким образом, к причинам недовольства добавлялось, недовольство это усиливая, заключение мира, которое привело к разделу Украины между Россией и Речью Посполитой. При этом о позиции левобережной старшины у Тяпкина не сложилось четкого представления. Говоря о «злокозненных людях», которые «Дорошенка призывают», он утверждал, что к их числу принадлежат и «начальные сего боку», но в другом месте его отписки читаем, что Брюховецкий «и вся его старшина... о Дорошенку и слышать не хотят, боятца лишения чести своей». Высказывания представителей гетмана на переговорах, приведенные выше, показывают, что для таких опасений были реальные основания.

²⁹ В записке Тяпкин упоминает о своем отъезде 17 декабря в Золотоношу, чтобы оттуда начать переговоры с Г. Дорошенко.

Анализ отписки В.М. Тяпкина показывает, что его переговоры с Дорошенко зимой 1667/8 г. происходили в обстановке растущего недовольства разных слоев населения Левобережья московской политикой. Усилению этого недовольства способствовал ряд просчетов, допущенных русскими правящими кругами, и прежде всего А.Л. Ординым-Нащокиным как главой Малороссийского приказа, в политике по отношению к Левобережному гетманству. Если содержание Андрусовского договора в начале 1667 г. было достаточно быстро обнародовано, то с обнародованием Московского договора в Москве не торопились. Здесь явно не хотели обнародовать те статьи соглашения, в которых говорилось о возможности совместных военных действий войск России и Речи Посполитой против непокорных казаков. А.Л. Ордин-Нащокин, по-видимому, искренне полагал, что мирное присоединение Правобережного гетманства сделает применение этих статей излишним. Он, однако, не принял во внимание, что польско-литовская сторона была заинтересована в обнародовании именно этих статей соглашения.

Характерно, что много позже при расследовании причин восстания посланец черниговского архиепископа Лазаря Барановича утверждал, что «вся смута учинивалась» от Беневского, который в своем письме «приятелю» сообщал, что «положение меж великих государей учинено, что с обеих сторон Днепра начальных людей высечь, а тех всех в неволю привести»³⁰. Конечно, ничего подобного С. Беневский не писал, но он, очевидно, дал понять правобережным казакам, что теперь им придется иметь дело с войсками двух монархов.

Уже после заключения Андрусовского договора стали распространяться слухи, что русско-польское соглашение направлено против казачества. Сигналы, исходившие от С. Беневского, способствовали распространению и усилению таких слухов, доходивших до приведенных выше утверждений. Молчание русской стороны об условиях Московского договора служило своеобразным подтверждением правдивости таких слухов.

³⁰ АЮЗР. Т. 6. № 51. С. 153.

Недовольство стало охватывать и казацкую верхушку Левобережья. Здесь сказался другой просчет русской политики этого времени. Поглощенный широкими внешнеполитическими планами и оценивавший ситуацию как беспроигрышную, А.Л. Ордин-Нащокин не принял мер к укреплению контактов ни с казацкой верхушкой Левобережья в целом, ни с лицами, на которых опиралась московская политика в этом регионе — епископом Мефодием и гетманом Брюховецким. К советам Мефодия глава Малороссийского приказа не прислушался, жалованья, о котором просил епископ, он не получил, уехал из Москвы недовольный и, по сообщению Иннокентия Гизеля, «клялся много и николи на столице не быть»³¹. Если Афанасий Лаврентьевич говорил, что ему «плевать на Дорошенка», то тем более он не находил нужным считаться с Брюховецким, консультироваться с ним о принятии решений. О характере отношений между главой Малороссийского приказа и гетманом говорят свидетельства Мефодия о том, что он узнал на встрече с Брюховецким в Гадяче в конце ноября 1667 г. К этому времени из Москвы вернулся отпущенный из столицы 19 ноября гонец гетмана бунчужный Иван³². Он сообщил, что Афанасий Лаврентьевич «принял их (посланцев гетмана. — Б. Ф.) неласково и к руке великого государя их не поставил, а говорил им, что они великому государю не надобны, пора их отставить»³³. Позднее, когда об этих высказываниях стало широко известно, их толковали в том смысле, «что царскому величеству Малоросия будто и не надобна»³⁴. Разумеется, А.Л. Ордин-Нащокин, имевший относительно Украины совсем другие планы, не мог говорить ничего подобного. Очевидно, еще более резко, чем в грамоте июня 1667 г., А.Л. Ордин-Нащокин выражал недовольство действиями гетмана, а возможно, и других лиц, стоявших во главе Левобережного гетманства, — именно они оказались «не надобны» и следовало «их отставить».

³¹ АЮЗР. Т. 7. № 31. С. 70.

³² *Эйнгорн В.И.* Очерки по истории Малороссии XVII в. М., 1899. С. 429.

³³ АЮЗР. Т. 7. № 31. СПб., 1872. С. 79.

³⁴ АЮЗР. Т. 8. СПб., 1875. № 9. С. 22.

Сообщения В.М. Тяпкина о скором приходе в Киев А.Л. Ордина-Нащокина с войском вызвали сильное беспокойство и гетмана, и Мефодия. По сообщению близкого в то время к Мефодию нежинского протопопа Семена Адамовича, после рождества 1667 г. гетман прислал епископу письмо, в котором задавался вопросом: «Для чего боярин идет?» Когда он просил войск, ему отказывали, «а когда не надобно, топерво посылают»³⁵.

О том, как воспринималась в этом кругу сложившаяся ситуация, говорят советы Мефодия Брюховецкому. Сохранилось письмо Мефодия, адресованное гетману, которое затем попало в руки Дорошенко, и он прислал его копию к воеводе, чтобы скомпрометировать епископа³⁶. Отсутствие оригинала письма и обстоятельства его передачи вызывали у исследователей сомнения в подлинности документа³⁷. Более достоверным представляется свидетельство нежинского протопопа Симеона, близкого ранее к епископу. Это свидетельство представляется тем более достоверным, что содержащимся в них советам гетман не последовал. По свидетельству Симеона, епископ советовал послать к А.Л. Ордину-Нащокину киевского полковника Василия Дворецкого, чтобы узнать, «для чего он идет», а тем временем следует собрать на границе войско, чтобы «с Москвы бояр в Малороссийские города не пуцать»³⁸. Ясно, что от приезда А.Л. Ордина-Нащокина ожидали самых неприятных неожиданностей. Мефодий даже выражал опасения, что гетмана могут выдать полякам. Как представляется, именно после известий о скором приезде А.Л. Ордина-Нащокина у гетмана Брюховецкого сложилось решение начать тайные переговоры с Дорошенко. По свидетельству такого осведомленного современника, как автор «Летописи Самовидца», от имени Дорошенко выступал митрополит Иосиф Тукальский, который через Якубенку, наместника Пивского мона-

³⁵ АЮЗР. Т. 7. № 34. С. 97.

³⁶ Там же. № 29. С. 62–64.

³⁷ *Эйнгорн В.И.* Очерки... С. 477.

³⁸ АЮЗР Т. 7. № 34. С. 96.

стыря, заверил, «так писмами, як и словесно», что Дорошенко откажется от гетманства в пользу Брюховецкого, «жеби вкупі зоставало козацтво»³⁹. Как представляется, важную роль имело и другое обстоятельство. Брюховецкому дали понять, что Крым и Османская империя не будут вести себя пассивно перед лицом происходящих событий, как полагал А.Л. Ордин-Нащокин, а, наоборот, гетман может получить от них помощь в случае его выступления против России. В пользу этого говорят шаги, предпринятые гетманом сразу после того, как такое решение было принято.

По свидетельству «Летописи Самовидца», старшинская рада собралась в Гадяче «о Богоявлении», т. е. в начале января 1668 г., и здесь было принято решение «отступить от его царского величества и по орду слати, и воевод, и Москву з городов отсилати, албо с ними битися, ежели би не уступали з городов»⁴⁰. По свидетельству протопопа Симеона, на раде, где собрались все полковники и судьи, читались присланные Брюховецкому «листы» (документы посольства Е. Ладыженского?), которые свидетельствовали, что царь «на то ж Украйны разоренье и хана крымского призывал»⁴¹. Как представляется, и гетман, и полковники не были столь наивны, чтобы поверить в слухи о намерении двух монархов истреблять жителей Украины по обеим сторонам Днепра. Но опасность ликвидации казацкого строя на Левобережье вполне могла представляться им реальной после существенного ограничения автономии гетманства по Московским статьям 1665 г. По-видимому, они полагали, что именно для этого и прибудет в Киев А.Л. Ордин-Нащокин с войском.

После принятия решения были отправлены послы — писарь С. Гречаный к хану с просьбой о помощи и Григорий Гамалея — к султану, «же би его принял под свою борону»⁴². Как показывает ход последующих событий, гетман обратился за помощью на Запорожье. Послы были направлены

³⁹ Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 103.

⁴⁰ Там же. С. 104.

⁴¹ АЮЗР. Т. 7. № 34. С. 89.

⁴² Літопис Самовидця... С. 104.

и в Чигирин, где старшинская рада приняла решение «по обе стороны Днепра жителям быть в соединении и жить бы особно и давать дань турецкому царю и крымскому хану... и чтобы под рукою великого государя и королевского величества отнюдь не бывать, а турецкому б царю и крымскому хану оборонять их»⁴³. Так обрисовался план перехода гетманств по обеим сторонам Днепра под османский протекторат, что предполагало их выступление и против России, и против Речи Посполитой. Первоначальной задачей стало освобождение Левобережья от русской власти.

Сразу после решений рады открытого выступления против русских гарнизонов в городах Левобережья не последовало. В Гадяче ждали прихода отрядов из Запорожья и известий о татарской помощи. Начавшиеся повсеместно воинские сборы объяснялись необходимостью организовать оборону края от татарских набегов. Однако уже в начале января отношения русских властей с населением серьезно осложнились. П.В. Шереметев сообщал царю, что повсеместно мещане записываются в казаки и отказываются нести расходы по содержанию русских гарнизонов («по окладу денег и хлеба не дают и впредь давать не хотят»), и это делается с одобрения местной старшины и приближенных гетмана⁴⁴. С середины января к Шереметеву стали приходить сообщения от воевод не только об отказе от уплаты налогов, но и о повсеместном вооружении населения («с ружьем в день и в ночь стоят»), которое ставит на городских укреплениях свои караулы, и о приходе в разные города Левобережья больших отрядов запорожских казаков. Одновременно воеводы сообщали, что обращения к Брюховецкому остаются безрезультатными, а прилуцкий полковник Лазарь Горленко прямо заявил, что записывает мещан в казаки по распоряжению гетмана⁴⁵. В следующей отписке, отосланной 31 января, киевский воевода уже писал, что «около Нежина и Батурина чинятца бунты великие»⁴⁶.

⁴³ АЮЗР. Т. 7. № 11/II. С. 31 (показания выходца из Чигирина).

⁴⁴ Там же. № 8. С. 12–13.

⁴⁵ Там же. С. 15–22.

⁴⁶ Там же. С. 23 (отписка была доставлена в Москву 6 февраля).

Реакцией на эти сообщения стала царская грамота Брюховецкому от 6 февраля 1668 г.⁴⁷ с яркими следами стиля, характерного для документов, вышедших из-под руки начальника Малороссийского приказа. Грамота начиналась суровым выговором гетману, допустившему достойные глубокого сожаления беспорядки. «Верность надобно, — поучал он гетмана, — держати на деле, а не на языке». Его возмущала неблагодарность народа, который избавлен от «насилия» со стороны поляков и огражден на будущее «нерозорванным миром». Происшедшие действия говорят о явном отступлении жителей Левобережья «не точию от подданства службы, но и от веры христианские». Действиям людей, которые «под злое бусурманское иго поддаютца», будут решительно противостоять и царь, и король «обоими нашими государствами... всеми силами».

Несмотря на всю остроту употребленных формулировок, следует констатировать, что в Москве не понимали ни размаха происходящих событий, ни тем более роли в них Брюховецкого. Здесь полагали, что все наладится после очередного сурового выговора гетману.

Вместе с тем начавшиеся волнения были явным препятствием на пути к осуществлению задуманных в Москве широких внешнеполитических планов. Поэтому А.Л. Ордин-Нащокин готов был внести некоторые коррективы в русскую политику на Украине. Так, в грамоте сообщалось, что на Украину послан И.А. Желябужский с текстом Московского договора. Гетман и епископ Мефодий должны были созвать съезд, на котором документ был бы публично зачитан. Это, очевидно, должно было положить конец распространению неприятных слухов.

В грамоте также говорилось о том, что если есть причины для недовольства, следовало бы отправить царю «явное челобитье от всех малороссийских жителей», и оно «бы милостиво было принято». Наконец, в грамоте выражалось согласие на то, чтобы сборы на содержание ратных людей производили не русские воеводы, а гетманские власти

⁴⁷ Там же. № 12. С. 32–33.

«по их обычаю». Эта часть документа еще раз показывает, что в Москве не понимали всей серьезности положения и рассчитывали всё уладить с помощью самых незначительных уступок. При этом А.Л. Ордин-Нащокин рассчитывал на содействие епископа Мефодия, которым он еще недавно так явно пренебрег. И.А. Желябужский должен был сначала поехать к Мефодию и вручить ему 100 руб. и лишь затем направиться к Брюховецкому ⁴⁸.

Вряд ли такой шаг мог оказать воздействие на развитие событий. К тому же он запоздал. Когда 12 февраля царская грамота была доставлена в Севск ⁴⁹, все Левобережье было уже охвачено восстанием. Восстание началось в Гадяче. Записанные в разное время рассказы двух очевидцев, немецких офицеров ⁵⁰, позволяют восстановить картину событий. Говоря о необходимости готовиться к войне с Крымом, гетман постепенно собрал в Гадяче и вокруг него большое войско. Пришел и кошевой Иван Белковский с большим отрядом запорожцев. Когда собралось 8-тысячное войско, Брюховецкий потребовал у воеводы вывести гарнизон из города, гарантируя ему безопасность. Однако при выходе из крепости у городских ворот на ратных людей напали казаки. 120 стрельцов и солдат было убито, попавшие в плен закованы «в колодах».

По стране стали рассылаться «прелестные листы» Брюховецкого с призывом к восстанию. Сохранился попавший в Москву текст воззвания, отправленный им в Новгород-Северский. В этих воззваниях то, что было предметом тайной агитации, было теперь провозглашено открыто. Решение о решительном разрыве с Россией, принятое «с общего всей общины Войска Запорожского совету», мотивировалось тем, что Речь Посполитая и Россия достигли между собой соглашения о том, «что с обеих сторон Украину, отчизну нашу милую, разорети, пустошити и ни во что, всех великих и малых на ней жителей, выгубив, оборотити». Чтобы спастись от такой участи, старшина приняла решение разо-

⁴⁸ *Эйнгорн В.И.* Очерки... С. 471.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ АЮЗР. Т. 7. № 17. С. 46; АЮЗР. Т. 8. № 16. С. 55.

рвать с Россией и заключить «братолюбный союз» с казаками Правобережья. Гетман призывал получателей воззвания очистить свой город от русского войска, «не сумниваясь ни в чем»⁵¹. В другом письме, от 11 февраля, отправленном в г. Колонтаев, утверждалось, что русские власти хотят истребить и жителей Слободской Украины, чтобы на местах их проживания «дикие поля были»⁵². Со временем перечень обвинений всё более расширялся. В грамоте, отправленной 14 февраля на Дон, уже говорилось о замыслах правящих в Москве бояр всех донских и запорожских казаков «аки скот в Сибирь загнать», а на их землях поселить «оскуделых ляхов». В том же письме говорилось, что в Москве, договорившись с поляками, отступили от православной веры: «приняли унею и ересь латынскую, егда и ксендзом в церквах служить произволили». И патриарха Никона низложили за то, что он призывал «дабы не присовокуплялись к латинской ереси»⁵³. Воззвания эти, авторитетно подтверждая правильность слухов о заключении русско-польского соглашения, направленного против казаков, убеждали жителей Левобережья в том, что им следует немедленно взяться за оружие, чтобы избежать всеобщего истребления.

Уничтожение русского гарнизона в Гадяче стало началом восстания. Отсюда в разные стороны направлялись гонцы с соответствующими «листами» от гетмана. Из подробного рассказа о событиях, происходивших в Глухове⁵⁴, видно, что хотя уже 8 февраля в город пришел большой отряд казаков, разместившийся в «большом городе», само восстание началось лишь 10-го, когда в Глухов приехал с «листом» от Брюховецкого сотник Филипп Уманец⁵⁵. Вместе с тем из этого описания видно, что не везде происходившие события имели такой драматический характер, как в Гадяче. Глуховского воеводу просили мирно уйти из города вместе

⁵¹ Текст письма от 10 февраля см.: АЮЗР. Т. 7. № 14/І. С. 39–40.

⁵² Там же. № 14/ІІІ. С. 41.

⁵³ АЮЗР. Т. 7. № 28. С. 61–62.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 222. Л. 426–431.

⁵⁵ В «листе» предписывалось: «Учинить бы так же, как в Гадяче» (там же. Л. 429).

с гарнизоном. Уговаривать воеводу приезжал сам глуховский протопоп Иван Шматковский. Лишь после того, как стоявшие в «малом городе» драгуны стали разбегаться, казаки ворвались в крепость, но при этом «никого до смерти не убили и не секли». Под караул взяли только воеводу и «начальных людей», а всех остальных отпустили.

К сожалению, о том, что произошло в других городах, мы располагаем лишь отдельными отрывочными сведениями. Можно лишь определенно утверждать, что целый ряд крепостей восставшим сразу занять не удалось, и началась борьба между ними и русскими гарнизонами в крепостях. Так как восстание застало русское правительство врасплох и оно не могло оказать своим гарнизонам быстрой помощи весной 1668 г., восставшие постепенно овладевали одним городом за другим. Так, 29 февраля 1668 г. был взят штурмом Новгород-Северский, в конце февраля, по-видимому, в руки восставших перешла и Сосница⁵⁶. В марте в руки восставших попали Прилуки⁵⁷. В «Великий пост» капитулировал гарнизон в Лубнах, после того как у него «воду отняли»⁵⁸.

Вместе с тем такими городами, как Переяслав, Нежин, Чернигов, восставшим так и не удалось овладеть. Об осаде Переяслава нам не известно почти ничего, немногим более об осаде Чернигова, сохранилось лишь описание смелой вылазки гарнизона, когда после боя «на Десне на перевозе» сам черниговский полковник Демьян Многогрешный «скинулся в реку Десну с лошадью»⁵⁹. Гораздо больше нам известно об осаде Нежина. Гетман Брюховецкий придавал, по-видимому, взятию этого города особо важное значение. В марте–апреле к Нежину были направлены Переяславский, Прилуцкий и Миргородский полки⁶⁰. В Нежин были присланы служившие гетману отряды «немец» и «поляков», пушки для обстрела крепости «поставили на колокольнях»⁶¹. Туда привезли и по-

⁵⁶ АЮЗР. Т. 7. № 19. С. 48.

⁵⁷ Там же. № 26. С. 55.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 228. Л. 6, 9.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 629. Л. 34.

⁶⁰ Там же. Стб. 613. Л. 8.

⁶¹ РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 228. Л. 4.

казали воевод из взятых крепостей, но это не заставило гарнизон прекратить сопротивление ⁶². Неоднократные штурмы были отбиты с большими потерями для осаждающих ⁶³.

Когда в Москву пришли известия об отпадении Левобережного гетманства, здесь довольно скоро был выработан определенный план военных действий. Соответствующие решения были приняты 16–18 февраля 1668 г. На 8 марта в Белеве был назначен сбор войска во главе с кн. Ю.А. Долгоруким, лучшим из русских полководцев. В состав войска должны были войти все дети боярские «государева двора» и 9 приказов московских стрельцов. Очевидно, по плану правительства это должна была быть главная русская армия. Но еще ранее окольный кн. П.А. Долгорукий должен был «с передовыми людьми» направиться в Севск, чтобы как можно скорее начать военные действия. Одновременно в Смоленске должна была собраться смоленская шляхта и дети боярские Великолуцкого и Торопецкого уездов и идти через Стародуб к Киеву. 18 февраля царь назначил Г.Г. Ромодановского командующим войсками «Белгородского разряда», и в тот же день было отправлено приказание белгородскому воеводе кн. Ю.Н. Барятинскому, не дожидаясь приезда командующего, идти походом к Полтаве ⁶⁴.

9 марта о принятых решениях попытались известить киевского воеводу П.В. Шереметева, связи с которым не было с конца января ⁶⁵. Ему предписывалось идти на помощь Переяславу, Нежину, Чернигову, «послыша наших, великого государя, бояр и воевод с нашими ратми из Белгорода, из Севска и из Смоленска». В Москве явно ориентировались на скорое подавление восстания и не понимали тяжелого положения, в котором оказался П.В. Шереметев, предписывая ему в соответствии с союзными соглашениями «споможение чинить» Белой Церкви. Это было связано с тем, что в Москве в начале марта полагали, что имеют дело только с

⁶² Там же. Л. 2–3.

⁶³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 621. Л. 47; стб. 629. Л. 2, 34.

⁶⁴ Дворцовые разряды. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 716–721.

⁶⁵ Текст грамоты см.: АЮЗР. Т. 7. № 21. С. 50.

выступлением левобережного казачества. В той же грамоте П.В. Шереметеву предписывалось с гетманом Дорошенко «задоров не чинить».

Для сбора ряда формирований требовалось время, время нужно было и для того, чтобы они могли подойти к театру военных действий. В этом отношении в лучшем положении находились войска Белгородского разряда, которые первыми начали военные действия. Они сразу приобрели особое значение, так как развернулись в непосредственной близости от гетманской резиденции — Гадяча. Сохранившиеся отписки Ю.Н. Барятинского и расспросы гонцов от него и к нему в Разрядном приказе позволяют составить достаточно полное представление о его походе. Ю.Н. Барятинский выступил в поход 23 февраля, «скорым обычаем», не дожидаясь, когда соберутся все войска⁶⁶. По-видимому, воевода рассчитывал на быстроту своих действий и полагал, что захваченные врасплох черкасы не станут сопротивляться. Однако эти расчеты оказались ошибочными. Когда воевода подошел 3 марта к Котелве, здесь уже находилась присланная Брюховецким «застава», отряд из 1 тыс. казаков. Воевода сжег городской «посад», под Котелвой в течение двух дней шли бои, перевес сил был на стороне русской армии, но жители упорно отклоняли предложения о сдаче⁶⁷. Тем временем начались волнения в тылу армии на территории Слободской Украины.

Главным организатором волнений стал Иван Серко, занимавший в то время пост харьковского полковника. Белгородский воевода несколько раз предлагал ему вместе с другими полковниками присоединиться к русской армии, но у Серко были другие планы. Определенное представление о них дает попавшее со временем в руки русских властей письмо Серко Брюховецкому от 26 февраля 1668 г. Сообщая, что в Белгороде нет войск, он призывал гетмана к быстрым и решительным действиям, «бысмо не дали скупитца войску московскому». Он предлагал выслать войско в район Котел-

⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 621. Л. 80, 117.

⁶⁷ См. отписки Ю.Н. Барятинского (Там же. Л. 120–121, 124 и сл.).

вы, «под Опошню», а также выслать несколько тысяч казаков Полтавского полка в Мурахву, где он находился. С ними Серко планировал предпринять поход на один из главных центров Слободской Украины — Харьков⁶⁸. Хотя казаков из Полтавы Брюховецкий в Мурахву не прислал, аргументы Серко на него подействовали, и в начале марта он стал рассылать «листы» в города Слободской Украины, извещая их о злых умыслах царя «противно нам, Войску Запорожскому и всему народу украинскому» и призывая присоединиться к Серко⁶⁹.

К осуществлению планов восстания Серко приступил в первых числах марта. 2 марта он призвал к себе казаков Харьковского полка и призывал их уничтожить находившийся в городе русский гарнизон и отправил гонцов в Змиев, Салов, Чугуев. В этих городах начались волнения. Прибывшему в начале марта в Белгород Г.Г. Ромодановскому сообщали, что под Харьковом «уездные... черкасы» «пошли в слободу Марефу» к Серко⁷⁰. Аналогичные известия получил и Ю.Н. Барятинский, который принял решение прекратить осаду Котелвы и отойти к Ахтырскому, куда он прибыл 7 марта. В справке, составленной в Разрядном приказе, приведены такие аргументы, которыми воевода обосновывал свое решение: «А есть ли бы он... с полком в Ахтырское не поспешил и ахтырские б и всех черкасских городов жители великому государю изменили»⁷¹. Так первая попытка воздействовать силой на население Левобережной Украины закончилась полной неудачей.

Последующие шаги предстояло осуществлять Г.Г. Ромодановскому, который 15 марта принял войско у Ю.Н. Барятинского⁷². Волнения некоторое время продолжались. 10 марта произошло выступление в Валках, и казаки пошли оттуда к Серко⁷³. 12 марта такие же волнения начались

⁶⁸ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 621. Л. 110–111.

⁶⁹ См. «листы» Брюховецкого сумскому полковнику, казакам и «пополитым» Сум (там же. Л. 103–105).

⁷⁰ Там же. Л. 74–79.

⁷¹ Там же. Л. 98.

⁷² Там же. Л. 86.

⁷³ Там же. Л. 96.

в Цареве-Борисове, куда приехал сын Серко Петр⁷⁴. Однако на главные центры края восстание не распространилось. Характерно, что Серко, собрав своих сторонников, не пошел походом на Харьков, но направился в Полтаву⁷⁵.

Собравшиеся со Слободской Украины полки Ахтырский, Харьковский, Острогжский присоединились к армии Ромодановского. В марте командующий получил подкрепления — два приказа московских стрельцов⁷⁶. Все это позволило возобновить военные действия, и в конце марта русская армия снова подошла к Котелве⁷⁷. Однако противник сумел воспользоваться перерывом в военных действиях. Уже 9 марта в Котелву вошел с несколькими тысячами казаков гадячский полковник Семен Остренский⁷⁸. Поэтому под Котелвой русская армия столкнулась с упорным сопротивлением⁷⁹. Пришлось перейти к осаде. По сведениям, поступившим к командующему, в городе находилось около 7 тыс. «черкас» и им «запасу будет в Котелве надолго»⁸⁰.

Ромодановский обещал царю, не прекращая осады, когда в реке Ворскле спадет вода, «посылать войною» по другую сторону реки⁸¹. В апреле такие походы были действительно предприняты. 6 апреля отряд во главе с А. Иевлевым взял штурмом Куземин, разбив находившиеся там отряды гадячского есаула Ивана Безрученко и запорожского полковника Козыри⁸². 16 апреля отряд во главе с П. Скуратовым ходил к Опошне, где находился запорожский кошевой Ив. Белковский с большим отрядом запорожцев. Противника «вогнали в город», но этим всё и ограничилось⁸³.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 621. Л. 45.

⁷⁵ Там же. Л. 101.

⁷⁶ Там же. Л. 61.

⁷⁷ Там же. Л. 22.

⁷⁸ Там же. Л. 95.

⁷⁹ О первых боях под Котелвой см. отписку Г.Г. Ромодановского (там же. Л. 22–23).

⁸⁰ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 613. Л. 12.

⁸¹ Там же. Стб. 621. Л. 23.

⁸² Там же. Л. 50–52.

⁸³ Там же. Стб. 613. Л. 7–8.

Все эти действия (даже независимо от их конкретных результатов) касались лишь небольшого района рядом с Котелвой и никак не могли повлиять на общее положение дел. Армия продолжала стоять под Котелвой, и противник получил возможность собрать силы для нападения на нее. Это было тем более возможно, что на других направлениях русские ни в это время, ни позже не добились сколько-нибудь значительных успехов. Так, в «Дворцовых разрядах» сообщение о сборе войска для похода к Киеву сопровождается замечанием — «к Киеву не пришел, а стоял на Почепе»⁸⁴. И здесь русский корпус во главе с кн. Константином Щербатовым столкнулся с казаками стародубского полковника Петра Рославченка. В мае он был назначен наказным гетманом, и ему обещали, что «по траве» к Почепу придут татары и черниговский полк. Узнав об этом, воеводы отступили от Почепа в Брянский уезд⁸⁵. Позднее дети боярские Брянского уезда жаловались царю, что К. Щербатов стоит с полком «меж Брянска и Трубчевска у реки Десны», а черкасы беспрепятственно нападают на земли Брянского уезда «от Стародуба, и от Почепа, и от Мглина»⁸⁶. Не более удачными оказались и действия другого корпуса во главе с кн. П.А. Долгоруким. Корпус осадил Глухов 31 марта⁸⁷, но, хотя здесь в осаде сидели «одни глуховские жители», овладеть городом ему так и не удалось. П.А. Долгорукий попытался убедить защитников сдать город, но на переговорах «доброе ничего не учинилось»⁸⁸.

К этому следует добавить, что в Москве на время отказались от плана мощного удара по Левобережному гетманству с Севера. Хотя 2 марта воеводы во главе с кн. Ю.А. Долгоруким были «у руки», но затем «им царь не указал... итить с Москвы до весны, до больших вестей»⁸⁹. Правда, во вражеском тылу Киев не бездействовал. Объектом борьбы между П.В. Шереметевым и казаками Киевского полка

⁸⁴ Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 721.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 629. Л. 23–24.

⁸⁶ Там же. Стб. 703. Л. 178–179.

⁸⁷ Там же. Л. 462.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 228. Л. 10, 12.

⁸⁹ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 724.

стала крепость в Остре — городе, лежавшем на Днепре севернее Киева. К Остру дважды ходили войска из Киева, наносили поражение противнику, снабжали гарнизон людьми и запасами, но затем осада возобновлялась⁹⁰. Так, один из казацких отрядов был разбит у Гоголева⁹¹, а Ромодановскому сообщали, что высланные из Киева «ратные люди» «выжгли» Козелец⁹², но общей картины это существенно не меняло.

В середине апреля командующий получил известия, что Брюховецкий приказал Нежинскому, Переяславскому, Прилуцкому и Миргородскому полкам прекратить безуспешную осаду русского гарнизона в Нежине и «итить на вспоможенья котельянам»⁹³. Тогда же обозначилась перспектива скорого прихода на Левобережье не только войск Дорошенко, но и Орды.

В соответствии с решениями рад в Гадяче и Чигирине в начале 1668 г. оба гетмана отправили своих послов к султану в Эдирне. Послы П. Дорошенко прибыли туда 14 марта, послы И. Брюховецкого — 2 апреля⁹⁴. Как удалось выяснить русским дипломатам, послы Брюховецкого заявили, что казаки хотят «быть под салтановою рукою в вечном подданстве», и просили выслать войска для защиты от русских воевод⁹⁵. Каймакам султана заявил находившимся в Эдирне русским послам, что за тех казаков, которые служат царю, султан «не вступаетца», а относительно послов Дорошенко им сообщили, что те ищут помощи против польского короля⁹⁶. Действительность выглядела существенно иначе, в чем в Москве могли убедиться, когда в русские руки попало письмо послов Дорошенко, толмача Ивана Васильковского и подписка Григория Снитковского, отправленное гетману

⁹⁰ АЮЗР. Т. 7. № 26. С. 54–55.

⁹¹ Там же. № 27. С. 60.

⁹² РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 621. Л. 47.

⁹³ Там же. Стб. 613. Л. 8.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Кн. 10. Л 199об.–200об., 272.

⁹⁵ Там же. Кн. 8. Л. 176об.–177.

⁹⁶ Там же. Кн. 10. Л. 150об., 199об.

из Балыклеи 14 мая 1668 г.⁹⁷ Они сообщали, что султан готов исполнить все просьбы Петра Дорошенко. Он уже послал «емиры» к хану, силистрийскому паше и господарям Дунайских княжеств, «чтоб тотчас по первому писму твоему... стали бы они со всеми силами своими, где им велиши». В письме говорилось даже о том, что «если бы сего великая нужда требовала», султан выступит «сам особою своею» против Речи Посполитой или против России. В письме с удовлетворением отмечалось, что в отличие от них послы Брюховецкого в Эдирне задержали якобы потому, что они приехали к султану, «не будучи ранее» у Дорошенко. По-видимому, в этом отношении утверждения авторов письма не отвечали действительности. Известен сохранившийся в одном из собраний османских документов текст грамоты султана Брюховецкому, по которому султан брал казаков Левобережья под свою защиту и обещал помощь крымского хана⁹⁸. Сведения о возвращении этих послов на Украину содержатся в польских источниках⁹⁹.

Разумеется, ни Дорошенко, ни Брюховецкий не могли рассчитывать на то, что султан немедленно выступит им на помощь «своею особою», но покровительство султана давало возможность с уверенностью рассчитывать на татарскую помощь.

Важные сведения о начале переговоров с Крымом о такой помощи и возникших при этом препятствиях содержит попавшее в руки русских властей письмо П. Дорошенко И. Брюховецкому от 24 февраля 1668 г. Он извещал левобережного гетмана, что на р. Цыбульник близ Чигирина пришел отряд татар во главе с Кутлуш-мурзой, но татары не решаются идти в поход, требуя гарантий безопасности со стороны Запорожья. В памяти крымских военачальников, видимо, прочно сохранялось то обстоятельство, что когда орда выступила в 1659 г. на помощь Выговскому, Серко из

⁹⁷ Перевод письма см.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 613. Л. 19–21.

⁹⁸ Hammer J. Histoire de l'empire ottoman. Т. XI. Paris, 1838. P. 369, 462.

⁹⁹ Крикун М. Між війною і радю. Казачтво правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 253.

Запорожъя предпринял поход на крымские улусы. Дорошенко просил коллегу использовать свои связи, чтобы такие гарантии были даны ¹⁰⁰.

У обоих гетманов была реальная возможность добиться получения таких гарантий, так как Запорожье в разразившемся конфликте выступало на их стороне. Гетман Брюховецкий последовал предложениям и в конце марта отправил на Правобережье Серко «для стверження с ордою присяги» ¹⁰¹. Об усилиях, предпринятых со стороны Дорошенко, сообщали в начале мая польские резиденты в Крыму. Дорошенко отправил в Сечь судью Богаченко, чтобы заключить соглашение с Запорожьем «i jassyg odebrać tatarski» ¹⁰². Вероятно, благодаря всем этим хлопотам в Крым было отправлено посольство из Сечи, которое и заключило соглашение между Запорожьем и татарами. Одно из его условий предусматривало возвращение захваченного запорожцами татарского «полона» ¹⁰³.

Существовало, видимо, и другое препятствие. Гетман Брюховецкий не вызывал доверия у крымских политиков ¹⁰⁴. Поэтому, по-видимому, они стали требовать от него таких шагов, которые сделали бы невозможным его соглашение с русским правительством. Неслучайно после встречи с татарскими послами в Гадяче гетман отправил в Крым в подарок 44 чел. «русских людей и черкас» ¹⁰⁵.

По-видимому, после того, как эти препятствия отпали, выступило в поход татарское войско во главе с Адильшамурзой, главой рода Ширинтов, и Муратшей Мансуровым.

¹⁰⁰ Текст письма см.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 621. Л. 107–108.

¹⁰¹ Сообщения лазутчика из Гадяча: там же. Л. 11.

¹⁰² Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / Zebr. i wyd. F. Kluczycki. T. I. Cz. 1. Kraków, 1880. № 145.

¹⁰³ Показания пленных казаков из Корсуни (июнь 1668 г.): РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 613. Л. 80, 88.

¹⁰⁴ «Zadnieprowskim jeszcze nie dowierzaia», — писали 17 апреля н. ст. польские резиденты из Крыма (Pisma... T. I. Cz. 1. № 141. S. 356).

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 613. Л. 11. С приходом татар на Левобережье гетман передал им и находившихся у него в плену русских воевод (там же. Л. 37).

Так как успех похода не был очевиден, то русскому представителю в Крыму, подъячому Гавриле Михайлову, объясняли, что мурзы пошли в поход якобы по собственной инициативе, «наговоря... черных людей»¹⁰⁶.

В конце весны собравшиеся на Правобережье татарские войска и войска Дорошенко стали переходить Днепр. Дорошенко взял с собой полки Чигиринский, Черкасский, Корсунский, Тарговицкий, Уманский и полк «охочих людей»¹⁰⁷. 2 июня главные татарские силы подошли к Полтаве, и здесь для них «збирали стацею»¹⁰⁸. Войска Дорошенко, Брюховецкого и Орды с разных направлений двигались к Котельве, которую все еще осаждала армия Г.Г. Ромодановского. Полтавский полковник в перехваченном письме защитникам Котельвы выражал надежду, что эту армию постигнет «другая Конотопщина»¹⁰⁹.

Понимая опасность положения, Г.Г. Ромодановский предпринял попытку взять крепость до подхода главных сил противника. 1 июня был «большой бой» «на шанцах» у Котельвы, но он не привел к успеху. Пленные сообщали, что в городе много хлеба и его защитники не собираются сдаваться¹¹⁰. Когда 10 июня командующий получил сведения, что войска противника соединились в районе Опошни и переходят Ворсклу, направляясь к Котельве¹¹¹, было принято решение об отступлении. Встреча двух войск, как известно, завершилась убийством Брюховецкого, но на ход военной кампании это не оказало влияния, так как левобережные полки признали своим гетманом Дорошенко. 12 июня противник догнал русскую армию на переправе через реку Хухру. Два дня шли тяжелые бои, во время которых «татар и черкас многих побили и с поля збили». Армия пробилась к Ахтырскому и стала здесь

¹⁰⁶ См. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 101.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 613. Л. 82.

¹⁰⁸ Там же. Л. 28.

¹⁰⁹ Там же. Л. 23.

¹¹⁰ Там же. Л. 32–33.

¹¹¹ Там же. Л. 61–62.

укрепленным лагерем¹¹². Таким образом, армия Г.Г. Ромодановского была оттеснена к границе между гетманством и Слободской Украиной, но она не была уничтожена и при благоприятной ситуации могла возобновить военные действия. Уже в 20-х числах армия стала отбивать попытки войск Дорошенко занять города на территории Слободской Украины.

П. Дорошенко с казацким войском и татарами двинулся в северную часть Левобережного гетманства. Сначала в Гадяч, где находились «скарбы» Брюховецкого, а затем в Ромны. К этому времени у Дорошенко возникли сложности в отношениях с его татарскими союзниками. Ряд сообщений на эту тему содержали показания казака из Крылова, попавшего в русский плен. По его словам, татары, недовольные тем, что они не сумели добыть «полона», «учели воевать мало-российские города и уезды»¹¹³.

Очевидно, к этим событиям относится сообщение в одной из июньских отписок Г.Г. Ромодановского о судьбе жителей слободы на Мурахве, которые покинули место обитания, чтобы уйти за Днепр, и их «на поли на речке Коломке татаровя разобрали всех с женами и з детми»¹¹⁴. После этого 4-тысячный отряд татар, «набрав полону многих людей», отправился в Крым¹¹⁵. Главные силы Орды, однако, оставались с Дорошенко, и тогда было принято решение предпринять поход на север, на земли Севского уезда, очевидно, чтобы добыть нужный татарам «полон». Вместе с татарским войском Дорошенко отправил в поход Тарговицкий и Корсунский полки и полк «охочих людей» во главе с полковником Бугаем¹¹⁶. Войско направилось на север, перейдя реку Сейм ниже Батурина, и шло к Севску «пустыми и лесными местами», очевидно, чтобы нападение было неожиданным и население не успело бы попрятаться в недоступных местах¹¹⁷.

¹¹² Новосельский А.А. Борьба... С. 101–102.

¹¹³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 703. Л. 236.

¹¹⁴ Там же. Стб. 613. Л. 101.

¹¹⁵ Там же. Стб. 703. Л. 236.

¹¹⁶ См. рассказ в Разряде А. Иевлева (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 613. Л. 134–135).

¹¹⁷ Там же. Стб. 703. Л. 235, 236.

По сведениям, которыми располагали в ставке Дорошенко, здесь находился достаточно слабый корпус во главе с П.А. Долгоруким, который долго и безуспешно осаждал Глухов. Здесь полагали, что этот корпус не сможет дать отпор казацко-татарской армии, и первоначально эти ожидания оправдались. Когда 20 июня к Глухову пришли татарские и казацкие отряды, П.А. Долгорукий отступил от города к расположенной в 30 верстах Круглой Поляне, но и тут на его «обоз» приходили татары и казаки¹¹⁸. Однако в конечном итоге принятое решение оказалось ошибочным. Ведь уже в середине апреля в Москве было решено направить на территорию гетманства с севера войско во главе с одним из главных членов думы, возглавлявшим ее в отсутствие царя, кн. Г.С. Куракиным¹¹⁹. 12 мая воеводы во главе с Г.С. Куракиным были «у руки», вместе с ними в поход были отправлены многие дети боярские «государева двора»¹²⁰. Сборы войска заняли достаточно долгое время, но 30 июня воеводы с войском пришли в Севск. Таким образом, именно в то время, когда отряды татар стали захватывать «полон» в Севском уезде, туда прибыли крупные военные силы. Как сообщал царю кн. Г.С. Куракин, бои в районе Севска продолжались с 3 по 5 июля. Противник был обращен в бегство, весь русский «полон» был отбит, захвачены татарские знамена, в плен попали двое мурз и татарский «абыз»¹²¹. 16 июня Г.С. Куракин отправил отряды под Глухов, под Королевец и под Воронеж¹²², и от взятых пленных узнали, что «неприятельских, де, никаких людей в ближних местех нет», разбитые под Севском войска «пошли к Днепру»¹²³. Таким образом, татарско-казацкая армия потерпела серьезное поражение. Правда, воеводы в отписках царю могли преувеличивать достигнутые успехи, но в данном случае сообщения Г.С. Куракина

¹¹⁸ Там же. Л. 122, 124–125.

¹¹⁹ Там же. Л. 31–32.

¹²⁰ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 747, 752–753.

¹²¹ См. отписки Г.С. Куракина: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 703. Л. 231–233, 238–239.

¹²² Там же. Л. 276.

¹²³ Там же. Л. 291.

подтверждаются свидетельствами других источников. Как сообщал перебежавший на русскую сторону «слуга» гетмана Дорошенко, в Сребное возвратились из ушедшего в поход войска «немногие татаровья и черкасы, пеши и ограблены». С ними привезли раненого сына Адильши-мурзы, главы татарского войска.

Вскоре после этого произошло важное событие — Петр Дорошенко ушел за Днепр и увел с собой татар и правобережные полки. В гетманской резиденции — Гадяче остался в качестве представителя его власти брат Андрей с 7 хоругвями казаков. Северским гетманом был назначен черниговский полковник Демьян Многогрешный. Получили важные посты и помогавшие гетману предводители запорожцев — Иван Серко стал нежинским полковником, кошевой Иван Белковский — прилуцким¹²⁴.

Каковы были мотивы такого решения, приведшего к резкой перемене ситуации на Левобережье?

По мнению Н.М. Петровского, Дорошенко ушел за Днепр, опасаясь нападения на Правобережье польских войск во главе с Яном Собеским¹²⁵. В подтверждение он сослался на относящиеся к июню 1668 г. письма Петра Дорошенко и его брата Григория к молдавскому господарю. Ссылаясь на «эмиры» султана, предписывавшие оказывать им помощь, они просили помощи против «ляхов», собравших войско под Ляховицами¹²⁶. Петровский обнаружил и русское свидетельство, подкреплявшее его точку зрения. Это было сообщение «слуги», бежавшего от Дорошенко перед его уходом за Днепр, что к гетману приезжал подольский полковник Остап Гоголь, сообщивший, что его брата Григория поляки осадили в Кальнике¹²⁷.

И всё же, хотя эта версия выглядит хорошо обоснованной, она вызывает ряд вопросов. Действительно, Я. Собеский

¹²⁴ *Петровський М.* Нариси історії України XVII — початку XVIII століть. Т. I (Дослід над літописом Самовидця). Харків, 1930. Прил. № 11. С. 401–402.

¹²⁵ *Петровський М.* Нариси... Т. I. С. 294.

¹²⁶ *Pisma...* Т. I. Cz. 1. N 156–157.

¹²⁷ *Петровський М.* Нариси... Т. I. Прил. № 11. С. 402.

летом 1668 г. собрал армию под Львовом и в июле–августе 1668 г. находился на Волыни¹²⁸. Но сбор этой армии был вызван известиями о сборе на южной границе Речи Посполитой османских и молдавских войск. О каких-либо действиях польских войск, направленных в это время против гетманства, не знает ни биограф гетмана Т. Корзон¹²⁹, ни специально изучавший польско-украинские отношения этого времени Я. Перденя. Более того, как показал этот исследователь, в июле 1668 г. Я. Собеский пошел на уступки по отношению к Дорошенко, согласившись убрать коменданта Белой Церкви, на которого жаловался гетман, и уменьшить гарнизон крепости¹³⁰. Всё это заставляет искать иного объяснения решению гетмана. Как представляется, военная кампания на Левобережье начиналась с надеждой на появление на этой территории вслед за передовым татарским войском главных сил Орды, возможно, во главе с самим ханом¹³¹. Однако эти главные силы так и не появились, а и армия Дорошенко, и татарские войска понесли серьезные потери, и часть их, отделившись от основной армии, оправилась «на Полтаву в Крым»¹³². В таких условиях гетман нуждался в пополнении своего войска, чтобы успешно противостоять двум русским армиям, стоявшим у Севска и у Ахтырского. Дорошенко обещал вернуться через месяц¹³³. Очевидно, по его расчетам ему нужно было столько времени, чтобы пополнить свое войско и привести на Левобережье новые татарские силы¹³⁴. Однако наступившие в это

¹²⁸ *Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego (1629–1674)*. Т. II. Kraków, 1898. S. 306.

¹²⁹ В биографии Я. Собеского, написанной З. Вуйциком, деятельность гетмана летом 1668 г. не нашла отражения.

¹³⁰ *Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko a Polska*. Kraków, 2000. S. 158–159.

¹³¹ См. об этом в перехваченном письме полтавского полковника Константина Кублицкого в Котельву: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 613. Л. 22. См. и более поздние сообщения: там же. Л. 50, 64, 66, 77.

¹³² Там же. Л. 129.

¹³³ Там же. Л. 131.

¹³⁴ Возможно, эти планы отразились в дошедших до князя Г.С. Куракина «вестях», что ко дню Успения Богородицы (15 августа ст. ст.) Дорошенко должен прийти к Глухову вместе с ханом (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 90).

время резкие перемены в отношениях гетмана с Запорожьем и Крымом лишили его этой возможности.

С последствиями этих перемен русское правительство столкнулось позднее, уже осенью 1668 г., а в середине лета перед ним возник вопрос, как использовать ситуацию, сложившуюся с уходом Дорошенко за Днепр.

Армия Г.Г. Ромодановского, используя ситуацию, перешла Ворсклу и стала предпринимать нападения на близлежащие поселения «изменников», но это было совсем не то, чего хотели бы в Москве. 19 июля командующим обеими армиями был послан приказ идти к Нежину¹³⁵. Таким образом, царь и его советники приняли решение собрать военные силы и направить их в северную часть Левобережья. Выработанный план военных действий в Москве, по-видимому, продолжали обсуждать. Подчиненный Г.Г. Ромодановского А. Иевлев во время расспроса в Разрядном приказе возражал против похода из Ахтырки на Нежин, так как тогда в тылу русской армии окажутся находящиеся в Опошне казаки Полтавского полка, «серденята», находящиеся в Зинкове, и казаки Лубенского и Прилуцкого полков в Гадяче¹³⁶. По-видимому, эти возражения заставили внести коррективы в задуманный план, так как, выступив 2 августа в поход, Г.Г. Ромодановский привел армию не к Нежину, а к Путивлю. Здесь армия Ромодановского соединилась в войскамии Г.С. Куракина¹³⁷. Что касается этого военачальника, то, как отмечено в «Дворцовых разрядах», он начал поход к Нежину с попытки взять Глухов и отошел к Севску после безуспешной осады этого города¹³⁸. В результате командование объединенными силами было передано Г.Г. Ромодановскому. Однако если, проявив осторожность, правительство собирало военные силы за рамками театра военных действий,

¹³⁵ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 810.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 613. Л. 135–136.

¹³⁷ Там же. Л. 144–145.

¹³⁸ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 825. В одном из своих писем царю, относящихся к лету 1668 г., воевода писал: «А я, холоп твой, за своею дряхлостью и болезнью в походы ходить не смогу, насилиу и в съезжую избу волочусь» (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 703. Л. 277).

то цель нового похода не изменилась. На это указывает не только выбор для сбора войск Путивля — города, лежавшего на границе с Черниговской землей, — но и прямые указания царя Г.Г. Ромодановскому «итить под Нежин и Чернигов на выручку государевым людям»¹³⁹.

Разумеется, беспокойство за судьбу русских гарнизонов в этих городах, всё еще продолжавших сопротивление, было достаточным основанием для похода к Чернигову и Нежину. Однако, как представляется, решение царя и его советников определили и другие весьма важные соображения. Мимо их внимания, несомненно, не прошло, что в сложных событиях и второй половине 1659 г., и рубежа 1660/1661 гг. именно с северной части Левобережья началось восстановление русской власти.

Для понимания последующих событий важно было бы выяснить, каковы были настроения разных групп населения Левобережного гетманства, и особенно северной его части, летом — в начале осени 1668 г. Главным источником здесь могут служить лишь свидетельства лазутчиков, высланных на эти земли, пленных и выходцев в русские полки, однако сообщения на интересующую нас тему встречаются в них скорее как исключение. Всё же и эти немногие свидетельства могут дать определенный материал для выяснения поставленного вопроса. Так, заслуживают внимания встречающиеся в этих речах свидетельства о настроениях мещан на территории, охваченной восстанием. 28 марта казак Андрей Котенок, навещавший родственников в Гадяче, сообщал: «А Гадяцкие, де, мещане в великом сумненье, а меж себя говорят: не ведомо, де, что будет, добро или худо»¹⁴⁰. Еще интереснее в этом плане речи казака из Лебедина, записанные 12 марта. Безуспешность штурмов Нежина он объяснял тем, что «которого дни приступу быть и казаки, де, нежинские и мещане в замок воеводе весть дают»¹⁴¹. Эти свидетельства показывают, что вряд ли можно говорить о единодушной поддержке восстания со стороны левобережного мещанства.

¹³⁹ Дворцовые разряды... Т. 3. Стб. 826.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 621. Л. 68.

¹⁴¹ Там же. Л. 47.

В приведенном сообщении упоминаются и нежинские казаки; очевидно, что и в их среде были разные настроения. В этом плане представляет определенный интерес пассаж в письме глуховского полковника Филиппа Уманца рыльскому воеводе, написанном в июле 1668 г. в связи с предполагавшимся обменом пленными. Здесь читаем: «И сами вы знаете, мы правде не были изменниками и не от нас ся тое стало, только видих... то Бог, а невинного кровопролития судить ему, о що ся стало, под властью живучи, мусим жить и слухать»¹⁴². Здесь важно отметить само появление такого пассажа в письме, посвященном совсем другой теме. Заслуживает внимания и тональность этого пассажа, явно проявляющееся в нем стремление отмежеваться от происшедшего и возложить ответственность за всё на стоящие над глуховскими казаками «власти».

Конечно, далеко не все среди казаков разделяли такие настроения. Об этом ясно говорит упорная защита Котельвы от армии Г.Г. Ромодановского. Неслучайно в одной из отписок командующего читаем, что «котельвяне стоят в великом упорстве и склонности никакие от них нет»¹⁴³. Каковы же были причины такого упорства? Некоторый свет на эту сторону дела проливает запись показаний Мишки, «человека» П.В. Шереметева, находившегося в первые месяцы восстания в Новгороде-Северском. Казаки говорили ему, что были вынуждены восстать, так как царь и король «велели их, всех черкас, побить и совсем всю Украину разорить»¹⁴⁴. Таким образом, под влиянием воззваний Брюховецкого казаки были убеждены, что они находятся в безнадежной ситуации, у них нет выбора и им ничего не остается, как защищаться с оружием в руках.

К сожалению, в первые месяцы восстания русские власти не предпринимали усилий, чтобы убедить население Левобережья в обратном, хотя, как увидим далее, «прелестные листы» Брюховецкого уже в марте оказались в Москве. Нель-

¹⁴² РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 629. Л. 40.

¹⁴³ Там же. Стб. 613. Л. 53.

¹⁴⁴ Там же. Стб. 629. Л. 35.

зя сказать, чтобы совсем ничего не делалось, но отдельные предпринятые шаги оказались неудачными, так как в Москве плохо представляли себе реальное положение дел.

Когда началось восстание, в Москве решили воспользоваться тем, что в январе здесь побывали посланцы Запорожской Сечи с просьбой о жалованье, чтобы привлечь запорожцев к борьбе с восставшими. В грамоте от 8 марта, адресованной кошевому атаману Ивану Белковскому и всему Войску Запорожскому, обличали Брюховецкого, который «хочет бусурманов себе на оборону взять», и призывали запорожцев «воров отступников... приводить к послушанию». Одновременно в документе указывалось, что Г.Г. Ромодановскому выслано для передачи запорожцам «две тысячи рублей да сукон разных цветов сто связков немецких»¹⁴⁵. В документе, составленном, судя по всему, в канцелярии начальника Малороссийского приказа А.Л. Ордина-Нащокина, с ударением подчеркивалось, что теперь «по утверждению посольскому» соединенными силами обоих государств «Коруне Полской защищение чинитца и оборона» и между этими государствами существует союз «против бусурман и тех отступников, которые хотели с бусурманы случаться». Составители грамоты явно не понимали, что именно заключение союза между Россией и Речью Посполитой вызвало враждебную реакцию запорожцев и побудило их присоединиться к Брюховецкому и Дорошенко. Получив эту грамоту, Г.Г. Ромодановский, разумеется, не мог передать ее Ивану Белковскому, находившемуся с большим отрядом запорожцев в войске Дорошенко. Грамота была отправлена в Сечь с казаками из Красного Кута, которые в начале июля еще не вернулись¹⁴⁶. Этим свидетельства о попытке русской власти оказать воздействие на позицию Запорожской Сечи пока и ограничиваются.

В первые месяцы восстания предпринимались также попытки привлечь на русскую сторону Ивана Серко, который был хорошо известен русским политикам как борец с татарами.

¹⁴⁵ АЮЗР. Т. 7. № 20. С. 48–50.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 613. Л. 113.

28 июня Г.Г. Ромодановский получил адресованную Серко царскую грамоту «о обращении его от измены». В своей отписке командующий писал, что и он, и белгородский митрополит уже пытались воздействовать на Серко, и он «тех посыльных людей сам своими руками посекал». Серко, — сообщал он в Москву, — один из ближайших советников Дорошенко. Всё же он выражал готовность передать грамоту, когда Серко «из войска куда поедет»¹⁴⁷. 10 июля к Серко действительно был отправлен посланец из Сум со «списком» царской грамоты¹⁴⁸. Грамота, однако, так и не была вручена, так как из отписки Г.Г. Ромодановского мы узнаем, что в августе она была отослана в Москву¹⁴⁹.

Серьезные попытки повлиять на настроения населения Левобережной Украины были предприняты лишь в конце лета 1668 г., когда в общем положении дел произошли важные, неблагоприятные для Дорошенко перемены. П. Дорошенко не смог выполнить своего обещания и вернуться на Левобережье через месяц. Помешали этому, как известно, резкие перемены в его отношениях с Запорожьем и Крымом.

О резкой перемене в отношениях между Дорошенко и Запорожьем сообщали 18 августа н. ст. польские резиденты из Крыма. К хану прибыли запорожские послы, заявившие о своем намерении сместить Дорошенко и поставить другого гетмана и просившие у хана помощи против Дорошенко. Послы заявили, что если хан откажет, запорожцы пойдут из Сечи на Крым¹⁵⁰. Позднее, когда избрание нового гетмана состоялось, он, по сообщению одного из выходцев из Чигирина, потребовал, чтобы Дорошенко пришел «на черную раду в Запорожье, и кого войско оберет, и бунчюк, тот у нас и будет гетманом»¹⁵¹. К сожалению, причины столь резкой перемены в настроениях казаков наши источники никак не объясняют. Обвинения в том, что Брюховецкий был убит «без рады», или

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 613. Л. 112–113.

¹⁴⁸ Там же. Л. 123–124.

¹⁴⁹ Там же. Стб. 703. Л. 468.

¹⁵⁰ Pisma... Т. I. Cz. 1. N 173.

¹⁵¹ АЮЗР. Т. 7. № 36. С. 103.

требование отдать запорожцам его «животы»¹⁵² были отражением каких-то более общих, более глубоких перемен.

Конечно, в походе на Левобережье приняли участие предводители запорожских казаков (Серко, кошевой Иван Белковский), связанные с Дорошенко. Они (как, например, Серко) продолжали и далее поддерживать его. В этих условиях в Сечи легко могли взять верх противники Дорошенко. Однако что вызвало их недовольство? Относящееся к началу октября воззвание нового гетмана¹⁵³ повторяло обвинения, выдвинутые Дорошенко и Брюховецким против обоих государств, и прежде всего против России, которая хочет ввергнуть население Украины «в тяжкую, подобное египецкую, работу Московскую», а села «с церквами Божиими... огню и запустению предати». К этому в воззвании добавлялись обвинения русских властей в том, что они хотят превратить православные церкви в костелы «и присяга от самого царского величества тайная с двумя езуиты на Москве стала». Поэтому авторы воззвания призывали к бескомпромиссной борьбе с противниками и не слушать царские грамоты «и слова умяхченные паче елея». Под таким воззванием вполне мог бы подписаться сам Дорошенко.

Как представляется, в основе конфликта лежало враждебное отношение запорожцев к попыткам Дорошенко укрепить гетманскую власть, создавая зависимую от него наемную армию — «серденяцкие войска», предлагая сделать гетманство пожизненным. Запорожье было явным препятствием на пути к осуществлению таких планов, и неслучайно успехи Дорошенко в деле собирания под его властью земель по обеим сторонам Днепра сопровождалось появлением планов уничтожения Запорожской Сечи с помощью татар. Как сообщали польские резиденты в Крыму 2 мая н. ст. 1668 г., послы Дорошенко, приехавшие способствовать заключению соглашения между Запорожьем и Крымом, направленного против России, одновременно предлагали хану «Zarogoże znieść»¹⁵⁴.

¹⁵² Там же. № 35. С. 98, 103.

¹⁵³ Там же. № 32. С. 84–85.

¹⁵⁴ Pisma... T. I. Cz. 1. N 145.

Возможно, запорожцы что-либо узнали о таких планах, и отсюда их такое враждебное выступление против Дорошенко и намерение сделать «чернеческую раду» на Запорожье верховным органом власти на Украине.

Главная опасность для Дорошенко в данной ситуации состояла в том, что инициатива запорожцев встретила благоприятный отклик у хана и крымской знати. Была достигнута договоренность, что на Украину направится второе лицо в ханстве — калга Крым-Гирей с большим войском. Ему хан приказал, чтобы «Doroszenka nie słuchał»¹⁵⁵. По сведениям, которые сообщил выходец из Чигирина, на выборах гетмана в Сечи присутствовали представители хана и запорожцы принесли присягу, что татары получают «все вольности в кочевьях» около Запорожья, а крымские послы «шерть учинили на том», что из Крыма им будет оказана военная помощь¹⁵⁶. Эконом киевского Кириллова монастыря Иезекииль, побывавший в сентябре 1668 г. в Чигирине, видел грамоту от нового гетмана, на которой вместо традиционно для запорожской печати изображения человека с мушкетом было помещено характерное для крымской сфрагистики изображение лука и двух стрел¹⁵⁷.

Гетманом на Запорожье был избран Петр Суховеенко, 23-летний войсковой писарь, который установил хорошие отношения с крымской знатью, когда ездил послом к хану для заключения договора¹⁵⁸. Мотивы действий крымской знати очевидны. Если стратегические цели османской и крымской знати по отношению к государствам Восточной Европы, как правило, совпадали, то перспектива усиления прямого османского присутствия в этом регионе постоянно вызывала враждебную реакцию социальной верхушки Крымского ханства. Рост внимания правящих османских кругов к восточноевропейскому региону уже в предшеству-

¹⁵⁵ Pisma... Т. I. Cz. 1. N 173.

¹⁵⁶ АЮЗР. Т. 7. № 36. С. 103.

¹⁵⁷ Там же. № 31. С. 82.

¹⁵⁸ См. свидетельство нежинского протопопы Семиона (АЮЗР. Т. 7. № 34. С. 92) и Літопис Самовидця... С. 105–106.

ющие годы выразился в том, что входившие ранее в состав ханства Белгородская и Очаковская орды оказались подчинены прямой власти султана. В конце 1667 г., беседуя с польскими резидентами в Крыму, татарские вельможи выражали беспокойство, что «вскоре и Перекоп от них отпадет и Крым в турецкие перейдет руки»¹⁵⁹. Принятие под османский протекторат Правобережного гетманства было явно еще одним шагом в этом направлении. Окруженный зависимыми землями султана, Крым мог легко превратиться в одну из провинций Османской империи. Выступление запорожцев давало возможность устранить Дорошенко с его планами и добиться восстановления более раннего порядка отношений, когда хан был союзником и «покровителем» казаков. Как сообщали 3 октября н. ст. Яну Собескому, вышедшее из Крыма войско во главе с калгой Крым-Гиреем две недели стояло у Запорожья, а затем двинулось к Полтаве¹⁶⁰ — на земли тех левобережных полков, которые в середине XVII в. были особо тесно связаны с Запорожской Сечью.

К сожалению, хронология событий остается неясной. Важное значение в этом отношении представляет уже цитировавшееся в иной связи сообщение Иезекииля, эконома Кириллова монастыря, который побывал 16–20 сентября 1668 г. в ставке Дорошенко в Секерной. Здесь, по свидетельству эконома, к этому времени было собрано «сердяцкое войско» и 9 правобережных полков¹⁶¹. Выбор места для сбора войска — у переправы через Днепр на земли Переяславского полка — явно говорит о том, что гетман готовил новый поход на Левобережье. Однако уже в то время, когда эконом приехал в ставку, здесь стало известно о выступлении Петра Суховеенка, «который учинен от хана крымского в Запорогах гетманом»¹⁶². Планы похода на Левобережье тем самым оказались нереальными. Одновременный конфликт с Россией, Крымом и новым гетманом был не по силам Дорошенко.

¹⁵⁹ Pisma... T. I. Cz. 1. N 121. S. 328.

¹⁶⁰ Ibid. N 183. S. 418.

¹⁶¹ АЮЗР. Т. 7. № 31. С. 83.

¹⁶² Там же. С. 82.

Неслучайно (и явно желая быть услышанным) он заявил в эти дни, что если и пойдет за Днепр, то только против Петра Суховеенка, и выразил желание послать в Москву уманского полковника Михаила Ханенко, «чтоб у великого государя милости просить»¹⁶³. То, что понимал Дорошенко, должны были понимать и левобережные полковники, которые теперь явно не могли рассчитывать на помощь с его стороны. Именно в это время были предприняты первые серьезные попытки добиться возвращения населения Левобережной Украины под русскую власть. Они связаны с именем шляхтича Феофила Тимофеевича Бобровича. Этот человек, выполнявший поручения русского правительства и имевший, по-видимому, определенные связи в украинском обществе¹⁶⁴, был отправлен в конце июня на Украину для сбора «вестей» о положении в малороссийских городах, которые он должен был высылать в Москву¹⁶⁵.

Неизвестно, получил Феофил Бобрович какие-либо дополнительные инструкции или действовал по собственной инициативе, но 28 июля он обратился с письмом к жителям Глухова. В письме он обличал их «измены», троекратное нарушение присяги, вступление в союз с «бусурманами», но призывал одновременно покаяться, так как царь «еще терпит, милосердуя о вас». В этом случае, — заверял Феофил Бобрович, — они могут рассчитывать на царскую милость. Уговоры сопровождались угрозой. Бобрович предлагал вспомнить судьбу жителей Старого Быхова, которых упорство привело к гибели¹⁶⁶. Тогда же, в конце июля, он получил предложение от Дорошенко приехать к нему на переговоры (об этом подробнее — ниже). С ответом Бобрович 6 августа отправил посланца попа Федора Петрова, снабдив его грамотой к жителям малороссийских городов с просьбой о

¹⁶³ АЮЗР. Т. 7. № 31. С. 82–83.

¹⁶⁴ В адресованном ему письме гетмана Дорошенко упоминалось о «давней приязни», связывавшей гетмана и Бобровича (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 114).

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 703. Л. 138–141.

¹⁶⁶ Текст письма в Глухов см.: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 96–100. О дате письма см.: там же. Л. 109.

поезде ¹⁶⁷. В ответ он получил письмо от жителей Конотопа, в котором говорилось, что они ожидают соглашения между царем и гетманом и хотели бы жить в мире и соседской приязни с Путивлем ¹⁶⁸. Мотивы, двигавшие составителями письма, очень точно охарактеризовал в своей отписке царю Феофил Бобрович: «А по писму, государь, знатно, что изволокают и желают смирения на рубеже обманно, чтоб хлеб собрать, а о здаче и что тебе, великому государю, вина принести, о том ничего не пишут» ¹⁶⁹. Посланец воспользовался этим, чтобы отправить к жителям Конотопа 9 августа письмо, близкое по содержанию к письму, ранее отправленному в Глухов ¹⁷⁰. Вместе с обличением «измен» в листе также говорилось, что «великого государя милосердие всем открыто», «великого государя милость к вам есть и будет». В знак доброй воли он просил освободить находившихся в городе русских пленных. И это письмо, и письма, которые Бобрович посылал в Конотоп и Глухов позднее, в середине и конце августа, не привели к конкретным результатам. В глазах жителей Конотопа Бобровича дискредитировало нападение на Конотоп 11 августа отряда Венедикта Змеева, который не знал о начавшихся переговорах. После этого, как сообщал посланец царю, «тую мою... ссылку поставили в обману» ¹⁷¹. Жители Глухова готовы были вернуться под русскую власть, но опасались, чтобы их «не вырубили» ¹⁷², а Ф. Бобрович не был достаточно авторитетным, чтобы убедить их в ложности этих опасений. Иное дело, если бы с соответствующими заверениями выступил человек, пользующийся авторитетом в самом украинском обществе. Так и произошло, но после того, как в конце августа армия во главе с Г.Г. Ромодановским выступила в поход из Путивля. К сожалению, отписки Г.Г. Ромодановского о походе обнаружить не удалось, и картина событий может быть установлена лишь в самых общих чертах.

¹⁶⁷ Текст грамоты см.: там же. Л. 104.

¹⁶⁸ Оригинал письма см.: там же. Л. 103.

¹⁶⁹ Там же. Л. 109–110.

¹⁷⁰ Текст письма см.: там же. Л. 85–88.

¹⁷¹ Там же. Л. 91.

¹⁷² Там же. Л. 78, 90.

По свидетельству «Летописи Самовидца», русская армия приступила к Нежину на Рождество Богородицы, т. е. 8 сентября¹⁷³. Очевидно, что, действуя так, командующий выполнял приказ царя оказать помощь осажденным гарнизонам Нежина и Чернигова. Не знаем, сколько времени потратил Г.Г. Ромодановский на путь от Путивля до Нежина и какова была судьба лежащих на пути городов, таких как Конотоп и Борзна. Ясно только, что они не могли помешать продвижению русской армии. По свидетельству «Летописи Самовидца», жители Нежина с приближением войск оставили город и Ромодановский «место спалил, нічого не зоставуючи»¹⁷⁴. Гарнизон был освобожден от долгой осады. Судя по сохранившейся отписке от конца сентября с «речами» «выходцев», войска Г.Г. Ромодановского, двигаясь на запад, к середине сентября дошли до Остра, а затем повернули на север, к Чернигову¹⁷⁵. В ставке Дорошенко под Секирной еще до 20 сентября было известно, что Ромодановский «стоит под Черниговым и чинит приступы»¹⁷⁶. Действиям русских войск должен был препятствовать покинувший город черниговский полковник и наказной гетман Демьян Многогрешный. П. Дорошенко высылал ему на помощь отдельные отряды, в том числе свою «надворную» хоругвь¹⁷⁷, из Секирны, по свидетельству Иезекииля, был также послан «по упрощению черниговского полковника» отряд из 400 чел.¹⁷⁸ Но сил этих было недостаточно, и 25 сентября Чернигов был взят, а русский гарнизон освобожден от осады¹⁷⁹. Именно в это время из среды самого украинского общества вышла важная инициатива, направленная на поиски соглашения с русским правительством. При характерной для украинского общества расстановке сил с такой инициативой мог выступить один из высокопоставленных представителей украинского дворянства, заинтересованных в сохранении связей с Москвой.

¹⁷³ Літопис Самовидця... С. 105.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 1–2.

¹⁷⁶ АЮЗР. Т. 7. № 31. С. 83.

¹⁷⁷ Там же. № 34. С. 88.

¹⁷⁸ Там же. № 31. С. 82.

¹⁷⁹ О дате взятия города см.: *Эйнгорн В.И.* Очерки... С. 471.

Формальным главой духовенства Киевской митрополии на Левобережье был епископ Мефодий (Филимонович). Епископ, несмотря на высокое положение, находился к началу 1668 г. в состоянии конфликта и с многими представителями духовенства, и с гетманом, и с киевским воеводой П.В. Шереметевым. Последний из этих конфликтов стал причиной того, что по возвращении в Киев в конце 1668 г. епископ Мефодий стал объектом следствия, участники которого возложили на него значительную долю ответственности за начавшееся восстание. Как справедливо отметил известный исследователь судеб православного духовенства Левобережной Украины второй половины XVII в. В.И. Эйнгорн, объективность этого следствия вызывает серьезные сомнения¹⁸⁰. Интерес в этой связи представляют рассказы о Мефодии «человека» П.В. Шереметева, записанные, как уже отмечалось, летом 1668 г. События застали епископа в монастыре в Ушне. Как было известно этому человеку, Мефодий после начала восстания обратился к П.В. Шереметеву с предложением служить царю. Шереметев воспользовался этим предложением и прислал отписки для отсылки в Москву. С этими отписками гонец, посланный Мефодием, был задержан. После этого по приказу черниговского полковника Демьяна Многогрешного он был арестован и в начале апреля доставлен в Чернигов¹⁸¹. Таким образом, несмотря на понесенные им «обиды», епископ готов был снова сотрудничать с Москвой. Эти сведения «человек» П.В. Шереметева почерпнул в окружении недружелюбного по отношению к Мефодию Лазаря Барановича, и это заставляет отнестись с доверием к свидетельству нежинского протопопа Симеона о том, что епископ посылал его к черниговскому полковнику Демьяну Многогрешному, предлагая ему вернуться под власть царя, но полковник не поверил этим предложениям, так как епископ — сват Брюховецкого¹⁸². Епископ хотел сотрудничать с Москвой, но его непопулярность ограничивала его возможности влиять на

¹⁸⁰ Там же. С. 473–478.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 629. Л. 32–33.

¹⁸² АЮЗР. Т. 7. № 36. С. 90.

украинское общество. Епископ, по-видимому, отдавал себе в этом отчет, так как, по свидетельству Симеона, просил П.В. Шереметева, чтобы тот «прислал ратных людей и велел его взять в Киев»¹⁸³. Когда епископа Мефодия арестовали, за него никто не вступился.

Совсем иным было положение в обществе другого видного представителя верхушки украинского духовенства, архиепископа черниговского Лазаря Барановича. В исследовании В.И. Эйнгорна подробно рассмотрен вопрос о характере отношений Лазаря Барановича с русскими властями в начальный период восстания¹⁸⁴. 8 марта архиепископ прислал к воеводе в Севск своего конюшего Якова Хапчинского с важными сообщениями и предложениями. Он сообщил «вести» о положении на Левобережной Украине (о судьбе русских гарнизонов, расчетах Дорошенко и Брюховецкого на помощь османов и татар). Хапчинский передал воеводе присланные в Новгород-Северский «прелестные листы» Брюховецкого и обещал доставить присланные в Севск царские грамоты епископу Мефодию и в Киев¹⁸⁵. Вместе с тем от имени архиепископа он просил выслать «милостивую грамоту» для Брюховецкого. Архиепископ полагал, что, располагая такими документами, он сможет убедить гетмана прекратить восстание. Посланец привез для передачи в Москву проект письма, которое Лазарь Баранович намерен был отправить Брюховецкому, получив царскую грамоту¹⁸⁶. В своем письме Баранович приветствовал наметившееся сближение казачества с обеих сторон Днепра («да будет с сего Бог похвален»), но резко возражал против союза казачества с татарами («непотребно бы вам сочетание к неверному игу»). Татарин — природный враг, с которым можно только вести беспощадную борьбу: «Час того уведанного пса обесити, дай Боже, на том, чем он христиан вяжет». Следует, наоборот, искать мира и согласия с царем. «Ведаете добро, — обращал-

¹⁸³ АЮЗР. Т. 7. № 36. С. 90.

¹⁸⁴ Эйнгорн В.И. Очерки... С. 453–459.

¹⁸⁵ АЮЗР. Т. 7. № 19. С. 47–48.

¹⁸⁶ Там же. № 24. С. 52.

ся в письме архиепископ к гетману и полковникам, — яко един есть царь благоверный». Он убеждал гетмана, что, прекратив восстание, он получит у царя «воздаяние», а Войско Запорожское — «вольности». Письмо хорошо показывает, как воспринимал происходившие события просвещенный высокопоставленный представитель православного духовенства Левобережной Украины, заинтересованный в объединении казачества и получении им «вольностей», но полагавший, что достижения этих целей следует добиваться в сотрудничестве с православным монархом, не прибегая к союзу с «бусурманами».

Как показал В.И. Эйнгорн, инициатива архиепископа встретила благоприятный отклик в Москве. На грамоте севского воеводы помещена помета, что следует скорее выслать архиепископу грамоту, адресованную Брюховецкому¹⁸⁷, но о судьбе этого документа больше ничего не известно.

Важно, что, не дожидаясь ответа из Москвы, Лазарь Баранович в марте 1668 г. обратился к гетману с письмом, повторявшим положения отправленного в Москву проекта¹⁸⁸. Как ясно следует из последующего хода событий, послание на гетмана воздействия не оказало, но и на какие-либо санкции по отношению к архиерею гетман не решился. Баранович, по-видимому, понял, что в условиях, когда на Левобережье двигаются на помощь Брюховецкому войска Дорошенко и татары, его увещевания бесполезны, и умолк. К осени 1668 г. положение существенно изменилось, и он счел возможным начать переговоры с Демьяном Многогрешным о возвращении левобережных полков под русскую власть. Результатом этих переговоров стало письмо, отправленное архиепископу Демьяном Многогрешным и стародубским полковником Петром Рославченко 26 сентября 1668 г., на следующий день после взятия Чернигова¹⁸⁹. Авторы письма сообщали, что, «посоветовав с полками сее стороны Днепра», они приняли решение начать переговоры о возвращении под власть царя. При этом

¹⁸⁷ Эйнгорн В.И. Очерки... С. 457.

¹⁸⁸ Письма преосвященного Лазаря Барановича. Чернигов, 1863. № 46.

¹⁸⁹ АЮЗР. Т. 7. № 30. С. 64.

выдвигались важные условия: амнистия участникам восстания и уход русских воевод и войск из Переяслава, Нежина и Чернигова. Тогда полки готовы царю «поклониться» и пойти на службу, которую он укажет. Условия эти не отличались от условий, которые ставил Дорошенко на переговорах с Тяпкинским. Письмо заканчивалось просьбой, чтобы архиепископ обратился «к бояром, чтоб с нами зацепки не было», пока не возвратятся посланцы, которых они отправят в Москву.

Содержание письма дает основание рассматривать его как попытку в неблагоприятной ситуации выиграть время до подхода войск Дорошенко, но последующие события не позволяют принять такое предположение. К сожалению, об этих событиях мы знаем гораздо меньше, чем следует. Сохранившиеся документы говорят о продолжавшихся контактах полковников с Барановичем, но не удалось обнаружить переписку ни архиепископа, ни полковников с Ромодановским. Единственным источником, содержащим сведения на этот счет, продолжают оставаться сообщения посланцев Д. Многогрешного в Москве. При всей их краткости в них содержится один очень важный факт. В Девице состоялась встреча Демьяна Многогрешного с Г.Г. Ромодановским, когда северский гетман «учинил веру вдругоряд»¹⁹⁰. Таким образом, возвращение полков северной части Левобережья под русскую власть фактически произошло еще до того, как гетман и казаки могли узнать о результатах переговоров своих посланцев в Москве. Неудивительно, что после этого присланные Дорошенко казаки покинули войско Многогрешного. Характерно, что не позднее 10 октября Г.Г. Ромодановский счел возможным двинуться с армией в обратный путь к Путивлю¹⁹¹. Очевидно, положение дел в Северной земле не

¹⁹⁰ Сообщение Матвея Гвинтовки: АЮЗР. Т. 7. № 34. С. 88. В сохранившемся переводе письма стародубского полковника Петра Рословченко говорится о том, что 27 сентября было заключено соглашение с Г.Г. Ромодановским, «чтоб нам под его царского величества самодержавною великою рукою, как и преж сего быти» (РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 1. Л. 326).

¹⁹¹ Уже с дороги, 10 октября, он отпустил посланцев гетмана в Москву (АЮЗР. Т. 7. № 34. С. 94).

вызывало его опасений. На протяжении 1659–1668 гг. Северская земля трижды становилась опорой для действий русской власти на Левобережной Украине, что, конечно, нельзя считать случайным.

Следует рассмотреть в этой связи характер предложений, с которыми приехали в Москву посланцы левобережных полков Матвей Гвинтовка и брат гетмана Василий Многогрешный. Они сообщили о принятом в полках решении «города от изменников и от орды запирасть». О выводе русских войск они ничего не говорили, а, напротив, предлагали прислать «гетмана» с войском, чтобы он стоял в Коропье на Десне¹⁹², очевидно, чтобы защищать Северскую землю от нападений с запада и с юга. Вопрос о выводе воевод тем самым с повестки дня не снимался, к нему украинская сторона позднее неоднократно возвращалась, а на первый план явно выдвигался вопрос об организации защиты Северской земли, что становилось актуальным в условиях, когда все яснее обозначалась перспектива длительной войны с участием враждебных татар.

Важно отметить и то, что войско Северской земли устами своих посланцев соглашалось на уплату налогов, предлагая только, чтобы устанавливалась общая сумма налога с каждого полка, а разверстку налога между собой производили сами жители. Таким образом, уже в самом начале переговоров речь шла о признании за левобережными полками достаточно ограниченной автономии, речь не шла даже о полной отмене реформ, проведенных в середине 60-х гг.

Петр Дорошенко, разумеется, не намерен был бездействовать, наблюдая, как Северская земля выходит из-под его власти, и предпринял серьезную попытку этому помешать. Он направил за Днепр своего брата Григория с казаками Брацлавского полка¹⁹³ и татарским войском (частью войска, пришедшего с калгой), к ним присоединились не участвовавшие в заключенном соглашении казаки Полтавского, Миргородского и Лубненского полков. Это немалое по своим размерам войско в середине октября атаковало армию Ромодановского

¹⁹² Там же. С. 97.

¹⁹³ Позднее находились с ним в Козельске.

на ее дороге к Путивлю. Как вспоминали в Москве посланцы гетмана Демьяна, двигавшиеся к Путивлю вместе с армией, «были у них бои большие, в дороге к обозу татарова и черкасы приступали безпрестанно»¹⁹⁴.

Однако именно на этот важный момент пришлось открытый разрыв между Дорошенко и Крымом. Обстоятельства этого разрыва можно реконструировать лишь предположительно. Первоначально избранный в Запорожье гетман открыто не выступал против Дорошенко, лишь предлагая ему прибыть на раду в Запорожье для общих выборов гетмана, а Дорошенко отказывался. План созыва рады для выбора нового гетмана был лишь отложен, но не отменен, и стал актуальным, когда Петр Суховеенко пришел с войском на Левобережье и стал снова предлагать Дорошенко, «чтоб он ехал на раду», где должны «установить прямого гетмана»¹⁹⁵. Тогда же глава татар потребовал от Дорошенко, «чтоб он ишел на раду с ним»¹⁹⁶. По-видимому, именно тогда и произошел инцидент, о котором рассказывал эконому Иезекиилю комендант Белой Церкви: послов калги Дорошенко «бил их по губам и говорил им: скажите своему шайтану или салтану, и ему, де, тож будет»¹⁹⁷. Следствием этого столкновения стало столкновение между казаками и татарами в войске, которое возглавлял Григорий Дорошенко. По его собственным словам, татары хотели отобрать у него «булаву и бунчук и все их войсковые клейноты». Под Конотопом казацко-татарское войско распалось. Вместе с татарами ушли Лубенский, Миргородский и Полтавский полки, признавшие своим гетманом Петра Суховеенка¹⁹⁸. С оставшимися казаками Григорий Дорошенко обосновался в Козельце — недалеко от Киева.

На Левобережье тем самым фактически установилось многовластие. В северной части Черниговский и Стародуб-

¹⁹⁴ АЮЗР. Т. 7. № 34. С. 87.

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 68, 75.

¹⁹⁶ Там же. Л. 75.

¹⁹⁷ АЮЗР. Т. 7. № 36. С. 82.

¹⁹⁸ Рассказ Григория Дорошенко см.: Там же. № 40. С. 109.

ский полки придерживались соглашения с Г.Г. Ромодановским и ждали возвращения своих посланцев из Москвы. Южная часть Левобережья признавала своим гетманом Петра Суховеенка, и здесь стояли поддерживавшие его татарские войска. Наряду с этим в отдельных районах власть продолжала оставаться в руках сторонников Дорошенко. В Козельце около Киева стоял с казаками Брацлавского полка Григорий Дорошенко, для Гадяча и тянувшей к нему округе главным представителем власти стал другой брат гетмана — Андрей.

Определенные представления о всей ситуации, сложившейся на Левобережье, с ее основными характерными особенностями в Москве смогли составить в конце октября, когда в Москву приехали посланцы Многогрешного вместе с таким очень осведомленным о положении дел на Украине лицом, как нежинский протопоп Симеон Адамович, а также были записаны показания целого ряда выходцев, побывавших на Правобережье.

К этому же времени в распоряжении царя и его советников оказался ряд важных свидетельств о том, как Дорошенко искал выход из создавшейся ситуации, укрепляя свои связи с султаном. Как сообщал нежинский протопоп, правобережный гетман отправил к султану «писаря Лучку Буткеевича с последним уговором и постановленьем, чтоб им постановил, как им в подданстве под турским быть»¹⁹⁹. Ряд подробностей об этих переговорах содержат расспросные речи бежавшего из Чигирина шляхтича Яна Белькевича²⁰⁰. Он сообщал, что посетившие Дорошенко послы султана обещали его помощь, когда «присягу учинят», и предлагали разместить отряды янычар в Кодаке и Чигирине. Он также сообщал, что, отправляя писаря к султану, гетман велел ему сообщить, что «он... Дорошенко со всеми войска своего людами волю его салтанову исполнит и присягу учинит». По его словам, и собранная в Чигирине старшинская рада приняла решение «однолично быть в подданстве у турецкого султана».

¹⁹⁹ Там же. № 34. С. 93.

²⁰⁰ Там же. № 36. С. 103–104.

Эти сообщения, соответствовавшие реальным фактам ²⁰¹, как увидим далее, оказали серьезное влияние на позицию русского правительства, когда Петр Дорошенко начал переговоры о мире и сотрудничестве с русскими воеводами.

Начало ноября ознаменовалось важным шагом на переговорах посланцев «северского гетмана» с русскими властями в Москве. Был подготовлен текст грамоты, адресованной казакам и «поспльству» «сее стороны Днепра». В нем от имени царя торжественно объявлялось, что он прощает восставшим их «вины» и принимает их «под свою государскую высокую руку». Им предлагалось также «иных полковников свою братию сее ж стороны Днепра к обращению приводить», таким людям в этом случае также будет оказана «милость» ²⁰². На сохранившемся черновике документа имеется помета, что текст «слушали в передней комнате бояре» и одобрили. Аналогичная грамота была послана и в Стародуб.

О положении, сложившемся в северной части Левобережья, ряд важных сведений содержит письмо гетмана Демьяна Г.Г. Ромодановскому, доставленное в его ставку 14 ноября. Хотя к этому времени его посланцы из Москвы еще не вернулись и гетман выражал беспокойство по этому поводу, он торжественно заявлял о своей готовности за царя «умирати и по век живота своего не отступовати» ²⁰³. Он прислал воеводе письмо калги Крым-Гирея ²⁰⁴, в котором тот предлагал наказному гетману, «своему приятелю», сражаться с русскими до его прихода. Калга заверял, что с ним такое большое войско, что ему не сможет противостоять никакой неприятель, но его доводы явно не оказали влияния на Многогрешного.

²⁰¹ Подробный разбор свидетельств источников об отправке к султану посольства во главе с генеральным писарем Лукашем Бускевичем и уманским полковником Григорием Белогрудом см.: Крикун М. Між війною і радою. Козацтво правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 254–256.

²⁰² АЮЗР. Т. 7. № 37. С. 105–106.

²⁰³ Текст письма см.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 8–8об. О дате присылки см.: там же. Л. 7.

²⁰⁴ Там же. Л. 11.

Если первоначально, по-видимому, лишь часть городов Северной земли приняла участие в соглашении гетмана Демьяна с Г.Г. Ромодановским, то теперь круг участников заметно расширился. Гетмана посетила старшина таких городов, как Борзна, Глухов, Батулин, Конотоп и некоторые другие, и заявила, что готова подчиниться власти царя, только бы «обнадеживанная грамота была»²⁰⁵. Тем самым на территории Северной земли не осталось каких-либо значительных центров, которые бы придерживались иной линии поведения. Южнее положение было гораздо более сложным. Правда, в новых условиях речи не могло быть о блокаде Киева. В относящемся к октябрю 1668 г. письме черныбыльского подстаросты Кр. Скоцкевича гетману Демьяну говорилось, что из Киева по Днепру в Лоев идет немало судов²⁰⁶. Однако уже то, что черныбыльский подстароста передавал в Чернигов такие новости, говорит о том, что между этим городом и Киевом прямой связи не было. Переяславский полк во главе с его полковником Дм. Райчей присоединился к соглашению левобережных казаков с татарами²⁰⁷, и его казаки напали на окрестности Киева²⁰⁸. Характерно, что в ноябре П.В. Шереметеву снова пришлось силой добиваться снятия осады Остра и провоза туда запасов. Посланный из Киева отряд во главе с П. Измайловым освободил Остер от осады после боя, продолжавшегося «целые сутки», а затем отряд уничтожил казацкие городки на Десне, «на Киевской стороне» «с великим боем и приступом»²⁰⁹. В ноябре Дм. Райча с отрядами казаков и татарами стоял под Босанью²¹⁰ — поселением, расположенным далеко на север от Переяслава. Вероятно, планировался какой-то казацко-татарский поход в Северскую землю. В самой киевской округе такие местечки, как

²⁰⁵ Об этом же гетман писал 14 ноября 1668 г. Лазарю Барановичу (АЮЗР. Т. 7. № 43. С. 118–119).

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 12.

²⁰⁷ 30 ноября П. Дорошенко писал киевскому воеводе, что Д. Райча «з бусурманы приял приятельство» (АЮЗР. Т. 7. № 45. С. 126).

²⁰⁸ О нападениях см.: там же. С. 123.

²⁰⁹ Там же. № 48/II. С. 136–137.

²¹⁰ Там же. № 51. С. 152.

Барышполь, Воронково, Гоголево, власти киевской администрации не подчинялись²¹¹.

В южной части Левобережья положение во многом определял приход на эти земли татарского войска во главе с калгой Крым-Гиреем и отрядов запорожских казаков. Главным источником, позволяющим судить о том, что происходило на этих землях осенью 1668 г., являются отписки Феофила Бобровича и Г.Г. Ромодановского. Находясь в городах у границы с гетманством, они передавали в Москву «вести», полученные от выходцев и лазутчиков. Возможно, эти «вести» давали одностороннюю картину событий, но других источников в нашем распоряжении нет.

Судя по сообщениям Феофила Бобровича, большое татарское войско пришло на земли южного Левобережья в начале октября. Вместе с калгой в походе приняли участие глава рода Ширинов, мурза Батырча и ряд других татарских военачальников²¹². Более точно о местоположении главных сил Орды говорит указание в письме калги Демьяну Многогрешному, что оно отправлено из «Камышни», и более поздние сообщения о пребывании татарского войска у Липовой долины²¹³. Очевидно, что татарское войско находилось в долине реки Хорола, двигаясь вверх по ее течению. Татарские войска уже в это время находились недалеко от Гадяча. Как представляется, такое местоположение татарского войска позволяло использовать разные возможности в зависимости от развития событий. В это время, как уже отмечалось выше, открытого разрыва между П. Дорошенко и Крымом еще не произошло. В Орде ждали прихода Петра Суховеенко с отрядами запорожцев, чтобы созвать раду для выбора нового гетмана. П. Дорошенко приглашали принять участие в раде²¹⁴. Если бы Дорошенко пошел на соглашение с Крымом и подчинился власти крымского ставленника, то можно было организовать вместе с его войсками поход на

²¹¹ Там же. № 45. С. 123.

²¹² РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 75, 68.

²¹³ АЮЗР. Т. 7. № 51. С. 149, 151.

²¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 68, 75.

земли Слободской Украины и взять там «полон»²¹⁵. Если бы соглашение не состоялось, а это было вероятно, так как он отказывался от участия в раде, то и в этом случае положение Орды на Хороле было выгодным, так как центр власти Дорошенко на Левобережье — Гадяч, где сидел как наказной гетман его брат Андрей, был бы отрезан от возможной помощи и с востока, и с севера.

Феофил Бобрович сообщили очень интересные сведения о том, что происходило в Гадяче в конце сентября, в то время, когда начались переговоры между Демьяном Многогрешным и Г.Г. Ромодановским. В это время в Гадяче произошли волнения, А. Дорошенко и его сторонники были арестованы и посажены под стражу в «ратуше»²¹⁶. По-видимому, тогда же они заявили, что хотят вернуться под власть Алексея Михайловича. 23 сентября Григорий Сем. Куракин отправил грамоту в Гадяч, в которой обещал от имени царя прощение и милость «всяких чинов людям». «А прежние налоги, — говорилось в грамоте, — от кого вам в чем было, объявим, и великий государь вас пожалует»²¹⁷. Тогда же Феофил Бобрович отправил свое письмо аналогичного характера в Лубны. Оно содержало еще более важные обещания: «И без воевод вам жить по вашему обычаю, как добьете челом»²¹⁸. Такие важные обещания Феофил Бобрович не мог делать по собственной инициативе. И действительно, в одной из его отписок упоминается «милостивая» грамота царя, которую он должен был отправить в Полтаву²¹⁹. Очевидно, именно этот документ содержал такие важные обещания, что и дало возможность Бобровичу отправить подобный документ в Лубны. Все это позволяет сделать вывод, что уже когда начались переговоры с Демьяном Многогрешным, в Москве было принято принципиальное решение пойти на крупные уступки, чтобы вернуть казачество Левобережья под свою

²¹⁵ См.: там же. Л. 69 — «а хотят, де, после рады, обравши гетмана, итти прежде под Сумы».

²¹⁶ Там же. Л. 75.

²¹⁷ Там же. Л. 66–67.

²¹⁸ Там же. Л. 64–65.

²¹⁹ Там же. Л. 70.

власть. Это решение в конце концов привело к желательным последствиям, хотя и не сразу. В начале осени 1668 г. эти обращения не привели к успеху, а в Гадяче вскоре взяли верх сторонники гетмана Дорошенко, арестованные были освобождены и принято решение Петра Суховеенко «ни в чем не слушать и татар к себе не впускать»²²⁰.

Как уже отмечалось выше, в середине октября 1668 г., с приходом на Левобережье Петра Суховеенко и решительным отказом Дорошенко участвовать в «раде», между сторонами наступил открытый разрыв. Главные южные полки — Лубненский, Миргородский и Полтавский — встали на сторону запорожского гетмана. Главной территорией, где сохранялась прежняя власть, был Гадяч с тянувшей к нему округой. С подчинением этой территории власть Петра Суховеенка и Орды утвердилась бы на всем юге Левобережья. Уже в середине октября начались нападения татар на округу Гадяча²²¹. В дальнейшем нападения стали приобретать все более широкий размах, и Гадяч и ближайшие города фактически оказались в осаде²²². Позднее Г.Г. Ромодановский сообщал царю, что в районе Гадяча «многие бои были»²²³. Военные действия продолжались весь октябрь и первую половину ноября, и Орда отошла к Лубнам и Лохвице, так и не сумев занять ни Гадяч, ни один из «тянувших» к нему городов²²⁴. Вместе с тем к концу ноября в Москву стали поступать известия, что хотя южные полки признали Петра Суховеенко своим гетманом, их отношения с татарами становились всё более враждебными. Так, когда запорожский гетман привел к Лубнам 4-тысячный отряд татар и «хотел их поставить в Лубнах для зимовья», то жители «тех татар в город не пустили»²²⁵. Не пустили его с

²²⁰ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 75.

²²¹ Там же. Л. 71.

²²² Там же. Л. 52–54.

²²³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 27.

²²⁴ О военных действиях см. изложение отписок Феофила Боброви-
ча (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 2,
4, 7) и отписку Г.Г. Ромодановского (РГАДА. Ф. 210. Белгород-
ский стол. Стб. 631. Л. 27).

²²⁵ АЮЗР. Т. 7. № 41. С. 113.

татарами и в Лохвицу²²⁶. Как сообщал царю в конце ноября Г.Г. Ромодановский, с Петром Суховеенко было в то время не более 3–4 тыс. казаков, «а иные, де, черкасы от него ис полку разбежались в городы, и сидят в городех, запершись». По его словам, татары жаловались, что «черкасы их звали к себе, а ныне заперлись в городех и чинят им шкоду», нападая на их лагерь и угоняя лошадей²²⁷. Однако этими мелкими нападениями дело не ограничилось. Так, уже в ноябре жители Ромен напали на татарские «загоны», отбили у них «полон» «и пошли, де, они за татары обозом до Днепра»²²⁸. Прилуки, где сидел полковником бывший запорожский кошевой Иван Белковский, стали одним из немногих городов, жители которых согласились впустить к себе татар, но когда двое мурз с отрядом вошли в город, их всех перебили²²⁹. В настроениях казацких полков южного Левобережья намечались важные перемены.

Хотя в письме от 9 ноября Петр Дорошенко обещал прийти на помощь защитникам Гадяча²³⁰, правобережные полки так и не пришли на Левобережье. По-видимому, такое поведение гетмана было связано с тем, что в походе на Левобережье приняла участие лишь часть сил Орды. С уходом полков на Левобережье казацкие земли могли оказаться беззащитными перед нападением новых сил из Крыма. Он вынужден был ограничиться организацией ряда нападений на крымские улусы, в которых главную роль играл Серко²³¹. Другой важной мерой стало занятие правобережными полками переправ на Днепре, чтобы разорвать связь между войском Крым-Гирея и Крымом²³². В конце ноября П. Дорошенко стоял с войском у одной из этих переправ —

²²⁶ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 28.

²²⁷ Там же. Л. 231.

²²⁸ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 6.

²²⁹ Об этом эпизоде см.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 27; АЮЗР. Т. 7. № 40. С. 109; № 51. С. 150.

²³⁰ Там же. № 41. С. 111.

²³¹ Об этих нападениях см.: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 38, 52; АЮЗР. Т. 7. № 35. С. 101; № 52. С. 158.

²³² РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 24, 40.

в Кременчуге²³³. Во время развернувшихся здесь боев был ранен возвращавшийся в Крым Адилша-мурза из рода Ширинов²³⁴.

В этой обстановке начались и протекали переговоры русских властей с гетманом Петром Дорошенко и его находившимися на Левобережье братьями. Переговоры начались еще летом 1668 г. по инициативе гетмана. Для этого он воспользовался приездом на Украину знакомого ему Феофила Бобровича. 29 июня он получил письмо, написанное писарем Уманского полка Яном Трашкевичем. В нем говорилось, что гетман Дорошенко «и сам жалует того», что произошло на Левобережье. Он приходил за Днепр не для того, чтобы воевать с русскими войсками, но только «для укрепления войсковых вольностей, из веку Войску Запорожскому служачих, которые скасовани були». Что же совершила здесь орда — об этом «пан гетман мало знает». У царя и бояр, — доказывал писарь, — нет причин для гнева: «Пан гетман не боронит и теперь, хто хочет быть под царскою рукою, толко они боятся».

Письмо заканчивалось приглашением приехать для встречи с гетманом²³⁵. Письмо это никакого доверия у Феофила Бобровича не вызвало. Гетману, — писал он царю, — «верить нечево, что он воровскими своими прелестьми кидаетца туды и сюды»²³⁶. Всё же 6 августа он отправил к Дорошенко своего посланца, священника Федора Петрова²³⁷. Он просил сообщить, где он мог бы встретиться с гетманом, чтобы начать переговоры о размене пленными и, возможно, о совместной борьбе с «бурсурманами»²³⁸. В конце августа Бобровичу уже стало известно, что его посланца «приняли с честью»²³⁹, но у гетмана он задержался надолго. 9 октября Бобрович обратился к гетману с письмом, выражая недоумение по этому поводу²⁴⁰.

²³³ АЮЗР. Т. 7. № 51. С. 150.

²³⁴ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 52.

²³⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 114.

²³⁶ Там же. Л. 109.

²³⁷ Там же. Л. 110.

²³⁸ Там же. Л. 105–107.

²³⁹ Там же. Л. 89–90.

²⁴⁰ Там же. Л. 63.

Тревожные симптомы побудили Дорошенко уже летом 1668 г. дать понять, что он хотел бы возобновить контакты с русскими властями, но, по-видимому, он полагал, что, может быть, удастся обойтись без этого, если положение изменится в лучшую сторону. Однако в октябре произошли перемены противоположного характера: переход Северной земли под русскую власть, открытый конфликт с Крымом, присоединение к татарам и запорожскому гетману ряда левобережных полков. Возникла перспектива полной утраты сторонниками Дорошенко своих позиций на Левобережье. Неудивительно, что с начала ноября мы наблюдаем попытки гетмана возобновить переговоры сразу по нескольким каналам.

Так, 2 ноября А. Дорошенко предложил Феофилу Бобровичу вступить в переговоры с посланцем гетмана — полковником Дубягой, который едет в Гадяч²⁴¹. Еще раньше, в конце октября вернулся поп Федор Петров, но не к Бобровичу, а в Киев — он привез с собой несколько освобожденных русских пленных²⁴². Посланца Дорошенко явно использовал для того, чтобы вступить в переговоры с лицом гораздо более авторитетным, чем Бобрович, — киевским воеводой П.В. Шереметевым. По-видимому, после того, как этот первый контакт оказался удачным, в Киев приехал 11 ноября писарь Нестер Кононович с важными предложениями²⁴³. Речь шла ни больше ни меньше как о совместных действиях против татар и готовности Дорошенко подчиниться верховной власти царя. Он снова утверждал, что ходил за Днепр только защищать население от русской армии, а когда Г.Г. Ромодановский увел свои войска, он, «зла никакого не зыча, назад повернул до дому». Сообщая о своих столкновениях с татарами, он призывал, чтобы Орда «великого государя от ратных людей была громлена». Одновременно писарь Кононович сообщил, что гетман и Войско Запорожское теперь, после отречения Яна Казимира, будут стараться, «дабы по прежнем обещании

²⁴¹ Там же. Столпик 3. Л. 52.

²⁴² См. об этом в письме Феофила Бобровича в Гадяч от 28 октября: там же. Л. 48.

²⁴³ АЮЗР. Т. 7. № 49. С. 145–147.

своим поляки за короля... государя царевича... обрали». Один из освобожденных пленных, сотник, получил поручение сообщить воеводе, что «у королевского величества с сенаторы был сойм, чтобы быть у них на королевстве великому государю царевичю». Гетман просил прислать в Чигирин представителя для «болшого договору». Когда этот представитель приедет, он освободит русских пленных.

Содержание этих предложений позволяет судить и о мотивах действий гетмана, и о целях, которых он стремился достичь, вступая в переговоры. Оказавшись в остром конфликте с частью казачества и Крымом, гетман стремился избежать присоединения России к числу его противников. Декларации о желании подчиниться власти царя могли бы предотвратить возможное нападение русских войск на земли Левобережья, которые еще признавали его власть, и даже обеспечить помощь этих войск в войне с татарами. Нужно отметить и еще один важный фактор, повлиявший на действия и планы гетмана.

После отречения Яна Казимира очень скоро стало ясно, что одним из главных кандидатов на польский трон станет царевич, сын Алексея Михайловича²⁴⁴. На случай, если бы такое избрание действительно состоялось, следовало убеждать русскую сторону, что Войско Запорожское поддерживает этого кандидата, хотя на самом деле его усилия были, как и ранее, направлены на то, чтобы помешать русско-польскому сближению. Эту цель наряду с прочим преследовали заявления гетмана о готовности подчиниться верховной власти царя.

На устные заявления посланца последовал любезный письменный ответ П.В. Шереметева, адресованный «возлюбленному нашему другу и приятелю и брату». Воевода заявлял, что верит в искренность намерений Дорошенко, а его предложения охарактеризовал как «дело богоугодное и нам радостное»²⁴⁵. Для продолжения переговоров в Чигирин был

²⁴⁴ Об этом писал 10 октября н. ст. Демьяну Многогрешному подстароста черныбыльский К. Скоцкевич: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 12.

²⁴⁵ АЮЗР. Т. 7. № 39.

направлен подполковник Гавриил Подымов. Его наказ, датированный 17 ноября²⁴⁶, позволяет судить, какие цели преследовал киевский воевода, вступая в переговоры с гетманом.

Полковник должен был выразить удовлетворение тем, что гетман готов сражаться против татар вместе с русскими войсками, и просить, чтобы он изложил свои предложения «на письме за свою рукою и печатью». Условия соглашения, которые Г. Подымов должен был предложить Дорошенку, заключались в том, что он должен был принести присягу служить царю, «а с нами жить в братской дружбе и любви», воеводам в городах на Левобережье «зла не искать» и обеспечить им свободное сношение с Киевом. Одновременно киевский воевода требовал прекратить нападения переяславского полковника Д. Райчи на округу Киева, прекратить блокаду гарнизонов в Переяславе и Остре и вывести из Остра присланные туда войска. Дорошенко также должен был приказать «Барышполю, и Воронкову, и Гоголеву... быть послушным» киевскому воеводе. Шереметев явно рассчитывал использовать переговоры с Дорошенком для укрепления позиций своей власти на территории Переяславского и Киевского полков. Тогда же Шереметев предпринял другой шаг. Он послал ротмистра И. Рославлева в Козелец к Григорию Дорошенко с предложением принести присягу царю²⁴⁷.

Г.А. Подымов еще не возвратился из Чигирина, когда в конце ноября состоялась поездка Феофила Бобровича в Гадяч. Отписки самого Феофила Бобровича и Г.Г. Ромодановского позволяют судить о вероятных мотивах поездки. В середине ноября Бобрович отправил в Москву две отписки, в которых передавались сообщения выходцев и торговых людей, что жители Зинкова и Гадяча хотят вернуться под русскую власть²⁴⁸. 20 ноября и Г.Г. Ромодановский писал царю, что если придут русские войска, жители Ромен и других городов Левобережья перейдут на их сторону²⁴⁹. В этих

²⁴⁶ Там же. № 45. С. 121–123.

²⁴⁷ Там же. № 40. С. 108.

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 18–20.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 28.

условиях поездки Феофила в Гадяч означала официальную возможность донести русские предложения до населения города и округа. Переговоры с А. Дорошенко как представителем его брата на Правобережье имели, как представляется, подчиненное значение.

После того, как к Бобровичу в Каменное прислали «знатных людей сем человек» в качестве заложников, Феофил Бобрович выехал в Гадяч²⁵⁰, где находился 22–25 ноября. 22 ноября в городе была созвана рада, на которой читали привезенный Дубягой ответ Дорошенко на письмо Бобровича²⁵¹. В письме указывалось, что Войско Запорожское подчинится власти царя, если воеводы и русское войско будут выведены с территории Украины. От них царю нет никакой пользы, так как своими злоупотреблениями они «на кровопролитие работают и меж христианским народом любовь разрывают». Если это условие будет принято, он готов немедленно идти на «бусурман» вместе с армией Г.Г. Ромодановского. В этой связи он просил Бобровича передать командующему, чтобы тот «войска не распускаючи, вкупе держал до указа его царского величества». Стремление гетмана ограничить зависимость от России формальными рамками и одновременно получить военную помощь против татар проявилось в этом документе столь же ясно, как и в предложениях, переданных с Нестором Кононовичем.

Вместе с тем на переговорах, последовавших затем, подчеркивалось, что речь должна идти о переходе под власть царя не только земель на Левобережье под управлением Андрея Дорошенко, но и всего Войска Запорожского по обоим берегам Днепра. Говорилось, что на проектируемой «комиссии» представителей России и Речи Посполитой гетман будет добиваться, чтобы царь «поступатца Киева и Войска Запорожского не изволил», а если это мнение не будет принято во внимание, то «станем, де, боронитца саблею... что нас и сами отступятца»²⁵². Таким образом, выражая готовность «слу-

²⁵⁰ Там же. Л. 34.

²⁵¹ Текст письма см.: АЮЗР. Т. 7. № 42. С. 115.

²⁵² АЮЗР. Т. 7. № 41. С. 112–113.

жить» царю, Дорошенко, как и ранее, стремился использовать эти заявления для осложнения отношений между Россией и Речью Посполитой, для разрыва закрепленного Московским договором русско-польского союза.

Наконец, русскому посланцу сообщили, что Войско Запорожское прилагает усилия (желает «крепко стоять»), чтобы новым правителем Речи Посполитой стал царевич. С этой целью был заключен договор между Петром Дорошенко и великим коронным гетманом Яном Собеским²⁵³. О цели таких заявлений Петра Дорошенко уже говорилось выше. Следует лишь добавить, что никаких действий в пользу кандидатуры царевича гетман не предпринимал и никакого договора с Яном Собеским он заключать не мог, так как великий гетман совсем не принадлежал к числу сторонников выбора царевича. Можно констатировать, что на переговорах с Феофилом Бобровичем получили ясное отражение все основные компоненты политики Дорошенко по отношению к России поздней осенью 1668 г.

К сожалению, в документах о поездке Феофила Бобровича сохранилось гораздо меньше сведений о его контактах с населением. Однако из его сообщений можно узнать, что в Гадяч приехали посланцы не только из близкой округи — Зинкова, Опoшни, Рашанки, Комышни, Веприка, но и из Полтавы с просьбой о присылке к ним «милостивых» грамот царя. Таких грамот просили и жители Гадяча²⁵⁴. Была достигнута договоренность, что Бобрович приедет в Гадяч с «милостивыми грамотами» за неделю до Рождества²⁵⁵. Характерно, что, как видно из статейного списка Ф. Бобровича, его собеседники не возражали против сбора налогов в царскую казну, настаивая только на том, что сбор этих налогов они будут производить сами²⁵⁶.

24 ноября Ф. Бобрович и А. Дорошенко совместно отравили грамоты в Ромны, Лубны и другие города южного

²⁵³ Там же. С. 113.

²⁵⁴ Там же. С. 111–112.

²⁵⁵ Там же. С. 112.

²⁵⁶ Там же. № 42. С. 116.

Левобережья, в которых сообщалось, что П. Дорошенко «со всем Войском Запорожским» объявляет «верность» царю и готов сражаться против татар. Населению этих городов предлагалось возвратиться под власть царя и бить «бусурман», «ссылаючися во всем с паном Андреем Дорошенком», который имеет у себя «указ» царя и «наказ» гетмана²⁵⁷. Стороны, вероятно, по-разному оценивали итоги переговоров. Для А. Дорошенко была важна передышка, безопасность от возможного нападения русских войск, а для русских властей это была очередная попытка привлечь на свою сторону всех жителей Левобережья. Характерно, что еще до возвращения Бобровича Г.Г. Ромодановский отправил грамоты в Ромны, Полтаву, Недригайлов и другие города. Сообщая о присяге царю «Северских полков городов», он убеждал их «добить челом»²⁵⁸.

Бобрович прибыл в ставку Г.Г. Ромодановского 1 декабря. Вместе с ним приехали чигиринский есаул Игнатий Сполковский и гадячский сотник Иван Безрученко. Сотник привез с собой «лист» Андрея Дорошенко, содержащий просьбу, чтобы царь «велел их принять... по прежнему». Сообщение об этом командующий немедленно отправил в Москву²⁵⁹. Отписка была получена в Москве 6 декабря, на следующий день от него же было получено сообщение, что Дорошенко с войском идет к Полтаве, а его брат Андрей сообщает о новом приходе татар под Гадяч, что было завуалированной просьбой о помощи²⁶⁰. Ответ на это сообщение последовал в тот же день. Ромодановскому предписывалось не посылать войска на земли южного Левобережья, «чтоб они, изменники черкасы, соединясь с татараы, обманом над вами какова дурна не учинили»²⁶¹.

На оригинале отписки сохранилась запись распоряжения царя, адресованного главе приказа Тайных дел дьяку

²⁵⁷ АЮЗР. Т. 7. № 41. С. 117–118.

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 35–36.

²⁵⁹ Там же. Л. 37.

²⁶⁰ Там же. Л. 39–40.

²⁶¹ Там же. Л. 46.

Д. Башмакову, очень близкая по содержанию к отправленной грамоте («чтоб не верили, берегли людей, чтоб Дорошенка не оманул, а нами бы не помирился»²⁶²). Как ясно следует из этих текстов, П. Дорошенко не удалось убедить царя и его советников ни в своей «верности», ни даже в своей враждебности татарам.

Когда из Москвы направлялись эти указания, здесь еще не знали о результатах поездки в Чигирин Г. Подымова, возвратившегося в Киев 5 декабря. Вместе с ним с ответом на предложения воеводы приехал войсковой писарь Иван Омишинский²⁶³. В предложениях гетмана настойчиво повторялось пожелание, чтобы русские войска скорее выступили против татар, уже «сей же зимы, иначе от бусурман придет в осаде сесть». Вместе с тем, Дорошенко уклонился от принесения присяги царю, заявляя, что мир он будет сохранять и без присяги. Одновременно он проявил готовность содействовать укреплению власти воеводы в киевской округе — послал в Барышполь, Воронков, Гоголев универсалы, «чтобы были великому боярину послушны». Ко времени возвращения Подымова П.В. Шереметеву было известно, что Григорий Дорошенко, сидевший в Козельце, отказался принести присягу²⁶⁴. Неудивительно, что в ответе Шереметев указал гетману, что для соединения русских и казацких войск «надобно конечно учинить присяга крепкая»²⁶⁵.

Мы плохо знаем о положении, сложившемся в южной части Левобережья в конце ноября — начале декабря 1668 г., но, по-видимому, к этому времени относятся новые серьезные попытки татар утвердить на этих землях свою власть. Неслучайно именно в это время А. Дорошенко обратился к Г.Г. Ромодановскому с просьбой прислать в Гадяч русские войска²⁶⁶. Затем здесь наступили важные

²⁶² Там же. Л. 43.

²⁶³ Текст ответа, датированный 30 ноября, см.: АЮЗР. Т. 7. № 45. С. 124–125.

²⁶⁴ Там же. № 40. С. 108 («А присягу, де, мне учинить из какой неволи? Яз, де, тепер плаваю по своей воле, яко орел сизый»).

²⁶⁵ Там же. № 45. С. 127.

²⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 631. Л. 47.

перемены. О них можно составить лишь самое общее представление на основании грамот Дорошенко и сообщений выходцев. В декабре Орда во главе с калгой перешла Днепр и подступила к Чигирину²⁶⁷, но это нападение Дорошенко сумел отбить. Орда отступила за Тясмин, но затем последовало нападение на земли Корсунского полка, которое также было отбито²⁶⁸. После Рождества глава татарского войска Крым-Гирей ушел в Крым²⁶⁹. Однако часть татарских войск вместе с Петром Суховеенко еще оставалась на Правобережье, и против этого противника выступил Серко. В январе 1669 г. в сражении под Ольховцем к северо-востоку от Умани татарско-казацкое войско во главе с мурзой Батырчой потерпело поражение. Одной из причин победы стал переход на сторону Серко находившихся с Суховеенко казаков. Самого Петра Суховеенка «мало что... не взяли», в руки победителей попали «скрыня» с документами Суховеенка, знамена, печать²⁷⁰.

Одним из следствий победы стал переход полков южной части Левобережья под власть Дорошенко. 9 февраля в Москве получили отписку Феофила Бобровича о том, что «с сей стороны Днепра из городов, из Полтавы, из Лубен, из Миргородка и из иных мест полковники, сотники поехали все в Чигирин»²⁷¹. Гонцы, ездившие от Феофила Бобровича к Дорошенко, сообщали, что из городов южного Левобережья уже на праздник Рождества «посылали к Петрушку Дорошенко с живностью и с лисицами и с куницами»²⁷². Положение правобережного гетмана заметно укрепилось, и это, как увидим далее, сказалось на характере его переговоров с русскими властями.

Одновременно важные изменения происходили в отношениях между русским правительством и казачеством северной части Левобережья. 16 декабря в Новгороде-Северском

²⁶⁷ АЮЗР. Т. 8. СПб., 1875. № 2/II. С. 7; № 11. С. 38.

²⁶⁸ АЮЗР. Т. 8. № 2/II. С. 7.

²⁶⁹ Там же. № 15. С. 54.

²⁷⁰ Там же. № 18. С. 60–62, 70.

²⁷¹ АЮЗР. Т. 8. № 18. С. 62.

²⁷² Там же. Л. 71.

собралась рада²⁷³, на которой представители полков избрали гетманом Демьяна Многогрешного. На той же раде Матвей Гвинтовка и Василий Многогрешный докладывали о результатах переговоров в Москве. Была зачитана и царская грамота о прощении. На раде было принято решение направить в Москву послов, чтобы определить условия, на которых гетманство будет подчиняться Москве²⁷⁴.

Такое посольство во главе с генеральным обозным Петром Забелой прибыло в Москву 18 января 1669 г.²⁷⁵ Состав посольства был весьма представительным. В него входило 58 казаков (из них 13 старшин), 3 духовных лица во главе с игуменом Максаковского монастыря Иеремией и 3 представителя мещан (в их числе войт и бурмистр Нежина)²⁷⁶. Ход переговоров и их результаты неоднократно излагались в научной литературе (особенно подробно в работе В.И. Эйнгорна), что позволяет остановиться лишь на наиболее общих моментах, освещение которых необходимо для полного представления о происходивших событиях.

19 сентября состоялась встреча послов на Казенном дворе с представителями русской стороны: Б.М. Хитрово и двумя дьяками — Ларионом Лопухиным и Дементием Башмаковым²⁷⁷. На этой встрече казацкие послы вручили «наказ» из 28 статей, в котором излагались условия, на которых полки Северной земли готовы были подчиниться власти царя²⁷⁸.

21 января царь вместе с боярами «изволил слушать с наказу из статей списка» и по каждой из статей были приняты решения, записанные думным дьяком Григорием Карауловым²⁷⁹. Декларировавшаяся ранее неоднократно готовность русского правительства пойти на серьезные уступки, чтобы

²⁷³ О дате созыва рады см. в послании Лазаря Барановича царю (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 536. Л. 144).

²⁷⁴ О решениях рады см. в грамоте царю гетмана Демьяна от 24 декабря (там же. Л. 146–149).

²⁷⁵ АЮЗР. Т. 8. № 9. С. 20.

²⁷⁶ *Эйнгорн В.И.* Очерки... С. 516.

²⁷⁷ АЮЗР. Т. 8. С. 20.

²⁷⁸ *Эйнгорн В.И.* Очерки... С. 517.

²⁷⁹ Там же. С. 523. Публикацию этого текста см.: АЮЗР. Т. 8. № 11.

удержать Левобережную Украину под своей властью, получила в этих резолюциях ясное выражение. Так, по одному из самых острых вопросов о сборе налогов в царскую казну в резолюции на 4-ю статью наказа указывалось: «А о поборах малороссийских городов быть по их обыкновению»²⁸⁰. Был удовлетворен и ряд других конкретных пожеланий (например, о возвращении «наряда» и освобождении пленных). П. Забеле были вручены грамоты с обещанием царской «милости», адресованные во все полки²⁸¹. На совещании 21 января было принято важное решение — новое соглашение между Россией и Левобережным гетманством должно быть принято на Украине на раде широкого состава. Необходимость такого решения мотивировалась тем, «чтоб малороссийских городов жители в том мнении не имели и того не нарекали, что те статьи ставлены в Москве, а не на раде»²⁸². Русские политики явно учитывали негативный опыт предшествующих лет. 23 января Б.М. Хитрово сообщил послам о принятом решении. Как представители русской стороны на раду должны были направиться Г.Г. Ромодановский, А.С. Матвеев, дьяк Григорий Богданов²⁸³. 28 января на отпуске сам царь заявил послам, что по челобитью патриархов Александрийского и Московского, Лазаря Барановича, бояр и думных людей он прощает их «вины» и жалуется «прежними их правами и вольностями»²⁸⁴. Правда, ряд спорных вопросов (и наиболее важный — останутся ли на Украине русские воеводы и русские гарнизоны) был отложен до окончательного решения на раде, но прогресс в отношениях между Россией и Левобережным гетманством был налицо, и еще до созыва рады в Глухове и ее решений это сказалось на настроениях левобережных полков.

Первые признаки перемен обозначились уже поздней осенью 1668 г., когда сидевший в Остре полковник Иван Гладкий

²⁸⁰ АЮЗР. Т. 8. № 11. С. 37.

²⁸¹ Там же. С. 37–38.

²⁸² *Эйнгорн В.И.* Очерки... С. 527.

²⁸³ АЮЗР. Т. 8. № 14. С.

²⁸⁴ *Эйнгорн В.И.* Очерки... С. 528.

сообщил П.В. Шереметеву, что он прекращает военные действия, так как «вышней приводит творец, чтобы мы были под самодержавною рукою его царского величества»²⁸⁵. В Остер были отправлены посланцы привести население к присяге²⁸⁶.

В начале следующего, 1669 г. сообщил о своем желании перейти под власть царя переяславский полковник Дм. Райча²⁸⁷. Вступивший ранее в союз с Петром Суховеенко и татарами после ухода Орды полковник и его сторонники оказались в сложном положении. Дорошенко назначил в Переяславль нового полковника²⁸⁸ и послал против Райчи войска²⁸⁹. Результаты переговоров в Москве, по-видимому, убедили полковника в правильности принятого решения. 9 февраля он известил Г.Г. Ромодановского, что принес присягу царю перед посланцами П.В. Шереметева в соборной церкви в Барышовке²⁹⁰. В феврале при неясных обстоятельствах перешел под власть Демьяна Многогрешного и Киевский полк²⁹¹. Тем самым был сделан важный шаг по пути превращения северского гетмана (каким первоначально был Многогрешный) в гетмана всей Левобережной Украины.

Происходившие перемены затронули еще один полк в южной части Левобережья. Выше уже говорилось об истреблении большого отряда татар жителями Прилук. Вслед за этим жители Прилук низложили сторонника Дорошенко И. Белковского и избрали нового полковника, Ивана Матценко²⁹². Уже в раде, выбравшей Многогрешного гетманом, участвовали «Прилуцкого полку сотники»²⁹³. Киевский,

²⁸⁵ АЮЗР. Т. 7. № 56. С. 164.

²⁸⁶ Там же. № 52. С. 159.

²⁸⁷ См. его письмо от 11 января нежинскому полковнику Филиппу Уманцу (АЮЗР. Т. 8. № 3).

²⁸⁸ Там же. № 9. С. 23.

²⁸⁹ Там же. № 26. С. 121.

²⁹⁰ Там же. № 20. С. 81.

²⁹¹ См. грамоту Д. Многогрешного царю от 15 февраля 1669 г. (АЮЗР. Т. 8. № 28. С. 128–129).

²⁹² Там же. № 18. С. 61.

²⁹³ Сообщение посланцев гетмана в Москве: РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 536. Л. 135.

прилуцкий и переяславский полковники стали затем участниками рады, собравшейся в Глухове ²⁹⁴.

Инструкции русским представителям на раде, статейный список их посольства с подробной записью происходивших в Глухове переговоров, сам текст заключенного в марте 1669 г. русско-украинского договора были введены в научный оборот еще в XIX в. и неоднократно анализировались исследователями. Это позволяет остановиться на данном сюжете лишь настолько, насколько это необходимо для освещения темы в целом. Заключенное соглашение восстанавливало широкую внутреннюю автономию гетманства, нарушенную «Московскими статьями» 1665 г. Всё управление населением гетманства сосредотачивалось в руках гетманской администрации, в гетманскую, а не государственную, казну должны были поступать собиравшиеся на территории гетманства налоги. Так как в Москве уже в январе 1669 г. было принято решение отказаться от преобразований середины 60-х гг., то каких-либо споров по этим вопросам на раде не возникло. Главным предметом споров стал вопрос о пребывании на территории гетманства русских воевод с войсками. Духовные и казацкие участники рады настаивали на выводе этих войск, соглашаясь на сохранение русского гарнизона только в Киеве, но русские представители сумели настоять на таком решении вопроса, который предусматривали уже резолюции царя на челобитьях украинского посольства в январе 1669 г. Русские воеводы и гарнизоны должны были сохраняться помимо Киева в Нежине, Переяславе, Чернигове и Остре, но на переговорах было подчеркнуто, что они не будут вмешиваться в управление местным населением ²⁹⁵. Пребывание воевод было для русской власти своеобразной военно-политической гарантией того, что заключенное соглашение будет соблюдаться. Найденный компромисс ока-

²⁹⁴ АЮЗР. Т. 8. № 20. С. 111.

²⁹⁵ О Глуховской раде и содержании Глуховского договора см. подробнее: *Баранова О.В.* Договоры Войска Запорожского с Россией и практика взаимоотношений сторон во второй половине 50-х — 70-е годы XVII века // Белоруссия и Украина. История и культура. 2004. М., 2005. С. 58–62.

зался устойчивым. Основные положения Глуховского договора легли в основу ряда последующих русско-украинских соглашений, в основном потому, что историческая действительность не предлагала Левобережной Украине какой-либо более благоприятной альтернативы. Идя на заключение такого соглашения, русское правительство не только укрепляло связь Левобережного гетманства с Русским государством, но и рассчитывало привлечь на свою сторону казачество южного Левобережья.

Во время споров на Глуховской раде Г.Г. Ромодановский говорил, что П. Дорошенко подчинился власти султана и русские войска на Украине необходимы для защиты ее от османов²⁹⁶. К этому времени, очевидно, для русской стороны стала окончательно ясной направленность политики правобережного гетмана. Этому повороту предшествовали достаточно оживленные контакты русских представителей и представителей Петра Дорошенко зимой 1668/9 гг.

С уходом Орды в Крым и ослаблением позиций его противников на Украине Дорошенко счел нужным занять по отношению к России более жесткую позицию. Это стало ясным во время второй поездки Феофила Бобровича в Гадяч. Решение о поездке было принято 18 декабря 1668 г. Главной задачей его миссии было оформить переход Гадяча и его округи под русскую власть. С этой целью ему были вручены «милостивые» грамоты царя населению Гадяча и соседних с ним городов, Ромен и Полтавы, а также Андрею Дорошенко²⁹⁷. С Петром Дорошенко следовало стараться заключить соглашение о дружбе и совместных действиях против татар, «а жили б в любви, он за Днепром, а брат на сей стороне, всяк своему государю работая». Таким образом, правобережному гетману ясно давали понять, что русское правительство намерено соблюдать условия Андрусовского договора. Феофилу Бобровичу особо следовало выяснить, что стоит за заявлениями Петра Дорошенко о его готовности «служить» царю: «сам ли он, Петр, с некоторыми в сторону царского

²⁹⁶ АЮЗР. Т. 8. № 20. С. 91.

²⁹⁷ АЮЗР. Т. 7. № 54. С. 160–161.

величества переехать хочет или обе стороны Днепра соединить вместе»²⁹⁸. Таким образом, планы правобережного гетмана в декабре 1668 г. для русских политиков еще оставались неясными. В этом отношении, как увидим далее, миссия Феофила Бобровича принесла полную определенность.

Феофил Бобрович провел в Гадяче большую часть января (прибыл в этот город 10-го числа) и начало февраля, стараясь выполнить данные ему поручения и собрать нужную информацию. В новых условиях уже не было речи о переходе Гадяча и его округи под власть царя. Привезенные с посланцем «милостивые» грамоты были отправлены в Чигирин²⁹⁹. Как писал позднее царю Феофил Бобрович, «как Суховея с татары надокучил было им, тоды они кидалися и ко мне... присылали, и Андрей Дорошенко в города писал и призывали всех твоим, великого государя, именем; а как ныне склонилися, и Суховея и татар выбили, и он, Андрей, складаетца гетманом», от решения которого все зависит³⁰⁰. В самом Чигирине, как выяснил посланец, произошли показательные перемены в положении находившихся здесь русских пленных. Пока шла война, им «воля была... за присягою», но после ухода Орды в Крым Дорошенко «велел их снова посадить в темницу»³⁰¹.

Что касается возможных планов и предложений правобережного гетмана, то об этом Феофил Бобрович смог составить достаточно полное представление. Уже в самом начале пребывания в Гадяче ему ясно дали понять, что речь идет не об отъезде П. Дорошенко на русскую службу, а об объединении под его властью украинских земель по обе стороны Днепра под русским протекторатом — «чтоб обе стороны Днепра в соединении были под... великого государя высокою рукою». Такое заявление сопровождалось угрозами — «а кто, де, нас станет рознить, станем... выбиватца, нас, де,

²⁹⁸ АЮЗР. Т. 7. № 54. С. 163.

²⁹⁹ АЮЗР. Т. 8. № 10. С. 26.

³⁰⁰ Там же. № 18. С. 66–67.

³⁰¹ Там же. С. 67 (об этом Бобровичу сообщили сами пленные: там же. С. 69).

и король примет, и татаря, де, не отступят нас»³⁰². Одним из условий такого соглашения должна была стать ликвидация Левобережного гетманства. «По обе стороны Днепра» должен быть один гетман, а именно Дорошенко — он «казак старой», а Демьяна Многогрешного «называют... мужичьим сыном»³⁰³. Когда на раде 1 февраля зачитали грамоту, присланную в Гадяч Д. Многогрешным, Андрей Дорошенко ее «бросил и с себя сорвал шапку, много, де, стало гетманов, недалеко, де, и сызнава по орду посылать»³⁰⁴. Вместе с тем из того, что удалось узнать Бобровичу, ясно следовало, что верховная власть царя над гетманством должна была быть чисто формальной. На территории гетманства не должно было быть ни русских воевод, ни русских гарнизонов, «чтоб только слыли они великого государя слугами, а указ бы, де, им о всем был от гетмана»³⁰⁵. Такие условия ничем не отличались от тех, которые П. Дорошенко в начале 1668 г. предлагал Вас. Тяпкину. Для русских политиков в этих предложениях не было ничего нового.

Новый аспект, однако, присутствовал, и очень неприятный. Собирая сведения о раде, созванной в Чигирине с участием представителей полков южной части Левобережья, Феофил Бобрович выяснил, что там было принято решение, «чтоб вси, надеясь на милость великого государя, держались при Петре Дорошенко»³⁰⁶. По-видимому, тогда же Дорошенко «розослал листы, будто великий государь изволил их принять под свою, великого государя, высокую руку, и указал на обеих сторонах Днепра быть гетманом ему, Петру»³⁰⁷. Эти сообщения вызвали искреннее удивление посланца: «Не ведаю я, — писал он, — откуда пронеслось, будто ты, великий государь, изволил под свою великую руку принять ту половину Днепра»³⁰⁸. Удивление это понятно,

³⁰² Там же. № 10. С. 28.

³⁰³ Там же. № 18. С. 71.

³⁰⁴ Там же. С. 67.

³⁰⁵ Там же. С. 62.

³⁰⁶ Там же. № 22. С. 113.

³⁰⁷ Там же. № 18. С. 63.

³⁰⁸ Там же. № 22. С. 113.

так как переговоры с Дорошенко должен был вести именно Феофил Бобрович, а тот, наблюдая происходящие перемены, просил царя не посылать его в Чигирин, так как «ему отоль живу не выехать»³⁰⁹.

Как представляется, сознательное распространение такой дезинформации преследовало одновременно несколько целей. Такое решение вопроса о судьбе гетманства устроило бы полки южной части Левобережья, и соответствующие заявления давали возможность правобережному гетману удерживать эти полки в орбите своего влияния. Кроме того, такие заявления могли привести к осложнению отношений между Россией и Речью Посполитой и тем способствовать неудаче планов возведения царевича на польский трон, а эта опасность зимой 1668/9 гг. представлялась реальной. Как узнал Бобрович, приехавшие в Чигирин шляхтичи сообщали, что «княжества Литовского все посольство говорят, чтоб на королевстве быть благоверному государю царевичю»³¹⁰. Ф. Бобрович, понимавший, какие последствия могут повлечь подобные шаги, настоятельно рекомендовал выступить с заявлением перед населением Левобережья, что «нельзя быть вместе под единым государем с тою стороною Днепра»³¹¹. Наконец, такие заявления могли осложнить отношения между русским правительством и Демьяном Многогрешным. Эти сообщения Бобровича могли только укрепить недоверие русских политиков к Дорошенко, нашедшее столь яркое выражение в документах начала декабря 1668 г.

Такая политическая игра, однако, не могла продолжаться долго. Уже в начале февраля Дорошенко стало известно о возвращении его послов из Османской империи вместе с послом султана Мустафой Селимом³¹². Необходимо было принимать окончательные решения относительно внешнеполитической ориентации Правобережного

³⁰⁹ АЮЗР. Т. 8. № 18. С. 63.

³¹⁰ Там же. С. 71.

³¹¹ Там же. С. 63.

³¹² Крикун М. Між війною і радою. Козацтво правобережної України в другій половині XVII — на початку XVIII століття. Київ, 2006. С. 256–257.

гетманства. Такие решения были приняты на раде, собравшейся в Корсуни 11 марта 1669 г. Реконструкция того, что происходило на этой раде, была предпринята на основе широкого круга разнообразных источников украинским исследователем М.Г. Крикуном. Как установил исследователь, сопоставляя и анализируя эти свидетельства, на раде широкого состава, с участием «черни», было принято решение о принятии османской «протекции», в знак чего Петр Дорошенко был торжественно облачен в одежды, присланные султаном³¹³. После рады к султану было отправлено посольство во главе с Мих. Портянкой, которое должно было привезти гетману от султана знаки власти: булаву, бунчук и хоругвь³¹⁴.

Хотя П. Дорошенко не разорвал свои отношения с Речью Посполитой и даже продолжал поддерживать видимость зависимости от Польско-Литовского государства³¹⁵, решающий шаг в определении внешнеполитической ориентации Правобережного гетманства был сделан. Провозглашение Дорошенко на раде гетманом «обеих сторон Днепра» придавало этому решению характер акции, прямо направленной против России. Не все на Правобережье были сторонниками установления османского протектората над Войском Запорожским. Противники такого решения сначала поддерживали Петра Суховеенко, затем их возглавил долголетний уманский полковник Мих. Ханенко. Однако в развернувшейся войне большая часть правобережных полков поддержала своего гетмана. Единственной реальной альтернативой османской протекции было возвращение под власть Речи Посполитой, чего правобережное казачество активно не желало.

На Левобережье сложившееся положение выглядело иначе и по-иному воспринималось. Ф. Бобровича, находившегося в пограничном Лебедине, 26 февраля 1669 г. посетил священник Иван Прокофьев — посланец жителей Полтавы,

³¹³ Крикун М. Між війною і радою... С. 265.

³¹⁴ Там же. С. 272–273, 276.

³¹⁵ Там же. С. 270–271.

Зинкова и Лохвиц³¹⁶. Письмо³¹⁷, привезенное им, подписали полтавский полковник Константин Кублицкий, от жителей Лохвицы — Григорий Гамалея, от жителей Зинкова — атаман Левко Гавриленко. Они предлагали Феофилу, взяв заложников, срочно приехать к ним на переговоры, чтобы договориться о его поездке в Москву для получения «милости» от царя. В письме говорилось, что «почасту из-за Днепра» к ним присылают «листы», чтобы они не поддерживали отношений с русскими властями, но они не желают обращать на них внимания. В письме читались резкие выпады в отношении «тых многих панов гетманов, которые для щегульной чести своеи, жоны и дети наши отдавши в вечную неволю, хиба тоже нами тулко самими затыкать хотят». За этими выпадами стояли, по-видимому, реальные события: в начале декабря 1668 г. посланцы киевского воеводы сообщали, что жители Зинкова перебили татарский гарнизон за то, что татары «почали над женским полом насилье чинить»³¹⁸. Соперничество гетманов вызвало у составителей грамоты такое раздражение, что в письме появились даже слова: «Много бояр у царского пресветлого величества, нехай, хто хочет, гетманит». Составители письма выражали пожелание, «щоб, обравши полковника, так же зоставали под региментом царского боярина, як зоставет и сумский полковник». Эти высказывания, достаточно необычные в устах дороживших автономией «своего» гетманства левобережных казаков, показывают, как сильно было их раздражение тем, что происходило в южной части Левобережья осенью–зимой 1668 г. Вместе с тем очевидно, что составители письма видели выход в установлении на Левобережье русской власти, даже если здесь не будет особого гетманства, а будут такие же порядки, как и на Слободской Украине.

Чувствуя опасность, П. Дорошенко стремился ослабить такие настроения. В письме от 26 февраля³¹⁹, извещая о со-

³¹⁶ См. об этом в ответном письме Ф. Бобровича: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 376. Л. 2.

³¹⁷ Оригинал письма см.: там же. Л. 6.

³¹⁸ Там же. Стб. 536. Л. 133.

³¹⁹ Оригинал письма см.: Там же. Стб. 376. Л. 12.

зые рады в Корсуні, он одночасно просил прислать сведения об ущербе, который нанесли на Левобережье татары, и обещал, что посол султана добьется возмещения убытков и возвращения «с миром цесарским» всех угнанных в Крым людей. Были люди, на которых шаги, предпринятые Дорошенко, оказывали действие. Так, один из подписавших разобранное выше письмо, Григорий Гамалея, как известно, принял участие в Корсунской раде. Начавшиеся переговоры с Полтавой были прерваны, так как Феофил Бобрович в начале марта был срочно вызван в Москву³²⁰. Однако на раду в Корсуні прибыло очень немного представителей казацкой верхушки Левобережья³²¹, и это должно было стать для Петра Дорошенко и его политических планов тревожным симптомом.

К весне, после решений, принятых в Глухове и в Корсуні, сложилась ситуация, существенно облегчавшая для казачества южной части Левобережья его выбор. Обозначившаяся четко в Корсуні перспектива перехода украинских земель под османский протекторат вряд ли могла привлечь левобережное казачество. В отличие от казаков Правобережья, у них существовала другая реальная альтернатива — переход под русскую власть. После решений рады в Глухове, устранивших большую часть нововведений середины 60-х гг., эта альтернатива становилась гораздо более приемлемой. Левобережные казаки получили бы в этом случае гораздо больше, чем статус полков Слободской Украины, на который жители Полтавы готовы были согласиться в феврале 1669 г. К тому же по соглашениям в Глухове русские гарнизоны со стоявшими во главе их воеводами должны были оставаться только на северной части Левобережья.

В этих условиях с весны 1669 г. стали обозначаться перемены в политической ориентации полков южного Левобережья.

Правда, в апреле 1669 г., когда Демьян Многогрешный писал свои грамоты с призывом перейти под власть царя в Полтавский, Миргородский и Лубенский полки, ему «никакова

³²⁰ Там же. Л. 1–2.

³²¹ Крикун М. Між війною і радою... С. 261.

ответа на то не дали»³²², но уже в начале мая казаки Лубенского полка выгнали своего полковника Гамалею, который в Корсуни «присягал турецкому солтану и салтанский кафтан, и лист, каковы с ним присланы, целовал». Русскому гонцу в Чигирин, проезжавшему в то время через Лубны, казаки говорили, что хотят перейти под власть царя, тогда они «будут с православными христианы, а что, де, Дорошенко присяг турецкому салтану, и они, де, его бранят». Новый выбранный казаками полковник Филипп Плиса сообщил Демьяну Многогрешному, что его полк готов присоединиться к Левобережному гетманству³²³.

Как бы ни были серьезны эти перемены сами по себе, какие бы надежды ни связывали в Москве с продолжавшейся войной между Суховеем и Дорошенко, в Москве несомненно должны были отдавать себе отчет в тех опасностях, которые влекут за собой решения рады в Корсуни. Выше уже говорилось о том, как перемены в ориентации Петра Дорошенко отражались на судьбе находившихся в Чигирине русских пленных. В этой связи особое внимание русских политиков должно было привлечь известие, что после возвращения его послов от султана гетман «Белгородскому, де, паше на знак приязни послал в подарках государевых ратных людей»³²⁴. Значение этого свидетельства вполне очевидно. Оно означало, что гетман намерен выступить против России, опираясь на поддержку Османской империи.

Не могло не вызвать беспокойства и записанное 1 апреля в Киеве сообщение вышедшего из плена из Чигирина прапорщика Осипа Соболева. По его словам, султан обещал Дорошенко выслать к нему «к светлому Христову Воскресению» 40-тысячное войско, вместе с которым гетман будет завоевывать земли «в малороссийском заднепровском крае»³²⁵. Н.Г. Крикун прав, утверждая, что маловероятно, чтобы султан дал Дорошенко такие обещания³²⁶, однако,

³²² АЮЗР. Т. 8. № 49. С. 161–162.

³²³ Там же. С. 163, 187; № 64. С. 202.

³²⁴ Там же. № 26. С. 120.

³²⁵ Там же. № 35. С. 138.

³²⁶ Крикун М. Між війною і радою... С. 274.

думается, это свидетельство следует рассматривать как отголосок планов, возникавших в гетманской резиденции после принятия османской «протекции». Перед русскими политиками рисовалась перспектива длительной и тяжелой борьбы за Левобережье с гетманом «обеих сторон Днестра», которого поддерживает Османская империя.

Происшедшие события стали сильным ударом по внешнеполитическому курсу, намеченному А.Л. Ординым-Нащокиным, показывая ошибочность его внешнеполитических прогнозов. В своих записках он доказывал, что заключение военно-политического союза между Россией и Речью Посполитой (такой союз и был окончательно оформлен Московским договором) приведет к «умиротворению» на Украине, прекращению хронических «смут» и волнений на украинских землях, но заключение этого договора способствовало развитию серьезного внешнеполитического кризиса, а инициатор договора стал на Украине самым непопулярным лицом. На переговорах с украинскими посланцами осенью 1668 г. и зимой 1668/9 г. представители русской стороны настойчиво старались выяснить, в чем причины охватившего Левобережье восстания. При этом посланцы настойчиво указывали на высказывания и действия А.Л. Ордина-Нащокина, которые побудили жителей Левобережья взяться за оружие. Хотя русские представители на переговорах утверждали, что боярин не совершил ничего из того, что ему приписывалось, становилось ясно, что А.Л. Ордин-Нащокин не является той фигурой, которая могла бы добиться нужных соглашений с украинским обществом. Когда в январе 1669 г. в Москву прибыло представительное украинское посольство, переговоры с которым по должности должен был вести А.Л. Ордин-Нащокин как глава Малороссийского приказа, украинских послов принимал не он, а Б.М. Хитрово. И, как представляется, дело было не только в том, что А.Л. Ордин-Нащокин был для украинских представителей нежелательным партнером. Материалы опросов указывали на то, что поворот левобережной старшины во главе с Брюховецким на путь восстания был определенно связан с поездкой В.М. Тяпкина к гетману Дорошенко. Получалось, что своими действиями глава Посольского приказа

способствовал обострению внутривосточного кризиса на Левобережье. Поэтому закономерно видеть в поступке царя официальную оценку политики А.Л. Ордина-Нащокина на Украине.

Как показал В.И. Эйнгорн, и составление инструкций русским представителям на Глуховской раде было доверено не А.Л. Ордину-Нащокину, с которым консультировались лишь по поводу того, что отвечать на возможные вопросы участников рады о судьбе Киева³²⁷. При подготовке рады ему была доверена важная, но всё же второстепенная миссия — организация протестов против преследований православных в Речи Посполитой при участии наиболее авторитетных представителей православного духовенства Левобережья — Лазаря Барановича и Иннокентия Гизеля³²⁸. После успешного окончания переговоров в Глухове ездивший туда вместе с Г.Г. Ромодановским А.С. Матвеев 9 апреля 1669 г. был поставлен во главе Малороссийского приказа, еще один член делегации, дьяк Григорий Богданов, стал помощником Матвеева³²⁹. Царь продолжал ценить А.Л. Ордина-Нащокина как ценного эксперта по вопросам отношений между Россией и Речью Посполитой, но явно перестал видеть в нем единоличного руководителя всей внешней политики страны.

Отрицательные для А.Л. Ордина-Нащокина последствия произошедших событий далеко не исчерпывались событиями, затрагивавшими собственно русско-украинские взаимоотношения. События 1668 г. показали и ошибочность прогнозов А.Л. Ордина-Нащокина, касавшихся политики южных соседей Русского государства. Царя, начинавшего стареть и уставшего от бесконечной войны, А.Л. Ордин-Нащокин привлек к своим проектам обещаниями, что благодаря заключению мира и союза между Россией и Речью Посполитой удастся добиться важных внешнеполитических целей, не прибегая к войне. Он предсказывал, что достаточно будет одного заключения союза между Россией и

³²⁷ *Эйнгорн В.И.* Очерки... С. 533–534.

³²⁸ Там же. С. 534–535.

³²⁹ *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 85.

Польско-Литовским государством, чтобы их южные соседи Крым и Османская империя отказались от попыток расширить свое влияние на территории Восточной Европы и стали искать мира. Уже события 1667 г. могли вызвать сомнения в правильности этих прогнозов — поведение и Крыма, и Османской империи во время событий 1668 г. показало их полную несостоятельность. К началу 1669 г. ясно обозначилась перспектива усиления османской экспансии на территории Восточной Европы. В таких условиях острую злободневность приобретал вопрос, насколько надежным окажется в этой ситуации русско-польский союз. Первой проверкой эффективности Московского договора стали события 1668 г. на Украине.

Когда началось украинское восстание, не только А.Л. Ордин-Нащокин, но и другие русские политики рассчитывали, что в соответствии с условиями Московского договора Речь Посполитая окажет серьезную помощь в борьбе с казаками и татарами, и в первой половине 1668 г. был предпринят целый ряд шагов, чтобы добиться получения такой помощи. Уже в конце февраля 1668 г., когда стало ясно, что события на Украине принимают серьезный оборот, находившимся на пути в Варшаву русским посланникам Ивану Павл. Акинфову и дьяку Якову Поздышеву была направлена грамота с сообщением, что «своровал гетман Брюховецкий» и что следует добиваться «случения» для борьбы с восставшими войска обоих государств в соответствии с только что заключенным договором³³⁰. Данные им поручения посланники выполнили на встрече с сенаторами 18 марта. Сенаторы заявили, что будут рекомендовать королю оказать помощь³³¹, а 31 марта их посетил Киприан Павел Бжостовский и сообщил, что гетманам посланы универсалы собрать войска и «ссылаться» с русскими воеводами³³². В грамоте Яна Казимира Алексею Михайловичу говорилось также, что гетманы получили приказы, чтобы они, собрав войска, «ко усмирению

³³⁰ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1668 г. № 3. Л. 155–156.

³³¹ Там же. Л. 205–206.

³³² Там же. Л. 214.

тое своеволи казацкие... всякою помощью для успокоения тех бунтов были»³³³. Грамота была доставлена в Москву 29 мая³³⁴. Видимо, уже на обратной дороге посланники получили известие, что гетман Пац послал часть литовского войска к Стародубу³³⁵.

Не дожидаясь возвращения посланников, в Москве предприняли другой важный шаг — 1 марта 1668 г. отправили к литовскому гетману Михаилу Пацу гонца Семена Полкова³³⁶. Учитывая, что с коронными гетманами ни в эти годы, ни позднее у русских политиков непосредственных контактов не было, гетман Пац оказался той главной фигурой в политической элите Речи Посполитой, от которой в первую очередь можно было ожидать конкретной военной помощи. В беседах с гонцом гетман резко порицал «черкас», которые «изменили теперь обоим государям» и «поддались под оборону салтану турецкому». По его мнению, войскам обоих государей следовало «выжечь и высечь всех, чтоб места их были пусты»³³⁷. 23 апреля гетманский писарь Ян Козловский сообщил, что великому коронному гетману Яну Собескому послан приказ «против изменников черкас... итти к Днепру», и высказал от имени гетмана пожелание, чтобы царь разрешил коронным войскам перейти Днепр для соединения с русской армией³³⁸.

Все эти обещания давали серьезные основания для надежд, что на театре военных действий скоро появятся и окажут серьезную помощь русской армии войска Речи Посполитой. Как начало таких действий в Москве были восприняты известия о походе полковника Андрея Мурашко из Гомеля в район Чернигова в июне 1668 г.³³⁹ Сам Андрей Мурашко со-

³³³ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1668 г. № 3. Л. 227.

³³⁴ Там же. Л. 224.

³³⁵ Там же. Л. 258.

³³⁶ Там же. № 7. Л. 1.

³³⁷ Там же. Л. 3, 5.

³³⁸ Там же. Л. 16–17.

³³⁹ Мишка, «человек» П.В. Шереметева, сообщал 9 июля, что поход состоялся, «тому, де, ныне недели с четыре» (РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 703. Л. 202).

общал смоленскому воеводе, что ходил в поход под Чечерск, под Стародуб и под Чернигов по приказу гетмана Паца³⁴⁰. Извещая об этом кн. Г.С. Куракина 25 июня 1668 г., царь Алексей Михайлович предлагал ему не начинать пока военных действий против Петра Дорошенко, а ожидать прихода «королевского величества гетманов со многими силами»³⁴¹. В тот же день к выехавшему на посольский съезд в Курляндию А.Л. Ордину-Нащокину была также отправлена грамота с указанием добиваться, чтобы гетман Пац «без мотчанья» выступил в поход в соответствии с союзным договором³⁴².

Хотя Г.С. Куракин так и не дождался прихода к нему гетманов, ряд известий, относящихся к лету 1668 г., как будто говорил о том, что войска Речи Посполитой вступили в войну с правобережными казаками. В ряде сообщений этого времени упоминалось о том, что уход Петра Дорошенко за Днепр был связан в наступлением польских войск на Правобережное гетманство³⁴³. В наиболее подробном и конкретном из них говорилось о том, что Дорошенко посетил Остап Гоголь и сообщил ему, что его брата, наказного гетмана Григория Дорошенко, осадили в Кальнике войска во главе с князем Дмитрием Четвертинским³⁴⁴. Происхождение этих известий неясно. Как уже отмечалось, они находятся в противоречии со свидетельствами переписки Дорошенко с польскими гетманами, которые говорят о мирном характере отношений между Правобережным гетманством и Речью Посполитой летом 1668 г., даже несмотря на попытку Дорошенко взять штурмом Белую Церковь³⁴⁵. В конце июля вернувшийся из Речи Посполитой русский гонец М. Гольцов сообщал, что коронное

³⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 1. Л. 231. Ср. сообщения его офицеров — там же. Л. 224–225.

³⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 703. Л. 109–110, 113.

³⁴² РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 263–265.

³⁴³ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 613. Л. 102; Севский стол. Стб. 703. Л. 236; Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 93.

³⁴⁴ Оpubл. М. Петровским (*Петровський М. Нариси історії України XVII — початку XVIII століть*. Т. I. Харків, 1930. Прил. № 11. С. 402).

³⁴⁵ *Крикун М. Між війною і радою...* С. 286–287; *Perdenia J. Hetman Piotr Doroszenko...* S. 156–160.

войско стоит на Волыни, а Ян Собеский находится во Львове³⁴⁶, а в начале августа и Феофил Бобрович узнал о поляках, что «с черкасами у них ничего нет»³⁴⁷.

В начале августа развеялись и надежды на помощь со стороны литовского войска. Выполняя указания царя, А.Л. Ордин-Нащокин 5 июля обратился к М. Пацу с просьбой скорее выслать войска на Украину и помочь снабдить Киев продовольствием³⁴⁸. Гетман ответил, что он уже выслал литовское войско на Полесье, но без приказа короля не может направить его на Украину. Он выражал готовность послать продовольствие в Киев, но тут же оговаривался, что не может предоставить военного конвоя. В утешение своему корреспонденту он мог сообщить лишь то, что на приближающемся сейме будет говорить с королем «о посылке вашей милости из Войска Великого княжества Литовского»³⁴⁹. Примерно таково же было содержание еще одного письма М. Паца. В нем было лишь добавлено, что войско не хочет нести службу, не получая жалованья. Кроме того, гетман давал совет направить на сейм послов с просьбой о помощи³⁵⁰. Видимо, для утешения своего корреспондента М. Пац общал, что коронные войска во главе с Яном Собеским уже идут на Украину и даже вступили в борьбу с Ордой, что совершенно не соответствовало фактам.

В июле 1668 г. в Москве предприняли еще одну попытку воздействовать на правящие круги Речи Посполитой. В Варшаву был направлен новый гонец, Александр Карандеев. Сообщая в своей грамоте об успехе русских войск на Украине в борьбе с казаками и татарами, царь выражал удивление, что он ничего не слышит о действиях польских военачальников. Напоминая об обязательствах, взятых на себя Речью Посполитой по Московскому договору, царь выражал надежду на

³⁴⁶ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 9. Л. 57–58.

³⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 409. Столпик 3. Л. 109.

³⁴⁸ РГАДА. Ф. 79, 1668 г. № 10. Л. 292, 295–297.

³⁴⁹ Перевод грамоты М. Паца от 29 июля н. ст. (там же. Л. 341–348).

³⁵⁰ Перевод грамоты М. Паца от 9 августа н. ст. (там же. Л. 364–365).
О переписке М. Паца с А.Л. Ординым-Нащокиным см. также:
Wójcik Z. Między traktatem... S. 188.

скорое соединение войск обоих государств, чтобы «изменников казаков принудить к должному послушанию и нечестивых агарян к страху и отогнанию»³⁵¹. В момент, когда Карандеев собирался в дорогу, в Москве еще рассчитывали на получение помощи. Гонец должен был выяснить, сколько войск послано на Украину и кто их возглавляет³⁵². Сообщения, которые он привез, были неутешительными. Коронное войско стоит под Дубно на Волыни, «не идет никуда», литовское войско также стоит под Пинском³⁵³. И А. Карандеев, и выходцы из плена, и офицеры, поступившие на русскую службу, сообщали лишь об одной акции, предпринятой коронным войском на Украине, — посылке польного писаря Якуба Потоцкого с крупным военным отрядом для снабжения жалованьем и продовольствием гарнизона Белой Церкви³⁵⁴. Хотя, по сообщениям А. Карандеева, при возвращении эти войска подверглись нападению «черкас», это также не привело к разрыву отношений³⁵⁵.

Если с литовской стороны всё содействие ограничивалось набегом А. Мурашки, то с коронной всё ограничивалось тем, что Ян Собеский послал в Дымир полковника Яна Пиво с отрядом, поручив ему взаимодействовать с русскими воеводами. Пиво со своим отрядом участвовал в походе Петра Измайлова на Остер, а затем сжег местечко Стайки, подчинявшееся власти Петра Дорошенко. Людям его отряда было выдано в Киеве жалованье³⁵⁶. Эти действия хотя и были полезны для киевского воеводы П.В. Шереметева, но совсем не соответствовали ни обещаниям правящих кругов Речи Посполитой, ни размаху событий. К этому следует добавить, что сам полковник откровенно говорил, что если

³⁵¹ Черновик грамоты Алексея Михайловича Яну Казимиру от 8 июля: РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 19. Л. 10–17; *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 187.

³⁵² Там же. Л. 29об.

³⁵³ Там же. Л. 70.

³⁵⁴ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 1. Л. 280–286. Здесь же о том, что в коронном войске «гораздо голодно» и оно не получает жалованья.

³⁵⁵ Там же. № 19. Л. 73.

³⁵⁶ АЮЗР. Т. 7. № 47. С. 140–142.

на его действия станут жаловаться и Дорошенко, и крымский хан, то Собеский «называть его учнет своевольником». Из этого ясно следовало, что Речь Посполитая уклоняется от какого-либо открытого выступления против Дорошенко или против татар.

Своего рода заключительным аккордом переговоров о выполнении союзных обязательств стали разговоры Вас. Мих. Тяпкина с Михаилом Пацем в Гродне. Встреча состоялась в начале октября, когда гонец, посланный А.Л. Ординым-Нащокиным в Варшаву, остановился на пути в этом городе. Когда зашла речь о том, что Речь Посполитая не выполняет союзных обязательств, гетман Пац заявил, что по договору Речь Посполитая обязана выступить лишь в том случае, если 20-тысячная русская армия будет находиться на землях между Бугом и Днестром³⁵⁷. Герман в данном случае лишь повторял мнение ведущего коронного политика подканцлера А. Ольшовского³⁵⁸. После данных ранее обещаний вряд ли такое заявление могло быть позитивно воспринято русской стороной.

На переговорах в ноябре 1668 г. в Гадяче представители Дорошенко спрашивали Феофила Бобровича, зачем царь держится за союз с Речью Посполитой, ведь по заключенному договору следовало «бунты сносить, совокупясь вместе», а когда началось восстание, «сколько, де, с Полши дано помочи, а великому, де, государю не без убытку и ратным людем великого государя не без урону»³⁵⁹. Отвечать на эти доводы было нечем, а после прихода в Москву сообщений об отречении Яна Казимира и начале «бескоролья» на планах получения помощи из Речи Посполитой можно было поставить крест.

В начале ноября царь получил от А.Л. Ордина-Нащокина грамоту с поздравлениями по поводу побед, одержанных русскими войсками на Украине³⁶⁰. После таких побед, — писал он, — «благодарение Божие» по отношению к России

³⁵⁷ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 477.

³⁵⁸ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 188.

³⁵⁹ АЮЗР. Т. 7. № 41. С. 112.

³⁶⁰ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 553–554.

«явно не точию бусурманом, но и христианским соседям, мыслящим злая». Одержав победы, русские войска защитили не только Россию, но и Речь Посполитую, так что царя можно назвать «не словом, а самым делом защитителем Коруну Польские». А сколь бы велика была победа, если бы «в случении и польские войска были». А.Л. Ордин-Нащокин писал, что милость Божия всё это за «союз святой учинила» и что злым соседям «от Господа Бога дарованы тебе, великому государю, с польской Коруною союз страшен и от Великой Росии никогда им такой боязни не бывало», но это была хорошая мина при плохой игре. В конце концов и он вынужден был признать, что «полские стороны тот союз в случении войск не исправлен».

Таким образом, перед Россией вырисовывалась перспектива борьбы с Османской империей в союзе с государством, ненадежность которого как союзника ярко обнаружилась в событиях 1668 г. Между тем на союзе с этим государством основывался весь русский внешнеполитический курс после заключения Андрусовского перемирия. Положение усугублялось тем, что ненадежность Речи Посполитой как союзника стала обнаруживаться и на других направлениях русской внешней политики.

«БЕСКОРОЛЕВЬЕ»
В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
И РОССИЯ

При оценке широких внешнеполитических проектов, выдвигающихся в Москве на рубеже 1667/1668 гг., следует принять во внимание, что в то время, по мнению русских политиков, существовали реальные шансы того, что русско-польский союз удастся скрепить династической унией.

Уже в середине 60-х гг. XVII в. в Москву, как уже отмечалось выше, поступали известия, что широкие круги шляхты в Великом княжестве Литовском хотели бы видеть преемником старого и больного Яна Казимира царевича Алексея Алексеевича. Такие сведения снова начали поступать в Москву после заключения Андрусовского договора.

В июне 1667 г. смоленский шляхтич С. Дятельский, которого посылали для сбора «вестей» в Вильно, сообщал смоленским воеводам, что и Корона, и Литва хотят «бить челом» Алексею Михайловичу, чтобы «велел у них быть на королевстве» царевичу Алексею. Он уверял, что «литовские люди о том и руки свои подписали»¹. Еще более интересные сообщения пришли от И.А. Желябужского, который по пути в Вену в августе 1667 г. остановился в Варшаве. Здесь 23 августа состоялась его встреча с австрийским резидентом при польском дворе — уже знакомым посланцу Августинном Мейербергом. Резидент сообщил ему, что на последнем сейме принято решение направить к царю послов, чтобы царь «пожаловал бы им в Полшу сына своего государского». К этому резидент добавил, что император выступает против выбора на польский трон «французского» принца, «а опричь, де,

¹ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 1. Л. 143.

французского кого ни оберут на Польшу государя, и цесарь, де, никому помешки чинить не станет»². Запись разговоров И.А. Желябужский немедленно отправил в Москву³. Эти высказывания австрийского резидента представляли для русского правительства интерес не только потому, что они подтверждали правильность более ранних сообщений. Поведение резидента явно говорило в пользу того, что австрийские Габсбурги не будут препятствовать избранию царевича на польский трон.

Влияние этих сообщений явно проявилось в некоторых особенностях поведения русской стороны на начавшихся поздней осенью 1667 г. переговорах в Москве, на которые справедливо обратил внимание З. Вуйцик⁴. Так, на приеме великих послов вместе с отцом присутствовал царевич Алексей⁵, а глава польской делегации выражал радость по поводу того, что видит рядом с царем его сына, «надею утех и всего христианства радость»⁶. Вместе с тем, как отмечено в церемониале приема «государю царевичю королевских поминков не было»⁷. Очевидно, в полученных инструкциях ничего не говорилось об участии царевича в каких-либо контактах с послами. В этих условиях комплименты С. Беневского приобретают особое значение. Приближались новые выборы, исход их был неясен, и опытный политик стремился на всякий случай приобрести расположение возможного будущего монарха.

Во время следующего приема, 21 октября, послы уже от себя поднесли царевичу поминки⁸. Эти сведения русских документов интересно сопоставить с запиской о пребывании в

² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. IV. СПб., 1856. Стб. 580–581.

³ Там же. Стб. 582; РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 16.

⁴ *Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie. 1667–1672. Warszawa, 1968. S. 87, 110.*

⁵ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 12а. Л. 123. В *Gazette de France* отмечалось, что на приеме царевич был одет «à la polonoise» (*Wójcik Z. Między traktatem... S. 87*).

⁶ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 12а. Л. 148.

⁷ Там же. Л. 158.

⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 3–3об.

Москве польского посольства, составленной на основе писем К.П. Бжостовского из русской столицы⁹. Обращение к ней показывает, что появление царевича на приеме не было для послов проходным эпизодом. В письме из Москвы от 2 ноября н. ст. 1667 г. Бжостовский дал высокую оценку личным достоинствам великого князя («щедрейшего нрава... обходительный и весьма приветливый со всеми») ¹⁰. Вместе с отцом царевич присутствовал и на «отпуске» послов 25 ноября. В официальной записи о приеме отмечено, что не царь, а его сын передал «поклон» королю Яну Казимиру.

Важный шаг на пути к выдвижению кандидатуры царевича на польский трон был предпринят на приеме, состоявшемся 4 декабря, уже после окончания переговоров.

На этом приеме А.Л. Ордин-Нащокин, обращаясь к послам, говорил о пользе, которую принесет обоим государствам заключенный союз. Одновременно он, отметив, что король Ян Казимир «в зрелых летех» и не имеет потомства, выразил надежду, что в будущем удалось бы «обоих государств народы во единстве учинить» «за благословением в государстве вашем его королевского величества ко всей Речи Посполитой». Далее он прямо говорил, что если бы в Речи Посполитой захотели увидеть на троне кого-либо из «государских сынов», то царь «воле праведной Божьей противен не будет» ¹¹. Вместе с тем, хотя речь шла о сынах во множественном числе, в своей речи глава Посольского приказа прямо указывал на царевича Алексея, которого «светлость... незадолго до вашего пришествия ясностью луча московские народы просветила» ¹². Эти слова содержали в себе указание, что недавно было отмечено совершеннолетие царевича ¹³, и он вполне может самостоятельно управлять государством.

⁹ Оpubл. в издании: Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России. Ч. II. М., 1871.

¹⁰ Там же. С. 407.

¹¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 65об.–66.

¹² Там же. Л. 64об.–65.

¹³ Это событие, состоявшееся 3 сентября 1667 г., описано в одном из писем Патрика Гордона (*Патрик Гордон. Дневник. 1659–1667*. М., 2003. С. 213–214).

Это выступление было очевидной реакцией на сообщения, что шляхта намерена на сейме избрать царевича преемником Яна Казимира. Устами главы Посольского приказа официально давалось понять, что царь не возражал бы против такого решения.

3. Вуйчик, обративший внимание на эти записи, отметил, что послы уклонились от обсуждения этой темы¹⁴. Обращение к записям речей на приеме показывает, что это было не совсем так. Правда, послы заявили, что на сделанные предложения они ответа дать не могут, но, «будучи в государстве нашем между всеми народы, чтоб к неотступному желательству было, не умолчим и надеемся, что всех людей сердца подвигнутся и впредь к нерозорванному приятству готовы будут»¹⁵. Когда на том же приеме кн. Н.И. Одоевский напомнил послам о переговорах под Вильно в 1656 г., когда обсуждался вопрос об избрании Алексея Михайловича преемником Яна Казимира, то послы ответили, что тогда договориться не удалось, «а ныне, де, тамошнего крепче и лутче»¹⁶.

Описание той же аудиенции в упомянутой выше записке существенно отличается от русской записи.

Так, уже в изложении речи А.Л. Ордина-Нашокина при совпадении общего смысла появляются сюжеты, отсутствующие в русской записи. Здесь, например, говорится, что люди в России пользуются «всякой возможной свободой» под властью Алексея Михайловича, и под властью царевича польские «свободы» полностью сохраняются. Встречается здесь и сюжет о том, что с избранием царевича произойдет соединение церквей и будет завершено начатое в недавнее время уничтожение ересей на территории Речи Посполитой. Наконец, в этой речи читается утверждение, что царевич хорошо знает не только латынь и греческий, но и польский язык¹⁷. Далее излагается обращенная к послам речь

¹⁴ *Wójcik Z. Między traktatem... S. 110.* Ср. иные высказывания автора в ином месте его исследования (*ibid.* S. 125).

¹⁵ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 76об.–68.

¹⁶ Там же. Л. 68об.

¹⁷ Бумаги... Т. II. С. 421–422.

царевича, заканчивающаяся словами: «Никогда не дам вам повода раскаиваться в доброжелательстве вашем ко мне»¹⁸.

Возможно, что польский свидетель точнее передал речь А.Л. Ордина-Нащокина, чем автор русской записи. Невозможно, однако, чтобы этот автор, тщательно перечисливший присутствовавших на приеме членов думы, одновременно не отметил присутствия царевича и не привел его речи. Все это позволяет сделать вывод, что описанию аудиенции в записке придан такой характер, чтобы вызвать симпатии читателей к русскому кандидату. Так как в записке встречаются указания на письма К.П. Бжостовского, возможно, именно ему принадлежит этот тенденциозный пересказ события, реально имевшего место, но где не выступал с речью сам возможный кандидат и не выдвигались некоторые важные доводы в его пользу¹⁹.

После приема был предпринят другой важный шаг, который должен был подготовить почву для избрания царевича. Состоялась встреча послов с находившимися в Москве восточными патриархами. Как справедливо отметил З. Вуйцик²⁰, запись об этой встрече в посольской книге очень кратка²¹. Здесь, однако, отмечено, что патриархи, выразив радость по поводу заключения мира, «желательство свое объявляли, чтоб Господь Бог Восточную церковь з Западным костелом умирил, как и наперед сего при святых и богоносных отцех было в усмирении и во едином согласии»²².

Гораздо подробнее затронута тема встречи в польской записке. Здесь приводится обращенная к послам речь Антиохийского патриарха, который говорил о том, что полити-

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. С. 423–424.

¹⁹ В этой связи следует обратить внимание на два письма, адресованные К.П. Бжостовским А.Л. Ордину-Нащокину после его отъезда из Москвы. В одном говорилось о его желании поддерживать сношения «в тайных и явных делех», в другом — что похвалы А.Л. царю и его сыну «прилнули в Литве и в Полше, яко воск к горящей стене» (РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 12^a. Л. 544, 546).

²⁰ *Wójcik Z. Między traktatem... S. 110.*

²¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 116. Л. 69.

²² Там же.

ческий союз следовало бы скрепить единством веры и что различия церквей в вопросах вероучения сравнительно невелики, касаясь лишь вопроса о Исхождении св. Духа. Патриарх, согласно этому изложению, отстаивал правильность православной точки зрения, но отметил, что «разногласия не заслуживают столь упорного спора»²³.

Сохранился также латинский текст речи патриарха Макария²⁴. В целом текст речи совпадает по темам и последовательности изложения с текстом записки. Патриарх выражал удовлетворение, что два славянских народа одной крови, языка и обычаев заключили мир между собой. Далее говорилось о том, что обоим народам следовало бы добиваться единения не только тел, но и душ; что единство христианского мира может быть восстановлено благодаря усилиям двух восточных патриархов и папы. Затем патриарх доказывал, что православное учение о Исхождении Святого Духа было одобрено II Вселенским собором и принятый там символ веры папа Лев III приказал вырезать «*in altari post corpus Sancti Pauli*». Читались в речи и слова о том, что эти разногласия не должны быть причиной столь долгого и жестокого раскола (*acerbune et pertinax dissidium*). Речь заканчивалась обращением к послам, чтобы они просили короля и Речь Посполитую содействовать установлению согласия между церквями.

Вместе с тем стоит отметить, что в польской записке совсем не отразился раздел речи Макария, где обосновывалось, почему три патриарха могут общими усилиями соединить христианский мир. Это потому, что они — преемники апостола Петра, который основал Антиохийскую кафедру, послал своего ученика Марка Евангелиста в Александрию, а затем перенес свой престол в Рим. В этих трех местах («*in tribus locis*») устанавливались законы христианского мира. Это выступление против папского примата в записку не попало. Вероятно, записка также исходила от К.П. Бжостовского, который, согласно другой записке о встрече, уверял патри-

²³ Бумаги... Ч. II. С. 428.

²⁴ РНБ. Собр. автографов П.П. Дубровского. 158. № 9.

архов, что поляки с русскими едины не только в «temporalibus», но и в вере ²⁵.

Однако патриархи высказали пожелание вести переговоры о соединении церквей, и это произвело благоприятное впечатление на послов. Неслучайно послам тогда же сообщили, что в России больше не требуют перекрещивания католиков и на первой неделе Великого поста перестали провозглашать анафему тем, кто служит на опресноках ²⁶. З. Вуйцик правильно констатировал, что эти шаги должны были создать благоприятную атмосферу для переговоров о возведении царевича на польский трон ²⁷.

Правительство действовало, как видим, осторожно, ограничившись сообщением, что если шляхта выразит желание возвести на трон царевича, царь отнесется благоприятно к такому предложению. Когда по окончании переговоров в конце декабря 1667 г. в Варшаву были отправлены посланники И.П. Акинфов и Я. Поздышев хлопотать о ратификации сеймом Московского договора, они не получили никаких указаний обсуждать какие-либо вопросы, связанные с кандидатурой царевича.

Внести изменения в инструкции не побудили новые важные известия, поступившие в Москву уже после отъезда посланников.

Когда переговоры в Москве уже закончились, сюда стали приходить новые известия о положении в Речи Посполитой от возвращавшихся из-за границы посольств. В декабре 1667 г. проехало через Польшу и Литву возвращавшееся из Вены посольство И.А. Желябужского. Посланник записал, что обсуждаются два варианта возможного развития событий: или Ян Казимир отречется от престола, или вступит в

²⁵ Шмурло Е.Ф. Русская кандидатура на польский престол в 1667–1669 годах // Сборник статей, посв. П.Н. Милюкову. 1859–1929. Прага, 1929. С. 271.

²⁶ Шмурло Е.Ф. Русская кандидатура... С. 274. 15 февраля 1668 г. А.Л. Ордин-Нащокин объявил московским католикам, что царь разрешил им «пасторы держать, как у лютер и у калвин» (РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 1. Л. 118).

²⁷ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 132.

новый брак. Вопрос об этом будет решаться на ближайшем сейме. Если Ян Казимир отречется, то Речь Посполитая будет просить у царя дать на польский трон его сына ²⁸.

Еще более определенно положение дел в таком духе характеризовали «вести», собранные Б.И. Нащокиным, вернувшимся в Москву 19 февраля 1668 г. ²⁹ Тетрадь с записью «вестей», которую привез Б.И. Нащокин, открывалась сообщением, что и пристава, и «урядники», которых присылали «подчивать» послов, говорили, что, когда «короля их не станет», на трон не выберут никого иного кроме царевича Алексея. «И говорят, — отметил Б.И. Нащокин, — не тайно, с великим усердием и молят о том Бога» ³⁰. Посланник снова вернулся к этой теме в самом конце своих сообщений. Обобщая свои впечатления, он отметил, что «в дороге» по всей территории Речи Посполитой посланники и люди их свиты слышали «ото многих от начальных людей и от знатной шляхты», что те хотят видеть на польском троне только царевича. Эти собеседники выражали убеждение, что на ближайшем сейме «поветные послы» будут добиваться принятия сеймом решения об избрании на трон польский царевича после смерти Яна Казимира ³¹. Всё это были записи разговоров, которые велись в среде шляхты. Ни встречавшиеся с послами сенаторы, ни принимавший их в Мерече гетман М. Пац этой темы не затрагивали. М. Пац только сообщил, что на начавшем свою работу сейме его участники требуют высылки из страны французского резидента ³².

Сохранившийся в деле о поездке посланников «доклад» царю показывает, что вопрос об этом всё же обсуждался. Связано это было с тем, что И.А. Желябужский сообщил в Москве о своей беседе с канцлером К. Пацем, не зафиксированной в его статейном списке. Канцлер сообщил, что на сейме, вероятно, будет принято решение направить в Москву

²⁸ ПДС. Т. IV. Стб. 663.

²⁹ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 123.

³⁰ РГАДА. Ф. 79. 1667 г. № 11. Л. 166–166об.

³¹ Там же. Л. 189–189об.

³² Там же. Л. 188об.

послов — «устроение учинить бы о королевстве». Он предполагал, что, вероятно, сам приедет в Москву во главе этого посольства. В этой связи составители «доклада» запрашивали царя, не следует ли «послов задержать»³³. Решено, однако, было оставить всё в прежнем положении. Положение это, судя по поступившим сведениям, складывалось благоприятно для русских послов. Выступление представителей Речи Посполитой с инициативой об избрании царевича поставило бы на будущих переговорах именно русскую сторону в благоприятное положение.

Посланники, приехавшие в Варшаву в конце марта 1668 г., оказались в самом центре острой и напряженной политической борьбы. К этому времени всё более определенную форму принимали планы возведения, хотя бы и с применением силы, французского принца на польский трон после отречения Яна Казимира. Уже в марте 1668 г. была достигнута договоренность о том, что король оставит трон не позднее августа и ему будет предоставлено достойное содержание во Франции³⁴. Одновременно нарастало недовольство шляхты, ее стремление воспрепятствовать этим планам. Если в разосланной на сеймики в конце 1667 г. королевской инструкции обращалось внимание на то, что налицо серьезная опасность войны с Османской империей, то шляхетские ораторы на сеймиках заявляли, что за татарскими набегами на Речь Посполитую стоит Франция³⁵.

На открывшемся в январе 1668 г. сейме шляхетские послы открыто обвинили Францию в организации татарских набегов и потребовали высылки из страны резидента Пьера де Бонзи, отказываясь до этого обсуждать какие-то другие вопросы. Если в королевской инструкции предлагалось выделить средства для набора армии на случай возможной войны с Османской империей, то посольская изба противопоставила этому предложению проект конституции, преду-

³³ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 3. Л. 143–143об.

³⁴ *Wasilewski T.* Ostatni Waza na polskim tronie. Katowice, 1984. S. 262.

³⁵ *Matwijow M.* Ostatnie sejmy przed abdykacją Jana Kazimierza. 1667 i 1668. Wrocław, 1992. S. 109–117.

смастривавшей сбор «посполитого рушенья» — дворянского ополчения — 10 июня, но его должны были собрать не государственные власти, а дворянские собрания воеводств для борьбы с «врагами отечества» — внутренними и иноземными. Такое ополчение в случае необходимости могло стать высшим органом власти в государстве — «конным сеймом», который бы силой воспрепятствовал возведению на польский трон французского кандидата. Сейм был сорван³⁶.

В этих условиях влиятельным кругам в Речи Посполитой стало представляться, что избрание царевича может стать приемлемым выходом из сложной, чреватой опасными последствиями ситуации. И они стали искать контактов с посланниками. 2 апреля посланников посетил К.П. Бжостовский, сообщивший, что царю «во всяких делех радетелен» литовский канцлер К. Пац, а также подканцлер коронный А. Ольшовский и люблинский воевода Владислав Рей. Он советовал посланникам «с ними видетца и великого государя милостью их обнадежить»³⁷. Последовав советам, посланники в тот же день посетили А. Ольшовского, которому поднесли «сорок соболей доброй», а 3 апреля состоялась их встреча с К. Пацом³⁸. На этих встречах дело ограничилось общими заявлениями политиков о их готовности служить царю.

Что стояло за этими заявлениями, проявилось 3-го же апреля в беседе посланников с К.П. Бжостовским, который выступал перед ними как посланец литовского канцлера. Он сообщил, что на сейме сенаторы и послы расспрашивали о царевиче, «каково возрасту и образ его государский, что оказывает»³⁹. Гораздо более важным было другое его сообщение — о том, что канцлер убеждал многих сенаторов избрать новым государем царевича, на что согласились все литовские сенаторы и часть коронных. От имени канцлера он настоятельно советовал отправить с таким предложением послов

³⁶ Ibid. S. 123–127; *Wasilewski T. Ostatni Waza... S. 263–265; Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego (1629–1674). T. II. Kraków, 1898. S. 72–76.*

³⁷ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 3. Л. 237.

³⁸ Там же. Л. 238–239.

³⁹ Там же. Л. 241.

на ближайший сейм, на котором король «конечно королевства учнет уступать»⁴⁰. Как видно из последующих советов, эти послы должны были выдвинуть кандидатуру царевича на опустевший трон. Послы, по мнению канцлера, должны иметь полномочия для решения вопросов о вере кандидата, от которого могут потребовать, чтобы «был единой веры с ними», о гарантии прав и вольностей шляхты, о выплате войску жалованья за прежние службы⁴¹.

Ряд советов касался того, как строить отношения с соседними государствами. Следовало постараться наладить отношения с императором «и ласка к нему держать большая», чтобы он не стал поддерживать французского кандидата. Наконец, он настоятельно советовал выслать войска на границу с Речью Посполитой. Это заставит Францию и ее союзников — Швецию и Бранденбург воздержаться от вмешательства в польские дела, а сторонников царевича на сейме это ободрит, «и они будут надежные и в договорах смелые»⁴². Эти последние советы, как представляется, говорят о том, чем именно привлекала кандидатура царевича. Опираясь на вооруженную поддержку царя, можно было провалить планы «про-французской» партии.

Записи этой беседы позволяют, как представляется, понять причины очень активной реакции А. Ольшовского на заявления восточных патриархов о желательности соединения церквей. При активном его участии был подготовлен текст королевской грамоты в Москву, содержащей предложение об организации в Москве в июне 1668 г. встречи патриархов с русскими и польскими епископами для обсуждения разногласий между ними. В грамоте подчеркивалось, что обе церкви объединяет много общего — соблюдение таинств, почитание икон и останков святых. А. Ольшовский писал в Рим, что он готов лично участвовать в этой встрече. Об этой его инициативе посланникам сообщил вернувшийся из России «крестовой поп» Стефан Ширецкий. Спустя не-

⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 3. Л. 242.

⁴¹ Там же. Л. 243–244.

⁴² Там же. Л. 245–247.

которое время Ян Казимир, по-видимому, понял, что стоит за этой инициативой, и принял меры, чтобы вернуть грамоту назад, но меры эти запоздали, и в апреле 1668 г. документ попал в Москву ⁴³.

6 апреля посланников посетил «королевский покоевой дохтур». Несмотря на свою должность, доктор принадлежал к числу противников французского кандидата и своими сообщениями явно хотел через посланников побудить русское правительство выступить против него.

«Доктор» убеждал, что события, происходящие на Украине, вызваны «промыслом француза». Французские дипломаты дали султану и везиру великие подарки, чтобы татарское войско напало на Польшу и заставило ее разорвать мирный договор с Россией. Далее он говорил о том, что после утверждения на польском троне французского принца возникнет направленный против России османо-польский союз, чтобы «турком доставать Казань и Астрахань» ⁴⁴. Повторяя обвинения, выдвигавшиеся в шляхетской среде против сторонников Конде, доктор стремился показать, какие опасности несет России победа его сторонников.

Одновременно доктор доказывал, что у царевича в Польско-Литовском государстве много сторонников, только «духовные люди» и немногие сенаторы, которые берут деньги у французского посла, «для веры прескожают» ⁴⁵.

Положение дел волновало не только лиц, причастных к высокой политике, но и широкие круги шляхты, готовые оружием отстаивать свои права. Поэтому и шляхтичи пытались искать контактов с русскими посланниками. 8 апреля их посетил мазовецкий шляхтич Самуил Гжибовский. Он сообщил посланникам, что шляхта не желает видеть на троне француза и добивается созыва сейма «в поле». По его словам, шляхта

⁴³ *Wójcik Z.* Między traktatem... S. 133–134; *Шмурло Е.Ф.* Русская кандидатура... С. 275–278. Перевод грамоты Яна Казимира, сделанный 15 апреля 1668 г., см.: РГАДА. Ф. 27 (Приказ Тайных дел). Оп. 1. № 537. Королевскую грамоту отправил в Москву К.П. Бжостовский (РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 3. Л. 184).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 3. Л. 247–248.

⁴⁵ Там же. Л. 248–249.

желает избрания царевича, так как царь «с ним в границах ближе и ко всякому вспоможению надежнее». Очевидно, что для шляхтичей, как и для руководящих политиков, важно было то, что они рассчитывали достаточно быстро получить от него помощь для борьбы со сторонниками французского кандидата. Он также советовал выслать послов на ближайший сейм и «обнадежить» своей милостью маршалка и послов ⁴⁶.

Таким образом, на этот раз дело не ограничилось анонимными сообщениями о сторонниках царевича, появились конкретные представители другой стороны, предлагавшие царю определенный план действий в борьбе за польский трон.

Вскоре после отъезда посланников в Польшу в конце марта резиденцию литовского гетмана М. Паца посетил русский гонец С. Полков. Гонец приехал для достижения договоренности о военных действиях против «черкас», но на переговорах были подняты и другие сюжеты. В беседе с С. Полковым гетманский писарь Ян Козловский сообщил, что Ян Казимир при поддержке Франции, Швеции и Бранденбурга хочет возвести на трон герцога нейбургского «гвалтом, войсками». Его кандидатуру поддерживают некоторые коронные сенаторы и Великая Польша, но другие коронные воеводства, Литва и архиепископ гнезненский хотят избрания царевича. Писарь также советовал выслать русских послов на ближайший сейм.

Поднятая писарем тема возможности военного переворота в Речи Посполитой получила продолжение в ходе дальнейшей беседы. Писарь говорил о намерениях организаторов переворота выслать литовское войско на Украину, чтобы оно не могло помешать их планам. Он просил, чтобы в этом случае царь послал свои войска в «Лифлянты», чтобы этим планам «перешкодить». Отпуская 26 апреля С. Полкова, гетман Пац поставил гонца в известность, что писарь вел разговор с Полковым по его приказу ⁴⁷.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 3. Л. 254–255.

⁴⁷ Nfv ;t. № 7. Л. 16–19. См. также: *Wójcik Z. Pacowie wobec kandydatury rosyjskiej na tron Polski w latach 1668–1669 (Misja Połkowa na Litwie) // Przegląd historyczny. 1969. N 1.*

Русское правительство оказывалось перед трудным решением. С одной стороны, появились сторонники царевича, которые предлагали русскому правительству свои советы и рекомендации, свой план действий. С другой стороны, выяснялось, что вопреки более ранним сообщениям поддержка кандидатуры царевича в Речи Посполитой отнюдь не единодушна и ее выдвижение может привести к вооруженному столкновению не только с польскими сторонниками «француза», но также с Францией и ее союзниками. Дело никак бы не ограничилось благожелательным ответом на коллективное обращение магнатов и шляхты.

В действительности трудности на пути к осуществлению задуманного плана были гораздо более значительными, так как собеседники русских дипломатов, побуждая русское правительство к действиям, обходили молчанием некоторые важные планы и расчеты, связанные с выбором царевича Алексея.

На эту сторону дела позволяют пролить определенный свет донесения иностранных дипломатов. К концу 1667 г. иностранные дворы стали обсуждать возведение царевича на польский трон как реальную возможность и принимать меры для противодействия. Так, курфюрст Фридрих Вильгельм уже в январе 1668 г. предписывал своему резиденту в Варшаве И. Ховербеку убеждать шляхту, что выбор царевича приведет шляхту к войне с соседями, прежде всего с Османской империей⁴⁸. Дворы требовали от своих дипломатов сообщений о русских предложениях Речи Посполитой, и такие сообщения на рубеже 1667/1668 гг. были отправлены. Ряд сообщений исходил от папского нунция А. Пиньятелли. Уже в декабре 1667 г., сообщая о приезде в Варшаву посольства во главе с Б.И. Нащокиным, он записал, что послы привезли с собой «di larghe promesse», что в случае выбора царевича Речи Посполитой будет возвращена большая часть утраченных земель и выплачены крупные суммы денег, а 1 февраля 1668 г. им же была отправлена депеша, что царевича

⁴⁸ Urkunden und Aktenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. T. XII. Berlin, 1892. S. 361.

предполагают отправить в Польшу, чтобы он познакомился с ее политическим строем и католической верой⁴⁹. В конце 1667 г. и французский резидент П. де Бонзи сообщал, что сын царя должен принять католицизм и вернуть Речи Посполитой утраченные земли⁵⁰.

Сопоставление с приведенными выше свидетельствами русских источников показывает, что подобных предложений русская сторона вовсе не выдвигала. Сообщения иностранных дипломатов из Варшавы отражали (хотя авторы сообщений этого не понимали) те представления об условиях возможного соглашения с Россией, которые курсировали и в политической элите Речи Посполитой, и в более широкой среде шляхты. Выше уже отмечалось, что получившая к середине 60-х гг. XVII в. в среде литовской шляхты поддержку идея возвести на трон царевича уже в то время соединялась с расчетами, что таким путем Великое княжество Литовское получит назад утраченные земли. С этого времени представление о том, что каждое соглашение с Россией должно привести к пересмотру условий Андрусовского договора, стало прочной частью сознания политической элиты. Ярким примером может служить «diskurs» А.М. Фредро, написанный, когда после смерти в мае 1667 г. королевы Людовики-Марии в Польско-Литовском государстве обсуждался вопрос о возможном новом браке короля Яна Казимира. В своем рассуждении А.М. Фредро предлагал женить своего монарха на дочери царя, так как таким образом «sine sanguine» Речи Посполитой будут возвращены Смоленск, Заднепровье, Киев⁵¹. Характерно, что при этом видному политику не приходило в голову, что Алексей Михайлович может не захотеть устройства брака своей дочери ценой таких уступок. Тем более шляхта была уверена, что царь пойдет на самые значительные жертвы, чтобы увидеть своего сына на польском троне. Эта уверенность, как это неоднократно бывало

⁴⁹ Шмурло Е.Ф. Русская кандидатура... С. 268.

⁵⁰ Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. Stockholm, 1961. P. 35.

⁵¹ Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy. 1648–1668. T. III (1665–1668). Wrocław; Warszawa, 1991. N 145. S. 232.

в истории русско-польских контактов в прошлом, приводила к тому, что в циркулировавших по стране слухах надежды и расчеты шляхты принимали форму предложений, якобы исходящих от русских дипломатов.

Затем эти сообщения попадали на страницы донесений дипломатов, создавая у разных европейских правителей впечатление, что царь Алексей Михайлович готов на самые большие жертвы, чтобы возвести своего сына на польский трон.

Распространению таких убеждений способствовало появление на рубеже 1667/1668 гг. и распространение по Европе сообщений о планах соглашения Романовых и Габсбургов относительно польского трона. Сведения эти собрал и проанализировал в своей монографии З. Вуйцик.

Вскоре после посещения И.А. Желябужским Вены в «Gazette de France» от 1 ноября н. ст. 1667 г. появилось сообщение, что посол заявил императору о намерении царя оказать Польше помощь людьми и деньгами, если его старший сын будет избран преемником Яна Казимира. Это сообщение в последующих номерах «Gazette» получило дополнения. В номере от 22 ноября было отмечено, что Желябужский предложил заключить брак между царевичем и одной из родственниц императора. Другие детали добавляет сообщение в «Theatrum Europaeum». Здесь читаем, что если император поможет царевичу занять польский трон, он получит несколько миллионов гульденов и 40-тысячную армию «zu Jhrer Kay Mtt. Diensten». Наконец, в номере «Gazette» от 29 ноября отмечено, что император не дал определенного ответа Желябужскому, обещая обдумать эти предложения и дать ответ позднее⁵². В декабре 1667 г. известия о таких переговорах дошли до Варшавы⁵³.

К этой группе сообщений исследователь присоединил обнаруженный им в Архиве Министерства иностранных дел Франции проект соглашения, предложенный русским посланником П.И. Потемкиным королеве-регентке Марии 6 и 7 марта 1667 г. Он предлагал: 1) заключить «вечный» союз

⁵² *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 128–129.

⁵³ *Ibid.* S. 129.

между Россией и Испанией; 2) содействовать браку одной из сестер императора с царевичем Алексеем; 3) поддержать совместно с императором избрание царевича на польский трон; 4) царевич примет католицизм, а Речи Посполитой будут даны гарантии, что она не будет объединена с Россией под властью одного монарха; 5) царь окажет всякую помощь Австрии в случае нападения на нее османов; 6) царь предоставит в распоряжение австрийских и испанских Габсбургов 40-тысячную армию⁵⁴.

В мае 1668 г. проект соглашения стал известен разным европейским кабинетам. 4 мая о нем писал из Варшавы своему правительству Пьер де Бонзи. 7 мая текст соглашения был приложен к одному из писем курфюрста Фридриха Вильгельма, скоро узнало о нем и шведское правительство⁵⁵. З. Вуйцик отметил, что сохранившиеся в русском архиве материалы посольств в Австрию и Испанию таких материалов не содержат. Они, правда, могли находиться в особых тайных наказах, которые впоследствии погибли, но такие тайные указы не упоминаются в описи архива Посольского приказа 1673 г.

К тому же при сопоставлении этих известий со статейным списком посольства И.А. Желябужского возникает ряд несоответствий. Так, никакой секретной аудиенции у императора статейный список не знает. Император встречался с послами только на приеме 14 октября и на отпуске 7 ноября⁵⁶. В русской дипломатической практике бывали случаи, когда содержание тех или иных встреч фиксировалось в особых документах, но сам факт таких встреч в ста-

⁵⁴ *Wójcik Z. Między traktatem... S. 130–131. Т. Корзон обнаружил в Мюнхенском архиве сообщение из Мадрида, что не только царевич примет католицизм, но и царь разрешит в своих землях публичное католическое богослужение (Korzon T. Dola i niedola... Т. II. S. 140–141).*

⁵⁵ *Wójcik Z. Między traktatem... S. 130; Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. Т. I. S. 45.*

⁵⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. IV. СПб., 1856. Стб. 602 и сл.; 640 и сл.

тейном списке обязательно отмечался. Во-вторых, следует отметить краткость пребывания русского посольства в Вене (с 3 октября по 7 ноября), с тем что собственно переговоры с советниками императора, когда только и могли быть оглашены условия соглашения, начались только 25 октября. Думаю, что для определения отношения к предложениям такой важности, если бы они действительно были сделаны, потребовалось бы значительно больше времени. Наконец, обращает на себя внимание, что в статейном списке среди записанных посланником слухов читается, что «ныне, де, цесарь мыслит, хочет посылать к великому государю... свататься сестрою своею за государя царевича»⁵⁷. Если бы предложение о таком браке было сделано официально и на него последовал официальный ответ, как об этом говорится в «Gazette», то вряд ли подобное сообщение могло появиться в статейном списке. Скорее в нем можно видеть распространение слухов, возникших с появлением публикаций и достигших до Желябужского, когда он в декабре 1667 г. ехал в Россию через Литву.

Несоответствия возникают и при сопоставлении этих данных со статейным списком посольства П.И. Потемкина в Испанию. Указание, что проект соглашения был передан королеве-регентке 6 и 7 марта н. ст. 1667 г., является явно неверным. Судя по статейному списку, 7 марта (не нового, а старого стиля) произошла лишь официальная аудиенция, во время которой была торжественно вручена лишь царская грамота, а письменное изложение русских предложений было передано королеве 5 апреля⁵⁸. Обращает на себя внимание и то, что после передачи этих предложений ни королева, ни ее министры вообще не встречались с русскими посланниками.

Обращает на себя внимание и быстрое появление сообщений о секретных русско-австрийских переговорах не где-нибудь, а во французской прессе. Всё это дает основание видеть в проекте соглашения Романовых и Габсбургов плод

⁵⁷ ПДС. Т. IV. Стб. 665–666.

⁵⁸ Сын отечества. 1850 г. № 12. С. 1–8, 21–23.

творчества французских политиков. Задуманная мистификация преследовала, как представляется, две цели. С одной стороны, сообщения о таком соглашении могли настроить против русского кандидата шляхту, с неприязнью относившуюся к Габсбургам. С другой — таким путем можно было побудить и враждебные Габсбургам государства выступить против выбора царевича. Всё вместе создавало впечатление, что Алексей Михайлович готов на самые большие жертвы, чтобы добиться избрания своего сына польским королем, и что шляхта может его избрать. Как увидим далее, это вызвало сильное беспокойство таких соседей Речи Посполитой, как Швеция и Бранденбург, которые стали предпринимать усилия, чтобы этого не допустить и обеспечить себе какую-то международную поддержку на случай, если это всё же произойдет.

На русской стороне положение дел оценивалось существенно по-иному. Представление об этом дает «доклад» А.Л. Ордина-Нащокина, представленный царю и боярской думе в мае 1668 г. Появление этого документа связано с тем, что глава Посольского приказа должен был выехать на проектируемый съезд в Курляндию. Решение о том, что на этот съезд поедет именно А.Л. Ордин-Нащокин, было принято, как узнал шведский резидент, 18 апреля 1668 г.⁵⁹ Таким образом, в достаточно сложной ситуации глава Посольского приказа должен был на длительное время покинуть Москву, и перед его отъездом следовало договориться, какой внешнеполитической линии придерживаться в его отсутствие. С этой целью был написан и представлен думе его доклад.

Доклад⁶⁰ отражал перемены во внешнеполитических планах канцлера, произошедшие после начала восстания на Украине. От планов мирного присоединения Правобережья в сложившихся условиях приходилось отказаться. «Дошло время не чюжих краев, — писал он, — но себя оборонять». Вместе с тем у сложившегося положения вещей была, по его оценке, и положительная сторона. Происходившие события

⁵⁹ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. S. 39.*

⁶⁰ Текст «доклада» — автограф А.Л. Ордина-Нащокина — см.: РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 155–160.

показывали, что Крым и Османская империя твердо намерены утвердиться на Украине, и это должно было повысить в глазах польско-литовских политиков ценность союза с Россией. Он настойчиво предлагал «неотступно великими ратьми наступать на Украину» не только для того, чтобы «в покорение и в послушание приводить казаков», но и чтобы показать, что Россия выполняет свои обязательства по Московскому договору «и защищение Коруне Польской от Великие Росии явно будет».

В этих условиях главе Посольского приказа представлялось реальным «зачать с польскими и литовскими послы о вечном миру говорить, чтоб Смоленское княжество со всею Северскою землею и часть Украины с Киевом в вечной мир к Великой Росии причтена была». Польские политики должны понять, что если «не быть Украине по Днепр, и там остереганью от Великой Росии быть не к чему». В новом плане по-прежнему присутствовал приезд Алексея Михайловича в Киев, но теперь ему предназначалась другая роль: «в Киев въехать и там совершить конечную крепость между Великой Росии и Польши». Из имеющейся на «докладе» пометы⁶¹ следует, что доклад 14 мая был одобрен царем и думой, т. е. они согласились с той оценкой положения, которую дал А.Л. Ордин-Нащокин.

Сопоставляя между собой размышления политиков России и Речи Посполитой, следует констатировать, что если польские и литовские политики рассуждали, какого рода уступки можно потребовать за избрание царевича, то в Москве полагали, что, остро нуждаясь в помощи против Османской империи и Крыма, Речь Посполитая согласится заключить с Россией «вечный мир» на условиях Андрусовского договора. Таким образом, размышления политиков обеих сторон шли в противоположных направлениях, но ни та, ни другая сторона пока об этом не догадывались.

Хотя в «докладе» ничего не говорилось о возможности избрания царевича, его содержание позволяет высказать некоторые соображения о возможной позиции русской

⁶¹ Там же. Л. 155об.

стороны в этом вопросе в конце весны 1668 г. Как отмечалось выше, царь и его канцлер, выдвигая кандидатуру царевича, рассчитывали на то, что поляки и литовцы захотят скрепить военно-политический союз династической унийей. Поскольку с развитием событий ценность такого союза с русской точки зрения повышалась, то, следовательно, сохранялись и хорошие виды на избрание Алексея Алексеевича. С этим определенным образом связывались и планы заключения «вечного мира». Как увидим далее, А.Л. Ордин-Нащокин видел в заключении такого мира необходимое предварительное условие для переговоров об избрании царевича на польский трон. Вместе с тем за развитием событий в Речи Посполитой старались внимательно следить и дьяки Посольского приказа в Москве, и А.Л. Ордин-Нащокин, выехавший во второй половине мая в Курляндию.

События в Речи Посполитой стали развиваться быстро, особенно после того, как 12 июня 1668 г. на собрании сената Ян Казимир публично заявил о своем намерении отречься от престола и на 27 августа был назначен сейм, на котором это событие должно было произойти. С этого времени началось обсуждение разных кандидатур и полемика между сторонниками разных точек зрения. Как показал З. Вуйчик, заметное место в этой полемике занял вопрос о кандидатуре царевича ⁶².

Одна из появившихся в первой половине 1668 г. брошюра принадлежала перу великого канцлера коронного Я. Лещинского ⁶³. Она была направлена прямо против русской кандидатуры. Лещинский убеждал шляхту, что царевича не следует выбирать, даже если царь согласится вернуть утраченные земли. Аргументов — два. Первый — что другие азиатские и европейские державы не допустят объединения России и Речи Посполитой. Речь Посполитая вынуждена будет вести войны с Османской империей и Швецией, не потерпит этого и император. Придется вести войну и с казаками, которые «*per despotiam Moskwy oderunt dominium*» и предпочитают поэтому власть султана.

⁶² *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 147–161.

⁶³ *Pisma polityczne...* Т. III (1665–1668). S. 269–271.

Другой довод — духовенство и папа не согласятся на выбор схизматика, и это приведет к внутренним конфликтам. Выступление Яна Лещинского с таким обращением показывает, что он оценивал возможность выбора царевича как вполне реальную. И это не вызывает удивления, так как и он, подобно многим современникам, полагал, что царь примет условия, предложенные магнатами и шляхтой, его недоверие вызвала только возможность унии церквей. Но это, как увидим далее, лишало его аргументы необходимой убедительности.

Я. Лещинский полемизировал со слухами, но уже в одном из появившихся в то же время памфлетов⁶⁴ речь шла о «московской партии» во главе с великим канцлером К. Пацем, которая выдвигает ряд аргументов в пользу выбора Алексея Алексеевича. Эти аргументы, которые автор затем опровергает, перечисляются во вступительной части памфлета. Династическая уния с Россией обеспечит защиту Речи Посполитой от татар и будет способствовать «возвращению» Ливонии. Выдвижение такого аргумента говорит о том, что постоянные контакты литовских политиков с А.Л. Ординым-Нащокиным не остались без воздействия на их взгляды. Кроме того, царь вернет Речи Посполитой Левобережную Украину и Северскую землю и осуществит унию церквей, с таким предложением он уже обратился к папе.

Повторяя вслед за Лещинским, что династическая уния с Россией принесет «вечную войну с турками, татарами и шведами», автор главное ударение делал на том, что царь не отдаст завоеванных земель, а в Москве хотели бы не подчиниться папе, а обратить жителей Речи Посполитой в православие («że my wszyscy w Ruś się obróćimy»).

Не все, однако, разделяли такой скептицизм, тем более что перечень аргументов в пользу избрания царевича по ходу полемики расширялся. Так, автор брошюры «Zwierciadło na elekcją króla polskiego»⁶⁵ — противник избрания царевича —

⁶⁴ Respons j. w. p. kasztelana liwskiego — Pisma... Т. III. S. 273–275.

⁶⁵ Pisma... Т. III. S. 315–316.

во вступительной части своего памфлета говорит о том, что царь приведет своих подданных «in similem Polszcze libertatem», чтобы Польша была «tutior... a suspicione potencyjej jego», отдаст царевича на воспитание в Польшу и женит его на дочери католического монарха.

Как показал З. Вуйцик⁶⁶, наиболее полно доводы в пользу избрания царевича были изложены в двух сочинениях — письме Яна Домбского, хорунжего заторского, от 10 июля 1668 г.⁶⁷ и в анонимной брошюре, сохранившейся в разных списках под двумя отличными названиями. В этих сочинениях перспективы, связанные с выбором царевича, рассматриваются под разными углами зрения.

В анонимной брошюре речь идет прежде всего о последствиях выбора царевича для международного положения Речи Посполитой. Автор брошюры указывал, что не зря соседние державы опасаются объединения России и Речи Посполитой. Шведы боятся утраты своих владений в Прибалтике, курфюрст опасается утратить власть над Пруссией, император опасается, не захотят ли славянские земли державы Габсбургов присоединиться к славянским союзникам. Автор брошюры особенно подчеркивал, что больше всего не хотят избрания царевича Османская империя и Крым, так как только в союзе с Россией Речь Посполитая сможет дать отпор османской агрессии и защитить Украину. Аноним также выражал убеждение, что когда это станет ясным, император станет искать союза с Россией против османов и выдаст за царевича свою сестру⁶⁸.

Ряд сходных высказываний обнаруживается и в письме Я. Домбского. Так, опровергая утверждения, что избрание царевича принесет войну со Швецией, он утверждал, что никаких хороших результатов этому государству война с объединенными силами России и Речи Посполитой не принесет. Как и Аноним, Я. Домбский был сторонником союза с Габсбургами, который скрепил бы брак царевича с сестрой им-

⁶⁶ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 153–159.

⁶⁷ Опубл.: *Pisma...* Т. III. N 157. S. 278–284.

⁶⁸ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 157–159.

ператора. На потомков столь могущественных монархов, — писал он, — «не мог бы король шведский или курфюрст поднимать губу»⁶⁹.

Эти высказывания представляют большой интерес для темы данного исследования, показывая, что концепция русско-польского союза, представление о том, к каким важным позитивным последствиям он может привести, были присущи не только взглядам А.Л. Ордина-Нащокина. Эти взгляды имели своих сторонников и среди шляхты Речи Посполитой. Однако между взглядами сторонников выбора царевича и руководителя русской внешней политики были налицо и существенные различия. Так, автор анонимной брошюры был убежден, что царь вернет Речи Посполитой все утраченные земли, а для Домбского было само собой разумеющимся, что царевич примет католическую веру⁷⁰. Эти отличия, которые трудно было устранить, ставили под сомнение реальность и планов сторонников избрания царевича, и планов русского канцлера.

В отличие от брошюры Анонима, в письме Домбского больше места было уделено доказательству того, что выбор царевича не создает опасности для шляхетских вольностей. Он доказывал, что, напротив, жителей России такие «вольности» привлекают и они хотели бы их приобрести⁷¹. Можно ожидать, что после смерти царя, когда встанет вопрос о возведении на трон воспитанного в Польше царевича, «Москва» захочет приобрести такие «свободы» по примеру Великого княжества Литовского⁷². Царевич, молодой и неопытный, скоро обучится польскому языку и обычаям и будет лучшим монархом, чем иноземные правители с Запада⁷³.

В этих рассуждениях Домбского возродились традиции некоторых течений польской политической мысли

⁶⁹ Pisma... Т. III. S. 279–280.

⁷⁰ Ibid. S. 280–281.

⁷¹ «Moskwie wolność nasza smakuje i radzi by się jej sami kiedykolwiek dochrąpali» (Ibid. S. 279).

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid. S. 280.

последней трети XVI в.⁷⁴ Как представляется, два фактора способствовали этому. Во-первых, большее знакомство с русской действительностью «бунташного» XVII века отучало от представлений о русском обществе как покорно повинующемся приказаниям свыше. Литовский шляхтич Стефан Медекша с похвалой отзывался о «соляном бунте» 1648 г., когда русские убили злых судей, и после этого суд стал более справедливым⁷⁵. При встречах жителей России и Речи Посполитой середины XVII века и из уст русских собеседников можно было услышать, что они хотят приобрести польские «вольности»⁷⁶. Во-вторых, 60-е гг. XVII в. стали временем резкого роста враждебности шляхты к идущим с Запада чужеземным влияниям. Их проявления видели и в распространении развращенных нравов, и в предпринимаемых при участии французских политиков попытках ограничения шляхетских «свобод». На этом фоне русское общество стало восприниматься как более простое и здоровое и менее опасное для шляхетских обычаев и «вольностей». Такой известный политик, как А.М. Федро, летом 1667 г. рекомендовал женить вдового Яна Казимира на дочери царя. Иноземные принцессы и их спутники относятся пренебрежительно к польским обычаям, а от царевны и ее спутников этого ждать нельзя, так как в России «*politykę polską i wolność smakują*»⁷⁷. Связанные с таким ходом мысли заключения Домбского приведены выше.

Однако такие рассуждения, как убедительно показал З. Вуйцик, анализируя публицистику времени «бескорольвья», убеждали далеко не всех. К тому же планы избрания царевича встречали противодействие не только со стороны влиятельных кругов в Речи Посполитой — целый ряд евро-

⁷⁴ О них см.: *Флоря Б.Н.* Русское государство и русский народ в оценке польских шляхетских публицистов XVI столетия // *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976.*

⁷⁵ См. об этом: *Флоря Б.Н.* Ф.М. Ртищев в Речи Посполитой (к изучению русско-польских контактов в середине XVII в.) // *Россия в глазах славянского мира. М., 2007. С. 76.*

⁷⁶ Там же. С. 77.

⁷⁷ *Pisma polityczne...* Т. III. S. 233–234.

пейских держав готов был вмешаться, чтобы силой не допустить Алексея Алексеевича на польский трон.

Уже в январе 1668 г. французский посол Пьер де Бонзи писал Людовику XIV, что французская дипломатия должна призвать соседние с Речью Посполитой государства, прежде всего Швецию, к совместным действиям, чтобы выступить против избрания царевича и «поддержать свободу поляков»⁷⁸. Летом 1668 г. стали предприниматься уже и конкретные шаги в этом плане. 10 июня П. де Бонзи встретился в Кёпенике с советником курфюрста Шверином. На встрече была достигнута договоренность, что Людовик XIV при английском содействии будет добиваться в Стамбуле выступления султана против выбора царевича. Было также признано желательным, чтобы на границу с Речью Посполитой были высланы шведские войска: это помешает царю выступить с силой в поддержку своего кандидата⁷⁹. В августе 1668 г. курфюрст Фридрих Вильгельм отправил посольство в Париж с просьбой о помощи, так как царь может отправиться в Польшу «mit einer grossen Armee», чтобы добиться выбора своего сына⁸⁰. Поскольку донесения дипломатов говорили о том, что царь готов на любые жертвы ради выбора сына, то логично было полагать, что Алексей Михайлович не остановится и перед военным вмешательством, чтобы поддержать его сторонников.

После того как 30 июня в Стокгольм пришло сообщение о скором отречении Яна Казимира, положение стало серьезно обсуждаться и в шведских правящих кругах. 8 июля было даже созвано тайное заседание риксдага⁸¹. Известия из Польши были тревожными. Шведский резидент в Гданьске сообщал, что русские послы в Варшаве обещают деньги и возврат утраченных земель. Более конкретны были сообщения другого шведского агента: русские обещали оплатить армии невыплаченное жалованье и долги короля и

⁷⁸ *Wójcik Z. Między traktatem... S. 140.*

⁷⁹ *Urkunden und Aktenstücke... T. XII. S. 371–372.*

⁸⁰ *Ibid. S. 866.*

⁸¹ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. S. 43.*

Речи Посполитой, внести в государственную казну 5 млн. и 3 млн. раздать шляхте, содержать за свой счет для защиты страны 40-тысячную армию и вернуть утраченные земли⁸². Хотя официальными документами на этот счет шведский агент не располагал, создавалось впечатление, что царь готов на любые жертвы, чтобы обеспечить избрание своего сына. 15 июля шведскому резиденту в Лондоне было поручено обратиться к английскому королю с просьбой о помощи в соответствии с союзными обязательствами⁸³. 12 августа риксдаг принял важные решения: вести подготовку к войне, обеспечить себе поддержку Англии и Голландии, искать контактов с казаками, Крымом и Османской империей; силой противодействовать избранию царевича, для чего находившуюся в Бремене шведскую армию перебросить в Ливонию⁸⁴. 23 сентября было принято решение отправить в Лондон посольство во главе с Г. Оксеншерна уже с официальной просьбой о помощи⁸⁵.

Эти опасения были явно преувеличены. Планы вмешательства с помощью военной силы в выборы на польский трон исходили, как показано выше, от литовских политиков, и нет никаких данных о том, что Алексей Михайлович и его советники серьезно рассматривали такую возможность. Однако сама реакция Бранденбурга и Швеции на сообщения о возможности вступления царевича на польский трон показывает, что не только польские сторонники царевича, но и прусские и шведские политики хорошо понимали, какие это может иметь последствия для шведского господства на Балтике и власти бранденбургского курфюрста над Пруссией.

Находившиеся в Польше представители европейских дворов весной–летом 1668 г. стремились собрать сведения о тех силах в Речи Посполитой, которые выступали за избрание царевича. Сторонников такого решения было немало, и их круг не ограничивался средой православной шляхты.

⁸² *Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. S. 42, 44.*

⁸³ *Ibid. S. 45.*

⁸⁴ *Ibid. S. 51–52.*

⁸⁵ *Ibid. S. 57.*

1 сентября 1668 г. бранденбургский резидент И. Ховербек с тревогой писал курфюрсту, что протестанты, на которых традиционно опирался курфюрст в своей политике по отношению к Речи Посполитой, готовы поддержать кандидатуру царевича, заявляя, что протестантов в России не притесняют, им разрешено публичное богослужение и они занимают важные военные и государственные должности ⁸⁶.

Большую активность в сборе таких сведений проявили папские нунции, по иным причинам, чем шведские и бранденбургские политики, но также крайне озабоченные тем, что есть реальная возможность выбора царевича на польский трон. Полученные сведения вызывали и у них тревогу. Уже 27 июня архиепископ гнезненский М. Пражмовский сообщил нунцию, что Великое княжество Литовское, «Русская Польша» и некоторые другие области не желают другого государя кроме царевича ⁸⁷. В августе нунций Г. Марескотти мог составить уже список сторонников царевича — сенаторов Речи Посполитой ⁸⁸. В списке этом фигурируют все главные члены господствовавшего в то время в Великом княжестве Литовском клана Пацев — великий канцлер К. Пац, гетман М. Пац, троцкий воевода М.К. Пац, жмудский епископ К. Пац и ряд других представителей литовской знати — Владислав Волович, витебский воевода и гетман польный, генеральный староста жмудский Х. Полубинский, Сапеги, а также люблинский воевода В. Рей, участвовавший в апреле 1668 г. во встречах с Поздышевым и Акинфовым. Сторонником царевича нунций считал и самого архиепископа Пражмовского. Хотя в составленном нунцием списке были преимущественно литовские политики, круг сторонников царевича, по его оценке, далеко не ограничивался рамками Великого княжества: сторонники царевича были в Русском и Краковском воеводствах, в Великой Польше и даже в Королевской Пруссии ⁸⁹.

⁸⁶ Urkunden und Aktenstücke... Т. XII. S. 378.

⁸⁷ Шмурло Е.Ф. Русская кандидатура... С. 286.

⁸⁸ Там же. С. 293–294.

⁸⁹ Там же. С. 294.

Менее обстоятельный характер имели донесения, поступавшие в Швецию. В них главным образом указывалось на сильные позиции сторонников царевича в Великом княжестве Литовском. Главой этой группировки был, по их оценке, канцлер К. Пац, которого поддерживают Радзивиллы, Сапеги и Полубинские⁹⁰. Английские агенты также сообщали о сильных позициях сторонников царевича в Великом княжестве Литовском («the whole Lituania is for him»)⁹¹. Согласно указаниям разных источников о Великом княжестве Литовском и конкретно о господствовавшей здесь в эти годы группировке во главе с Пацами находят подтверждение в свидетельствах русских источников (о них речь пойдет ниже), что именно эта группировка летом 1668 г. искала контактов с русской стороной, побуждая ее к активным действиям. Помимо общих причин, побуждавших магнатов и шляхту искать выгодного для Речи Посполитой соглашения с Россией, у литовских политиков были особые мотивы для того, чтобы предпочесть именно такое решение вопроса. В отличие от других группировок правящего класса Речи Посполитой, литовские магнаты в 50–60-х гг. XVII в. установили постоянные контакты с такими советниками царя, как Н.И. Одоевский и Ю.А. Долгорукий, и, конечно, с А.Л. Ординым-Нащокиным. Все они также свободно владели «русским языком». У них были основания рассчитывать, что в случае избрания царевича именно им будут принадлежать первые места при дворе. Как писал автор одной из появившихся в это время брошюр, канцлер К. Пац рассчитывает, что если посадит царевича на троне, «onego statuum, a siebie królem uczyni»⁹².

Какими сведениями о положении в Речи Посполитой располагали царь и его советники? Одно из первых сообщений об ожидающемся скором отречении Яна Казимира и о положении в Речи Посполитой пришло 18 июня 1668 г. от оршанского шляхтича Мих. Неклюда. Он писал о при-

⁹⁰ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. S. 42, 44.*

⁹¹ *Wójcik Z. Między traktatem... S. 140–141.*

⁹² *Pisma... T. III. S. 273.*

ближающихся выборах на польский трон и что иные «хотят воздвигнути государя от востока солнца». Поэтому он советовал обратиться к шляхте со своими предложениями, «сославшись» предварительно с литовским канцлером и литовским гетманом, который может убедить «послов войсковых» поддержать кандидатуру царевича. Шляхте он советовал обещать, что царь своими «грозными всем монархом войсками» может «воздвигнути Коруну Полскую и войску заплатить может». Следует также обещать, что после избрания царевича «податей никаких не будет на войско»⁹³. Мих. Неклюд не был каким-то случайным лицом. Весной 1668 г. он был приставом, сопровождавшим И.П. Акинфова и Я. Поздышева⁹⁴. Есть основания полагать, что это обращение было инспирировано кланом Пацев, чтобы побудить русскую сторону к активности.

В Москву приходили и сообщения из европейской прессы, говорившие о промосковской ориентации Пацев. Так, в переводе из «цесарских курантов» под заголовком «из Ведны пишут мая в 28 день» читалось, что «великой канслер Великого княжества Литовского королевского величества в опале для того, что ныне держит московскую сторону»⁹⁵.

Важные сведения, подтверждавшие промосковскую ориентацию Пацев, привез вернувшийся в конце июля⁹⁶ из Речи Посполитой гонец Мих. Гольцов. Он привез в Москву сообщения о созыве 25 августа сейма, на котором Ян Казимир объявит о своем отречении от престола. На обратном пути из Варшавы, 28 июня, гонец встретился под Вильно с гетманом М. Пацем. На встрече гетман постоянно рекомендовал, «чтоб боярин Офонасий Лаврентьевич донес до великого государя... чтоб великий государь указал своим... великим послом быти на сейм в Варшаву»⁹⁷. Он вручил гонцу и свое письмо, в котором говорилось, что Польша и Литва

⁹³ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 7. Л. 133–135.

⁹⁴ Там же. 1668 г. № 3. Л. 160.

⁹⁵ Там же. Л. 156.

⁹⁶ 21 июля он подал запись собранных им «вестей» в Посольский приказ (Там же. № 9. Л. 53).

⁹⁷ Там же. Л. 57–58.

«хотят обирать на государство Польское» царевича, «только, де, духовные некоторые боятца нарушения веры»⁹⁸. Хотя прямо об этом и не сказано, сам контекст этих сообщений говорит о том, что направленные на сейм «великие послы» должны были выдвинуть кандидатуру царевича.

К активным действиям призывал и мазур, королевский дворянин Самуэль Гжибовский, передавший гонцу свое письмо, также адресованное А.Л. Ордину-Нащокину. Он предлагал не только направить «великих послов» на сейм, но и держать постоянных «агентов» в главных городах Речи Посполитой. Чтобы достичь успеха, он советовал хотя бы временно «поблажати римской вере». Обращает на себя внимание, что Гжибовский писал, что Радзивиллам «никоею мерою ненадобно верить»⁹⁹. Так как Радзивиллы оспаривали у Пацев власть над Великим княжеством Литовским, то Гжибовского есть основания также причислить к кругу людей, связанных с Пацами.

Следует отметить, что, как и ранее, Пацы полагали, что без военных акций в поддержку кандидатуры царевича дело не обойдется. Гетман предлагал через М. Гольцова послать войска во Псков «для осторожности от свейского короля»¹⁰⁰.

О реакции в Москве на все эти сообщения говорит серия грамот, посланных А.Л. Ордину-Нащокину 25 июля 1668 г. Сообщая главе Посольского приказа, что сейм откроется 25 августа, царь предлагал ему решить, сам ли он поедет на сейм или пошлет на него своих товарищей — И.А. Желябужского и дьяка И. Горохова. Грамота заканчивалась указанием, что следует действовать «без мотчания, чтоб сеймового времени не пропустить»¹⁰¹. Таким образом, в Москве было принято решение пойти навстречу пожеланиям польско-литовской стороны и официально выставить на сейме кандидатуру царевича.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 9. Л. 67–68.

⁹⁹ Там же. Л. 118–120а.

¹⁰⁰ Там же. Л. 58.

¹⁰¹ Там же. № 10. Л. 325–326.

С этой предполагаемой поездкой на сейм было связано одно важное поручение, вызванное тем, что с польско-литовской стороны продолжал подниматься вопрос о переговорах о соединении церквей. В грамоте цитировалось письмо литовского референдаря К.П. Бжостовского, в котором говорилось, что «у королевского величества то в великом есть подивление, что его королевское величество на грамоты о угоде в божьем костеле писанные, ответом не удовольствован». Так как никаких серьезных переговоров о соединении церквей в Москве совсем не собирались вести, нужно было найти какой-то выход из сложившейся ситуации. А.Л. Ордин-Нащокин должен был сообщить, что патриархи Паисий и Макарий без совета других патриархов «и всего освященного собора» «не соизволяют» вести переговоры с королем по этому вопросу ¹⁰².

Еще не получив ответа, царь 5 августа еще раз обратился к главе Посольского приказа, предлагая организовать поездку на сейм ¹⁰³.

Несмотря на полученные от Алексея Михайловича недвусмысленные указания, А.Л. Ордин-Нащокин не подчинился царскому указу и выступил против поездки русских послов на сейм. Такое поведение главы Посольского приказа на первый взгляд вызывает удивление. Ведь, как показано выше, А.Л. Ордин-Нащокин принимал самое активное участие в действиях, подготавливавших почву для выдвижения кандидатуры царевича.

Как представляется, можно указать, что именно заставило русского канцлера изменить свои взгляды. 11 июля на пути в Курляндию он получил «вестовые письма» из Риги ¹⁰⁴, среди которых был текст «цесарского вестового печатного листа» с заголовком «из Варшавы июня 29 числа». «Лист» содержал перечень обещаний царя, сделанный им для того, чтобы его сын был избран польским королем. Так, в нем говорилось, что царевич «приняти хочет веру папешскую по

¹⁰² Там же. № 10. Л. 330–331.

¹⁰³ Там же. Л. 337–338.

¹⁰⁴ Там же. Л. 308.

том своем избрании». Царь обязывался выплатить жалованье войску и долги Речи Посполитой и внести в ее государственную казну 5 млн., «все взятые земли по последних договорех паки отдать». Наконец, царь обещал, что после его смерти Речь Посполитая будет решать, унаследует ли его сын отцовский трон ¹⁰⁵.

По содержанию это сообщение ничем не отличалось от целого ряда подобных, зафиксированных к этому времени в донесениях дипломатов, однако в отличие от бранденбургских или шведских политиков А.Л. Ордин-Нащокин прекрасно знал, что Алексей Михайлович не давал и не собирался давать подобных обещаний. Думается, для него стало ясно, что здесь излагаются условия, на которых магнаты и шляхта готовы были возвести царевича на польский трон. Так как в Москве вовсе не собирались идти на подобные уступки, то поездка на сейм и выдвижение на нем кандидатуры царевича становилась делом не только бесполезным, но даже вредным.

Свои представления о сложившемся положении А.Л. Ордин-Нащокин изложил в отписке, отправленной в Москву в ответ на царскую грамоту ¹⁰⁶. Отписка начиналась с того, что с отъездом главы Посольского приказа на сейм съезд в Курляндии будет сорван по вине русской стороны, и одна из важных целей переговоров — заключение «вечного мира» между Россией и Речью Посполитой — не будет достигнута, «и вечного мира тем приездом на сейм не сыскать». Но главное заключалось даже не в этом. А.Л. Ордин-Нащокин объяснял царю, что после отречения Яна Казимира Речь Посполитая «за обирание возметца» и станет обсуждать кандидатуру Алексея Алексеевича. В сложившейся ситуации, — доказывал он, — участие в таких переговорах может привести только к вредным последствиям: «Толко прежнему всему утвержению конечное нарушение будет, а вдатца, государь, в то обирание страшно и мыслить, сколько из Великие Росии королевству Польскому будет дать, и вспоминуть, государь, не мочно до свершения вечного миру тому обиранию быть».

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 9. Л. 311–312.

¹⁰⁶ Там же. Л. 358–360.

Таким образом, русский канцлер считал, что переговоры о выборе царевича не только не приведут к желаемым результатам, но могут быть поставлены под сомнение предшествующие соглашения между Россией и Речью Посполитой. Вопрос о выборе царевича, по его мнению, можно было бы обсуждать лишь в том случае, если между этими государствами был бы заключен «вечный мир», который означал бы, что польско-литовская сторона больше не будет требовать у Русского государства территориальных уступок.

К таким пессимистическим выводам привело А.Л. Ордина-Нащокина знакомство с «вестовыми письмами» из Риги. Этот документ был им немедленно отправлен в Москву и к концу июля, когда решался вопрос о поездке на сейм, был, несомненно, известен дьякам Посольского приказа. Однако эти опытные в дипломатических делах люди как будто отнеслись к этому важному сообщению без того внимания, которого оно заслуживало. Как представляется, в данном случае вступили в дело факторы, не имевшие отношения к большой политике.

Когда в 1667 г. Алексей Михайлович передал под управление А.Л. Ордина-Нащокина Посольский приказ, новый начальник сменил на этом посту думного дьяка Алмаза Иванова, а все остальные заседавшие в приказе дьяки — Л. Голосов, Г. Дохтуров, Е. Юрьев — остались на своих местах. Это были люди, действия и предложения которых новый канцлер в течение ряда лет подвергал постоянной критике. Новый глава приказа оказался в положении, когда необходимо было приложить усилия, проявить терпимость и понимание, чтобы обеспечить себе лояльность подчиненных, однако терпимость по отношению к людям, придерживавшимся других взглядов, вовсе не была свойственна А.Л. Ордину-Нащокину. В 1666 г. Г. Дохтуров и Л. Голосов участвовали в переговорах со шведами на Плюсе и заключили договор, условиями которого он был недоволен. 2 апреля 1667 г., т. е. вскоре после назначения А.Л. Ордина-Нащокина «посольских дел оберегателем», шведский резидент Эбершельд сообщал в Стокгольм, что, посетив приказ, новый начальник заявил подчиненным ему дьякам, что он предпочел бы умереть, чем подписать

такой договор¹⁰⁷. Отношения складывались таким образом, что у подчиненных стало появляться желание не помогать своему главе, а постараться избавиться от него. Побывавший в январе 1669 г. в Москве шведский посланец Ф. Кронман сообщал, что противники добиваются удаления А.Л. Ордина-Нащокина от двора, чтобы он стал либо воеводой в Смоленске, либо послом в Польше¹⁰⁸.

Таким образом, есть основания видеть в сделанном канцлеру предложении коварный ход дьяков Посольского приказа. Посланный на сейм для переговоров в таком «великом деле», как избрание царевича польским королем, А.Л. Ордин-Нащокин должен был потерпеть там позорную неудачу. Это лишило бы его доверия царя, и дьяки бы так избавились от неугодного начальника. «Вести» из Риги, судя по имеющейся на них помете, были зачитаны царю и членам думы¹⁰⁹, но, по-видимому, дьякам удалось убедить их, что этому сообщению не следует придавать значения.

А.Л. Ордин-Нащокин, как видно из его отписок, сразу понял, кто стоит за этой инициативой. Неслучайно в своей отписке царю переданные ему предложения он назвал «нарядом нынешнего Посольского приказа», а в еще одной отписке, отправленной вслед за первой, повторяя прежние аргументы, он с возмущением писал о том, что думные дьяки сначала «говорили, что не ведают, для чего в Курляндии съездам быти», «а теперь великим принуждением из Посольского приказа писано, чтоб того сеймового времени не пропустить»¹¹⁰. В начале 1669 г. Ф. Кронман сообщал, что, вернувшись в Москву, глава Посольского приказа выступил против Герасима Дохтурова, обвинив его во взяточничестве¹¹¹.

В августе 1668 г. у А.Л. Ордина-Нащокина появились новые серьезные основания, чтобы придерживаться занятой позиции. К этому времени он получил от гетмана Паца

¹⁰⁷ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. S. 25.*

¹⁰⁸ *Ibid. S. 67.*

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 311об.

¹¹⁰ Там же. Л. 376.

¹¹¹ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. S. 67.*

«пункты» — официальный документ с изложением условий, на которых Пацы и их сторонники готовы были возвести царевича на польский трон¹¹².

В основном эти условия повторяли то, что содержалось в «вестях» из Риги: царевич должен отказаться от наследственных прав на русский трон и принять католическую веру; царь должен вернуть Речи Посполитой все земли, которые он ранее «войною одержал», выплатить долги и жалованье войску и внести в казну Речи Посполитой «для приятства» три миллиона. Царь должен был разрешить также провести переговоры об унии церквей, «как объявили патриархове», и сделать так, чтобы католикам «было повольно быти в Московском государстве». Наконец, в «пунктах» речь шла о поднесении даров сенаторам — сторонникам царевича, «чтоб им было чем иных дарить». Среди них были названы гетманы и канцлеры, воевода иновроцлавский, титулярные воеводы Киева и Чернигова.

В заключение «пунктов» поднимался вопрос о военной помощи Алексея Михайловича своим сторонникам. О такой возможности речь шла уже на беседе одного из приближенных гетмана с русским гонцом С. Полковым в апреле 1668 г. Теперь предлагался уже конкретный план действий. В «пунктах» указывалось, что Швеция и Бранденбург выступают в поддержку французского кандидата, так как «швед опасетца для Лифлянт, а курфирст — для Прус». Нужно поэтому, чтобы царь направил одну армию на границу с Ливонией, а другую «под Киевом по сю сторону Днепра». Таким образом, царь должен был не только отдать большие земли и огромные суммы денег, но и вступить в крупный международный конфликт, чтобы с помощью своего войска утвердить у власти в Речи Посполитой группировку Пацев.

¹¹² О посылке этих «пунктов» А.Л. Ордину-Нащокину упоминал гетман М. Пац в разговоре с русским резидентом В.М. Тяпкинским (РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 476), в деле о посольстве в Курляндии текст «пунктов» помещен сразу после перевода грамоты гетмана от 9 августа н. с. Вероятно, вместе с этим документом они и были доставлены. Текст пунктов помещен в деле на л. 366–369.

А.Л. Ордин-Нащокин продолжал держаться избранной линии. Не желая осложнения русско-польских отношений накануне ожидавшихся мирных переговоров, он никак не реагировал на переданные ему «пункты», на что позднее гетман жаловался В.М. Тяпкину.

Благодаря позиции, занятой главой Посольского приказа, сейм, на котором 15–16 сентября 1668 г. была осуществлена формальная процедура отречения Яна Казимира от престола, прошел без всякого участия русских дипломатов. Здесь было принято решение о созыве в ноябре 1668 г. конвокационного сейма, на котором было бы установлено время выборов нового короля.

Когда отречение Яна Казимира стало фактом, а перспектива близких выборов — реальностью, борьба между сторонниками отдельных кандидатов усилилась. В «цесарских курантах», попавших в Посольский приказ, говорилось, что на сеймике в Великой Польше сенаторы заявили, что готовы выбрать татарского хана, но только не царевича¹¹³. Одновременно стали распространяться слухи, что сторонники Алексея Алексеевича готовы даже прибегнуть к силе, чтобы добиться своих целей. В сентябре 1668 г. бранденбургский резидент И. Ховербек сообщал, что «московская партия» попытается добиться своего «силой» (mit Gewalt)¹¹⁴. Тогда же шведские агенты сообщали, что литовцы с помощью русских войск намерены возвести царевича на трон¹¹⁵. Такие слухи дошли и до нунция, пытавшегося проверить, не собираются ли на границе русские войска¹¹⁶. Сопоставление этих сообщений с содержанием «пунктов», переданных А.Л. Ордину-Нащокину, показывает, что определенный элемент истины в этих слухах был.

Однако решиться на такие действия Пацы и их сторонники могли лишь после заключения соглашения с русской властью. Именно сентябрь — начало октября 1668 г. были

¹¹³ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 7. Л. 159.

¹¹⁴ Urkunden und Aktenstücke... Т. XII. S. 383.

¹¹⁵ *Fahlborg B.* Sveriges yttre politik. 1668–1672. Т. I. S. 54, 56.

¹¹⁶ *Шмурло Е.Ф.* Русская кандидатура... С. 300.

отмечены их настойчивыми попытками искать контактов с русскими представителями. Такие попытки были предприняты уже во время заседаний сейма, когда в Варшаве находился русский гонец А. Карандеев, приехавший добиваться совместных действий обоих государств на Украине.

12 сентября, уже после окончания заседания сейма, его посетили литовский референдарий К.-П. Бжостовский и Иероним Комар «и многие шляхта», предлагавшие, чтобы царь выслал на конвокационный сейм своих послов, «потому что Коруны Польской и Княжства Литовского говорят, чтоб быть у них королем великому государю царевичу»¹¹⁷. Несколько дней спустя более серьезную попытку предпринял сам гетман М. Пац, встретившийся 19 сентября в Гродно с ехавшим в Варшаву русским резидентом В.М. Тяпкиным¹¹⁸. Гетман выражал удивление, что после отправки к А.Л. Ордину-Нащокину «пунктов» не получил от него никакого ответа, и обещал, что «пункты» будут вновь посланы к главе Посольского приказа с теми изменениями, которые внесли в них участники сейма.

Как и шляхта в Варшаве, гетман советовал отправить на конвокацию послов «с обетницами... со многою казною и з дарами». Миссия эта должна была носить тайный характер, официально послы должны были просить помощи русским войскам на Украине. Гетман объяснял, что литовское войско не пошло на Украину, так как здесь опасаются «соседов и хищников, желателей на польское государствование», и снова просил выслать войска на границу с Ливонией, «чтоб швед не мыслил чрез меч посполу с единомысленики приятеля своего (французского короля. — Б. Ф.)... над Полшею панствовать».

Некоторые высказывания Паца в этой беседе были ответом на шаг, предпринятый незадолго до этого А.Л. Ординым-Нащокиным. Стремясь избежать прямого столкновения со сторонниками выбора царевича, столкновения, которое

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 19. Л. 80.

¹¹⁸ Запись разговоров с гетманом см. в письме В.М. Тяпкина А.Л. Ордину-Нащокину: РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 473–480.

затруднило бы предстоявшие переговоры, он сказал курляндскому герцогу, что у царя нашлось бы достаточно денег для приобретения симпатий избирателей, но царь никогда не станет убеждать царевича переменить веру¹¹⁹. Очевидно, именно в ответ на это М. Пац предлагал прислать «для диспутации о вере к архыепископу людей мудрых» и заверял, что хотя «станы» хотят, чтобы будущий государь был католиком, но, «каки увидят себе обетницы и подарки многие», то их настроения могут измениться.

В Москве, несмотря на замечания А.Л. Ордина-Нащокина, вопрос об избрании царевича не снимали с повестки дня. В сентябре русскому канцлеру был отправлен перечень вопросов, на которые царь хотел бы получить ответ¹²⁰. Среди прочего в этом перечне читалось: «О обрании государя царевича, что говорит, мочно то дело ныне делать или впред или нет, и будет мочно, когда и как, а будет не мочно, для чего не мочно»¹²¹. «Посольских дел оберегатель» отвечал, что сначала необходимо добиться заключения «вечного мира», «а обрание без того дела так же будет, как было и под Вилною»¹²².

Пока шла эта переписка, начались интенсивные сношения литовских политиков с А.Л. Ординым-Нащокиным. Как сообщал царю глава Посольского приказа в начале октября¹²³, «в разных числах» он получил письма от архиепископа гнезненского, гетмана М. Паца и референдаря К.П. Бжостовского со «словесным приказом», что Речь Посполитая, несмотря на сопротивление подкупленных другими державами сенаторов, готова возвести на трон царевича, если будут одобрены выработанные в Варшаве условия, на которых новый правитель мог бы получить власть. Следуя своей линии, А.Л. Ордин-Нащокин предлагал провести переговоры в Курляндии, где «все тайные дела к вечному миру совершены будут».

¹¹⁹ Об этом разговоре сообщал в Рим 12 сентября 1668 г. нунций (Шмурло Е.Ф. Русская кандидатура... С. 298).

¹²⁰ Ответ поступил в Москву 7 октября.

¹²¹ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 447.

¹²² Там же. Л. 448.

¹²³ Там же. Л. 462.

Однако политики «промосковского» лагеря не могли ждать, тем более что перспектива переговоров в Курляндии не вырисовывалась ясно, особенно когда от участия в съезде отказались шведы¹²⁴. В этих условиях глава «промосковского» лагеря литовский канцлер К. Пац предпринял решительную попытку выяснить положение дел. Об имевших место переговорах сохранился коллективный доклад членов посольства царю¹²⁵. Посланец К. Паца и других неназванных сенаторов подстолий жмудский, снова назвав уже фигурировавшие в переписке с А.Л. Ординым-Нащокиным условия (возвращение земель, выплата «великой казны» на войско, «великие дачи» сенаторам и др.)¹²⁶, заявил, что если царь примет эти условия, то они «на нынешней конвакации в крепость положат и явно всем скажут, что склонение иметь будут ко государю царевичю». В противном случае «обиранье на олекции от царского величества отдалитца».

По их признанию, послы стремились дать ответ в возможно более мягкой форме («не жесточа»), но суть его была вполне определенной. Вопрос о выборах на польский трон царь «положил на волю всемогущего Бога», а тот, кто будет избран, того царь «за брата имети будет». Это означало, что царь не станет отстаивать на выборах кандидатуру царевича, и именно так этот ответ поняли литовские политики. Как установил З. Вуйчик, в декабре 1668 г. Пацы заключили соглашение с Карлом Лотарингским о поддержке его кандидатуры на предстоящих выборах¹²⁷.

Вскоре после проведенных переговоров глава Посольского приказа снова обратился к царю, убеждая его не

¹²⁴ Письмо от сенаторов — участников сейма с сообщением об этом от 22 сентября н. ст. прислал А.Л. Ордину-Нащокину гетман М. Пац, «едучи из Варшавы» (там же. Л. 465–467).

¹²⁵ Там же. Л. 562–566.

¹²⁶ Среди этих условий немалое место занимал, очевидно, и вопрос о смене веры царевичем и о преимуществах для католиков на территории России, так как, по мнению авторов доклада, среди них фигурировали «тяжелые дела, которые противны восточному благочестию, невместно и слышать».

¹²⁷ *Wójcik Z. Między traktatem... S. 141.*

высылать в Варшаву послов для участия в предвыборной борьбе. «И ныне, государь, по ведомо из Варшавы, — писал он, — к позору бы тот поезд был»¹²⁸. На этот раз Алексей Михайлович не настаивал. И ему, и его советникам стало ясно, что польско-литовская сторона выдвигает неприемлемые для русской стороны условия и упорно на них настаивает.

Хотя вплоть до весны 1669 г. среди шляхты, особенно литовской, были многочисленные сторонники царевича, хотя время от времени снова распространялись слухи о больших обещаниях царя и даже о том, что церковный собор якобы разрешил царевичу переменить веру, борьба за польский трон с русской стороны осенью 1668 г. была окончена, и она завершилась очевидной неудачей.

Значение этой неудачи не ограничивалось тем, что не удалась планы возведения царевича на польский трон. Неудача была более глубокой. Выдвигая кандидатуру царевича, А.Л. Ордин-Нащокин и находившийся в то время под его влиянием Алексей Михайлович рассчитывали, что магнаты и шляхта Речи Посполитой выберут царевича, чтобы скрепить тем самым русско-польский союз. Но ход событий показал, что в Варшаве и Вильно этому союзу не придадут того значения, какое придавал ему А.Л. Ордин-Нащокин. Показал это и ход последующих событий, когда весной-летом 1669 г. решался вопрос о выборах нового польского монарха. В своих записках, написанных перед заключением Андрусовского перемирия, он доказывал, что благодаря заключению такого союза Алексей Михайлович сможет влиять на судьбы польского трона, с союзником будут советоваться, кого избрать новым польским монархом, но расчеты эти оказались нереальными. Никто не проявил желания советоваться с царем по этому поводу. В обширной публицистике 1668–1669 гг. при взвешивании шансов разных кандидатов (Нейбурга, Карла Лотарингского, «Пяста») вовсе не шла речь о том, способен ли кто-то из кандидатов сохранить (или укрепить) русско-польский союз.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 439.

Происшедшие события позволяли сделать и другое важное заключение. Было ясно, что правящий класс Речи Посполитой упорно стремится к возвращению утраченных по Андрусовскому договору земель. Об этом определенно говорили условия, которые сторонники царевича предлагали своему кандидату. И к этому стремились не только они. «*Odyszcemy Ukrainy... albo przez wieczny z Moskwą pokój albo przez szable*», — читаем в одном из памфлетов, написанных противником московской кандидатуры¹²⁹. В подготовленных к 8 декабря 1668 г. участниками конвокационного сейма инструкциях для комиссаров, которые будут вести мирные переговоры с русскими представителями, определенно указывалось, что одним из главных условий «вечного мира» должно стать возвращение Речи Посполитой всех утраченных земель¹³⁰. Хотя в Москве об этом не знали, уже известные там факты говорили о том, что скрепление русско-польского союза соглашением о «вечном мире» не будет легким и быстрым делом.

¹²⁹ *Pisma polityczne...* Т. III. S. 275.

¹³⁰ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 192.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СЪЕЗД

Целый ряд приведенных выше высказываний показывает, какое значение новый глава Посольского приказа придавал развитию взаимовыгодной торговли между Россией и соседними государствами. В 1667 г., после заключения Андрусовского договора, развернулась его работа над подготовкой Новоторгового устава — документа, определявшего условия торговли иностранных купцов на русской территории.

Особое внимание А.Л. Ордин-Нащокин, как известно, уделял балтийскому направлению русской внешней торговли. То, что и после Андрусова оно продолжало пользоваться его особым вниманием, показывают некоторые детали русско-польских переговоров конца 1667 г. Так, на переговорах был поднят вопрос о высоких торговых пошлинах, которые взимались в городах на Западной Двине с ехавших в Ригу смоленских купцов¹.

Важнейшей задачей для развития русской торговли в балтийском регионе было добиться изменений условий торговли на территории шведской Ливонии, где русских купцов облагали высокими торговыми пошлинами и не допускали до прямых контактов с западноевропейскими купцами.

В своих записках сер. 60-х гг. А.Л. Ордин-Нащокин рассчитывал достичь соответствующих уступок шведских властей на международном съезде при поддержке таких противников Швеции, как Австрия, Бранденбург и Дания. К концу 1667 г. он, как показано выше, склонился к иному решению

¹ *Wójcik Z.* Między traktatem Andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie. 1667–1672. Warszawa, 1968. S. 112.

этой задачи — на съезде, где против шведских представителей должны были выступить совместно русские и польско-литовские представители, отстаивать интересы своего дискриминируемого купечества. Как отмечалось выше, великие послы Речи Посполитой обещали передать русские предложения своему правительству и ближайшему сейму. Тогда же о плане созыва такого съезда был осведомлен и шведский резидент Эбершельд².

Для планов А.Л. Ордина-Нащокина было очень важно добиться согласия Речи Посполитой на свои предложения.

Направленным в начале 1668 г. в это государство посланникам И.П. Акинфому и Я. Поздышеву было поручено добиваться, чтобы сейм назначил послов на съезд и наделил их полномочиями³. Посланники, однако, опоздали. К тому времени, когда 25 марта 1668 г. они встретились с сенаторами, сейм был сорван и его участники разошлись, не приняв никаких решений⁴. Вместе с тем сенаторы сообщили, что поддерживают предложение о созыве такого съезда⁵. Такое заявление ко многому не обязывало, так как единственной инстанцией, полномочной принять такое решение, был сейм; но когда 16 апреля отписка посланников с изложением переговоров попала в Москву, здесь она была воспринята как согласие Речи Посполитой на участие в съезде. Как читаем в одной из составленных в то время записок А.Л. Ордина-Нащокина, «королевское величество и Речь Посполитая о той комиссии позволили и то соседственное дело ко общим съездам приняли охотно»⁶. В результате уже к 18 апреля было принято решение, что русскую делегацию, которая поедет на съезд в Курляндию, возглавит сам А.Л. Ордин-Нащокин⁷, а

² *Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. Stockholm, 1961. P. 32, 35–36.* Алексей Михайлович позднее писал Карлу XI, что Эбершельду «подлинное письмо дано и объявлено» (РГАДА. Ф. 96. 1668 г. № 4. Л. 4).

³ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 3. Л. 89 и сл.

⁴ Там же. Л. 189.

⁵ Там же. Л. 194.

⁶ Там же. № 10. Л. 167.

⁷ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik... S. 39.*

25 апреля Алексей Михайлович обратился к Карлу XI с официальным предложением к середине июня 1668 г. выслать своих представителей на съезд в Курляндию⁸. В грамоте говорилось, что польско-литовская сторона на созыв съезда согласна, и предлагалось договориться о том, чтобы торговля между тремя государствами могла осуществляться «своим порядком безопасно, без обид и без отягчения», следовало договориться и о «проездах», «где кому лучитца торговать», «понеже все народы пожитками торговыми казну полнити извыкли».

Как показано выше, уже после посылки этого документа, в мае, в Москве решили расширить повестку переговоров, попытавшись добиться заключения с комиссарами Речи Посполитой «вечного мира» и дополнительного соглашения о совместных действиях против «бусурман» и вступивших с ними в союз казаков. Следует отметить, что в записках, подававшихся в связи с таким уточнением повестки переговоров, А.Л. Ордин-Нащокин поднял вопрос о заключении союза против «бусурман» и со Швецией⁹, а в докладе царю и думе от 15 мая доказывал, что следует добиваться такого союза, «чтоб в явное соседственное Великой Росии вспоможенье пришли и объявились бы своими людьми в украинские места»¹⁰. Эти предложения были приняты. Верительная грамота, обращенная к шведским представителям, давала отправленным в Курляндию «великим» послам полномочия вести переговоры о заключении такого союза¹¹.

К сожалению, остается неясным, как А.Л. Ордин-Нащокин рассчитывал добиться одновременно и заключения союза со Швецией, и торгового договора, не соответствовавшего интересам шведской власти. Ответ на этот вопрос сильно затрудняется отсутствием в нашем распоряжении посольского наказа. Известно, что перед поездкой А.Л. Ордин-Нащокин

⁸ Черновик грамоты см.: РГАДА. Ф. 96. 1668 г. № 4.

⁹ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 161.

¹⁰ Там же. Л. 158.

¹¹ Там же. Л. 149.

«к отпуску своему наказ и грамоты верющие писал себе сам»¹², но дьяки, как он жаловался позднее, наказ, «удержав у себя, переделывали» и выслали документ, когда глава Посольского приказа был уже в дороге¹³. Документ, однако, не сохранился. Правда, А.Л. Ордину-Нащокину был вручен также текст его доклада от 15 мая, одобренного думой¹⁴, но в нем вопросы отношений со Швецией не затрагивались.

Лишь некоторые упоминания в отписках А.Л. Ордина-Нащокина царю позволяют догадываться, в чем мог состоять его замысел. В одной из таких отписок он предлагал «советовать с послы свейскими к желательным их пожитком крепкому овладению Лифлянт»¹⁵. Позднее, осенью 1668 г., он писал, что на съезде шведы могли «за ево царского величества доброхотеньем владеть Лифлянтами от поляков вечно»¹⁶. Очевидно, в обмен на изменение условий торговли и договор о союзе против «бусурман» он хотел предложить обязательство русской стороны не поддерживать в будущем притязаний Речи Посполитой на Ливонию. В дальнейшем обстановка, как увидим, сложилась так, что ему не пришлось обращаться к шведам с таким предложением.

Торжественное отправление посольства в Курляндию 26 мая 1668 г. стало важным событием московской жизни. Вместе с послами в дорогу отправился чудотворный образ Спаса, который сам царь и восточные патриархи провожали из Успенского собора в Кремле до Тверских ворот Земляного вала. Статейный список посольства приводит сказанные при прощании с послами слова царя, что «такова великого дела издавна в Великой Росии не бывало»¹⁷.

На всей подготовке посольства лежал отпечаток большой поспешности. «Великие послы» отправились в дорогу, не имея официального согласия на проведение съезда ни

¹² Там же. 1669 г. № 8. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 284.

¹⁴ Там же. 1668 г. № 10. Л. 194 и сл.

¹⁵ Там же. Л. 156.

¹⁶ Там же. Л. 445.

¹⁷ Там же. № 11. Л. 4–5.

польской¹⁸, ни шведской стороны. Лишь 16 мая была отправлена царская грамота курляндскому герцогу Якобу, на землях которого должен был проходить съезд, с просьбой принять русских «великих» послов¹⁹. Соответствующие грамоты от герцога послы получили лишь 13 июня, когда они находились в Бронницах на пути в Новгород²⁰. Забегая вперед, следует отметить, что хотя по имевшимся у герцога сведениям послы Речи Посполитой могли прибыть в Курляндию лишь в середине октября, он согласился принять и содержать великих послов до созыва съезда²¹. Вместе с тем возникли осложнения в отношениях со шведскими властями в Прибалтике.

Из Пскова в Курляндию путь лежал через шведские владения, и 16 июня послы обратились в Ригу с просьбой о разрешении на проезд²². Положительный ответ из Риги пришел 26 июня, и послы выехали к границе²³. Однако провожатый, который занялся бы организацией проезда, прибыл лишь 7 июля, при этом выяснилось, что подвод для перевозки посольства нет и их «готовить не указано», так как «в Ригу к генералу указу о том не прислано»²⁴. Послы были вынуждены ехать в Курляндию «на псковских подводах».

В отписке царю, отправленной 11 июля, А.Л. Ордин-Нащокин винил в происходившем шведского резидента А. Эбершельда, к которому он «многжды посылал, чтоб по отпуске... великого государя грамот в Свею писал в Ригу, ни в чем бы задержания не учинил». В этой связи глава Посольского приказа снова выражал свое убеждение, что от пребывания шведских резидентов в Москве один вред, в частности, потому, что они «не только в свое государство и

¹⁸ Русские посланники привезли лишь устные заявления сенаторов, в доставленной ими королевской грамоте о съезде не говорилось ничего.

¹⁹ Черновик грамоты см.: РГАДА. Ф 79. 1668 г. № 10. Л. 132–138.

²⁰ Там же. Л. 17.

²¹ Грамоту об этом послы получили 5 июня (там же. Л. 36).

²² Там же. Л. 19.

²³ Там же. Л. 29.

²⁴ Там же. Л. 32–33об.; 39 и сл., 47.

в-ыные места розсылают вести Московскому государству не к прибыли»²⁵.

Дело было, разумеется, не в нерасторопности шведского резидента, которого 23 июля вызвали в Посольский приказ, где ему «выговаривано», что он не позаботился о своевременном обеспечении проезда послов²⁶. Заявление шведских властей в Риге, что они ничего не знают об организации съезда в Курляндии, было тревожным симптомом, и, думается, это было главным источником раздражения «великого посла».

В Курляндии «великим» послам был оказан любезный прием, и 20 июля состоялась встреча «наодине» А.Л. Ордина-Нащокина с курляндским герцогом²⁷. На встрече герцог сообщил, что ожидает приезда послов из Речи Посполитой «по начинанию сейму, как начнетца в Варшаве сейм в августе месяце»²⁸. Действительно, соответствующими полномочиями послов мог наделить только сейм. По-видимому, именно герцог ознакомил начальника Посольского приказа с документами, говорившими о подготовке властей Речи Посполитой к переговорам. Это была грамота Яна Казимира герцогу Якобу от 29 июня н. ст. с предложением об организации трехстороннего съезда «о торгах и о полону» в Курляндии «в тихом городе»²⁹ и написанная на латинском языке его грамота к шведскому королю. В материалах посольства А.Л. Ордина-Нащокина содержится лишь краткое изложение этого документа³⁰. Б. Фальборг не смог найти его текст в шведских архивах. Текст его может быть отчасти восстановлен по ответной грамоте Карла XI³¹. Грамота шведскому королю была датирована тем же числом, что и грамота курляндскому герцогу. В ней предлагалось выслать шведских представителей

²⁵ Текст отписки см.: РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). 1668 г. № 3. Л. 28–29.

²⁶ Там же. Л. 29.

²⁷ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 11. Л. 63.

²⁸ Там же. № 10. Л. 334.

²⁹ Перевод документа см.: там же. Л. 299.

³⁰ Там же.

³¹ Русский перевод этого документа см.: РГАДА. Ф. 96. 1668 г. № 5.

на трехсторонний съезд «о безопасности торговом и об уставе пошлин». Съезд предлагалось собрать в середине ноября. По-видимому, в Варшаве рассчитывали, что к этому времени новый сейм закончит работу и даст полномочия представителям Речи Посполитой на переговорах.

В июле 1668 г. и от шведского генерал-губернатора из Риги пришло сообщение, что в Стокгольме собрался риксдаг («сейм») «и по сейме, де, послы присланы будут»³².

Приходилось ждать окончания работы двух сословных собраний. Дождаясь приезда послов Речи Посполитой и Швеции, «великие послы» 23 июля разместились в местечке Новая Рига на Западной Двине³³.

Шаги, предпринятые Яном Казимиром, были в известной мере реакцией на настойчивые предложения с русской стороны принять участие в съезде. Трижды — 26 апреля, 18 мая и 18 июня — Алексей Михайлович сообщал Яну Казимиру о назначении русских послов на съезд и выражал надежду на благоприятный исход переговоров³⁴. Ответ Яна Казимира был осторожен, он сообщал, что ждет ответа от шведского короля, и выражал надежду, что удастся добиться того, «żeby w towgowych sprawach bezprawie nikomu nie działa»³⁵.

Вопрос о съезде в Курляндии был включен в королевскую инструкцию на предсеймовые сеймики. Король предлагал их участникам решить, нужен ли съезд в Курляндии, и если нужен, то назначить для участия в нем комиссаров, наделив их необходимыми полномочиями³⁶.

Пока шли все эти переговоры, летом 1668 г. определилась позиция шведского правительства по отношению к съезду в Курляндии. К этому времени для шведских политиков стало ясно, что предполагается обсуждать на съезде. Следует также принять во внимание, что в июне–июле 1668 г. в Стокгольме уже располагали сведениями о существовании

³² РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 335.

³³ Там же. № 11. Л. 67.

³⁴ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 167–168.

³⁵ *Ibid.* S. 168.

³⁶ *Ibid.*

в Речи Посполитой, особенно в Великом княжестве Литовском, достаточно влиятельной «партии», добивающейся выбора царевича на польский трон и не скрывающей своего враждебного отношения к Швеции. В таких условиях шведские представители легко могли столкнуться с общей неблагоприятной для Швеции позицией двух участников съезда. В Стокгольме было принято решение отказаться от участия в съезде. 8 августа было отправлено письмо Яну Казимиру, в котором четко и определенно говорилось, что в таком съезде нет необходимости, так как все вопросы в отношениях между государствами урегулированы договорами в Оливе, Кардисе и на Плюсе³⁷. Письма соответствующего содержания были отправлены А.Л. Ордину-Нащокину 22 сентября, царю Алексею — 30 сентября³⁸.

В тот же день, 30 сентября, король Карл XI ратифицировал Плюсский договор³⁹. Этим еще раз давалось понять, что этот договор окончательно определил условия торговли между государствами. Обращает на себя внимание, что Алексея Михайловича поставили в известность почти на два месяца позже, чем Яна Казимира. Очевидно, опасаясь последствий своего шага, шведское правительство хотело выиграть время для переброски армии из Бремена в Ливонию⁴⁰.

В начале осени в русском посольском стане в Курляндии стало нарастать беспокойство. 3 сентября А.Л. Ордин-Нащокин обратился к К.П. Бжостовскому, выражая удивление, что ни шведские, ни польско-литовские представители так и не появились в Митаве, где их давно ждут русские послы⁴¹.

Вызывала беспокойство и позиция шведской стороны. Никаких сообщений о том, когда могут прибыть послы из Стокгольма, не поступало, а к великим послам стали

³⁷ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. S. 59.* Русский перевод документа см.: РГАДА. Ф. 96. 1668 г. № 5.

³⁸ *Ibid. S. 59–60.*

³⁹ РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Оп. 3. № 55.

⁴⁰ Отправленный с письмом к Алексею Михайловичу Ф. Кронман выехал из Стокгольма 10 октября, а прибыл в Москву 28 декабря (*Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. S. 60*).

⁴¹ *Wójcik Z. Między traktatem... S. 169.*

приходить известия о появлении в шведских владениях в Прибалтике всё новых отрядов шведских войск⁴². 17 сентября «великие послы» обратились с письмом к генерал-губернатору в Ригу, выражая удивление, чем вызваны подобные действия, так как у Шведского государства с соседями — «вечный мир». Неплохо было, — говорилось с иронией в письме, — «дати знать, хто имеетца неприятелем быти». В грамоте выражалось удивление, что до сих пор неизвестно, когда придут шведские послы, а ведь именно на встрече с ними можно было бы «недружбы и ссоры, которые после Кардиского миру утверждения учинились, умирить»⁴³.

23 сентября послы получили ответ от рижского генерал-губернатора. Губернатор отвечал, что если Ян Казимир попросит короля о посредничестве на мирных переговорах и «с обеих сторон великие послы для такова великова дела съедутца», то шведы пришлют посредников, «и буде то не збудетца, и от нас посредником не надобно быть посланным»⁴⁴.

Губернатор, вероятно, уже знал о позиции своего правительства и, давая такой ответ (со ссылкой на то, что Ян Казимир не просил Карла XI о посредничестве), старался выиграть время. Такой ответ не мог удовлетворить Ордина-Нащокина. В своем ответном письме, резко заметив, что он не получил из Риги «правдивого ответу», великий посол обратил внимание на то, что русские власти уже давно (в том числе и через шведского резидента в Москве) сообщали о своем намерении на съезде в Курляндии «в торговых промыслах добрым утверждением без обиды» решить все спорные вопросы. Он выражал удивление, что шведская сторона уклоняется от рассмотрения этого вопроса⁴⁵.

В своем ответе от 2 октября генерал-губернатор снова повторял, что король пришлет послов на съезд, когда по-

⁴² 15 сентября А.Л. Ордин-Нащокин писал царю: «В вестях, государь, пересыльных по всему свету пишут: свейские рати к порубежным местам Великие Росии из Сvei готовят» (РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 531).

⁴³ Там же. № 11. Л. 80–83.

⁴⁴ Там же. Л. 86–88.

⁴⁵ Там же. Л. 91–95.

лучит приглашение, а что касается торговли, то шведским купцам в России «чинятца многие обиды» и следовало бы провести расследование»⁴⁶.

Скоро положение прояснилось. Грамота шведского короля Карла XI пришла в Варшаву через несколько дней после отречения Яна Казимира, и решение пришлось принимать официальному главе государства во время «бескорольвья» — архиепископу гнезненскому М. Пражмовскому и собравшимся в Варшаве сенаторам. О том, как проходило обсуждение сложившегося положения дел, почти ничего не известно. З. Вуйцик обнаружил, правда, письмо К. Паца, в котором литовский канцлер выражал свое недовольство тем, что шведы «w tak wielkiej materyji nie chcą komisji, a z nas i z Moskwy ciężkie wymagają cła»⁴⁷. Это свидетельство показывает, что предложения А.Л. Ордина-Нащокина вызывали сочувствие литовских сенаторов, чья страна, как и Россия, страдала от шведской таможенной политики. Однако на принятие решения это не повлияло.

О результатах обсуждения дают представление два документа — письма сенаторов, сходные по содержанию, направленные членам боярской думы и А.Л. Ордину-Нащокину 22 сентября 1668 г.⁴⁸ Сенаторы приложили усилия к тому, чтобы возложить ответственность за неудачу съезда на шведов. Направленному в Москву с письмом сенаторов гонцу Ф. Гоишевскому был вручен оригинал грамоты Карла XI, который он должен был показать русским сановникам⁴⁹. В грамоте запрашивалось мнение русской стороны, желает ли она проведения двустороннего съезда. Разумеется, в отсутствие шведов обсуждать вопрос об условиях торговли в Восточной Прибалтике не имело никакого смысла. Более существенно было другое. Примас и сенаторы не предлагали мер, с помощью которых можно было бы принудить

⁴⁶ Там же. Л. 97а–101.

⁴⁷ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 169.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 465–467 (послано гетманом М. Пацем из Гродно — 3 октября; там же. Л. 467–468).

⁴⁹ *Wójcik Z. Między traktatem...* S. 169–170.

Швецию к участию в съезде, вообще не выражали желания выработать общую с Россией политическую линию по отношению к этой стране.

Таким образом, еще до получения русской стороной официального ответа от Карла XI стало ясно, что трехсторонний съезд в Курляндии не состоится. 6 октября А.Л. Ордин-Нащокин направил новое письмо генерал-губернатору в Ригу. В письме говорилось о том, что теперь на русской стороне «малая надежда» на дружественные, добрососедские отношения со шведами. Русскими предложениями о созыве съезда «возгнушались, учинити того не захотели»⁵⁰.

Неудача важного внешнеполитического замысла была для русского канцлера тем более обидной, что подтверждала правоту не его, а дьяков Посольского приказа, сомневавшихся в успехе съезда в Курляндии. Эту неудачу глава Посольского приказа был склонен связывать с действиями шведского резидента в Москве. Уже летом 1668 г. он писал в Москву, что жители Ливонии, с которыми он сталкивался на пути в Митаву, «нынешних съездов опасны», ждут от них дурных последствий, и был убежден, что «такие ссоры принесены с Москвы» от резидента⁵¹. Он был так уверен в этом, что в уже упомянутом письме от 23 сентября он убеждал губернатора, что не следует верить резиденту, который своей «непотребной службой» вызывает «ссоры»⁵².

Когда стала ясной неудача съезда, гнев А.Л. Ордина-Нащокина обратился против Эбершельда. В отписке, отправленной в октябре в Москву, он настаивал на удалении резидента из русской столицы⁵³. Свои обвинения по адресу Эбершельда А.Л. Ордин-Нащокин предложил позднее в своих ответах на вопросы царя. Шведы, по его мнению, отказались от участия в съезде, опасаясь, что «отнимут у них к московской стороне Корельскую и Ижерскую землю, а Литва — Лифляндскую землю», а такие сведения о планах

⁵⁰ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 11. Л. 103–105.

⁵¹ Там же. № 10. Л. 337.

⁵² Там же. № 11. Л. 95.

⁵³ Там же. Л. 438.

организаторов съезда сообщал в Стокгольм Эбершельд. Всё это происходит, — писал царю глава Посольского приказа, — «от зависти тех людей, которые Афанасьевой службе Лаврентьевича завидуют»⁵⁴. Это был недвусмысленный намек на то, что подобные слухи о русских планах сообщили резиденту его враги при царском дворе.

Но А.Л. Ордин-Нащокин ошибался. Хотя в Москве действительно ходили слухи о таких его планах относительно Швеции, ни русский исследователь Г.В. Форстен, ни швед Б. Фальборг не обнаружили в донесениях Эбершельда подобных сообщений. Шведское правительство скорее могли беспокоить слухи, приходившие из Речи Посполитой, что царь обещает вернуть этой стране в случае выбора его сына утраченные этой страной земли.

В действительности, конечно, шведские власти не желали каких-либо новых масштабных переговоров по вопросам торговли, так как неблагоприятные для восточноевропейских купцов условия торговли соответствовали интересам шведской казны. Разумеется, шведскому правительству трудно было бы удержаться на этой позиции, если бы оно столкнулось с согласованными действиями держав, откуда поступали в Прибалтику все восточноевропейские товары, но Речь Посполитая не проявила желания совместно с Россией оказывать давление на Швецию ради изменения условий торговли на Балтике. Правда, А.Л. Ордин-Нащокин убеждал царя, что «сколко, государь, они (шведы. — Б. Ф.) не грозят и весь свет наслушают, а Великая Росия с королевством Польским болши соединительнее в крепости будут»⁵⁵. Факты, однако, не подкрепляли его утверждений. Стоит заметить, что хотя он оставался на посту главы Посольского приказа до начала 1671 г., никаких попыток искать соглашения с Речью Посполитой, направленного против Швеции, он больше не предпринимал.

⁵⁴ Там же. Л. 445.

⁵⁵ Там же. № 10. Л. 439.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Рубеж 1668/69 гг. стал трудным временем для А.Л. Ордина-Нащокина. К началу 1669 г. прошло около двух лет с того времени, когда его внешнеполитическая программа стала внешнеполитической программой Русского государства и он как глава Посольского приказа приступил к ее осуществлению. За прошедшее время, однако, никакого реального продвижения к намеченным целям не произошло. Более того, на пути к этим целям возникли непредвиденные трудности, стала выявляться нереальность многих планов и расчетов.

Стареющего, утомленного долголетней войной царя А.Л. Ордин-Нащокин привлек к себе, убедив, что намеченная им программа, основанная на союзе между Россией и Речью Посполитой, приведет к всеобщему умиротворению и прекращению конфликтов. Действительность, однако, не оправдала эти ожидания. А.Л. Ордин-Нащокин был уверен, что само заключение союза между Россией и Речью Посполитой заставит Крым и Османскую империю воздержаться от вмешательства в украинские дела, а население Украины, не имея внешней поддержки, будет вынуждено подчиниться согласованным решениям союзников. Поэтому он полагал возможным вести на Украине достаточно жесткую политику, ущемляя интересы казацкой верхушки. Результатом стали серьезные волнения на Левобережье, которые активно стремились использовать в своих интересах Крымское ханство, вовсе не оставшееся пассивным, а отправившее туда свои войска.

Как оценивали в Москве действия в этих условиях русско-польского союза, который был, прежде всего, соглашением о совместных военно-политических действиях по отношению к Крыму и Османской империи, дает представление

сохранившаяся в сборнике бумаг А.Л. Ордина-Нащокина его записка, адресованная царю¹. В ней констатировалось, что хотя Речь Посполитая взяла на себя обязательство «никотому государству с ханом в договоры не вступать и недруга явного казною не вспомогать», хану уже после нападения татар на русские земли «дали казны» — 290 тыс. золотых польских и сохраняли мирные отношения с крымским ханом, не предприняли они и каких-либо действий против казаков Дорошенко. Таким образом, союзный договор фактически не вступил в действие. Разумеется, целью записки было дать русской стороне аргументы в пользу того, чтобы не отдавать полякам Киева, так как из-за нарушения ими договора на Украине сложилось такое положение, что Киев находится под угрозой нападения и маловероятно, что полякам его удастся удержать, но реальное положение дел говорило само за себя. Русско-польский союз оказался неспособным вести совместную борьбу с крымской и османской агрессией.

Схожая ситуация сложилась и на балтийском направлении русской внешней политики. А.Л. Ордин-Нащокин рассчитывал, что, действуя совместно, Россия и Речь Посполитая смогут, не прибегая к войне, добиться от Швеции изменений условий торговли на Балтике, благоприятных для их интересов (снижение торговых пошлин, возможность непосредственных контактов с западноевропейскими купцами и др.). Этой цели следовало добиваться на совместной встрече представителей трех стран. Швеция, однако, проявила нежелание вести переговоры на такую тему, а Речь Посполитая не проявила никакого желания вместе с Россией принуждать Швецию вести такие переговоры.

Когда в Москве попытались скрепить русско-польский союз дополнительной связью, выдвинув кандидатуру царевича на польский трон, выяснилось, что в Варшаве совсем не придают этому союзу такого значения, какое ему придавала русская сторона. Одновременно выяснилось, что главной целью восточной политики Речи Посполитой остается возвращение утраченных в годы русско-польской войны земель.

¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 105. Л. 675–677.

Всё это ставило под сомнение не только задуманные конкретные акции по отношению к соседям, но и более широкие далеко идущие политические планы, которые А.Л. Ордин-Нащокин связывал с заключением русско-польского союза.

Осенью 1668 г. в своих отписках царю А.Л. Ордин-Нащокин выражал надежду, что на самом важном на тот момент южном участке положение дел в скором времени удастся исправить. Надежды эти были связаны с выдвинутым им планом съезда представителей России и Речи Посполитой в Киеве. Получив от царя известие о серьезном поражении крымского войска на Левобережье, он, по-видимому, полагал, что для Речи Посполитой это покажет ценность союзника и побудит ее к сотрудничеству, а «бусурманские» государства станут искать мира. Он предлагал пригласить в Киев представителей хана и султана. Здесь было бы подтверждено союзное соглашение и заключен мир с «бусурманами». О заключенных соглашениях следует объявить «тамошним народам» — казакам, «чтоб никогда кровь не всчалася»².

Характерно, что на этот раз, несмотря на свой обычный оптимизм, А.Л. Ордин-Нащокин допускал, что Речь Посполитая откажется послать на такой съезд своих послов, и в этом случае советовал «ко государем посторонним свои государские грамоты послать, что с польские стороны союз о случении сил в Украине против договору не исполнен»³.

Уезжая из Курляндии, 28 октября А.Л. Ордин-Нащокин (И.А. Желябужский подписать текст отказался) обратился с письмом к примасу и сенаторам⁴. Описав тревожное положение на Украине, он убеждал, что встречу представителей сторон надо провести раньше срока, установленного Андрусовским договором, и направить представителей Речи Посполитой «в Киев с поспешением в нынешней зиме, не ожидая лета». Встре-

² О плане съезда под Киевом см. в ответах на царские вопросы (РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 448–449), а также в особом «докладе» царю, написанном, по-видимому, во второй половине октября (помещен в статейном списке с «вестовыми письмами», полученными в Посольском приказе 4 ноября) (там же. Л. 565–566).

³ Там же. Л. 566–567.

⁴ Там же. Л. 134.

ча представителей России и Речи Посполитой в Киеве должна была стать демонстрацией решимости обоих государств к совместным действиям, что привело бы к умиротворению на Украине и оказало сдерживающее влияние на южных соседей.

«Ныне тому есть удобнеее время, — писал начальник Посольского приказа, — съехався в Украине, преступные народы в покорение привести... а от соседей немирительных бес продолжения отлучных учинить и утвердить». Султан задержан войной на Крите, Орда понесла серьезные потери во время войны на Украине. Если два государства заключат в Киеве договор о союзе, то, — убеждал польских политиков А.Л. Ордин-Нащокин, — «турок и хан имут страшны быти», «и которое христианство за Днепром, волохи и мултяне, всегда желающие между Великою Росиею и Короною Польскою христианского союзу и нерозорванного умирения, будут в надежде радостной пребывать и прежнее насилие от турка... нашим союзом уволятца»⁵. Он еще рассчитывал, что ему удастся добиться осуществления тех широких планов, которые он связывал с заключением русско-польского союза. Однако ответа на это письмо из Варшавы не последовало.

Из Курляндии послы переехали в села Смоленского уезда — сначала в Зверовичи, затем в Красное⁶. 18 декабря А.Л. Ордин-Нащокин снова обратился к примасу и сенаторам, повторяя прежние предложения⁷. Но и на это письмо ответа не последовало. Всё внимание правящей элиты Речи Посполитой было поглощено приближавшимися выборами. 1 января 1669 г. А.Л. Ордин-Нащокин получил царский указ ехать в Москву⁸.

Все эти неблагоприятные для А.Л. Ордина-Нащокина перемены происходили на фоне его обострившихся отношений с дьяками Посольского приказа. В ответах на царские вопросы и своих отписках поздней осени 1668 г. А.Л. Ордин-Нащокин жаловался, что дьяки ничего ему не сообщают о

⁵ Там же. Л. 135–139.

⁶ Там же. Л. 150.

⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 123. Л. 99–101об.

⁸ Там же. Л. 104.

положении дел⁹ и не выполняют инструкций, данных им перед его отъездом из Москвы¹⁰, а также не докладывают государю его «отписок»¹¹.

Противники А.Л. Ордина-Нащокина, круг которых далеко не ограничивался, как увидим далее, дьяками Посольского приказа, стремились воспользоваться его долгим отсутствием в Москве, чтобы убедить царя в ошибочности его политики. Под влиянием и их высказываний, и тех неблагоприятных перемен, которые политика руководителя Посольского приказа не могла предотвратить, у царя и его окружения постепенно стало нарастать недоверие к предложениям и планам А.Л. Ордина-Нащокина.

Как нарастало недоверие, можно проследить, анализируя так называемые «царские вопросы» (на деле одновременно и вопросы, и указания), посылавшиеся А.Л. Ордину-Нащокину поздней осенью и в начале зимы 1668 г. Так, уже в первом документе такого рода выдвигался целый ряд серьезных возражений против предложения о созыве съезда в Киеве. Царь доказывал, что такой шаг может привести к потере города: «Не пустить полских послов в город нельзя, а пустить — потерять Киев, поляки безлюдны не пойдут, а выбивать их трудно»¹². Другие высказывания касались возможного поведения главы Посольского приказа на предстоящих переговорах с представителями Речи Посполитой. Так, в одном из пунктов посланного русскому канцлеру перечня читается: «О казне никакой с поляки не говорить». В другом говорилось: «О полоняниках крестьянских, чтб того и не помышлять, не токмо что говорить, всему государству то досадно и болно»¹³. Высказывания эти ясно говорят об опасениях царя, что на предстоящих переговорах А.Л. Ордин-Нащокин может пойти на нежелательные уступки полякам. Заслуживает

⁹ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 453, 588.

¹⁰ «А твои, великого государя, указ товарищам моим думным дьяком на отпуске моем, каков я, холоп твои, слышал на отпуске моем, ничего, государь, так не делают» (там же. Л. 554).

¹¹ Его отписки в Посольском приказе «в дело не поставлены и тебя, великого государя, не докладывано» (там же. Л. 597).

¹² Там же. Л. 427.

¹³ Там же. Л. 430–431.

внимания и резкий категорический тон последнего высказывания, отражающий, как представляется, растущее раздражение царя «самовольными» действиями «посольских дел оберрегента», его нежеланием выполнять царские указания.

Гораздо более острый характер имел другой перечень вопросов, присланный позднее. В нем уже читается, что «многие говорят, что посольство сие (поездка А.Л. Ордина-Нащокина в Курляндию. — Б. Ф.) туне и никакие от него Московскому государству прибыли ныне и вперед не будет»¹⁴. Далее шли еще более острые вопросы. Глава Посольского приказа хотел «у шведа взять Корельскую и Ижорскую землю», какие у него были основания рассчитывать на успех? В действительности таких планов у русского канцлера не было, и в своем ответе он с основанием утверждал, что такие слухи распространяются его противниками, но показательно, что в окружении царя к этим слухам отнеслись с доверием. Далее следовал вопрос — «на шведов какие он вины полагает?». Вопрос этот сопровождался комментарием, что «шведы сами на нас вины кладут в торговых промыслах и в разоренье от литовских людей»¹⁵. В свете этих вопросов становится понятной начальная часть документа. Поездка в Курляндию оказывалась бесполезной не только потому, что она не дала желаемых результатов. Под сомнение ставилась вся политическая линия А.Л. Ордина-Нащокина по отношению к Швеции. Снова высказывались сомнения в целесообразности проведения съезда в Киеве¹⁶.

На такие обращения русский канцлер реагировал в соответствии с особенностями своего характера. Он упрямо настаивал на своем плане проведения мирных переговоров, предлагая в противном случае, чтобы ему «что и от свейского докончания миру отринуту... быть вскоре»¹⁷. Вместе с тем, понимая, как пользуются его отсутствием его противники, он настойчиво добивался разрешения приехать в Москву. 16 декабря 1668 г. подъячий приказа Тайных дел привез ему такое

¹⁴ Там же. Л. 442.

¹⁵ Там же. Л. 444.

¹⁶ Там же. Л. 448.

¹⁷ Там же. Л. 570.

разрешение¹⁸. Благодаря царя за «милость», глава Посольского приказа выражал убеждение, что после его приезда «светлость правды перед тобою, государем, явна будет, ненавистные дела познаютца и в неправде разрушители сами обличатца, на уста свои персты положат»¹⁹. Однако положение дел в Москве сложилось не так, как предполагал А.Л. Ордин-Нащокин.

Шведские резиденты в России, правильно видя в А.Л. Ордине-Нащокине опасного противника Швеции, самым внимательным образом следили за перипетиями его карьеры. Благодаря этому сохранились важные сведения о состоявшемся 22 января 1669 г. заседании боярской думы, на котором политика А.Л. Ордина-Нащокина подверглась резкой критике²⁰. Судя по сообщениям шведского посланца Ф. Кронмана, его порицали за то, что он порицал заключенный в 1666 г. договор со Швецией на р. Плюсе, регулировавший условия торговли между Россией и Швецией, договор, одобренный царем, и требовал его отменить. На этой почве произошло резкое столкновение между ним и В.С. Волынским, главой русской делегации на переговорах на Плюсе. Эта информация находит определенное соответствие в посылавшихся А.Л. Ордину-Нащокину царских вопросах. Как представляется, обвинение в неуважении воли царя было лишь предлогом. Советники царя, по-видимому, полагали, что в условиях, когда на Украине шла война с казаками Дорошенко и татарами, а русско-польский союз оказался неэффективным, линия Ордина-Нащокина на обострение отношений со Швецией может привести к ненужным и опасным последствиям.

Важно, что на том же заседании подверглась критике и польская политика А.Л. Ордина-Нащокина. Шведский посланец записал, что члены думы порицали Андрусовский договор, по которому Киев должен быть возвращен полякам. Кроме того, они утверждали, что договор никогда не будет ратифицирован польскими сословиями. Почему в центре

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 10. Л. 599.

¹⁹ Там же. Л. 600.

²⁰ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. Stockholm, 1961. S. 67–68.*

обсуждения оказался вопрос о Киеве, понятно. В 1669 г. в соответствии с Андрусовским договором Киев должен был быть возвращен Речи Посполитой, в то же время против этого решительно выступало вернувшееся под русскую власть население Левобережья, не хотел этого и царь. В таком положении для советников царя было выгодно возложить ответственность за то, что надо искать выход из такой сложной и противоречивой ситуации, на А.Л. Ордина-Нащокина.

Вопрос о ратификации договора не случайно оказался среди выдвинутых обвинений. Фактически речь шла о сомнениях в прочности заключенного главой Посольского приказа соглашения. И сомнения эти были вполне уместны. Соглашение о союзе не действовало, а магнаты и шляхта во второй половине 1668 г. ясно дали понять, что будут добиваться возвращения утраченных земель.

Был еще один пункт в критике, больно затронувший А.Л. Ордина-Нащокина. Летом 1669 г. он вспоминал, что «полатным разсуждением» он «по поводу черкас» был обвинен в том, что Андрусовский договор не обеспечил права православных в Польско-Литовском государстве («о восточной церкви нерадение») ²¹. Шведский посланец отметил, что члены боярской думы заявили, что если царь и далее будет следовать советам главы Посольского приказа, то они не могут нести ответственности за то, что случится. Это показывает, до какого опасного обострения дошли отношения А.Л. Ордина-Нащокина с правящей элитой. Вместе с тем очевидно, что, действуя таким образом, члены думы были уверены, что А.Л. Ордин-Нащокин уже не пользуется прежним расположением царя.

В течение нескольких дней шведский посланец ждал решения об отставке Ордина-Нащокина, но такого решения не последовало, и «посольских дел оберегатель» сохранил свой пост. Однако происшедшие события стали важной гранью в карьере этого выдающегося государственного деятеля допетровской России. А.Л. Ордин-Нащокин сохранил свой пост — так как Алексей Михайлович ценил его преданность интересам

²¹ РГАДА. Ф. 79. 1669 г. № 8. Л. 268–269. См. также: Там же. 1670. № 4. Л. 11.

государства, его знания и опыт, — но не прежнее влияние. Он перестал быть единоличным руководителем внешней политики страны, его внешнеполитическая программа перестала быть программой внешней политики России. Он стал лишь одним из исполнителей царских поручений, мнения его по разным вопросам запрашивались, но далеко не всегда принимались.

Несмотря на сохранение поста, положение его оставалось шатким. Характерно, что такой влиятельный советник царя, как кн. Ю.А. Долгорукий, счел возможным сказать шведскому посланцу, что если А.Л. Ордин-Нащокин и пользуется сейчас расположением царя, то к лету положение может измениться²².

От главы Посольского приказа Алексей Михайлович ожидал быстрых и успешных переговоров с Речью Посполитой, которые привели бы к заключению «вечного мира» и установлению реального сотрудничества, но начало переговоров откладывалось, а тем временем с польской стороны были предприняты попытки занять Киев²³, а это явно говорило о том, что заключение «вечного мира» будет не быстрым и не легким делом. Весной 1669 г. в Стокгольм приходили донесения, что в Москве надежды на мир с Польшей исчезают, а советы А.Л. Ордина-Нащокина оказались бесполезными. 11 мая 1669 г. шведский резидент А. Эбершельд узнал, что Ордин-Нащокин сообщил царю о своем желании отойти от дел и постричься в монастырь²⁴. На этот раз его просьба не была удовлетворена, но его реальная власть и влияние постепенно падали, и в феврале 1672 г. он постригся под именем Антония в псковском Крыпецком монастыре.

Что же стало причиной неудачи А.Л. Ордина-Нащокина, почему ему не удалось осуществить так широко задуманную внешнеполитическую программу?

Высказывалась в научной литературе точка зрения, что А.Л. Ордин-Нащокин с его идеями опередил свое время. И для такого утверждения есть определенные основания. Ведь в 1686 г. Россия и Речь Посполитая действительно заключи-

²² *Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. S. 68.*

²³ *Wójcik Z. Między traktatem... S. 193–196.*

²⁴ *Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. T. I. S. 80.*

ли между собой военно-политический союз, направленный против Османской империи и Крыма. Одновременно между государствами был заключен договор о «вечном мире», по которому Левобережная Украина и Смоленщина остались за Русским государством. В борьбе с южными соседями союзники сотрудничали с антиосманской коалицией европейских государств, как это и предполагал в своих проектах А.Л. Ордин-Нащокин. В начале XVIII в. Россия Петра и Речь Посполитая совместно выступили против Швеции. Действительно, создается впечатление, что в конце XVII — нач. XVIII в. его идеи были, наконец, реализованы.

Такое впечатление, однако, является ложным.

В проектах А.Л. Ордина-Нащокина Речь Посполитая выступала как сильный равноправный партнер России, в сотрудничестве с которым можно было бы осуществить очень обширные внешнеполитические планы. К середине 80-х гг. XVII в. серьезный внутривосточный кризис Речи Посполитой, ясно обозначившийся в годы «рокоша Любомирского», стал постоянным явлением жизни Польско-Литовского государства, где борьба за власть магнатских группировок постоянно ослабляла способность государства и осуществлять крупные военно-политические акции, и проводить последовательную внешнюю политику. К этому времени сложилось такое положение, когда стало ясно, что у Речи Посполитой нет никаких возможностей силой вернуть себе утраченные земли, а войну с Османской империей она и не сможет успешно завершить без помощи союзников. В начавшейся войне Россия во многом действовала методом проб и ошибок, неоднократно мобилизуя крупные военные силы, которыми далеко не всегда умели правильно распорядиться. Речь же Посполитая в 90-х гг. XVII в. вообще оказалась неспособной к проведению крупных военно-политических акций. Мирные соглашения союзники заключали порознь.

В начале XVIII в. союз против Швеции был заключен с саксонским курфюрстом, который был одновременно и польским королем, и Речь Посполитая оказалась вовлечена в происходившие события помимо своей воли. Жители Речи Посполитой сопротивлялись новому вторжению шведов, но вести какую-либо единую целенаправленную внешнюю

политику страна оказалась не в состоянии. Северная война завершилась без какого-либо ее участия.

В проектах А.Л. Ордина-Нащокина Речи Посполитой отводилась совсем другая роль. По-видимому, его представление о Польско-Литовском государстве формировалось под впечатлением событий, происходивших после шведского «потопа», когда одна из лучших армий Европы так и не смогла завоевать эту страну, а русские войска при возобновлении русско-польской войны понесли серьезные неудачи и русское правительство вынуждено было искать мира. Очевидно, он полагал, что Речь Посполитая сумела восстановиться после упадка и стать снова серьезной и важной политической силой. На сотрудничество с этой силой, по его убеждению, могла опираться русская внешняя политика. Русский канцлер правильно наметил те сферы, где можно было бы искать совпадения объективных интересов России и Речи Посполитой.

Политик, однако, плохо представлял себе внутреннюю жизнь Речи Посполитой: среди его многочисленных записок этой стороне дела не уделялось никакого внимания, он не понимал, что те пороки общественного строя Польско-Литовского государства, которые привели его к катастрофе «потопа», никуда не исчезли, а порождают и будут порождать всё новые ослабляющие государство внутривнутриполитические кризисы, не дающие ему проводить единую, целенаправленную, активную внешнюю политику.

Разумеется, определенные проявления такой слабости (например, во время рокоша Любомирского) политик не мог не заметить. Однако глубоких причин таких событий он, как представляется, не понимал, а сама некоторая слабость партнера была, вероятно, даже выгодной, так как обеспечивала бы руководящую роль России в проектируемом союзе. А.Л. Ордин-Нащокин не учел при этом своеобразных особенностей социальной психологии правящей элиты Речи Посполитой, уверенной в величии своей страны и не желающей идти на уступки, каким бы ни было реальное положение государства. Ставка на союз с Речью Посполитой оказалась ошибкой, и эта ошибка привела А.Л. Ордина-Нащокина к краху его карьеры.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А
- Аббас II 203, 204, 278
- Абит-ага 290
- Адамович С. 166, 173, 241, 243,
302, 303, 328, 333, 334, 339
- Адиль-Гирей 173, 190, 222, 226,
228, 229, 233, 262, 279, 280
- Адильша мурза 316, 320, 346
- Акинфов И.П. 283, 289, 369, 382,
403, 405, 419
- Алексей Алексеевич, царевич 121,
376–378, 383, 392, 396–397,
401, 408, 412
- Алексей Михайлович 6, 13–15,
25, 49, 52, 53, 56, 72, 73, 82,
85, 86, 88, 95, 96, 109, 122,
123, 125, 134, 144–145, 156,
159, 165, 166, 185, 196, 202,
209, 222, 237, 258, 264, 270,
273, 275, 278, 283–285, 289,
290, 298, 299, 301, 302, 304–
306, 308, 310, 311, 314–318,
324–327, 333–335, 367, 369,
425, 438
- Алмазов С. 196, 212–213
- Апостол 258
- Б
- Баранович Л. 300, 333–336, 355,
356, 368
- Барнер К. 111, 112
- Барятинский Ю.Н. 77, 78, 159,
239, 240, 246, 252, 254, 257,
258, 309, 310
- Батырча-мурза 232, 239, 342, 354
- Бауш В. 196, 205–207, 213
- Башмаков Д.М. 135, 138, 353, 355
- Безлов А. 68
- Безрученко И. 312, 352
- Белковский И. 306, 312, 320,
325, 327, 345, 357
- Белогруд Г. 340
- Белькевич Я. 339
- Беневский С.К. 248, 260, 300, 377
- Бжостовский К.П. 40, 41, 66, 68,
69, 118, 187, 247, 248, 260, 369,
378, 380, 381, 385, 387, 407, 413,
414, 425
- Бломберг 249
- Бобрович Ф.Т. 100, 330–331, 342–
343, 344, 346–347, 349–352,
354, 359–362, 363, 364, 365,
372, 374
- Богаченко 316
- Богданов Г. 27, 95–98, 99, 100, 105,
108, 109, 115, 118–122, 123, 126,
136, 182, 185, 222, 356, 368
- Болотников Я. 149
- Бонзи П. де 134, 262, 264, 384,
390, 392, 401

- Брейн Т. 204–205
 Брюховецкий И.М. 58, 59, 64, 68, 69, 75, 78, 109, 147–150, 152, 156–157, 160, 166, 220, 231, 233, 235, 239, 240, 242–244, 252, 253, 294, 298, 299, 301, 302, 304–306, 308, 310, 311, 314–318, 324–327, 333–335, 367, 369
 Бугай 318
 Буганской 69
 Буковен Ф. фон 285
 Бускевич Л. 296, 339, 340
 Бут С. 236
 Бутлер Д. 211
 Бьельке С. 94
- В**
 Васильковский И. 314
 Вахромеев И. 229
 Венславский С. 116, 247–252, 255, 273
 Вердеревский Г. 157
 Витязенко Г. 237
 Вишневецкие 267, 296
 Волконский И. 183
 Волконский М. 237
 Волович В. 403
 Врангель 114
 Вуйцик З. 11, 27–29, 32, 33, 38, 55, 57, 58, 61, 66–67, 72, 74, 84, 110, 117, 127, 128, 142–143, 144, 161, 164, 176, 186, 190, 266, 270, 321, 377, 379, 380, 382, 391, 392, 396, 398, 400, 415, 427
 Выговский И.О. 49, 315
- Г**
 Гавриленко Л. 364
 Галактионов И.В. 7, 9, 14–15, 18, 23, 24, 29, 32, 33, 35, 42–44, 55, 129, 137, 142–143, 146, 147, 150, 180, 288
 Гамалея Г. 303, 364, 365, 366
 Гвинтовка М. 336, 337, 355
 Гелленфельдт Б. 130, 131, 132
 Генк А. 257
 Гжибовский С. 387, 406
 Гизель И. 221, 259, 296, 301, 368
 Гладкий И. 356
 Глебович Е. 41, 68
 Гоголь О. 320, 371
 Гоишевский А. 98
 Гоишевский Ф. 427
 Головин М.Н. 196, 214–215
 Головченко Я. 172
 Голосов Л. 13, 409
 Гольцов М. 371, 405–406
 Гордон П. 214, 378
 Горленко Л. 304
 Горн Б. 45, 93, 94
 Горохов И. 406
 Госевский В. 14–16, 20, 26, 34, 87
 Грёнебаум Ф. 209
 Гречаный С. 303
- Д**
 Дашков В.Я. 93, 213
 Дворецкий В. 302
 Девлет-Гирей 173
 Дедеш-ага 222
 Децик 118
 Долгов П. 68, 121, 225–226
 Долгорукий П.А. 309, 313, 319
 Долгорукий Ю.А. 57, 62, 63, 72, 76, 77–79, 94, 107, 170, 309, 313, 404–438

- Домбский Я. 398–399
Донец Ф. 235
Дорофеев В. 64
Дорошенко А. 320, 339, 343, 347, 350–353, 360–361
Дорошенко Г. 255, 256, 257, 295, 296, 299, 320, 331, 338, 339, 353, 371
Дорошенко П.Д. 116, 147, 150–152, 157–158, 160, 162, 166, 172, 174, 176, 182, 184, 190, 193, 219–224, 226, 232, 233, 235, 236, 238, 240, 241, 249–253, 255–259, 262, 273, 287–299, 301–303, 310, 314–318, 320, 321, 326–330, 332, 334, 336–339, 341–354, 359–364, 366, 367, 371, 374, 431
Дохтуров Г. 409, 410
Дубенский В. 292, 294, 295
Дубяга 347, 350
Дятельский С. 376
- Ж
- Желябужский И.А. 86, 196, 198–200, 305, 376, 377, 382, 383, 391–393, 406, 432
Жеромский К. 15
- З
- Забела П. 231, 355, 356
Змеев В. 331
- И
- Иван 301
Иванов Алмаз 72, 86, 110, 129, 222, 279, 409
Иевлев А. 312, 322
Иевлев К. 196, 203–204
Иезекииль, эконом 328, 329, 332, 338
Иеремия, игумен 355
Измайлов П. 150, 341, 373
Иконников В.С. 6, 43
Исаакий, священник 239, 240
Ислам-ага 279
- К
- Казанец Ф. 65
Калькштейн К.Л. 41, 42
Карандеев А. 372–373, 413
Караулов Г. 355
Карвовский Я. 262, 290
Карл I 92, 213
Карл II, английский 92, 93, 214–215
Карл II, испанский 202, 211
Карл X Густав 46, 47, 49, 93
Карл XI 45, 101, 215, 419, 420, 423, 425, 427, 428
Карл лотарингский 415
Карлейль Т. 92, 93
Келдерман Т. 200
Келембет-мурза 232, 239
Кикин В.П. 59, 234, 242
Ключевский В.О. 6
Кожуховский С. 145
Козловский Я. 370, 388
Козыря 312
Кольбер Ж.Б. 210
Комар И. 102, 118, 122, 125, 126, 183, 413
Конде 68, 133, 153–154
Кононович Н. 347, 350
Копреева Т.Н. 274
Корзон Т. 321, 392
Кормихель В. 92

- Коробьин И.Я. 87
Косагов Г. 150
Котенок А. 323
Котошихин Г. 112
Крикун М.Г. 363, 366
Кроков 111, 113, 115
Кромвель О. 93
Кронман Ф. 410, 425, 436
Крым-Гирей 253, 275, 279, 328,
329, 340, 342, 345, 354
Кублицкий К. 321, 364
Кузьмин Т. 198–199
Куракин Г.С. 319, 321, 322, 343, 371
Курамша Сулешев 223
Кутлущ мурза 315
Кучумов П. 189–190
- Л
- Лавров Е. 59, 121
Ладыженский Е. 222, 224–226,
234, 235, 303
Лев III 381
Ледоховский С. 40, 80, 145
Леонтий, священник 258
Леонтьев З. 13
Леонтьев И. 196, 215–216
Леопольд I 84, 86, 96, 104, 198, 200, 202
Лещинский А. 42
Лещинский Я. 396–397
Лиленталь И. 216
Лизогуб Я. 220, 239
Лизола Ф. 87
Лопухин Л. 22, 355
Любомирский А. 134, 137
Любомирский Е. 67, 69, 99, 104–108,
114, 115, 116, 119–121, 130–138,
140, 153–154, 161, 167, 168, 175,
183
- Людовик XIV 96, 203, 209, 401
Люмбр А. де 86, 89
- М
- Магнифик Я. 132, 134–136
Майерберг А. 84–86, 88, 99, 376
Макарий, патриарх 381, 407
Мамет-ага 222, 225
Мансуров М. 316
Марескотти Г. 403
Марианна австрийская 202
Марк, евангелист 381
Марселис Л. 107, 108, 131–132
Марселис П. 96–100, 106–108,
130–132, 137
Масальский К. 201
Матвеев А.С. 356, 368
Маховский С. 71, 184
Маценко И. 357
Медекша С. 14–16, 26, 400
Меженьский Я. 91
Мехмед IV 262
Милославский И.Д. 22
Мишка, холоп 324
Михайлов Г. 224, 226, 317
Михайлов Ф. 40, 135, 290
Млецкий А. 77
Многогрешный В. 337, 355
Многогрешный Д. 148, 244, 308,
320, 332, 333, 335, 336, 338–
343, 355, 357, 361, 362, 365, 366
Мурашко А. 370
Мурашко Д. 148
Мустафа Селим 362
- Н
- Нащокин Б.И. 90, 123, 247, 290,
383, 389

- Нашокин Г.Б. 90
Неверовский 27
Неклюд М. 404–405
Неклюдов И.А. 124, 126
Нестеров А.И. 13, 20–21, 26, 30, 229
Никифоров Ю. 54, 62, 65, 78, 159, 181, 182, 187
Никон, патриарх 307
Нильссон Я. 111
- О
- Одоевский Н.И. 13, 15, 57, 170, 379, 404
Оксеншерна Б. 100
Ольшовский А. 374, 385, 386
Омишинский И. 353
Ордин-Нашокин А.Л. 6–12, 14–39, 40, 42–57, 61–63, 65, 68, 70, 72, 74, 76, 78, 81–83, 89, 89, 90, 92, 95, 100–102, 105, 109, 112, 117, 119, 120, 122, 123–132, 135–140, 143–146, 150–156, 159–171, 176–187, 191, 193–195, 197–200, 205–213, 216–217, 235, 239, 241–243, 245, 247, 249–252, 255, 256, 259, 260, 265, 267, 269, 270, 272–274, 278–284, 286, 291, 300–303, 306, 325, 367, 371, 372, 374, 375, 378–380, 382, 394–397, 399, 405–411, 413–416, 418–423, 425–441
Ордин-Нашокин В.А. 105, 107
Остафьев И. 111, 112
Остренский С. 312
- П
- Паисий, патриарх 407
Пальбицкий М. 69, 110, 113–115
Пац К., епископ 403
Пац К., канцлер 20, 23, 26–27, 30, 31, 34, 43, 44, 48, 49, 57, 65, 74, 105, 187, 200, 383, 385, 397, 403, 404, 415, 427
Пац М., гетман 59, 63, 64, 76, 77, 78, 79, 121, 124–126, 136, 144, 169, 183, 186, 290, 370, 371, 374, 383, 388, 403, 405, 410, 413, 414, 415
Пац М.К. 403
Перденя Я. 321
Пестжецкий Б. 108
Петр, апостол 381
Петр, сын Серко 312
Петров И. 58, 61
Петров Ф. 330, 347
Петровский Н.М. 320, 371
Пиво Я. 373
Пикалов М. 257
Пиньятели А. 389
Плиса Ф. 366
Подымов Г. 349, 353
Поздышев Я. 283, 369, 382, 403, 405, 419
Полков С. 370, 388, 411
Полубенский А.Х. 41, 403
Полуктов И. 78
Полянский И. 186
Портянка М. 258, 363
Потемкин П.И. 10, 196, 201–203, 207–208, 210, 212, 391, 393
Потоцкий С. 183
Потоцкий Я. 373
Пражмовский М. 57, 58, 98, 403, 427
Прозоровский И.С. 15
Прокофьев Е. 87
Прокофьев И. 363

- Р
- Радзеевский И. 248, 249, 261, 264, 265, 295
- Радзивилл Б. 91, 92, 98, 167, 168, 170, 205, 207
- Радзивиллы 154, 404, 406
- Райча Д. 239, 341, 349, 357
- Ракоци Д. 49
- Реджеб-мурза 231
- Рей В. 385, 403
- Репнин Б.А. 27
- Ромодановский Г.Г. 309, 311, 312, 314, 317, 318, 322–326, 331, 332, 336, 337, 339, 340, 342–345, 347, 349, 350, 352, 356, 359, 368
- Рославлев И. 349
- Рославченко П. 313, 335, 336
- Ртищев Ф.М. 15, 22, 129
- Румянцев С. 201, 212
- С
- Саламет-Гирей 173
- Санин Г.А. 266, 270, 271, 277, 281
- Сапега П. 41, 79, 136, 144
- Сапеги 154, 403, 404
- Свиязев И. 149, 152, 157, 159
- Серко И. 58, 68, 69, 71, 310–311, 312, 315, 316, 320, 325–326, 327, 345
- Сипягин М. 219
- Скворцов С. 222, 237
- Скочек И. 253, 258
- Скочкевич К. 341
- Скуратов П. 312
- Снитковский Г. 314
- Собеский Я. 174, 175, 183, 275, 279, 290, 320, 321, 329, 351, 370, 372, 373
- Соболев О. 366
- Соловьев С.М. 6, 43, 57, 134, 234
- Сполковский И. 352
- Стахорский Я. 219, 221, 249, 279
- Стшалковский 184
- Сукин О.И. 185
- Суховеенко П. 328, 329, 330, 338, 342, 344, 345, 354, 357, 360, 363, 366
- Т
- Талызин И. 248, 264
- Тарбеев Г. 78
- Телепнев И. 231
- Телеш-ага 224, 255
- Тетеря П. 41, 58, 116, 118
- Тихановецкий М. 122
- Толочанов С. 265
- Тонокаев Ф. 279
- Трашкевич Я. 346
- Трубецкой А.Н. 94
- Тукальский И. 256, 295, 296, 302
- Тяпкин В.М. 80, 82–83, 104, 121, 224, 227, 228, 250, 287–289, 292, 294–296, 298–300, 302, 361, 367, 374, 411–413
- У
- Уманец Ф. 307, 324
- Ушаков Б. 225–226, 250
- Ф
- Фальборг Б. 423, 429
- Филимонович М. 288, 301, 302, 305, 306, 333–334
- Филипп IV 201
- Форстен Г.В. 429
- Фредерик III 90, 96, 97, 100, 212–213
- Фредро А.М. 263, 390, 409

- Фридрих Вильгельм, курфюрст 90,
91, 98, 99, 113, 120, 168, 205,
206, 213, 389, 392, 401
- Фролов Е. 58
- Х
- Ханенко М. 330, 363
- Хапчинский Я. 334
- Харлинский 258
- Хилькевич В. 172
- Хитрово Б.М. 22, 94, 131, 355,
356, 367
- Хитрово Я.Т. 285
- Хмельницкий Б. 47, 49, 148, 233,
249, 268
- Хмельницкий Ю. 49
- Хованский И.А. 51, 63, 124–125
- Ховербек И. 90, 120, 389, 403, 412
- Ходжа Темир мурза 290
- Хоменко М. 158
- Храповицкий А.Я. 41, 73, 77, 167,
168, 170
- Ч
- Чарнецкий С. 58, 64, 68, 69, 71, 75
- Чекаловский Ф. 295
- Черкасский Я.К. 22, 51, 59, 62, 63,
64, 65, 66, 72, 76
- Чернавский 146
- Четвертинский Д. 371
- Ш
- Шверин О. 401
- Шемай 279
- Шереметев В.Б. 190
- Шереметев П.В. 147, 149, 151, 157,
166, 172, 173, 174, 177, 218, 220,
221, 230, 231, 232, 237, 238, 240
- Ширецкий С. 386
- Ширины 178, 342, 346
- Шматковский И. 308
- Шубин К. 57
- Шумовский Я. 30, 32
- Шютте Б. 47, 48, 114
- Щ
- Щербатов К. 158, 166, 172, 173,
313
- Щит Ю. 153, 161, 163, 169, 170, 183
- Э
- Эберс А. 45, 110, 112
- Эберщельд А. 216–217, 409, 419,
422, 428–429, 438
- Эйнгорн В.И. 10, 287, 333, 355, 368
- Энгиенский, герцог 105
- Ю
- Юрьев Е. 409
- Я
- Якоб, герцог курляндский 205,
422, 423
- Якубенко 302
- Ян Казимир 11, 13, 14, 17–18, 20,
22, 25, 27, 33, 37, 40, 42, 52, 57,
58, 59, 63, 67, 70, 83, 86, 87, 91,
94, 99, 105, 107, 110, 113, 120,
121, 133, 134, 142, 153, 164,
179, 185, 198, 207, 222, 248,
251, 252, 254, 258, 262, 263,
264, 265, 270, 275, 277, 278,
283, 284, 285, 347, 348, 369,
373, 374, 376, 378, 379, 383,
384, 387, 390, 391, 396, 408,
412, 423, 424, 425, 426

Научное издание

Борис Николаевич Флоря

Внешнеполитическая программа
А.Л. Ордина-Нащокина
и попытки ее осуществления

Корректор *М.Н. Толстая*
Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right
to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
e-mail: **nina_dom@mtu-net.ru**
or by tel./fax: **+7 495 959-21-03**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
28 п. л. Тираж 800 экз.
Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6